

ХЕНДРИК ФЕРТЕН

В ОГНЕ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

**ВОСПОМИНАНИЯ ДОБРОВОЛЬЦА
ВОЙСК СС**

**ЖИЗНЬ
И СМЕРТЬ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

Хендрик Фертен

**В ОГНЕ
ВОСТОЧНОГО
ФРОНТА**

*Воспоминания добровольца
войск СС*

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2009

Оформление художника *П. Волкова*

Перевод с английского *М. Свириденкова*

Фертен Х.

Ф 43 В огне Восточного фронта. Воспоминания добровольца войск СС / пер. с англ. М. Свириденкова. — М. Яуза-пресс, 2009. — 448 с.

ISBN 978-5-9955-0024-7

Летом 1941 года в составе Вермахта и войск СС в Советский Союз вторглись так называемые «национальные легионы» фюрера — десятки тысяч голландских, датских, норвежских, шведских, бельгийских и французских *freiwilligen* (добровольцев), одурманенных нацистской пропагандой, решивших принять участие в «крестовом походе против коммунизма».

Среди них был и автор этой книги голландец Хендрик Фертен, добровольно вступивший в войска СС и воевавший на Восточном фронте — сначала в 5-й танковой дивизии СС «Викинг», затем в голландском полку СС «Бесслейн» — с 1941 года и до последних дней войны (гарнизон крепости Бреслау, в обороне которой участвовал Фертен, сложил оружие лишь 6 мая 1945 года). Эти мемуары — «окопная правда» по-эсэсовски, жестокий рассказ об ужасах войны и погибших товарищах, о боях и походах, победах и поражениях, о жизни и смерти на Восточном фронте.

ББК 63.3

ISBN 978-5-9955-0024-7

© Свириденков М., пер. с англ., 2008
© ООО «Яуза-пресс», 2009

От переводчика

ПАЛАЧИ ИЛИ ДОБРОВОЛЬЦЫ?

Эту книгу без преувеличения можно назвать уникальным явлением на российском книжном рынке. Возможно, это самое достоверное свидетельство из первых рук о том, что представляли собой войска СС. Конечно, автор крайне тенденциозен. У меня создалось впечатление, что он и по сей день остался убежденным национал-социалистом, для которого Гитлер — почти мессия. Но именно благодаря этому перед читателем глубоко и детально раскрывается психология типичного рядового бойца войск СС.

Палачи, военные преступники, выродки... Как только не называли таких солдат после войны. Но действительно ли были таковыми все те, кто служил в войсках СС?

Ответить на вопрос вовсе не так легко, как может показаться на первый взгляд.

С одной стороны, на Нюрнбергском процессе войска СС были признаны преступной организацией. И для этого имелись довольно веские основания. Пропитируем лишь небольшой отрывок из приговора Международного военного трибунала:

«Ведомство СС по вопросам расы и переселений совместно с «фольксдойче миттельштелле» проявляли активность в осуществлении планов германизации оккупированных территорий в соответствии с расистскими принципами нацистской партии и были причастны к

депортации евреев и других лиц ненемецкой национальности. Подразделения войск СС и эйнзатцгруппы, действовавшие непосредственно под руководством Главного управления СС, использовались для осуществления этих планов.

Эти подразделения были также замешаны в широко распространенных убийствах гражданского населения и жестоком обращении с ними на оккупированных территориях. Под предлогом борьбы с партизанскими отрядами подразделения СС уничтожали евреев и лиц, которых СС считали политически нежелательными; их отчеты свидетельствуют об уничтожении огромнейшего числа людей. Дивизии войск СС ответственны за множество убийств и зверств на оккупированных территориях, как, например, за резню в Орадуре и Лидице.

При этом, наверное, каждый из живущих в России знает из рассказов старшего поколения о том, какие именно зверства творили эсэсовцы на русской земле и как они сжигали целые деревни вместе с жителями. Это подтверждается и многочисленными документальными источниками.

С другой стороны, объективности ради, следует заметить, что в массовом сознании термины «войска СС» и «общие СС» воспринимаются как равнозначные понятия, что исторически неверно. В частности, полицейская деятельность и охрана лагерей осуществлялась в основном именно «общими СС». В то время как войска СС (Ваффен-СС) представляли собой уникальную военную организацию, которая являлась вооруженной организацией нацистской партии, но при этом оперативно входила в состав вермахта. Таким образом, войска СС изначально в равной мере совмещали в себе черты политической организации и элитного армейского формирования, а с течением Второй мировой

наблюдался даже некоторый перекося в сторону последнего. На основании этого я, конечно, поостерегся бы называть всех бойцов войск СС «солдатами, такими же, как и другие». Но определенная часть из них действительно была ближе к бойцам вермахта, чем к надзирателям концлагерей из «общих СС».

Особенно это касается иностранных добровольцев. Их появление в войсках СС во многом было вызвано нежеланием вермахта уступать новоиспеченным войскам свою долю немецких призывников. После кампании 1940 года под властью Третьего рейха оказалось значительное число так называемых германских народов: голландцев, фламандцев, норвежцев и датчан. Именно за их счет и были серьезно пополнены ряды войск СС.

Какие мотивы привели этих молодых людей к совершению такого выбора? Неужели все они были потенциальными палачами и вырожденками? Наверное, нет. В этой книге автор дает нам свое объяснение того, чем руководствовались европейские добровольцы, вступая в войска СС. Его версия несколько тенденциозна, но, возможно, недалеко от истины, если учесть, насколько активно на Западе в 30-е годы шла пропаганда «красной угрозы». Впрочем, предоставляю разобраться в этом самому читателю этой книги.

Тем не менее подчеркну заранее, что мемуары г-на Фертена ни в коем случае нельзя рассматривать как объективное историческое исследование. В частности, говоря о причинах Второй мировой войны и ее начальном этапе, автор раскрывает перед нами не объективную историческую последовательность событий, а преимущественно смесь нацистской пропаганды и сентенций раздосадованного реваншиста. Однако именно этим данные главы и интересны, поскольку по ним

мы можем довольно точно судить о том, как гитлеровская идеология объясняла причины и цели крупнейшего в мировой истории военного конфликта. И здесь мы сталкиваемся с виртуозной, хотя при этом нередко и грубой подтасовкой фактов, на которую купились миллионы людей как в Германии, так и в европейских странах.

Наиболее откровенные неточности и фальсификации я по мере своих сил старался раскрывать в примечаниях. Тем не менее читателю, желающему детально разобраться в проблеме, я порекомендовал бы изучить параллельно с данной книгой какое-нибудь серьезное исследование о подоплеке и ходе Второй мировой войны. Например, книгу Уильяма Ширера «Взлет и падение Третьего рейха», которую многие историки признают одной из лучших книг по данной проблеме.

Скажу еще несколько слов о Хендрике Фертене. Из повествования нам становится понятно, что он с детства воспитывался на идеологии если и не нацистской, то близкой к ней и очень прогерманской. Это отчетливо отражается и на его образе мышления. Так, он на полном серьезе может утверждать: «...добровольцев практически ничего не связывало с национал-социалистической идеологией. Уроки политподготовки проходили среди них всего один раз в неделю и длились один час». Согласитесь, ведь и один час в неделю — это не так уж мало. При этом дополнительная «политподготовка» всегда исподволь проходила в войсках СС и во время других занятий. Но автор не воспринимал это как чуждую ему и навязчивую пропаганду. А это говорит о многом.

Кроме того, как бы ни старался г-н Фертен писать политкорректно, но между строк явно ощущается его пренебрежение, а то и презрение к народам, которые

Гитлер объявил неарийскими. И к русскому народу в особенности (причем под русскими в большинстве случаев подразумеваются все национальности Советского Союза). Говоря о наших соотечественниках, автор преимущественно вспоминает о нищете, вшах и частенько употребляет слово «варвары». Наступление Красной Армии на Германию он вообще называет «азиатским вторжением, угрозавшим не только Силезии, но и всей Европе». Таким образом, даже помимо своей воли, он абсолютно откровенно раскрывает перед вдумчивым читателем, как мыслили и к чему стремились бойцы войск СС в своем большинстве.

В связи с этим уместно вспомнить речь Гиммлера на совещании группенфюреров СС в Познани 4 ноября 1943 года. Приведу лишь фрагмент из нее:

«...Лишь один принцип должен безусловно существовать для члена СС: честными, порядочными, верными мы должны быть по отношению к представителям нашей собственной расы и ни к кому другому... Живут ли другие народы в довольствии или они подышают с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку они нужны нам как рабы для нашей культуры; в ином смысле это меня не интересует.

Если десять тысяч баб упадут от изнеможения во время рытья противотанковых рвов, то это будет интересовать меня лишь в той мере, в какой будет готов этот противотанковый ров для Германии. Ясно, что мы никогда не будем жестокими и бесчеловечными, поскольку в этом нет необходимости. Мы, немцы, являемся единственными на свете людьми, которые прилично относятся к животным, поэтому мы будем прилично относиться к этим людям-животным, но мы совершим преступление против своей собственной расы, если будем о них заботиться и прививать им

идеалы с тем, чтобы нашим сыновьям и внукам было еще более трудно с ними справиться... Это как раз то, что я хотел внушить СС и, как я полагаю, внушил в качестве одного из самых священных законов будущего: предметом нашей заботы и наших обязанностей является наш народ и наша раса, о них мы должны заботиться и думать, во имя них мы должны работать и бороться и ни для чего другого... Я хочу, чтобы СС именно с данной позиции относилось к проблеме всех чужих, негерманских народов, и, прежде всего, к русскому».

Боюсь, что автор данной книги придерживается сходных идеалов, может быть, лишь менее радикальных. Конечно, он о многом умалчивает в своей книге, что отчетливо видно даже по тому, что из повествования выпадают некоторые продолжительные периоды войны. Но не буду обвинять г-на Фертена голословно. Тот, кто прочтет книгу, сделает собственные выводы. А на вопрос, поставленный в заглавии своего вступления, я так и не смог ответить для себя однозначно. Но склоняюсь я все-таки к тому, что палачей в войсках СС было больше, чем добровольцев.

*Максим СВИРИДЕНКОВ,
писатель, лауреат еженедельника
«Литературная Россия»*

ПРОЛОГ

Большая часть документов, хранящихся в мировых архивах, по сей день остается скрытой от широких масс. Если эти данные когда-либо будут обнародованы, мы наверняка узнаем, что многие события происходили совершенно иначе, чем нам представляется сегодня. Тем более что большинство историков вольно или невольно пишут свои исследования, ориентируясь на политическую ситуацию и сложившиеся в обществе стереотипы. Этому влиянию в особенной степени подверглась тема Второй мировой войны. Все ее события ныне принято рассматривать исключительно с точки зрения победившей стороны. И здесь, пожалуй, страдает прежде всего правда.

В жизни, а тем паче на войне невозможно однозначное деление на тьму и свет, на правых и виноватых. Будучи свидетелем тех событий, я описываю их так, как воспринимал их сам. Вполне естественно, что я не претендую на истину в последней инстанции. Тем не менее мне хотелось бы, чтобы читатель, прежде чем соглашаться или спорить с моими оценками, попробовал взглянуть на описываемые события через призму того времени, когда они происходили. Поколение, к которому я отношусь, мало могло повлиять на их ход. Но мы поступали так, как нам тогда казалось правильным.

Уже сегодня большинство живущих знает о Второй мировой войне только по рассказам близких и из книг. Пройдет немного десятков лет, и живых свидетелей этого грандиозного события вообще не останется. Тем

не менее этот конфликт и то, что последовало за ним, повлияли на все современное мироустройство, на психологию общества. Я позволил себе подробно остановиться на некоторых из таких моментов.

Также повествование в этой книге невольно переплетается с историей моей семьи, чьи корни лежат во Франции и Голландии. Впрочем, здесь я не все знаю столь подробно и достоверно, как мне хотелось бы, а потому наиболее подробно рассказываю о том, что происходило, начиная с 30-х годов XX века. Это было суровое время, когда люди не раз теряли все, что они имели, и им приходилось начинать жизнь с нуля. Однако люди той эпохи не утрачивали мужества, благодаря чему им и удалось пережить выпавшие на их долю испытания.

Рожденные сегодня могут быть благодарны судьбе за то, что они живут в относительно спокойную эпоху без глобальных войн. Но им тоже следует знать о периоде истории, который предшествовал этому. В моей книге вы, конечно, не найдете исчерпывающей картины. Но здесь живая история событий тех лет глазами их очевидца. История моей семьи и моей войны.

Глава первая

ОТКУДА РОДОМ?

В начале 1982 года 150 семей, носящих фамилию Фертен, собрались вместе на голландском острове Схоувен-Дейвеланд. Почти все они прибыли из различных уголков Голландии, но было также и несколько человек, приехавших на встречу из Германии. Эти семейства осели в немецком городе Бад-Годесберг в 1949 году и были единственными в Германии людьми с этой фамилией. Каковы же истоки и сколь долго длится существование рода Ферте-нов?

Десятилетия поисков позволили обнаружить корни фамилии во Франции. Крохотный городок Фертен с населением всего в 1200 человек существует там буквально «с начала времен». В I веке римляне основали город *Фертену* на побережье пролива в сорока километрах южнее города Булонь-сюр-Мер. Со временем местоположение города Фертен немного переместилось, и теперь он находится в шести километрах от моря. Но, что удивительно, во всей Франции нет семей с фамилией Фертен. Как и почему все представители этого рода перебрались в Голландию?

Прояснить картину помог господин Е. Риз, в ходе своих исследований установивший, что Фертены входили в религиозно-военный рыцарский Орден Там-

плиеров, который был основан в 1119 году¹ В тот период представители фамилии перебрались в отдельное военное поселение и построили громадный замок-крепость «де Фертен». С течением времени их богатство стало столь огромным, что это спровоцировало появление у них многочисленных врагов. Тем более что на пике своего финансового могущества предки рода Фертенов стали кредиторами не только многочисленной высшей знати и правителей, но и самого папы римского.

Неудивительно, что король Филипп, правивший Францией с 1285-го по 1314 год², будучи самым крупным должником ордена, решил покончить с влиянием тамплиеров и, в том числе, уничтожить Фертенских рыцарей. По приказу короля были арестованы магистр ордена Жак де Моле и многие другие влиятельные тамплиеры. Допросы проводились под пытками, благодаря чему Филиппу и удалось добиться нужных ему показаний. В результате суд, негласно подчиненный королю, приговорил руководителей ордена к сожже-

¹ Официально орден назывался «Тайное рыцарство Христово и Храма Соломона». В Европе он был более известен как Орден рыцарей Храма, поскольку его изначальная резиденция находилась в Иерусалиме, на месте, где, по преданиям, прежде располагался храм царя Соломона (к слову, «tample» с французского переводится как храм). На печати тамплиеров были изображены два рыцаря, скачущих на одной лошади, что должно было говорить о бедности и братстве. Однако это не помешало тамплиерам к XII веку стать обладателями неслыханных богатств и начать ссужать деньги обедневшим монархам, при этом влияя на государственные дела. Тамплиеры первыми ввели банковские чеки и бухгалтерские документы. По сути, именно они стояли у истоков современного банковского дела. Сегодня имя ордена обросло легендами и стало предметом не только серьезных исследований, но и многочисленных псевдоисторических спекуляций. — *Прим. пер.*).

² Речь идет о Филиппе IV Красивом, короле, при котором средневековая Франция, по мнению ряда историков, достигла пика своего могущества. — *Прим. пер.*

нию на костре. Немногим представителям рода Фертен-нов удалось бежать в Голландию. Вероятнее всего, они покинули Францию, переправившись по Английскому каналу. Начав путь от пролива Па-де-Кале, самой узкой части Ла-Манша, между Дувром и Кале, они достигли берегов Голландии и южных областей Зеландии. Роду Фертен-нов предстояло поселиться на этих омываемых морем землях, лежащих в устьях рек Рейн, Шельда и Маас.

Фертен-ны очень быстро освоились здесь и почувствовали себя, как дома. Их элегантный французский язык вскоре сменился голландским. Представители фамилии становились рыболовами, фермерами и торговцами, усваивая местные обычаи и становясь уважаемыми членами общества своей новой страны. Большинство Фертен-нов осталось на острове Схоувен-Дейвеланд, лежащем на западе в дельте вод, текущих с востока.

Небольшой средневековый городок Зирикзе к тому времени приобрел роль коммерческого и культурного центра острова. Начиная с XIII века, он стал наиболее важным центром на юге страны, а кроме того, был одной из стратегических твердынь во время Фламандской войны. Минули века, и в 1789 году с криками «Liberté, Egalité, Fraternité»¹ французские солдаты грабили все ценное, что находили в роскошных аристократических домах. В 1810 году вся Голландия была аннексирована Францией. Происшедшее привело к катастрофе. Вскоре император Бонапарт занялся подготовкой к русской кампании. Молодых голландцев массово забирали в наполеоновскую армию, не спрашивая их согласия. Для сравнения: во время Второй мировой те голландцы, что воевали за Германию, делали это только на добровольных началах. Однако в начале XIX века у молодых людей не было выбора. В ре-

¹ Свобода, Равенство, Братство (фр.). — Прим. пер.

зультате из 30 000 голландских солдат, направленных в Россию летом 1812 года, весной 1813-го домой вернулись лишь несколько сотен.

Схоувен-Дейвеланд до сих пор окончательно не оправился от этих событий двухсотлетней давности. Но, даже лишившись значительной части мужского населения, голландцы, оставшиеся на острове, должны были продолжать жить. Эти люди продолжали самозабвенно работать, осваивая самые передовые для того времени технологии и действуя в соответствии со своим менталитетом, в котором сочетались любовь к упорному труду, христианские идеалы и сильные консервативные традиции. Неудивительно, что духовная культура голландцев в тот период была крайне закрытой от внешних влияний.

Мой дед родился 12 января 1850 года в деревне, которая называлась Дрейсхор. Она лежала в пяти километрах к северу от Зирикзе и была защищена массивной дамбой. Согласно воле родителей моего деда, церковный регистратор записал его христианское имя как Ян Адриан Маттейс. Ближайшие родственники моего деда были руководителями *польдеров*. Польдер — это голландское обозначение крохотных островков или участков суши, окруженных водой и защищенных дамбой. Среди родни были представители администрации, осуществлявшие контроль над дамбами, церковные служители, члены городского совета и управляющие мельницами, расположенными на острове.

Повзрослев, Ян А.М. Фертен стал часовым мастером и ювелиром. При этом он был специалистом и по другим техническим новинкам. В результате его выгодный талант заработал ему прозвище «золотой самородок». В то время карманные и настенные часы считались статусным атрибутом. Мой дед в короткое время начал снабжать часами весь Схоувен-Дейве-

ланд. Потом он женился на Корнелии Марии Эвервейн и переехал с ней в большой город Зирикзе. 30 марта 1884 года у них родился мой отец Хендрик Корнелиус.

Между тем техническая эра завоевывала свои позиции. Все большим спросом пользовались швейные машинки и велосипеды, а специалисты, умевшие ремонтировать их, становились крайне востребованными. Таким образом, бизнес деда преуспевал. Мой отец, когда подрос, также стал помогать в семейном деле. Он продавал швейные машинки в соседних деревнях и на окрестных фермах. Каждый раз ему приходилось проходить не одну милю с машинкой, привязанной за спиной. Поэтому, когда мой отец вспоминал о «старых добрых временах», его не переполнял особый восторг. Несмотря на все изменения, происходящие в мире, Зирикзе в годы его молодости по-прежнему оставался «средневековой провинцией, где застыло время», как всегда говорили те, кто впервые оказывался в этом месте. Из-за этого у молодых людей, остававшихся здесь, не было шансов расширить свою культуру и занять какую-либо особенную профессиональную нишу.

Осознавая это, мой отец переехал в Амстердам, где нашел работу в химической лаборатории на резиновом заводе. Ему было 28 лет, когда его ровесница из этого города привлекла к себе его внимание настолько, что он предложил ей руку и сердце. Ее звали Луиза Адольфия Ламмерс. Мои родители поженились 7 июня 1912 года. В последующие годы у них родились две дочери и шесть сыновей, причем каждый ребенок рождался на новом месте. Девочки родились в 1914 и в 1916 годах, а мальчики в 1918, 20, 23, 27, 29 и последний — в 1935-м. Роды всегда проходили дома. Аист с помощью районной медсестры исправно приносил новых Фертенгов, подобно тому, как мой дед и отец приносили покупателям швейные машинки!

Глава вторая

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И МИР ПОСЛЕ НЕЕ

Первая мировая война началась 1 августа 1914 года. Она охватила многие страны, и в ходе нее было пролито много крови. Голландии, однако, удалось сохранить нейтралитет. Тем не менее мой отец был призван в армию, чтобы защищать границы страны в случае возможного вторжения. Голландия только на первый взгляд оказалась в стороне от той войны. В стране тогда также происходила всеобщая мобилизация, а по ее экономике ударили коммерческие ограничения в международной торговле, возникшие в связи с войной, и наплыв около миллиона бельгийских беженцев. Дело в том, что, согласно концепции Генерального штаба кайзера, немецкие войска должны были пройти через Францию и взять Париж. Но для этого им требовалось сначала пройти через Бельгию.

В 1917 году США, страна с мощнейшими резервами, вошла в войну против Германской империи. Только на следующий год, через четыре года кровопролитных боев и блокады, которая привела к голоду, Германия, наконец, сложила оружие. Все это время ей приходилось воевать против двадцати восьми государств, шесть из которых обладали огромной мощью. Кайзер Вильгельм II Гогенцоллерн и кронпринц сбежали в Голландию. Так закончилась роль кайзера в истории.

Голландия ответила отказом на запрос Антанты об экстрадиции Вильгельма II, ссылаясь на «право политического убежища». При этом королева Нидерландов Вильгельмина тут же порвала дипломатические отно-

шения с германской монархией, крайне не одобряя бегство кайзера. Только ее муж принц Хендрик (Генрих Мекленбург-Шверинский) и их дочь Юлиана продолжали поддерживать отношения с домом Гогенцоллернов, к которому Юлиана была очень лояльна и впоследствии, когда стала королевой.

Каковы же были скрытые причины Первой мировой войны? В начале XX века Германия по всему миру обладала коммерческой монополией на ряд товаров. Ценные немецкие технические изобретения имели международное значение. У сельского хозяйства и индустрии Германии не было проблем, и их конечный продукт первоклассного качества экспортировался по низкой цене. У Германии были колонии в Африке, Тихоокеанском регионе и в Азии. Немецкие корабли бороздили мировые моря. При этом Великобритания также была страной, издавна процветавшей, благодаря экспорту своих товаров, и ей «не нравилось видеть подобную картину».

Франция, утратившая Эльзас и Лотарингию после Франко-прусской войны 1870—1871 гг., никак не могла смириться с этим. Эта страна вовсе не искала дружественного сближения с Германией, а наоборот, лихоградошно вооружалась, в то время как ее газеты призывали к реваншу. Против Германии заключались военные договоры до тех пор, пока она не была полностью окружена. В конечном счете даже русский великий князь Николай Николаевич, обмениваясь тостами с высшими французскими офицерами, провозгласил: «За нашу общую будущую победу и нашу последующую встречу в Берлине!» После войны президент США Вудро Вильсон вопрошал: «Существует ли хоть один человек среди живущих, кто не знает, что причина войны в современном веке — это чисто коммерческая конку-

ренция?» Первая мировая была войной торговли и экономики.

Между 1871 и 1914 годами Германия не вступала и не была ответственна ни за одну войну. Однако другие «свободно живущие народы» в то время навязывали Германии внешнюю политику и свои законы. Согласно Карлу фон Клаузевицу, «война, прежде всего, лишь продолжение политики, хотя в ней и используются другие методы». Россия воевала с Турцией, Турция — с Италией. Япония воевала с Россией, а Греция с Турцией. Британия воевала с Индией, Южной Африкой и Египтом. Испания вступила в войну против США, а США — против Гаити. Франция воевала с Тунисом, Марокко и Мадагаскаром, а Голландия — с султанатом Ачех в Индонезии.

Тем не менее Германская империя после поражения в войне 1914—1918 годов стала расцениваться миром как главный источник военных конфликтов. Страна должна была заплатить за это. Версальский договор, подписанный в Компьенском лесу к северу от Парижа, обрекал Германию на инфляцию и бедность. Этот «мирный договор» был не чем иным, кроме как продолжением войны. Германская империя, как коммерческий конкурент, должна была быть уничтожена. Результатом этого решения стали репарации, революции и безработица.

Без какого-либо официального согласования область Эльзас-Лотарингия была возвращена Франции. Польша получила Познань, а также территории Западной Пруссии. Помимо этого ей фактически была обещана часть Померании. Австро-Венгерская империя была разрушена и разделена на Австрию, Венгрию и Чехословакию. Причем в состав Чехословакии оказалась включена Судетская область. Колонии Германии

были отторгнуты от нее и позднее поделены между собой «победителями» на основе системы мандатов Лиги Наций. Данциг с его 97 процентами немецкого населения, являвшийся не только членом гильдии торговых городов, но также дверью на Балтику, был фактически отдан Польше.

Неудивительно, что такой передел мира стал бомбой замедленного действия, что явилось одной из причин следующей великой войны. В ходе получения репараций было достаточно малейшей задержки в поставках угля из немецких шахт или леса из немецких лесов, чтобы Франция тут же отправила в Рур пять дивизий французских и бельгийских солдат. За этим следовали многочисленные аресты, окончательно выбивавшие почву из-под ног у изнуренного от голода и холода населения. Французские офицеры ощущали себя хозяевами улиц, ударами загоняя людей в сточные канавы.

«Победители» делали все, что могли, чтобы провести в жизнь Версальский договор. Этим они сами разжигали настроения протеста среди нового поколения Германии, что в конечном счете и вылилось в национал-социалистическое движение, которое возглавил Адольф Гитлер. Поэтому будет вполне справедливым возложить ответственность за установление, начиная с 1933 года, диктатуры в Германии на мирный договор 1919 года.

Между этими двумя событиями в барах и увеселительных заведениях Западной Европы распространялся так называемый американский стиль и джазовая музыка. Впрочем, влияние этого стиля не ограничивалось подобными местами. К негодованию консервативно настроенной части населения, он начал проникать во все сферы жизни. Однако такая популярность всего американского неожиданно закончилась в 1929 году

крахом Уолл-стрита, вызванным обвальным падением цен на акции. Словно лесной пожар, экономический кризис стремительно охватил весь земной шар, что стало началом Великой депрессии. К концу 1929 года насчитывалось уже 30 миллионов безработных. Биржевые маклеры и спекулянты захватили власть над ситуацией под носом у безвольных правительств. Германия стала страной двух классов: богатых и бедных.

Голландия, будучи государством с развивающейся индустрией и более независимой от мировой экономики, чем многие другие европейские страны, тем не менее не смогла избежать последствий глобального кризиса. Из 8,8 миллиона населения почти миллион оказался безработным, несмотря на то, что Голландия обладала колониями в Ост-Индии, которая ныне называется Индонезией. Социальный климат стал катастрофическим, благосостояние населения стремительно падало.

В семьях безработных мясо появлялось на столе всего один раз в месяц, причем лишь в тарелке отца семейства. Безработные питались горячей едой только два раза в неделю. У детей в таких семьях, как правило, было всего по одной паре нижнего белья. И когда мать стирала его, они должны были оставаться в кровати. Иногда так проходил весь день, пока белье не высохло. Если безработного заставляли в кинотеатре, размер его пособия по безработице сокращался. А те, кому еще не исполнилось двадцати одного года или было больше шестидесяти, вообще не могли рассчитывать ни на какую финансовую поддержку со стороны государства. При этом правительство скорее усугубляло социальные проблемы, нежели боролось с ними. Размер пособия по безработице неоднократно серьезно сокращался.

В июле 1934 года, чтобы выразить свой протест против этого, рабочие организовали демонстрацию на улицах Амстердама. Силы армии и военного флота бы-

ли привлечены для помощи полиции в подавлении массовой акции протеста. Демонстрации проходили по всей Голландии, а не только в Амстердаме. В тот же день при столкновении танков с демонстрантами погибли семь человек, а более двухсот были ранены. Власти полностью пренебрегли столь значимыми для голландцев либеральными ценностями и ответили насилием на голос общественного мнения.

В 1933 году мятеж разгорелся даже в ост-индском военно-морском флоте Голландии. Команда одного из боевых кораблей, броненосца береговой обороны «Семь провинций» («De Zeven Provinciën»), подняла восстание в водах Ост-Индии после того, как их заработная плата была значительно сокращена. Но это не изменило решения властей. Голландское правительство отдало приказ уничтожить корабль. Он был атакован силами остального флота, и двадцать членов команды погибло.

Правда, нужно сказать, что нам, детям, жившим со своими родителями в Зирикзе, это событие не показалось сколь-либо важным. У нас были другие проблемы. К примеру, учеба в школе.

Школьное здание казалось нам гигантским, тем более что мы сами тогда были маленькими. Потолки в нем были высокими, как во дворце. По крайней мере, у нас были именно такие ассоциации. На белых стенах нашей классной комнаты пестрели разноцветные карты. Она была заставлена громоздкими партами, а учительский стол возвышался на небольшом помосте. Позади него на стене была огромная классная доска с меловыми пятнами. Над ней висел портрет «матери нашей земли» королевы Вильгельмины. Впрочем, на нем она была изображена еще молодой, хотя в действительности к тому моменту королеве было уже немного за пятьдесят.

Наш учитель, человек мудрый и уважаемый, всегда держал наготове розги и таким образом добивался от нас дисциплины. Подобные методы воспитания в ту пору не то чтобы оправдывались, но считалось, что нам от них не будет вреда. Мейстер Тэн Хааф был человеком суровым, но справедливым, и мы любили его. Он знал, как увлечь нас, особенно на уроках истории. Приняв театральную позу, он захватывал наше воображение, рассказывая о Наполеоне Бонапарте. Затаив дыхание, мы ждали, когда учитель сделает паузу, перед тем как привести нам слова этого корсиканского генерала, обращенные к его армии перед египетскими пирамидами.

— Солдаты! Сорок веков смотрят на вас сегодня с высоты этих пирамид! — вдохновенно произнес учитель.

В этот момент ему не хватало только знаменитой треуголки Бонапарта.

Такие рассказы очень много значили для нас, тогдашних школьников. Мы жили, радовались, боялись и страдали вместе с Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой на протяжении всей их биографии от галантной эпохи до диктатуры якобинцев. Вместе с наполеоновской Великой Армией мы переживали жесточайшее сражение под Прейсиш-Эйлау и «завоевывали» славу побед в битвах при Фридланде и Аустерлице. Оставаясь в нашей классной комнате, мы «потели» от жары в долине Нила. И точно так же вместе с Бонапартом мы «замерзали» от жестоких морозов Смоленска и Березины. Мы прониклись особой гордостью, когда узнали, что наши деды также сражались в шапках из медвежьей шкуры с красными кокардами великой армии Наполеона. Сидя в теплом и уютном классе тридцатых годов, мы не могли знать, что через несколько лет некоторые из нас будут точно так же замерзать среди

бескрайних русских равнин в головных уборах с эмблемой «мертвая голова».

О том, что Наполеон оставил после себя Европу в руинах, нам не говорилось. Нас учили тому, что он французский национальный герой и великий император, чьим последним приютом стала мраморная усыпальница неподалеку от Елисейских полей. Наш учитель был убежден, что появление Бонапарта осчастливило мир и что этот полководец был одной из самых значительных личностей в мировой истории.

Рассказы о великой армии разжигали наш энтузиазм. Желая походить на тех, кто был в ее рядах, мы маршировали по окрестности с деревянными винтовками в плащах с капюшонами и штурмовали земляные валы, окружавшие луга. Такие валы возводились, чтобы обезопасить овец и коров в случаях подъема уровня воды. Поскольку я был единственным, у кого была не деревянная, а пневматическая винтовка (правда, давно уже не работавшая), то именно я и возглавлял нашу ватагу. Вместо боеприпасов мы использовали комья глины и корнеплоды. После дождей низкие луга зачастую были полны воды, и мы тоже оказывались промокшими и грязными. Коровы не обращали на нас внимания и не пугались наших воинственных криков. И только когда наша атака обращала их в бегство, они выражали свое возмущение недоуменным мычанием.

Для нас, «детей природы», остров, на котором мы жили, был раем, который полностью принадлежал нам. Там не было туристов, и мы знали каждый угол, каждый задний двор. Все фермеры также знали нас. Крытые соломой фермерские дома из красного кирпича всегда стояли поодиночке, защищенные от ветра высокими деревьями. Окаймленные заполненными водой канавами и зелеными лугами, огороды отделяли дома от конюшен и сараев. Кроме того, вокруг огородов росли

флоксы, аромат которых смешивался с запахами сена и навоза. Мы любили играть в теплых сенных сараях, где пахло сухой травой. Нам особенно нравилось отважно прыгать с высоченной кипы сена на солому вниз. Помимо этого, именно среди крестьянских дворов мы получали и свои первые знания о предмете, представлявшем табу в то время, т. е. о сексуальной жизни. О ней нам ничего не рассказывали ни в школе, ни дома, но мы видели, как это происходит у животных на ферме, у лошадей и свиней. Голос матери природы подсказывал нам, что у людей все точно так же. И мы больше не верили в сказки об аисте, приносящем детей.

Таким образом, мы росли среди окружавшего нас скромного быта. Но мы были счастливы и не жаловались на жизнь, радуясь даже самым простым подаркам. Моей гордостью и радостью был старый велосипед, который благодаря моим стараниям и уходу блескел, словно новый. Для нас было привычным делом преодолевать на велосипедах расстояние в пятнадцать километров от Зирикзе до Хамстеде и Западного Схувена, где были самые широкие дюны и самый большой пляж во всей Голландии. Там, где не было естественных дюн, нашу землю от моря защищали массивные дамбы. Одна из них находилась неподалеку от Зирикзе. Каждый участок береговой линии, где была дамба, становился нашим плавательным бассейном. И пусть в таком бассейне дно не было уложено плиткой и вода не была теплой, а очень часто даже и холодной, зато он был огромным, и мы могли плескаться в нем столько, сколько хотели.

Во второй половине дня в среду нам не было нужно идти в школу. И если погода была хорошей, мы играли и плескались в воде среди водорослей и вертких медуз до самого захода солнца. При этом мы почти всегда могли наблюдать, как чайки и вороны выбирали клюва-

ми мидий между серо-зеленых камней дамбы и в полете бросали их на камни вниз, чтобы раскрылись створки их раковин.

Когда у нас не было с собой велосипедов, чтобы доехать домой, мы запрыгивали в открытый сенной вагон и ехали в нем, усталые и загорелые, накупавшиеся до одурения.

Глава третья

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Страны Антанты были убеждены, что после их успеха 1918 года западная модель демократии окончательно установилась. Когда истина всплыла наружу, последовали правительственные реформы, которые стали причиной грандиозного кризиса. В результате от западной модели демократии начало отворачиваться все большее число людей по всему миру.

Так было и в случае Италии. Хотя она и оказалась в числе «победителей», страна слишком страдала от коммерческих трудностей. Неожиданный переход на сторону Антанты и объявление войны Германии ей не помогли. И именно бедность повернула ее население к коммунизму. Большевицкое восстание на севере Италии угрожало перерасти в гражданскую войну. Эта угроза исчезла только в 1922 году, когда Бенито Муссолини пришел к власти и положил конец неразберихе в стране.

Значительная часть мира была полна энтузиазма насчет этого человека. В те времена экономической нестабильности «сильные люди» редко находились у власти. Те, кто посещал Италию, обнаруживали, что поезда там снова ходят по расписанию, что бедность исчезла и, прежде всего, в стране не стало безработных.

Британский премьер-министр Рамсей Мак-Дональд посетил Муссолини в 1933 году и тоже оказался в чис-

ле тех, кто воспринимал с энтузиазмом политику нового итальянского лидера, как, впрочем, и Уинстон Черчилль. Махатма Ганди, глава Индийского национального конгресса, в тот период охарактеризовал Муссолини как «спасителя Италии». В Голландии у Муссолини также было немало поклонников, включая многих выдающихся людей. Опубликованные в ведущей голландской газете «Альгемейне Ханделсблатт» результаты опроса показали, что Муссолини, как создатель итальянского фашистского государства¹, воспринимался об-

¹ Следует заметить, что итальянский фашизм того периода мало походил на гитлеровский национал-социализм. Причем применение к последнему термина «фашизм» устоялось преимущественно в советской литературе и публицистике, но по сути это исторически некорректно и скорее обусловлено политическими и пропагандистскими мотивами. В СССР даже прилагательное «национал-социалистический» зачастую писалось в форме «национал-социалистский», чтобы подчеркнуть разницу между гитлеровской и коммунистической идеологией. Тем не менее, слово «фашизм» изначально связывалось только с политикой Муссолини (на Западе в большинстве случаев так делается и до сих пор). В лексическое употребление этот термин вошел после того, как 23 марта 1919 г. Бенито Муссолини в Милане провел учредительное собрание новой организации «Союз борьбы» («Фашио ди комбаттименто»). В фашистской Италии изначально не было места расизму, и это государство было скорее авторитарным, нежели тоталитарным до тех пор, пока во второй половине 1930-х гг. не началось сближение Муссолини с Гитлером, что, впрочем, в немалой степени было спровоцировано другими европейскими державами. В частности, тем, что в ноябре 1935 г. государства, входившие в Лигу Наций (кроме США), из-за войны Италии с Эфиопией взяли на себя обязательства бойкотировать итальянские товары, отказывать итальянскому правительству в кредитах и запретить ввоз в Италию стратегических материалов. Германия же выступила тогда в поддержку Италии. А когда 19 февраля 1938 г. посол Италии в Лондоне обратился с заявлением о необходимости предотвратить захват Австрии нацистами, Великобритания и Франция не сделали никаких конкретных заявлений со своей стороны и не предприняли никаких мер. Гитлер же, несмотря на заявление Италии и то, что именно Муссолини помешал нацистскому перевороту в Австрии в 1934 г., упорно продолжал искать союза с Муссолини. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в конечном счете этот союз состоялся. — *Прим. пер.*

щественностью как второй величайший человек эпохи после изобретателя Эдисона.

Однако и Германия не могла оставаться в прежнем состоянии. Немецкий кайзер, бежав в Голландию, отрекся от престола и положил конец своей династии. В Голландии он обосновался в имении Дорн в провинции Утрехт, а некогда принадлежавшая ему Германская земля превратилась в медленно умирающее королевство. После двадцати лет, в течение которых Германией, сменяя друг друга, управляли тринадцать канцлеров, страна оказалась на грани банкротства, в ней было около 7 миллионов безработных. Немецкое население созрело для радикальных перемен в политике. Человеком, который после долгих лет борьбы, после сотен партийных заседаний в 1930 году все-таки вошел в немецкий парламент (рейхстаг) вместе со 107 другими демократически избранными политиками, был не кто иной, как Адольф Гитлер. Не прошло и трех лет, как 30 января 1933 года президент Германии Пауль фон Гинденбург назначил этого человека, австрийца по рождению, рейхсканцлером.

К тому моменту лидеру Национал-социалистической немецкой рабочей партии (оригинальное название: Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei, сокращенно: NSDAP) было 44 года. Подобно Наполеону, он был одержим своими идеями и стремлением к немедленным переменам. И ему удавалось добиться того, о чем он говорил. Спорам и раздорам высших государственных чинов, из-за которых Германия оказалась на грани банкротства, был положен конец. 23 марта 1933 года рейхстагом был принят «Закон о ликвидации нищеты народа и рейха», предоставивший правительству чрезвычайные полномочия. Таким образом, Гитлер обрел право осуществлять регулирование полити-

ки государства без согласования с парламентом. Среди депутатов, проголосовавших за этот закон, был и будущий президент ФРГ Теодор Хойс.

Скептики внутри страны и за ее пределами ждали дальнейшего развития событий, чутко улавливая каждую новость. Но миллионы идеалистов, а также те, кто стремился сделать карьеру, приспособленцы и желающие выехать на смене политического курса, стали стекаться под новое знамя в таких количествах, что невозможно было даже сразу принять всех желающих. Среди приспособленцев оказался и прусский принц Бернارد фон Липпе, позднее ставший мужем голландской королевы. Сначала он оказался в числе кандидатов в штурмовые отряды Гитлера, СА (нем. SA, сокращение от Sturmabteilung), но вступил в СС (нем. SS, сокращение от Schutzstaffeln — охранные отряды), что более соответствовало его социальному статусу. Членство в нацистской организации дало фон Липпе многие преимущества. При этом свои обязанности в организации он должен был выполнять наравне со всеми. В те годы принц Бернارد производил впечатление убежденного эсэсовца, однако в течение дальнейшей жизни он неоднократно менял свои взгляды.

Люди видели в Гитлере «мессию», поскольку он решил проблему с безработицей, остановил распространение коммунизма в Германии и освободил государство от цепей Версальского договора. Уже в первые дни 1935 года, а точнее 13 января, страна через референдум вновь обрела территорию Саары. 98 процентов населения Саарской области проголосовало за ее возвращение в состав Германии. В марте следующего года батальоны вермахта перешли Рейн и разместили на занятой территории свои гарнизоны. Таким образом

германская армия вернула себе земли, которые прежние «победители» объявили демилитаризованной зоной.

Немецкое население, подавленное поражением 1918 года и на долгие годы ставшее апатичным, вдруг снова активно включилось в социальную и коммерческую деятельность. 1936 год стал для немцев годом больших событий. Успехи страны отмечались выступлениями духовых оркестров и церемониями, на которых можно было увидеть и людей в униформе. Все чаще немцы праздновали «рихтфест» — древний немецкий праздник по случаю возведения кровли нового дома. При этом, согласно традиции, на крышу дома, перед тем как покрыть ее черепицей, водружали небольшое деревце, обвязанное разноцветными лентами. Более того, впервые за время существования германского государства рядовые люди получили возможность проводить отпуск за границей. Это стало возможным благодаря деятельности организации «Сила через радость» (нем. Kraft durch Freude), занимавшейся организацией досуга рабочих. Простой немец на борту комфортабельного современного лайнера мог совершить круиз к берегам Мадейры, Скандинавии или Италии. Для большинства населения такие поездки стали первыми в их жизни. Тем самым «богемский рядовой», как уничижительно называли Гитлера завистники, дал своему народу то, что не давали даже короли и богатые колониальные власти.

Приезжавшие в Германию иностранцы со всего мира были впечатлены. Гитлера посетили многие дипломаты и министры, в том числе бывший британский премьер-министр, один из «победителей», Ллойд Джордж. Его встреча с новым рейхсканцлером проходила в Оберзальцберге. Среди других людей, встречавшихся с Гитлером, как французской, так и британской сторо-

ны, были и те, кто воевал на передовой в годы Первой мировой войны. С визитом у Гитлера побывали и знаменитый американский пилот Чарльз Линдберг, и отрекшийся от престола король Великобритании, герцог Виндзорский Эдуард VIII. Французский посол Андре Франсуа-Понсе приезжал в Нюрнберг на встречу с Гитлером на начищенном до блеска черном государственном «мерседесе».

Уинстон Черчилль в 1938 году в послании к Гитлеру написал: «Если Англии будет суждено пережить такое же национальное бедствие, как пережила Германия в 1918 году, мы станем молить Бога, чтобы он послал нам человека, обладающего Вашей силой, волей и интеллектом».

Значительная часть зарубежной прессы в тот период также не удержалась от комплиментов в адрес Адольфа Гитлера. Британская «Дейли Экспресс», к примеру, восторгалась: «Этот человек проделал удивительную работу». Голландская газета «Телеграф» отмечала, что Гитлер покончил с угрозой коммунизма в Германии даже еще до того, как стал канцлером. Католическая газета Голландии «Тейд» выражала свое согласие с Гитлером в том, «что борьба против марксизма представляла собой борьбу на стороне жизни в поединке со смертью». Антиреволюционная голландская газета «Стандад» выразила свое мнение в следующей формулировке: «Свобода в Веймарской республике привела к крайностям, там стало не хватать набожности». А еврейская газета Голландии в 1938 году еще соглашалась с тем, что «нельзя отвергать все, что несет национал-социализм».

Вполне естественно, что были и другие мнения. Голландская коммунистическая газета охарактеризовала Гитлера как «нового канцлера, являющегося под-

ручным крупных немецких промышленников и деревенским мужланом из Восточной Пруссии». Дальше в статье высказывалось предположение, что национал-социализму вскоре придет конец, после чего коммунизм начнет свой победный марш, освобождая рабочий класс и ведя его к социалистической «Советской Германии».

Голландское население с интересом следило за происходящим и ждало дальнейшего развития событий. Большинство соглашалось с тем, что Германия поступила правильно, освободившись от цепей Версальского договора. Голландские правящие круги, однако, вскоре увидели и определенные невыгодные стороны в успехе Гитлера и Муссолини. А если говорить откровенно, власти просто испугались, что население начнет сомневаться в их собственных действиях по преодолению кризиса, об эффективности которых они громко заявляли везде, где только могли.

Для борьбы с ростом авторитета Гитлера в Голландии была развернута целая кампания. Распространялись слухи о том, что Германия приближается к банкротству, а Гитлер на грани смерти, поскольку он неизлечимо болен. Жившие в приграничных районах не верили таким рассказам. Многие из них подрабатывали на немецкой территории и видели происходящее там своими глазами. Правительство невольно способствовало этому. Если, будучи безработным, ты отказывался от предложенной тебе работы в Германии, голландские власти прекращали выдавать тебе пособие по безработице. Видимо, они полагали, что по-настоящему нуждающийся человек пойдет работать куда угодно. Подобные действия вредили престижу голландского правительства, но, действительно, позволили частично решить проблему безработицы. При этом

голландская пресса неизменно была готова печатать негативные статьи о Германии и публиковать соответствующие опросы общественного мнения. Успехи нового германского руководства умышленно замалчивались.

Впрочем, совсем иным было отношение голландских бизнесменов и коммерческих представителей. Впечатленные ростом немецкой промышленности, они стремились к плотному сотрудничеству с Германией, в чем видели обширные перспективы для Голландии. Через Бюро Риббентропа, называвшееся так по имени министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа, была основана Германо-Голландская ассоциация. Эта организация сосредотачивала свое внимание на деловых отношениях не только между двумя вышеназванными странами, но также и с остальными государствами Западной Европы.

Мой отец не раз посещал Германию, когда закупал машины в Менхенгладбахе, а также ведя переговоры с немецким синдикатом корпораций красильных материалов «И. Г. Фарбен»¹ Он был восхищен современными технологиями, представленными на выставках в Ганновере и Лейпциге. Будучи директором завода по

¹ Сегодня, говоря о деятельности этого синдиката при Гитлере, историки отмечают прежде всего, что именно на его предприятиях производился отравляющий газ «Циклон Б», который применялся для массовых казней евреев, а также цыган и советских военнопленных в газовых камерах лагерей смерти. Помимо этого, именно через открытую в США дочернюю компанию синдиката осуществлялась поддержка национал-социалистического движения американским капиталом. Более того, к 1939 г. корпорация «И. Г. Фарбен» давала 90 процентов притока иностранной валюты и 85 процентов всей военной и промышленной продукции, требовавшейся Германии для подготовки к мировой войне. (Подробнее см.: Borkin, Joseph. *The Crime and Punishment of IG Farben*. New York: Free Press, 1978.) Данные факты, возможно, и не имеют прямого отношения к семье автора данной книги, но все-таки наводят на определенные мысли. — *Прим. пер.*

производству резины, отец в дальнейшем нанял к себе на предприятие двух немцев: одного мастером, а другого инженером. Они оба были усердными рабочими «старой школы». Постоянное общение между моим отцом и этими крайне ценными сотрудниками, каждый из которых был образцом немецкой дисциплины и энтузиазма, склонило моего отца на сторону приверженцев Гитлера и «нового режима», установившегося в Германии.

Для нас, молодежи, Германия была, прежде всего, огромной и далекой страной. Она тянулась далеко на восток, где находились плодородные сельские угодья с пологими холмами, которые чередовались с дремучими лесами и высокими горами, а также простиралась на юг. Так нам описывали Германию в школе, но ни один из нас не видел ее собственными глазами. Однако, что казалось важным нам тогда, именно Германия была родиной игрушечных железных дорог и металлических машинок фирмы «Мэрклин». Для нас, мальчишек, эта страна была «землей Мэрклин». Нас завораживали игрушечные солдатики с маркировкой «сделано в Германии» в раскрашенной униформе, которая полностью повторяла настоящую. Благодаря этому форма вермахта была для нас гораздо ближе, чем даже униформа нашей собственной армии.

Кроме того, нашими кумирами были выдающиеся немецкие спортсмены. К примеру, гонщик-мотоциклист «БМВ» Георг «Шорш» Майер, которого в те годы в прессе называли «чугунным Майером». В 1938 году он даже выиграл чемпионат Европы. Или чемпион мира боксер Макс Шмелинг. Или наш любимый гонщик Немецкого автомобильного союза Бернд Роземайер, о котором говорили, что он «буквально не знает страха». Мы с радостью переключали свои приемники на «Ра-

дио Бремен», чтобы слушать военную музыку или песни Марики Рекк, такие как «Однажды майской ночью». Именно они и олицетворяли для нас Германию. С другой стороны, альтернативой им были англо-саксонские песни Луи Армстронга, которые часами крутили по радио «Хилверсюм».

Успешное развитие государства, возглавляемого Гитлером, имело политическое влияние на Голландию, в которой в 1931 году была основана партия «Национал-социалистическое движение» (НСД). Эта партия была независимым союзником НСДАП, и число членов в ней росло с поразительной быстротой. Программа НСД была очень сходной с программой партии Бенито Муссолини и основывалась на поддержке королевской власти, социальных прав и противостоянии марксизму. Изначально в идеологии «Национал-социалистического движения» не было признаков антисемитизма.

Надо сказать, что в середине 30-х годов XX века в Голландии всего было 56 партий, и почти каждая из них находилась в состоянии конфронтации друг с другом. Лидер НСД, прежде работавший инженером, Антон Мюссерт на сто процентов был типичным голландцем, обладавшим нерушимыми идеалами. Его партия была допущена в «высшие круги» благодаря ее радикальному антилевому характеру. В нее стекались бизнесмены, офицеры, ушедшие в отставку представители колониальных властей, представители среднего класса и люди, прежде не принадлежавшие к какой-либо партии. Голландский генерал-губернатор, в прошлом представитель колониальных властей, барон де Хорхе также не отверг «Национал-социалистического движения». Поддержали НСД и лишившиеся иллюзий безработные. Партия завоевала 8 процентов голосов населения на не прямых парламентских выборах в 1935 году, получив

поддержку 300 000 избирателей, чем Мюссерт был более чем удовлетворен. В таких городах, как Амстердам, Гаага и Утрехт, за партию проголосовали 10 процентов жителей, а в соседних с Германией регионах на восточной границе страны — даже 39 процентов.

Успех НСД шокировал правительство в Гааге, и оно тут же предприняло меры, противодействующие партии. С этого момента офицерам и официальным лицам запретили быть членами «Национал-социалистического движения». Было немало тех, кто подчинился этому постановлению. Следует заметить, что такое же давление было оказано и на безработных, получавших государственные пособия. Остальные сторонники Мюссерта остались приверженными НСД, и таким образом движение обрело своих первых «мучеников», имена которых потом активно использовались в пропагандистских целях.

30-е годы в Голландии были относительно спокойными, если судить с точки зрения коммерческой ситуации. Расцветал мелкобуржуазный консерватизм. Мы, мальчишки, хотели, чтобы судьба бросила нам вызов. Петь песни вокруг костра в бойскаутском лагере или играть в игры было весело, но это не могло удовлетворить наших амбиций. Мы видели фотографии немецкой молодежи в униформе — наших ровесников, которые в шортах сидели в планерах организации «Гитлерюгенд»¹ или на мотоциклах ДКВ, о которых мы могли только мечтать. Немецкое молодежное движение было модным, активным, поддерживалось государством и

¹ Военизированная нацистская организация немецкой молодежи в возрасте от 10 до 18 лет, где наряду с физической и военной подготовкой особое внимание уделялось таким вопросам, как расовая теория, политика народонаселения, немецкая история и политическое страноведение. — *Прим. пер.*

вызывало наше восхищение. Кто в Голландии мог позволить себе в нашем возрасте летать на планере или оказаться за рулем мотоцикла?

Глава четвертая

В ЕВРОПЕ ЗАПАХЛО ПОРОХОМ

14 марта 1919 года Национальная ассамблея в Вене согласилась с аннексией Австрии в Германскую империю. В Германии это было воспринято как сенсация. Но «победители» немедленно наложили свой запрет. И момента воссоединения Австрии и Германии пришлось дожидаться два десятилетия.

В годы, предшествовавшие объединению государств, прогерманское движение в Австрии неуклонно росло. Под конец его уже нельзя было сдержать, и власть в стране перешла в руки его представителей. Однако при этом не обошлось без некоторого кровопролития и судорожных действий оппозиции. Но тем не менее провинция Остмарк (так называлась Австрия в составе рейха) сама легла к ногам Гитлера, и он с готовностью принял новый возложенный на него долг. Войска вермахта через Баварию маршем перешли границу и были с цветами встречены полным энтузиазма австрийским населением. Улица за улицей встречали немецкие войска. Впоследствии это было даже названо «кампанией цветов». Через месяц 99,75 процента австрийского населения проголосовало за аннексию в состав Германии, и церковь дала на это восторженное благословение.

Всего через несколько месяцев под лозунгом «Право на референдум» немецкие власти сосредоточили

свое внимание на лишенной права самоуправления Судетской области. Ее жители находились в забитом положении, жили в невероятной бедности и подвергались гонениям со стороны чехов все предыдущие двадцать лет. В Судетской области наблюдался самый высокий процент во всей Европе не только по числу самоубийств, но и по детской смертности! Ее границы, однако, были на замке. И неудивительно, что в Судетах день ото дня росла популярность призыва «Жить в одном доме с нацией!» Тем более что ближайшие к немецкой границе районы охватил экономический бум. Назревала такая же ситуация, что и в Австрии, и финал был неизбежен. 1 октября 1938 года немецкие войска вошли в Судетскую область. Цветы, возгласы и слезы радости снова встречали и сопровождали армию вермахта. В сентябре британский премьер-министр Невилл Чемберлен в качестве представителя западных лидеров встретился с Теодором Хойсом в Берхтесгадене. После этого в отеле «Дрезен» на берегу Рейна в городе Бад-Годесберге с представителями германского правительства встретились политики других стран. Ими всеми была признана правомерность действий Германии.

За границей происшедшее было воспринято как естественный шаг Германии, и мировая пресса охарактеризовала случившееся преимущественно позитивно. Так, «Таймс» 4 октября 1938 года отмечала: «...первое чехословацкое государство уничтожено через свою собственную политику, благодаря которой оно прежде и было рождено. Ему не пришлось пережить войну, и его разрушение произошло автоматически, даже без настоящих боевых действий». Уже в январе 1938 года, за девять месяцев до присоединения к Германии Судетской области, амстердамская газета «Хет Ньиве Ни-

дерланд» говорила о том, что «позорному притеснению национальных меньшинств в Чехословакии в интересах свободы должен быть положен конец. С кликой Бенеша также следует разобраться».

До этих пор иностранная политика Гитлера была мирной и успешной, что значительно снизило напряженность взрывной ситуации, вызванной Версальским договором. Однако это не означало, что немецкие власти смирились с существованием Чехословакии. Гитлер обдумывал, как ему разрешить вопрос наилучшим образом. Озвучив мнение, что в случае войны немецкие города и индустриальные центры могут быть подвергнуты бомбардировке с чехословацких аэродромов, он обрел друга и союзника в Пьере Ко, французском министре авиации. Неужели Франция хочет разместить свои самолеты у границы Германии? В стремлении покончить с этой дилеммой и разрешить противоречия внутри страны новый президент Чехословакии Эмиль Гаха начал проводить политику мирного сосуществования с Германией. В марте 1939 года войска вермахта без единого выстрела вошли в Прагу, старейший германский университетский город. Богемия и Моравия, тысячу лет принадлежавшие Германской империи, провозгласили протекторат под верховным руководством Германии. Словакия объявила о своей независимости.

После входа в Чехословакию, чтобы предотвратить возможность атаки со стороны Польши, немецкие войска заняли оборонительные позиции вдоль чешско-польской границы. Ожидаемой помощи оппонентам Гитлера со стороны России не последовало, наоборот, она ждала своей доли добычи.

Реакция со стороны Великобритании была неожиданно спокойной. 15 марта Чемберлен произнес речь в

Палате общин, в которой отмечал: «Хотя наше государство и давало определенные гарантии охраны границ [Чехословакии], но они исчерпали себя в связи с внутренней ситуацией в стране. Правительство Его Величества больше не может считать себя связанным этими обязательствами». Справедливости ради стоит заметить, что в Великобритании многие не разделяли данного мнения и требовали, чтобы Германии была направлена «нота протеста», как это было сделано Францией.

Эрнст фон Вайцзеккер, статс-секретарь Министерства иностранных дел Германии, вернул Франции ноту протеста, сославшись на то, что шаг Германии был обусловлен «политической, моральной и законной необходимостью» восстановления ее исконных границ. Такой ответ вызвал бурю возмущенных возражений в заграничной прессе. И в воздухе, как говорится, запахло порохом.

Хотя личным принципом Гитлера было оставлять за населением право на референдум, на этот раз он этому принципу не последовал. С успехом своего последнего хода он сосредоточился на устранении последней и самой крупной несправедливости, порожденной Версальским договором, — «польского коридора». Произвол создания этого коридора отделял Восточную Пруссию с ее 2,5-миллионным населением от исконных земель этого государства. Попасть оттуда в северо-восточную область страны, изначально называвшуюся Западной Пруссией, через коридор протяженностью от 30 до 90 километров можно было только на самолете или в опечатанном железнодорожном вагоне. При этом жизненно важное для Восточной Пруссии железнодорожное сообщение максимально использовалось польскими властями для унижения жителей ре-

гиона. Все авторитетные партии Веймарской республики считали такое разделение абсолютно недопустимым.

Гитлер пытался разрешить данный вопрос. Он начал вести переговоры с Польшей, предложив построить автостраду и дополнительные железнодорожные линии через коридор из Восточной в Западную Пруссию. Это строительство создало бы долговременные гарантии устойчивости немецко-польской границы, что было важно для обеих сторон. Дело в том, что сильная Польша в тот период была необходима Германии в качестве буфера между ней и Россией.

Однако реакция Польши на предложение была отрицательной. Вопреки всем радушным приемам немецких политиков в Варшаве и дружественным застольным речам, попытки Германии соединить обширными транспортными коммуникациями две части Пруссии не имели успеха. В конце концов польский министр иностранных дел Юзеф Бек стал угрожать Гитлеру войной в случае изменения существующего статуса. К марту 1939 года, заручившись гарантиями Франции и Великобритании, Варшава мобилизовала войска для защиты коридора. Этот звонок к войне нельзя было пропустить мимо ушей.

Без промедления в польской прессе началась антигерманская кампания. На массовых мероприятиях и парадах стали раздаваться возгласы: «На Данциг и на Берлин!» В невероятных количествах распространялись пропагандистские листовки, призывавшие к расширению «новой» Польши, чтобы ее границы простирались через Берлин и Лейпциг до Любека.

Начались притеснения представителей немецкой национальности, живущих в Польше. Из пятисот национальных школ триста оказалось закрыто. Немецкие

культурные центры и ассоциации были запрещены. В летние месяцы напряжение возросло и привело к кровопролитным столкновениям и отвратительной расправе над немцами, жившими в Польше. Под девизом: «Праздник урожая сверкающих ножей» многие немцы, которые жили и работали среди поляков в добрососедской гармонии, были без причины неожиданно арестованы, перемещены с обжитых мест или убиты. Из 2,1 миллиона немцев, постоянно проживавших в Польше, 70 000 бежали в Германию, где они рассказали об ужасе того, что им пришлось пережить. Эти рассказы были запечатлены в немецкой кинохронике.

Речи Гитлера стали более жесткими и безжалостными. Но вместе с их накалом росли и масштабы угрозы, нависшей над немецким населением. Ощущая себя в безопасности под защитой Запада, Польша вела себя все более вызывающе. В итоге, в августе произошел позорный инцидент, когда польские военно-воздушные силы с аэродромов Хели и Гдингена открыли огонь по гражданским самолетам авиакомпании «Люфтвафза».

Между тем французская и британская военные делегации долгие недели вели в Москве переговоры с русскими о том, что ситуация в Германии становится более чем критической. Как и двадцать лет назад, враги Германии спланировали против нее. Стремясь предотвратить это, Гитлер попытался лично заручиться доброй волей Кремля. И ему это удалось. В августе 1939 года между государствами был заключен договор, подписанный Сталиным и министрами иностранных дел Германии и СССР — Молотовым и Риббентропом. «Красный царь» поднял бокал за здоровье Гитлера.

В истории редки договоры с таким огромным числом агрессивных положений в отношении других стран, как пакт между национал-социализмом и коммуниз-

мом. Тем не менее то, что прежде казалось невероятным, стало реальностью, и тем из немецких генералов, кто критиковал Гитлера, опасаясь войны на два фронта, оставалось только удивляться гениальности его решения.

Голландцы смотрели на происходящее с тревогой, ощущая взрывоопасность ситуации в Европе. Кроме того, одной из причин беспокойства Голландии было запущенное состояние ее собственной армии, вызванное крайней экономией на ее содержании в течение долгих лет. Так, голландская артиллерия была оснащена орудиями образца 1880 года, а у пехоты были на вооружении винтовки, выпущенные в 1895 году. Кавалерия была вооружена карабинами и саблями. Также на вооружении голландской армии оставалось несколько сотен пулеметов времен Первой мировой, оставленных тогда отступающими немецкими войсками. После починки некоторые из них исправно работали, но большая часть была непригодна для использования. В итоге эти громоздкие пулеметы зачастую представляли едва ли не равную опасность как для врага, так и для того, кто стрелял из них.

Не лучшей была ситуация и с военно-воздушными силами Голландии. Говоря о том, что они представляли собой в ту пору, следует сделать акцент именно на слове «воздушные», а не на самолетах и вооружении. На бумаге Голландия обладала 130 самолетами, но многие из них были устаревшими. У Франции, для сравнения, было около 1000 истребителей. Модернизация французской авиации шла полным ходом, но она была развернута слишком поздно и к 1939 году была осуществлена лишь отчасти.

В голландской армии практически не было добровольцев. Новобранцы, призывавшиеся на пять с поло-

виной месяцев, размещались в лишенных какого-либо комфорта полупустых бараках. В некоторых из них даже не было столовой. Армейское питание было пресным и готовилось на полевых кухнях, т.е. прямо на открытом воздухе, или в автоматических печах. Занятия по войсковой подготовке казались новоиспеченным солдатам скучными и бессмысленными. Их униформа была непрактичной и сшитой по устаревшим образцам. Но, прежде всего, у солдат отсутствовал какой бы то ни было боевой дух. В голландском обществе царили антивоенные настроения, и тех, кто служил в вооруженных силах, называли не иначе как «убийцами». Сильные антивоенные группы требовали роспуска армии и флота. Представители этих групп устраивали демонстрации. На их транспарантах была изображена сломанная винтовка и лозунг: «Ни людей, ни денег!» Подобные настроения во многом и определяли боевой дух солдат.

Только со всеобщей мобилизацией 1939 года власти Голландии воззвали к мужеству защитников Отечества и призвали их к самопожертвованию во имя Родины. Но это произошло слишком поздно. Подготовка военных кадров была развернута полным ходом, но было очевидно, что эти меры не принесут своевременного результата. При наступлении решающего момента правительство и армия рассчитывали, прежде всего, на военную помощь Франции и Великобритании.

До этого же 300-тысячная голландская армия должна была занять позиции «за ватерлинией». Вода, которая всегда была врагом голландцев, теперь, казалось, должна была стать их спасительницей. «План ватерлинии» предусматривал подъем воды в каналах на 50 сантиметров, что должно было помешать проникновению врага на голландскую территорию. В этом случае

вода сделала бы невидимыми позиции голландской армии и стала бы ловушкой для танков противника, поскольку ее уровень все равно должен был оказаться слишком низким для прохождения боевых машин-амфибий и плавательных средств. Амстердам, Утрехт, Роттердам и Гаага, как наиболее важные и густонаселенные районы Голландии, превращались в «крепости». Эти города должны были получить максимальную защиту, которую мог дать подобный план. Бетонные бункеры с предельной быстротой, какая была возможна, сооружались и приводились в боевую готовность на всей территории от Эйсселмера до юго-запада страны. В сельской местности на многие мили протянулись траншеи и заграждения из колючей проволоки. Нехватка времени, однако, не позволяла замаскировать их. Бункеры также были видны на многие километры вокруг, возведенные на земле, лишенной деревьев, земляных насыпей или кустарников.

И это было не единственным слабым местом плана. Во многих районах фруктовые сады создавали помехи для ведения огня из оборонительных орудий. Правительство тем не менее не дало разрешения спиливать фруктовые деревья, поскольку денежные средства на компенсацию их владельцам в оборонный бюджет не входили.

Теперь вернемся к ситуации на восточных границах Германии. Требования Гитлера начали принимать конкретную форму после того, как он заключил с Россией пакт о ненападении. Терпение германского лидера в отношении безрассудного польского шовинизма, разжигаемого поддержкой Франции и Великобритании, было уже на исходе. Гитлер требовал проведения под международным надзором референдума на территории «коридора». Как виделось лично ему, подобное

разрешение ситуации обеспечивало продолжительный мир не только Германии, но и всей Европе. Перекрестные переговоры между Востоком и Западом проходили в головокружительным темпе в эти политически накаленные последние дни августа.

29 августа распространились тревожные новости о бесчинствах поляков против представителей немецкой национальности. Лондон потребовал от Варшавы прекратить применение оружия против нарастающего количества беженцев, желающих покинуть страну. Этот ханжеский ход Великобритании был с энтузиазмом встречен Гитлером. Однако заявление Лондона не принесло результатов. Поляки продолжали упорствовать и испытывали терпение Гитлера. Польский посол в Берлине отказывался что-либо объяснять, ссылаясь на инструкции своего правительства, предписывавшие ему «не вступать ни в какие переговоры». Это было роковой ошибкой.

Глава пятая

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

Жребий между войной и миром был брошен. 1 сентября 54 дивизии вермахта при поддержке двух авиационных дивизий перешли польскую границу. Эти силы немецкой армии были направлены туда в расчете на непродолжительные боевые действия. Согласно предположениям германского командования, их войска не должны были встретить серьезного сопротивления. В 10 часов утра того же дня Гитлер объявил своему правительству в Берлине, что в 5.45 польские войска начали атаку против немецких войск. Последним пришлось открыть ответный огонь и

отвечать «ударом на удар». После этого «локальная» война между двумя государствами стала разгораться стремительными темпами.

3 сентября был чудесный солнечный воскресный день. Именно в этот день Франция и Великобритания объявили войну Германии. При этом данные страны создали военное напряжение во всем мире, втянув в центральноевропейский конфликт свои колонии. Так, в тот же день войну Германии объявили Австралия и Новая Зеландия, а в течение нескольких последующих дней к Великобритании и Франции присоединились Канада, Ньюфаундленд, Южно-Африканский Союз и Непал. Таким образом, после двадцати лет мира Вторая мировая война проросла из корней Первой мировой войны.

С самого начала двухмиллионная польская армия несла тяжелейшие потери. Однако это не заставило задуматься власти западных стран. В первые же сутки польские военно-воздушные силы были практически уничтожены на своих аэродромах. Немецкой авиацией была предпринята массированная и молниеносная атака, эффективность которой оказалась поразительной. Польская кавалерия, в которой было 70000 бойцов на лошадях, в том числе и не боящиеся смерти уланы, которые собирались отбросить немецкие танки «своими саблями обратно к Берлинским воротам»¹,

¹ Автор ошибочно выдает за факт известный миф, порожденный фразой Гейнца Гудериана об атаке немецких танков польской кавалерией с использованием холодного оружия. В действительности же данный случай имел следующую подоплеку: части 18-го польского Поморского уланского полка в ходе разведки обнаружили расположившийся на привале батальон немецкой пехоты и, решив использовать фактор внезапности, довольно успешно атаковали немцев в конном строю саблями. — *Прим. пер.*

также была уничтожена. Ее уцелевшие бойцы дошли до Берлинских ворот в качестве военнопленных.

При этом нельзя сказать, что успех Германии был обусловлен численным превосходством. Победа была достигнута благодаря слаженности и взаимодействию моторизованных войсковых частей и военно-воздушных сил в сочетании со стремительным напором немецких солдат. Происшедшее напугало мир.

Именно в Польской кампании состоялось и боевое крещение полка Лейбштандарт «Адольф Гитлер». Это элитное подразделение войск СС участвовало в ней в качестве полка мотопехоты. Бойцы Лейбштандарта сражались, презирая смерть, ведя отважные и сокрушительные атаки. В ожесточенных боях они отбросили врага через Лодзь к Варшаве. В конце сражения один из генералов вермахта отмечал: «Лейбштандарт, будучи молодой частью, проявил себя образцово». Правда, к этим словам он был вынужден прибавить: «Но, несмотря на их энергичную, непоколебимую стремительность, они понесли тяжелые потери».

На третий день после начала войны немецкому населению Бромберга суждено было пережить свою «Варфоломеевскую ночь», которая вошла в анналы истории как Бромбергское «кровавое воскресенье». Позднее, войдя в город, немецкие войска обнаружили более 5000 тел, некоторые из которых были изрезаны на куски, на улицах, в домах, в садах и в лесу. Неопишуемая жестокость происшедшего не может быть передана в публикации, отмечала шведская газета «Христа Едерланд». И этот случай не был единственным. Польские военные и гражданские отряды убийц, кучки линчевателей устраивали самосуды и в других районах, в результате чего жизней лишились тысячи невинных людей.

Три недели спустя бои в излучине Вислы подошли к концу, и сотни тысяч польских солдат оказались в немецком плену. 29 сентября судьба Польши была практически решена. Немецкие войска вошли в Варшаву. В течение двух дней немцы передавали по радио сообщения, призывавшие город подчиниться немецкому военному командованию. Гражданскому населению, желавшему покинуть Варшаву, предлагался свободный выход из города, что должно было предотвратить ненужное кровопролитие и появление невинных жертв. Немецкие войска продвигались вперед, встречая незначительное сопротивление. Но польское командование все еще дожидалось обещанной помощи от Франции и Великобритании. Однако дожидаться этой помощи полякам было не суждено, не считая, конечно, слов утешения со стороны французов и англичан. Варшава, обороняемая целой армией численностью в 100 000 бойцов, подвергалась атакам на земле и с воздуха. Через два дня вся армия, защищавшая город, капитулировала.

Как и было предусмотрено секретными протоколами к договору между Гитлером и Сталиным, тридцать русских пехотных дивизий, двенадцать моторизованных бригад и десять кавалерийских дивизий тайно перешли незащищенную польскую границу на рассвете 17 сентября. Общая численность бойцов Красной Армии, вошедших в Польшу, таким образом, достигала одного миллиона человек. В зоне интересов России также оказались прибалтийские государства — Эстония, Латвия и Литва. Власти западных стран оставили за Москвой право на объяснение ее действий в сложившейся ситуации. Их реакция на вторжение Красной Армии в Польшу была сдержанной. А Уинстон Черчилль, занимавший в то время пост Первого Лорда Ад-

миралтейства, сказал в своем выступлении по радио: «То, что русские армии должны были встать на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против нацистской угрозы».

И здесь напрашивается вопрос о двойных стандартах. Неужели гарантии о военной помощи Польше должны были вступить в силу только в случае нападения со стороны Германии? Или же случай с Россией был исключением? А может, страны Запада просто испугались военного конфликта с этим огромным государством?¹

Так или иначе, Франция и Великобритания не сделали ничего, чтобы помочь Польше. Тем более что, позволив Красной Армии войти в Польшу без вмешательства со своей стороны, эти страны сохраняли свое преимущественное положение в Европе. И, прежде всего, данные события не угрожали ни английской, ни французской экономике. Министр иностранных дел Советского Союза Вячеслав Молотов, подводя итоги кампании, объявил Верховному Совету СССР: «Оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора».

Немецкие и русские офицеры пожимали друг другу руки, встречаясь на установленной при разделе Польши демаркационной линии, точно так же, как пять лет

¹ Задавая подобные риторические вопросы, охваченный полемическим пылом автор явно не удосужился заглянуть в исторические документы. Так, в статье I секретного протокола, подписанного вместе с Договором о взаимопомощи между Великобританией и Польшей, однозначно указывалось, что «европейская держава», способная совершить агрессию, при которой будет оказана помощь, — это Германия. Таким образом, данный договор вовсе не обязывал Великобританию объявлять войну Советскому Союзу после вступления Красной Армии в Восточную Польшу. — Прим. пер.

спустя русские пожимали руки американцам во время встречи на Эльбе. Совместный немецко-русский победный парад в Брест-Литовске ознаменовал окончание Польской кампании. После этого и начались страдания поляков.

Немцы провозгласили в подчиненной им части Польши генерал-губернаторство со столицей в Кракове. Таким образом, Гитлер возвращался к сомнительной практике так называемой колониальной политики. Оккупационные власти управляли подчиненной им территорией точно так же, как это в былые времена делали русские цари, или как поступала Франция, создавая Протекторат. В стране нельзя было говорить ни о свободе голосования, ни о референдуме. Поляки, которые не так давно сами немало притесняли немцев, живших на подчиненных им территориях, теперь расплачивались за это. Выживание Германии в условиях начавшейся мировой войны требовало установления в Польше жесткого режима. Хотя, конечно, в данном случае это и не оправдывает Германию.

Границы Советского Союза продвинулись на запад на триста километров. К нему были присоединены территории к востоку от Брест-Литовска и вдоль реки Буг. На этих обширных территориях проживало 12 миллионов человек. В «награду» за вхождение в состав СССР молодые люди из местного населения были незамедлительно призваны в Красную Армию. Также НКВД переместил из этого региона в Сибирь 1 650 000 жителей. К 1942 году из них умерло 900 000 человек. Кроме того, в 1940 году в советских лагерях для военнопленных находилось 15 000 польских офицеров. Они были расстреляны. Весной 1943 года немецкими войсками было обнаружено обширное захоронение в Катыни, в двадцати километрах от Смоленска. Именно там и ле-

жали тела расстрелянных польских офицеров. Однако впоследствии вина за происшедшее была возложена на Германию. И эта ложь отчаянно поддерживалась вплоть до начала 1990-х, пока, наконец, правда не всплыла наружу.

После «уничтожения самого опасного аспекта Версальского договора», как говорил об этом Гитлер, он предпринял шаги к налаживанию отношений с Парижем и Лондоном. Предлагая им мир, Гитлер не понимал, почему Франция и Великобритания должны вмешиваться в военный конфликт между двумя другими странами. Однако Париж и Лондон продолжали упорствовать в своем желании вести войну с Германией, которая впоследствии охватила весь мир.

Французские солдаты успели устать от войны еще до начала боевых действий. Политика в их глазах выглядела мошенничеством, и они не стремились «умирать за Данциг». Когда первые союзные Британские экспедиционные войска высадились в Шербурге, вся французская встречающая «делегация» состояла из одного представителя военно-морского флота, двух полицейских, нескольких старых рыночных торговцев и одного рыбака. Здесь не было и намека на радушную встречу «братьев по оружию», какую можно было ожидать в то время. Более того, высшие чины французской армии, уютно расположившись в своих бетонных бункерах на линии Мажино, шутили о британцах: «Британцы будут сражаться до последнего солдата, в смысле — до последнего французского солдата!» Французы вели себя, как если бы не было войны, и у их союзников, отделенных от них Ла-Маншем, создавалось впечатление, что Франция уже проиграла Гитлеру.

К этому моменту война угрожала и Голландии. В конце августа 1939 года правительство страны по радио, в

печати, а также в распространявшихся листовках объявило о том, что лица, призванные на военную службу, будут доставляться в места войскового расположения на территории Голландии в специальных поездах. Надо сказать, что боевой дух у этих солдат был очень разным, но, в лучшем случае, его можно было охарактеризовать как «средний». К тому же многие думали, что данные меры предпринимаются по ложной тревоге. И все надеялись, что Голландия, как и двадцать лет назад, избегнет ужасов войны.

Офицерам, отвечавшим за вещевое снабжение, было некогда сидеть сложа руки. Они должны были очищать от нафталина старую униформу и раздавать ее новобранцам. Имевшееся в наличии обмундирование не было пригодно для солдат, вставших на защиту своей страны. В каждом уголке Голландии были спешно созданы общества, которые занимались вязанием носков и перчаток для армии. Нехватка униформы и оружия была катастрофической. На солдатах были разнообразные гражданские шапки. Отправляясь в караул, они зачастую оказывались вооружены не винтовками, а деревянными прогулочными тросточками. Моряки, принадлежавшие к пяти старшим возрастным группам, отправлялись домой через пять дней после своего прибытия на службу. На них в армии не хватало ни бараков, ни провианта, ни обмундирования, ни оружия. Во время мобилизации стал заметен и дефицит квалифицированных офицеров. Всеобщее пренебрежение к армии, взращиваемое политиками, привело к тому, что в 1935—1936 годах не было ни одного заявления о зачислении в голландскую Королевскую военную академию, расположенную в городе Бреда.

Голландцы защитили всю свою береговую линию плавучими минами. Лиман Зирикзе и Схирмонникога

был закрыт для судоходства, и деятельность паромной переправы в Великобританию была прекращена. Армия заминировала все стратегически важные мосты и участки на восточной границе. Только после полного завершения этих работ население почувствовало себя хоть в какой-то степени защищенным на случай распространения войны на голландскую территорию. Однако военные начали сомневаться в целесообразности подобных мер, поскольку ничего не знали о том, как проходили молниеносные атаки Германии на Польшу. Они не знали почти ничего и о новейшем оружии Гитлера, его воздушно-десантных войсках. Ни одно из западных государств не обладало подобными войсками. Кроме Германии, они были только у России.

Далеко за Рейном, на линии Мажино с ее неприступной системой бетонных бункеров среди французов царило ощущение, что они в полной безопасности. Сильные люди, подобные Гейнцу Гудериану, создателю современных и независимых танковых полков Третьего рейха, во Франции были малочисленны и далеки от власти. Поэтому никто не слушал Шарля де Голля, когда этот молодой армейский капитан также предложил подобную стратегию ведения современной войны. Высшие армейские чины были гораздо больше озабочены новыми методами, которые, помимо прочего, провозглашали, что «машинное масло грязное, а конский навоз — нет».

Но вернуться в Голландию. В моей семье никто не был мобилизован. Мой отец, защищавший государственные границы в годы Первой мировой войны, был за это освобожден от службы, как и мой старший брат Ян Адриан Маттейс, которому был 21 год. Мой девятнадцатилетний брат Эверт избежал призыва, поскольку к этому времени поступил на обучение в торговый флот.

А нам, остальным братьям, было 16, 13, 10 и 4 года — мы были слишком молоды для службы.

В сентябре 1939 года наша семья привычно собиралась по вечерам на террасе, чтобы, глядя на лучи закатного солнца, послушать по радио последние новости. Мы тогда не могли и представить, какой окажется дальнейшая судьба членов нашей семьи, часть которых станет военными, а часть останется гражданскими. Да и как мы могли подозревать о грядущих тяготах, если родились и жили в стране, которая, не считая ее колониальной политики, никогда не воевала. Ни отец, ни дядя не могли рассказать нам о том, насколько ужасна реальность войны. Поэтому то, о чем говорилось по радио, мы находили скорее поразительным, чем роковым, и в силу нашей наивности смотрели, как на чудо, на впечатляющие достижения современной немецкой армии. Продолжительная и яростная кампания против Третьего рейха в средствах массовой информации пробудила в нас чувство протеста и симпатию к Германии, впрочем, как и у многих других молодых людей.

Голландия боролась за свой официальный нейтралитет, в надежде остаться в стороне от разгоревшейся войны, и одновременно играла с огнем. Впоследствии оказалось, что заграничные секретные службы вели активную деятельность в Голландии. Генеральный штаб страны стремился к установлению военных связей с союзниками, не подозревая об этой деятельности разведки противника. В результате шаги Голландии не остались незамеченными Германией, которая тут же отреагировала на них. Немецкими политиками было провозглашено, что Франция и Великобритания намереваются совершить прорыв к Руру, используя

разведывательные позиции не только в «нейтральной» Бельгии, но также и в Голландии.

Это произошло после того, как Германии стало известно о том, что Франция и Великобритания получали данные о немецких вооруженных силах из Генерального штаба Голландии. У голландцев действительно был хороший информатор. Его звали Ганс Остер. Это был прусский офицер и очень влиятельное лицо в Абвере, органе военной разведки и контрразведки Германии. Он продолжительное время передавал голландскому военному атташе в Берлине все последние секретные военные планы, разработанные Германией. Правда, ему не особо доверяло голландское правительство и военное руководство страны. Они не могли до конца поверить в то, чтобы прусский офицер изменял своей Родине и жертвовал безопасностью своих товарищей. Однако его сведения частично использовались. Тем не менее даже главнокомандующий голландской армией генерал Винкельман отзывался о Гансе Остере как о «подлом изменнике».

Добрососедские отношения между Голландией и Германией неожиданно закончились. Немецкой спецслужбой были похищены двое британских секретных агентов, которые вели активную деятельность в голландском городе Венло, находившемся практически на границе Голландии и Германии. Они были переправлены в Германию в ноябре 1939 года и до конца войны пробыли в немецкой тюрьме. Между тем нейтралитету Голландии был нанесен значительный урон.

Хотя Черчилль сделал все от него зависящее, чтобы настроить нейтральные страны и США против Третьего рейха, многие государства продолжали поддерживать отношения с Германией. Так, шведы, к крайнему недовольству Великобритании, вели с Германией успеш-

ный и обширный бизнес. К примеру, они в течение продолжительного времени продавали Гитлеру железную руду, переправляя ее через норвежский порт в Нарвике. Не получив ответа на требование о прекращении подобных поставок, британский флот заминировал норвежские территориальные воды.

Штаб Гитлера оказался в крайне непростом положении. С одной стороны, в нем были те, кто выступал против продвижения войны на север. Но, с другой стороны, военная машина Германии крайне зависела от поставок шведской руды. К тому же нельзя было допустить существование в Норвегии военных баз союзников, чего бы это ни стоило. Время работало против Гитлера, и ему нужно было спешить. Он перехватил инициативу и 9 апреля 1940 года начал операцию Везерюбунг (буквально: «Везерские учения», Везер — река в Германии, впадающая в Северное море) силами вермахта при поддержке флота и авиации. Дерзостные расчеты этой операции сразу же оправдали себя. В своей вылазке на север Гитлер опередил Черчилля всего на несколько часов, и его войска заняли Нарвик. Норвегия сопротивлялась немецкому вторжению, ведя по врагу огонь из орудий калибром 280 мм, которыми были оснащены береговые батареи. Но их огонь вскоре удалось подавить, и важнейшая гавань была занята немецкими войсками.

В течение нескольких последующих дней шли тяжелые бои с французскими и британскими войсками, которые высадились в Норвегии, поддерживаемые бежавшими за границу польскими войсками. К силам союзников присоединились норвежские части. Немецкий генерал Эдуард Дитл со своими войсками, в которые входили десантники, горные войска и моряки, уцелевшие после уничтожения их кораблей, неделями удерживали

живал занятые позиции, несмотря на подавляющее численное превосходство противника. Однако уже в начале июня войска союзников отступили, и Норвегия капитулировала. Немецкий «рывок на север» оказался успешным, благодаря ничтожному опережению высадки союзников. Таким образом, нейтралитет Норвегии был нарушен обеими сторонами. Битва «под небесами Северного полюса» завершилась успешно для Гитлера. В ходе операции Везерюбунг была оккупирована и Дания, причем практически без боев. Ее правительство осознавало бесполезность сопротивления и было вынуждено передать страну «под защиту» Великой Германии.

Пока Бельгия и Голландия ждали вторжения со стороны своего восточного соседа, Германия гораздо больше беспокоилась об установлении мирных взаимоотношений с этими странами. Однако они скорее были готовы позволить союзникам пройти через их территорию к Руру, чем ждать атаки с их стороны. Германия должна была любой ценой бороться с таким положением вещей. Тем более что и Бельгия, и Голландия делали попытки контакта с секретными службами союзников. Тем не менее не только эти попытки усиливали опасения германского руководства, но также преимущественная подготовка этих стран к обороне на случай вторжения именно с востока. Позднее выяснилось, что такие опасения были верны.

К этому времени в обеих странах уже были разработаны планы переноса движения с основных дорог на второстепенные для беспрепятственного перемещения французско-британских войск. Более того, французские полки в апреле 1940 года уже имели оперативные предписания по обеспечению провиантом на время своего последующего продвижения через Бельгию

и Голландию. Линия Зигфрида (система немецких долговременных укреплений, возведенных в 1936—1940 годах на западе Германии в приграничной полосе от Клеве до Базеля) не была окончательно завершена и заканчивалась у бельгийско-голландских границ. Открытый фланг буквально напрашивался на то, чтобы стать территорией концентрации вооруженных сил союзников.

Говоря об этом, также уместно будет привести современное событиям высказывание Даффа Купера, позднее, при правлении Черчилля, ставшего министром информации: «Мы не можем позволить себе иметь какие-либо угрызения совести. Мы должны предпринять каждый необходимый шаг, не считаясь с соображениями нейтралитета той или иной страны». Тогда же в палате общин Чемберлен провозгласил: «Кампания, подобная проведенной на севере, может начаться где угодно. Мы задействуем в ней гораздо большие силы и достигнем значительно лучших результатов. Мы, британцы, можем развивать свои атаки везде и в любое время, когда мы захотим». Гитлер решил не давать своим противникам шанса перехватить инициативу.

План «Гельб» (от немецкого *«gelb»* — желтый) разрабатывался для того, чтобы уничтожить войска союзников в пределах Европы. Основной акцент в планируемом наступлении делался на «стык» между Францией и Бельгией, где заканчивалась линия Мажино. Для предотвращения последующего проникновения англичан в Голландию ее предполагалось оккупировать. Нарушение права на нейтралитет не принималось во внимание Германией, поскольку образ действий как Бельгии, так и Голландии был далек от нейтрального.

Вечером перед наступлением немецкий майор из

сопротивления в последний раз проинформировал голландского военного атташе в Берлине о точном времени наступления. Эти сведения были переданы голландскому правительству. По сигналу из Гааги армия привела в исполнение заключительные меры по обороне страны. Голландские мосты были взорваны, дороги — перекрыты поваленными деревьями, а порты — закрыты. Кораблям было приказано выйти в море, где они, как можно было надеяться, избегнут атаки со стороны противника. Голландские подводные лодки, находившиеся в водах вдоль побережья, остались в засаде и ждали приближения флота врага.

Силы вермахта для наступления на запад состояли из 89 дивизий, среди которых было 10 танковых. Еще 45 дивизий оставалось в резерве. У союзников же было 144 дивизии, а также поддержка бельгийской и голландской армий. Правда, учитывая недостаток фронтового опыта у вооруженных сил двух последних стран, нельзя было сказать, что их поддержка много значила в противостоянии Германии.

Несмотря на то, что немецкое Верховное командование рассматривало Голландию как вторичный театр военных действий, против страны, не считая транспортных самолетов, было задействовано 160 современных бомбардировщиков и 240 истребителей. Голландские же военно-воздушные силы, как упоминалось прежде, обладали преимущественно устаревшими самолетами, которых на тот момент было всего 170. Таким образом, превосходство немцев в воздухе было абсолютным. Более того, голландские наземные силы не обладали ни одним танком, который можно было бы использовать против войск вермахта.

Глава шестая

ВОЙНА НА ЗАПАДЕ

Немцы не стали медлить с реализацией плана «Гельб». Начало немецкой кампании на Западе было ознаменовано напутственной речью Гитлера к войскам: «Для вас настал час, когда будет решаться судьба Германии. Исполните свой долг! Идите вперед, с вами благословение немецкого народа!»

В пятницу 10 мая 1940 года массированное немецкое наступление начало продвигаться от Северного моря к южной границе Люксембурга. Погодные условия неоднократно задерживали движение войск. 19-й немецкой армией, в которую входило 22 дивизии, командовал генерал Георг Кюхлер. Его силы выступали при поддержке Люфтфлота-2, который располагался на северном фланге атакующих войск. С первыми лучами солнца в 5.30 утра по немецкому летнему времени в рассветном тумане передовые немецкие части перешли восточную границу Голландии.

Немецкие бомбардировщики вылетели на запад со своей базы в Вестфалии еще в 1.00 при ясном лунном свете. Их опытные пилоты продвигались к месту назначения, обходя голландские прожектора и огонь зениток, и достигли промежуточного пункта своего маршрута над северной частью залива Эйсселмер. Около 3.00 они развернулись в восточном направлении от этой точки и плотным строем направились через Северное море к месту бомбардировки. Час спустя бомбардировщики достигли цели и начали бомбардировку западных голландских аэродромов. Немецкие транспортные самолеты «Юнкерсы-52» с десантниками на бортах были направлены в другом направлении, к

стратегически важным городам Дордрехт и Роттердам.

Почти за год до этого, 20 апреля 1939 года, на пятидесятилетие Гитлера, десантники принимали участие в крупном военном параде в Берлине, маршируя позади Верховного командования в качестве последнего достижения военно-воздушных сил Германии. Тогда мир впервые увидел эти элитные войска, одетые в разработанную специально для них униформу. На армейском жаргоне такое обмундирование называлось «прыжковыми комбинезонами», их дополняли стальные каски аэродинамической формы. На параде присутствовали многие военные атташе зарубежных стран, но они недооценили эффективность подобных войск в боевых действиях.

Этого заблуждения не избежали армии многих стран. Вопреки тому, что голландские военные эксперты видели, сколь успешными были действия немецкого воздушного десанта в Нарвике, они заключили: «Мы насадим их на вилы прежде, чем они успеют достигнуть земли!» Но что получилось на самом деле? Когда первые «юнкерсы» подошли к цели, по ним был открыт мощнейший огонь из орудий противовоздушной обороны. Это представляло значительную опасность для тяжелых медленно летящих самолетов. И, конечно, немцы не избежали потерь. Однако десантники продолжали выполнять свое задание. Первыми из самолетов выпрыгивали командиры рот, а за ними устремлялись и остальные бойцы. Последний из них всегда выпрыгивал с криком «Хорридо!» (что с немецкого на русский можно перевести как «У-лю-лю!»).

Сотни парашютов устилали землю, и она становилась похожей на луг, заросший огромными белыми цветами. В воздухе каждый десантник был сам своим

командиром, но, приземлившись, они снова собирались в организованные группы и штурмовали самые важные мосты и аэродромы. В ходе выполнения задания погибло немало отважных молодых людей из этих новых немецких войск. И хотя большинство десантников избежали подобной участи, «зеленые дьяволы», как называли немецкий десант, понесли тяжелые потери.

Одновременно с этим событием другая воздушно-десантная группа захватила мощнейший в Европе форт Эбен-Эмаэль с гарнизоном более чем в тысячу бойцов на Бельгийском театре военных действий к югу от Маастрихта. Современная военная мысль сделала этот бастион неприступным с земли. Немцы решили проблему с воздуха, использовав два секретных оружия. Первым были транспортные планеры, осуществившие переброску войск. Вторым — 50-килограммовые кумулятивные заряды, с помощью которых можно было сокрушить 25-сантиметровую броню защитных сооружений.

Немецкие воздушные десантники вылетели со своей базы под Кологне. Долетев до Ахена (немецкого города, расположенного в месте, где смыкаются три страны: Германия, Бельгия и Голландия), они вскоре бесшумно высадились на крышу форта. Штурмовая группа «Гранит» (численностью менее 100 человек!) в течение суток захватила бастион. Действуя с дьявольской отвагой, десантники сумели вывести из строя ключевую позицию обороны союзников. 1200 бельгийцев были взяты в плен. После этого стало возможным продвижение немецких войск через Бельгию к сердцу Франции.

Для достижения этой важнейшей цели было сделано много военных ходов, в том числе и не столь прямолинейных. Вспомним, к примеру, разминирование гол-

ландских мостов. Осуществление этого было неотложной задачей вермахта. Первые группы немецких саперов, одетые в униформу голландских железнодорожных рабочих, приступили к выполнению задания с наступлением темноты. В других местах было инсценировано сопровождение немецких «военнопленных» через мосты войсками «голландского сопротивления». Эта хитрость также оказалась вовремя не разгаданной голландцами.

Был и еще один трюк, который можно назвать поистине троянской уловкой. Немецкий диверсионно-десантный отряд спрятался в рейнской барже и, проплыв по течению реки Ваал, уничтожил Неймегенский мост. Нельзя сказать, что подобные методы ведения войны были честны. Однако и голландцы во время одного из эпизодов кампании, достигнув удерживаемого немецкими солдатами бункера, не придумали ничего лучше, кроме как открыть огонь по бойцам противника, которые к тому моменту уже размахивали белым флагом. Что ж, как говорят французы, «*A la guerre comme à la guerre*» (на войне как на войне). Таким был один из главных лозунгов того времени.

Наша семья жила тогда в новом доме в деревне Суст, и в первый день конфликта мы не замечали признаков войны. Однако еще до окончания ночи нас разбудил монотонный рев моторов самолетов, который вскоре стал таким громким, что мы сбросили с себя остатки сна. Подойдя к окну, мы смогли наблюдать в небе невиданную прежде картину. Через наш город в западном направлении тесным строем летело бесчисленное количество самолетов. Поскольку они двигались с востока, мы сошлись на том, что самолеты будут атаковать Великобританию.

Наши соседи один за другим также распахивали

свои окна и с удивлением смотрели в небеса, в которых медленно гасли последние звезды. Полные возбуждения, люди собирались на улицах, чтобы обсудить происшедшее друг с другом. Начали распространяться слухи и предположения. Когда рассвело, мы смогли разглядеть черную свастику на хвостах самолетов, спешащих на запад, подобно перелетным птицам. Мы с интересом наблюдали за этим зрелищем, пока не увидели отдельные истребители. Эти небольшие, стремительные машины отделялись от строя, и стало понятно, что их цель именно мы. Вскоре немецкие самолеты уже кружили над военным аэродромом «Сустерберг» в шести километрах от нас.

Вскоре мы услышали по радио подтверждение данного события. Радио «Хилверсум» передало заявление правительства, содержащее горячий протест против нарушения Германией нейтралитета Голландии. Королева Вильгельмина призвала голландский народ выполнять свой долг, подобно ей самой и голландскому правительству. Министр иностранных дел Голландии получил меморандум со стороны Германии с длинным списком обвинений. Но кто же был прав?

Пока немецкие бомбардировщики и эскадрильи военно-транспортных самолетов на рассвете летели к своим целям, танковые и пехотные полки готовились к своему продвижению на запад. Верховное командование Германии приказало моторизованным частям войск СС, шедшим во главе наступления, сломить сопротивление голландских пограничных войск. Полк СС «Фюрер» достиг реки Эйссел восточнее Арнема немногим позже семи утра. Однако голландские полевые инженеры успели вовремя уничтожить мост. Бойцам СС оставалось только переправляться через реку на надувных плотках, которые у них были с собой. Эсэсов-

цы без малейших колебаний начали переправу под плотным огнем противника. Они высаживались на берег у самой воды, их дальнейшее продвижение сковывали береговые оборонительные заграждения из колючей проволоки. Бойцы СС несли тяжелые потери.

Для находившихся среди них молодых австрийцев это была первая кампания и боевое крещение. Возможно, архиепископ Мюнстерский граф фон Гален предчувствовал, сколь высокую цену заплатят войска СС за эту кампанию. Он отозвал свое согласие дать войскам свое благословение вскоре после начала боев.

Однако сопротивление голландских войск было упорным далеко не везде. На некоторых участках границы война для немецких солдат началась, подобно прогулке в майский день. Некоторые из голландских командиров узнали о начале войны только через несколько часов после немецкого вторжения. Скорость распространения новостей, несмотря на небольшие расстояния маленькой страны, оставляла желать лучшего. В результате наступающие войска во многих деревнях встречали на своем пути только фермеров, которые ехали на велосипедах доить коров. Услышав от немецких солдат «Доброе утро!», эти голландцы выглядели очень удивленными.

Когда совсем рассвело, люди стали собираться на улицах, чтобы с изумлением наблюдать за движением километровых армейских колонн. Местные жители принимали солнечные ванны, сидя на стульях перед своими домами, а немецкие войска проходили маршем мимо них. Некоторые из сельских жителей наивно принимали их за британцев. Другие по сельской простоте предлагали им хлеб и кофе, полагая, что «мальчики, конечно, устали, прошагав столь долгий путь».

Было много и тех, которые под влиянием многолет-

них политических кампаний против Германии неожиданно поддавались панике и начинали спешно сжигать всю антигерманскую литературу, что была у них. Это было заметно даже со стороны по дыму из печных труб, неестественному для столь теплой майской погоды. Пять лет спустя точно так же люди сжигали в печах книгу Гитлера «Моя борьба».

Немецкое наступление проходило почти без препятствий. И, за редкими исключениями, войска Гитлера стремительно продвигались вперед. Уже в первый день кампании складывалось впечатление, что плохо оснащенные голландские войска попросту разбегаются. Впоследствии голландское правительство вместе с Расследовательской комиссией, учрежденной после 1945 года, подтвердили, что поражение значительной части их войск, в частности в боях против войск СС, привело к катастрофе все вооруженные силы страны.

В ходе кампании один из голландских генералов, совершенно выведенный из себя происходящим, даже установил пулеметы и заграждения из колючей проволоки позади барачных своих бойцов, чтобы предотвратить паническое бегство «этого жалкого малодушного стада», как охарактеризовал их он сам. Случаи поражения и пренебрежения к своему долгу со стороны бойцов отражены во многих сборниках военных донесений тех времен и профессионально разобраны Голландским институтом военных документов. В ходе анализа фактов одним из историков было обнаружено, что именно голландские войска, а не обвинявшиеся в этом немецкие солдаты, грабили ювелиров, забирая золотые изделия, во время эвакуации в приграничных районах. «Можно было увидеть голландских солдат, разгуливавших с руками, на которых висело множество часов, и с карманами, полными золотых

колец». Однако сваливать всю вину за военное фиаско Голландии на ее солдат было бы нерезонно.

Результаты двадцатилетней пропаганды «сломанного оружия» со стороны правительства и прессы не могли не лишить армию воли к борьбе, и именно этим была порождена происшедшая катастрофа. Не будь подобной пропаганды, голландские солдаты при надлежащей подготовке атаковали бы врага с осознанием того, что правда на их стороне, и являли бы собой пример несгибаемого боевого духа.

Однако и в сложившихся обстоятельствах в голландской армии было несколько частей под командованием отважных офицеров. Эти части упорно противостояли врагу, несмотря на немецкие воздушные налеты и концентрированный артиллерийский огонь, что позволило задержать продвижение немецких войск. Последние, в частности, встретили отчаянное сопротивление со стороны голландских бойцов, засевших в хорошо укрепленных казематах перед входом на дамбу протяженностью в 30 километров, которая отделяла залив Эсселмер от Северного моря и мешала продвижению немецких войск. Упорное сопротивление при обороне этого стратегически важного барьера было единственным военным достижением в трех северных провинциях. Беззащитные, подобно черепахе без панциря, полные пышной зелени обширные провинции Гронинген, Дренте и Фрисландия пали перед захватчиками. От Фрисландии до Эсселмера голландские солдаты спасались бегством на велосипедах, автобусах, а также в частных автомобилях. Транспортные средства они присваивали у местных жителей, чтобы таким образом попытаться прорваться через узкую дамбу в провинцию Северная Голландия, до которой еще не дошла война.

Как и в случае с Польшей, союзники вскоре оставили Голландию в одиночку противостоять немецкому вторжению. Со стороны Даунинг-стрит, 10 последовали извинения, смысл которых сводился к фразе: «К сожалению, мы не обладаем ковром-самолетом». Да и вся предшествующая помощь со стороны Великобритании осуществлялась в страшной спешке, да и то в форме «групп уничтожения». Последние взорвали голландские порты, плотины и шлюзы, а также сожгли огромные резервы нефти, которыми обладала Голландия, чтобы они не достались немецкой армии. В конечном же счете помощь британцев свелась к перемещению золотого запаса Голландии и политических деятелей, чьей безопасности угрожало вторжение гитлеровских войск, в Великобританию.

Географическое положение Франции давало ей гораздо лучшие, нежели у ее британских братьев по оружию, возможности для военной помощи Голландии. Однако действия французских войск на стороне голландской армии не оказались сколь-либо эффективными. Совместная попытка взять и удержать стратегический плацдарм Мурдейский мост потерпела крах. Объединенным войскам так и не удалось преодолеть оборону немецких десантников, захвативших этот мост. Уже вечером 11 мая деморализованные французские пехотинцы отступали через город Бреда к Антверпену в хаосе и неразберихе. Жители южных приграничных областей Голландии, к своему несчастью, очень быстро узнали пришедших им на помощь французских и бельгийских солдат совсем с другой стороны. Последние освободили их не от немецких захватчиков, а от золота и серебра. Поэтому неудивительно, что голландцы, жившие на этой территории, ждали продвижения немецкого наступления в надежде, что

таким образом прекратится грабеж со стороны войск союзников. Этого не пришлось долго ждать. Танковые подразделения Гитлера с невероятной скоростью продвигались через Арденнские горы, двигаясь к побережью Ла-Манша.

Вернусь к своей семье. Наш район был окружен простыми полевыми позициями. Но они не могли защитить жителей, поскольку мы находились в зоне одной из наиболее важных стратегических линий обороны — Греббебергской стены. Соответственно властями была объявлена всеобщая эвакуация.

Поэтому вместо того, чтобы делать покупки, привычно готовясь праздновать Троицу, мы спешно паковали самые необходимые вещи (по 30 килограммов на человека), которые могли взять с собой в предстоящее путешествие в неизвестность. Около десяти тысяч окрестных жителей добирались пешком, на велосипедах и на автобусах до железнодорожной станции, где их ждали специальные поезда, которые должны были доставить их в безопасное место. Мы были уже в пути на своих велосипедах, когда нам пришлось как можно ниже пригнуть головы, услышав высоко над нами пулеметные очереди. В небе шло сражение между истребителями.

Днем раньше на войну ушел мой брат Эверт. Военные события в Роттердаме заставили его покинуть свой корабль, на котором он находился в качестве учащегося Инженерной школы. Вернувшись в Суст на мотоцикле, он взволнованно рассказывал нам об ужасах, увиденных в пути. Ему довелось проезжать мимо парашютистов, зависших среди деревьев, мимо раненых собитых или совершивших аварийную посадку транспортных самолетов. Однако судьба хранила его. Позд-

нее мы узнали, что корабль, на котором он был до этого, оказался потоплен.

Наше путешествие на поезде в полутемных и переполненных людьми вагонных отделениях тянулось бесконечные часы. Мы проезжали через польдер, затопленный в оборонных целях. Почти без остановок наш состав преодолевал милю за милей на пути к провинции Северная Голландия, увозя нас от опасности. Проезжая Амстердам, мы увидели красное зарево на горизонте от горящих нефтяных баков, зажженных британцами. Конечной станцией нашего пути стал маленький сонный городок Энкхейзен прямо у Эйсселмера. Обретая здесь временное пристанище, наша семья из десяти человек была вынуждена разделиться, поскольку ни один из маленьких живописных домиков города не мог вместить нас всех. В Энкхейзене нам и суждено было провести эти военные майские дни 1940 года. Мы находились в безопасности, но на душе оставалось неспокойно из-за страшных слухов о ситуации в Сусте.

Немецким военным командованием было решено направить на штурм линии Греббе свои недавно сформированные войска СС. Всего через три дня после перехода границы эти войска сумели прорваться в сердце крепости «Голландия», которую военные эксперты страны оценивали как самый неприступный рубеж обороны. Голландские эксперты полагали, что эта твердыня задержит продвижение врага на срок около двух с половиной месяцев. После атаки один из голландских солдат оставил следующее описание немецких бойцов: «Они наводили ужас на нас в своей камуфляжной униформе, обвешанные гранатами, которые торчали из-за пояса и из сапог». Это описание можно дополнить более поздним высказыванием голландского офицера, который отмечал, что «с железной дисципли-

ной и беспрецедентным боевым духом эти только что сформированные современные войска, несмотря на свое численное меньшинство, обладали в сравнении с нами [голландцами] значительным превосходством на поле боя». Около 5000 голландских солдат были взяты в плен на линии Греббе, сражаясь силами двух дивизий против всего одного полка СС «Фюрер». Эти две дивизии состояли из отборных бойцов Голландии и ее колоний, которые, за редким исключением, сражались отважно и с непреклонной решимостью.

Даже в те бурные времена известия о происшедшем поразили нашу страну в самое сердце. К этому моменту королева Вильгельмина и весь ее кабинет министров поспешно дезертировали, сбежав в Англию! Призыв королевы к своему народу «выполнять свой долг, подобно ей самой и голландскому правительству» был забыт. Вильгельмина и правительство покинули страну еще за день до окончательного падения крепости «Голландия», на второй день вторжения. Во главе с мачехой действующего принца Бернарда и его женой Юлианой, а также вместе с двумя дочерьми последней — Беатрикс и Иреной, королевская семья и министры взошли на борт британского самолета.

Население Голландии было шокировано и обозлено дезертирством руководства страны. Офицеры демонстративно срывали награды со своей униформы, а солдаты ломали оружие. В данном случае оказалось благом, что новости дошли не слишком быстро до многих частей, сражавшихся на передовой. Главнокомандующий голландской армией генерал Винкельман охарактеризовал сложившуюся ситуацию как «позорную», полагая, что высшее руководство страны не имело права оставлять Голландию в такой ситуации.*

Через несколько недель мы узнали о том, что король

Бельгии Леопольд III, в отличие от нашей королевы, не оставил своих солдат и свой народ предоставленными самим себе после капитуляции, состоявшейся 28 мая 1940 года. Он позволил интернировать себя, следуя условиям победившей стороны, в королевский дворец Лазкен, расположенный в пригороде Брюсселя, руководствуясь при этом своим статусом и интересами своей родины. Однако столь честное и высокоморальное поведение обернулось против него, когда после 1945 года его сделали ответственным за поражение Бельгии. Более того, он был обвинен «победителями» в сотрудничестве с немцами. Сделав Леопольда III козлом отпущения, союзники вынудили его передать престол его сыну Бодуэну I. Здесь остается только сказать: странные нравы, странная политика.

Германские войска подготовили плацдарм для себя за ночь 12 мая. С озера Цвишенах под Ольденбургом взлетело двенадцать гидросамолетов «Хейнкель-59», которые подлетели к центру Роттердама и приземлились там. Нагруженные под завязку «хейнкели» сели на воды реки Маас, протекающей через центр Роттердама, перед пораженными жителями. Такое можно было назвать только «самоубийственной миссией». Бои разгорелись вокруг наиболее важных мостов Мааса. Вскоре высадившиеся немецкие войска получили поддержку со стороны многочисленного воздушного десанта, приземлявшегося на покрытые зеленью пространства между нагромождением домов и футбольным стадионом «Фейенорд». Перед атакой десантники собрались в единую группу. Им нужно было действовать быстро. Не встречая препятствий на своем пути, они реквизировали трамвай, стоявший перед стадионом, и, до отказа набившись в него, с дьявольскими криками и ревом понеслись через пустые улицы, то и дело оглашая

окрестности резкими звуками трамвайного звонка. Так десантники доехали до одного из мест боев — моста Вильгельма. Незадолго до этого еще одна десантная часть успела выпрыгнуть из «юнкерсов», доставивших их к месту назначения, и уже была готова начать бой.

Крайне упорное голландское сопротивление препятствовало продвижению основных немецких войск к центру города. Стремясь избежать ненужного кровопролития и жалея своих отважно сражавшихся солдат, генерал вермахта, командовавший задействованными в операции войсками, предложил голландскому главнокомандующему сдаться, угрожая воздушной бомбардировкой в случае отказа.

Однако трагедия Роттердама оказалась следствием далеко не одного недоразумения. Так, в ультиматуме не было указано таких необходимых вещей, как имя и ранг немецкого генерала. Поэтому в ответ на требования немцев последовал отказ голландского главнокомандующего, который не знал, что упущенные в ультиматуме формальности были следствием желания вермахта скрыть истинную численность немецких войск. Хотя подобные действия были вполне обычной практикой.

Задержка с выдвижением условий капитуляции и бюрократизм голландского главнокомандующего в конечном счете привели к катастрофе. Роковая черта была перейдена, когда время, обозначенное в ультиматуме, истекло, а голландская армия не сдалась, и немецкие бомбардировщики вылетели выполнять задание. И теперь их было невозможно остановить из-за плохо работавших средств связи.

В порту Роттердама уже несколько дней горел океанический лайнер, создавая дымовую завесу, значительно снижавшую видимость для пилотов. Из-за этого

красные сигнальные огни, которые зажигали немецкие войска, чтобы избежать бомбардировки со стороны своих же самолетов, были замечены лишь немногими летчиками. В результате немецкие солдаты также не избежали обрушившихся на них бомб.

Бомбардировщики, стремясь поразить свои цели, но при этом не нанести вреда гражданскому населению, летели на крайне низкой высоте 750 метров, несмотря на сильный зенитный огонь противника. Поэтому особенно трагичным оказалось то, что в одной из частей города, где на мирных жителей не упала ни единая бомба, поврежденные бомбежкой газопроводные трубы вызвали пожары, которые стремительно распространялись среди старых и близко стоявших друг к другу зданий.

Цепь сложившихся неблагоприятных обстоятельств привела к смерти 600 невинных людей. Голландское правительство, однако, после расследования 1947 года опустилось до выступления в качестве обвинителя против Германии во время очередного суда над ней за ее военные преступления. И здесь перед нами как раз тот случай, когда очень трудно докопаться до истины, кто сильнее разрушил одну из важнейших в Голландии Роттердамскую гавань. Ведь за немецкой бомбардировкой последовали еще пять гораздо более мощных бомбардировок со стороны британцев и американцев.

Стремясь избежать разрушительных последствий дальнейших оборонных мер, которые были очевидно безнадежными, генерал Винкельман отдал приказ о немедленной капитуляции всей голландской армии. При этом он настоял, чтобы были подписаны «Условия капитуляции». Их подписание Винкельманом и генералом фон Кюхлером со стороны Германии состоялось 15 мая 1940 года в Рейсворде. В этой войне, длившейся

пять дней, лишились своих жизней 2032 голландских солдата, почти 20 процентов из них погибло при обороне линии Греббе.

С окончанием войны в Роттердаме, который сполна познал тяжесть боевых действий, жители танцевали на улицах, полные счастья и облегчения. Это было вполне естественным после того, что они пережили. Через несколько недель Гитлер освободил голландских военнопленных из северной немецкой тюрьмы, позволив им вернуться домой. На родине их встречали с таким воодушевлением, словно они были победителями.

Военные операции вермахта развивались, но теперь уже были сосредоточены на Бельгии и Франции. Удача была на стороне Гитлера, и его войска прорвались через французские линии обороны. При этом основные силы немецкого наступления были представлены танковой армией, которая по своим размерам, маневренности, мощности и напору оказалась исключительным явлением на поле сражения. На пятый день вторжения танковые войска вермахта стремительно прорвались в тыл союзников, подойдя к Ла-Маншу.

24 мая немецкие дивизии получили возможность соединиться и окружить британские и французские войска у Дюнкерка. Не было сомнений в том, что и те, и другие при соответствующем приказе немецким войскам были бы уничтожены германскими частями, либо же все британские экспедиционные силы попали бы в немецкий плен. При этом следует особо отметить, что оказавшиеся под угрозой окружения формирования были основой армии союзников. Среди них было 400 000 французских офицеров и бойцов. Однако случилось нечто невероятное, что позднее было названо «дюнкерским чудом».

Для друзей и противников Германии дальнейший

поворот событий оказался неожиданным и судьбоносным. Гитлер, относившийся с симпатией к Британской империи, лично остановил наступление, оставляя британцам шанс на спасение.

Огромное количество крупного и мелкого морского транспорта — шлюпок, паромов, лодок и кораблей — поспешило эвакуировать британские экспедиционные войска с места боев туда, где они будут в безопасности. При этом Гитлер хотел от Великобритании лишь того, чтобы она осознала место Германии на континенте. В дальнейшем он планировал заключить мир с этой страной и руководствовался данными мотивами, выпуская из окружения британские войска, хотя подобные действия и шли вразрез с мнением немецких генералов.

Английский военный историк Лидделл Гарт после войны писал, что у Германского рейха абсолютно не было планов войны против Великобритании. Гитлер всегда был убежден в важной роли Британской империи для поддержания мировой стабильности. При этом Германия рассматривала себя как крайне важного партнера для Великобритании. Вместе они могли бы противостоять глобальным махинациям Кремля, и Британия могла бы стать важнейшим союзником Германии в критический момент мировой истории.

После изгнания британских войск с основного театра боевых действий и капитуляции Бельгии, состоявшейся в конце мая, 5 июня началась вторая фаза западного наступления, «Битва за Францию». Очередное наступление в который раз в истории гитлеровских войск превратилось в беспрецедентный триумфальный марш немецкой армии.

Идеально согласованное сочетание ударов танков и пикирующих бомбардировщиков позволило немецким

войскам продвигаться полукруговыми движениями, наподобие серпа, наступая на французские войска, пока они не были окружены и уничтожены. Немецкая концепция блицкрига полностью оправдала себя на западном театре военных действий. Недостаточная согласованность действий различных войск и другие просчеты, случившиеся во время польской кампании, на этот раз были полностью учтены и вылились в практически идеальную слаженность между немецкими воздушными силами и вермахтом. Деморализованные французы не могли сделать ничего, чтобы остановить мощное наступление германской армии. Менее чем за две недели немецкая пехота через Триумфальную арку маршем вошла в Париж.

Двигаясь к французской столице, немецкие части ежедневно проходили по грязным дорогам чужой земли, несмотря на жару, по 50—60 километров. (Для сравнения, войска Наполеона проходили в день в лучшем случае половину этого пути.) Всего через несколько дней после вторжения вермахта в Париж французский маршал Филипп Петен, национальный герой Первой мировой войны, запросил условия капитуляции. Его страна к этому времени была оккупирована немецкими войсками.

21 июля 1940 года Гитлер и его Верховное командование уже ожидали в Компьенском лесу французскую мирную делегацию. Переговоры состоялись, и мирный договор был подписан в том же самом железнодорожном вагоне, прежде принадлежавшем командующему войсками Антанты маршалу Фердинанду Фошу, где была 8 ноября 1918 года подписана капитуляция Германской империи. Однако на этот раз все обошлось без унижительного спектакля, какой разыгрывался в тот далекий осенний день. Тогда немецкие посланцы

были приняты французским маршалом Фошем с бранью, как военнопленные. Однако в июле 1940 года «отважные противники» Германии были встречены с должными военными почестями, и переговоры велись в корректной форме с расчетом на дальнейшие взаимоотношения между государствами.

Замечу, между прочим, что именно маршал Фош после подписания Версальского договора сказал: «Это не мир, а сложенное оружие на пару десятилетий». Он оказался прав. Война началась снова в 1939-м, но на этот раз произошла смена ролей.

За время кампании, которая продлилась всего около семи недель, Вооруженными силами Германии были повержены три страны. Европейское побережье от Нордкапа до Пиренеев оказалось в руках Германии. Однако это не было достигнуто за счет того, что Гитлер обладал трехкратным превосходством в силах на западе, которое военные эксперты определяли как необходимое условие такой победы. Германия сражалась, обладая 136 дивизиями, против 144 дивизий союзников, а 2245 немецким танкам противостояло 3063 танка противника. Превосходство Германии наблюдалось только в воздухе, где у нее было 4000 самолетов против 3400 самолетов союзников.

С окончанием войны на западе народ Германии начал надеяться на мирную жизнь. Боевые части были вознаграждены отпусками, и не менее 35 дивизий было демобилизовано. Возвращение гитлеровских войск с западного театра боевых действий было отпраздновано триумфальным парадом в Берлине. В городе звонил каждый колокол, и неопикуемый хор восторженных голосов населения сопровождал колонну автомобилей, ехавшую по ковру из цветов от станции «Анхальтер» до нового здания администрации канцлера. Не-

мецкий народ был вне себя от радости. За короткие недели войны потери оказались незначительными в сравнении с ужасными годами Первой мировой войны, которая стоила жизни миллионам людей.

19 июля 1940 года Гитлер в очередной раз попытался начать мирные переговоры со своими британскими оппонентами, стремясь предотвратить ненужные жертвы. Но Черчилль оставался непреклонным. Война подошла к следующему раунду, в котором он намеревался биться до нокаута.

Немецкие подводные лодки одерживали одну морскую победу за другой. Британский королевский флот нес многочисленные потери. В первый год противостояния соотношение потерь было десять к одному в пользу Германии. В результате вместо концентрации своих сил на море британцы сосредоточились на противостоянии в воздухе.

Британские королевские воздушные силы совершили первые бомбардировки Германии 4 сентября 1939 года, на следующие сутки после объявления войны немецкому государству. Целью 29 бомбардировщиков, вылетевших с аэродромов в Восточной Англии, были Вильгельмсхафен и немецкие военные корабли, уничтожить которые стремились англичане. Однако погодные условия были далеки от идеальных, и десять из самолетов вернулись на свои базы, не найдя своих целей из-за дождя и густой облачности. Еще три бомбардировщика из-за ошибок пилотов едва не начали атаковать британские военные корабли, но распознали их сигналы и развернулись. Один самолет из-за ошибок в навигации ухитрился сбросить бомбы на датский город Эсбьорг, находившийся в 180 километрах от цели.

В бомбардировке Вильгельмсхафена приняли участие оставшиеся пятнадцать машин. Однако семь из

них (пять «бленхеймов» и два «веллингтона») были уничтожены мощным зенитным огнем. В конечном итоге, Вильгельмсхафену был нанесен минимальный урон. Таким образом, вылетевшим с британского побережья бомбардировщикам в поисках целей пришлось преодолеть 430 километров пути, при этом достигнуть целей сумела лишь половина машин. Для Англии подобное начало было крайне разочаровывающим, хотя потери в личном составе, по счастью, оказались невысоки. Впрочем, британцы очень быстро начали учиться на своих ошибках.

С приходом Черчилля к власти воздушная война обострилась. Лидделл Гарт отмечал, что «мир не видел столь нецивилизованной формы ведения боевых действий, к какой прибегло Военное министерство Великобритании, со времен монголо-татарского нашествия».

Немецкие авианалеты на Лондон, носившие кодовое название «Блиц», начались только после периодически повторявшихся в течение трех месяцев продолжительных бомбардировок городов Германии. Первые бомбы, выпущенные немецкими самолетами, упали на туманный Альбион в июне 1940 года.

Сдержанность Германии в боевых действиях против Англии не принесла ожидаемых плодов. Терпению Гитлера пришел конец. 4 сентября 1940 года, меняя тактику боевых действий, он объявил: «Прилетая по ночам, они [британские бомбардировщики] беспорядочно сбрасывали бомбы на населенные районы и три месяца оставались безнаказанными. Я убежден, что этому пора положить конец. Теперь мы будем отвечать на каждую ночь бомбардировок по нашей территории, ночью бомбардировок по Англии. Если британские воздушные силы сбросят две, три или четыре тонны бомб,

тогда мы за одну ночь сбросим 150, 200 или 300 тонн. Если они объявят об увеличении интенсивности атак на наши города, то мы сровняем их города с землей». После этого Гитлер тайно наложил эмбарго на Лондон.

Однако в воздушной битве за Британию очень быстро стало ясно, что молодые Военно-воздушные силы Германии не обладают достаточным оснащением для ведения подобных боевых действий и, в частности, для широкомасштабных бомбардировочных авианалетов. Так, у немцев даже не было тяжелых бомбардировщиков, аналогичных британским и тем американским моделям, которые США позднее применили против Германии. Немецкая бомбардировочная авиация очень быстро осознала свои проблемы. Одной из них было то, что на бомбардировщиках и сопровождавших их истребителях размещался довольно ограниченный запас топлива, в то время как расстояние до Великобритании было значительным. Эту проблему еще предстояло решать, в то время как в Англии почти без перебоев шло производство самолетов и подготовка новых пилотов. Люфтваффе было обеспокоено несвоевременностью такой воздушной войны и не до конца проработанной концепцией ее ведения. Шансы немецких ВВС выполнить все, что ожидали от них, были чрезвычайно малы.

Тем не менее, немецкие авианалеты в конце лета и осенью 1940 года породили страх и тревогу у семи миллионов жителей окрестностей Темзы. Лондон, будучи нервным центром Военного министерства, Королевского Вулвичского арсенала и заводов, выпускавших армейское снаряжение, с его электростанцией Баттерси, торговыми доками, складами и коммерческими центрами имел крайне важное стратегическое значение. При первой немецкой бомбардировке погибло 306 жителей города.

Мы, мальчишки, часто ездили на велосипедах к соседнему аэродрому в Сустерберге, откуда эскадрильи немецких бомбардировщиков вылетали на задания в направлении туманного Альбиона. Нам нравилось смотреть на этих гигантских стальных птиц, в которых нас впечатляло совершенство их полета и то, что они представляли собой одно из новейших достижений техники. Аэродром как таковой не охранялся, и мы могли по траве подойти к экипажам самолетов. Летчики сидели в тени и играли в «Скат»¹, чтобы убить время до вылета на задание. Полосы солнечного света лежали на стеклах кабин их самолетов He-111. Немного посмеиваясь над нами, но всегда сохраняя дружелюбие, летчики разговаривали с нами, рассказывая о том, о чем мы жаждали услышать. В непринужденной обстановке полные энтузиазма мы внимательно слушали рассказы этих героев воздуха об их боях с «сынами Альбиона».

С расширением боевых действий в воздухе британские королевские ВВС начали атаковать и небольшие аэродромы, расположенные в Нидерландах, в том числе и аэродром, находившийся в Сустерберге. В центре нашей деревни в целях противовоздушной обороны были установлены гигантские прожекторы, разрезавшие своими мощными лучами ночное небо, и тяжелые зенитные орудия калибра 88 миллиметров.

С приближением британских самолетов противовоздушные орудия приходили в действие, из их дульных срезов вырывались вспышки огня, освещая темные ночные дома. Мы отчетливо слышали, как по крышам и бетонированным площадкам стучала шрапнель, а потом на несколько минут ночь превращалась в день из-за медленно паривших в воздухе на парашютах ос-

¹ Национальная карточная игра Германии. — *Прим. пер.*

ветительных ракет, которые сбрасывали вражеские самолеты. Мы видели вспышки от взрывающихся вдали фугасных бомб. Наконец, кошмар завершался, и мы, мальчишки, вполне довольные, возвращались в свои постели. Однако на этом все не заканчивалось. Бог войны никак не мог насытиться, у него в запасе оставался огонь замедленного действия, и дьявольский план продолжал развиваться с наступлением дня. Многочисленные фосфорные «полоски», которые сбрасывали британцы, воспламенялись под жаркими солнечными лучами. Если такая полоска оказывалась на стоге сена или среди сложенного в кучу урожая, то он непременно сгорал. В неменьшей опасности были и мы, жившие в домах с крытыми соломой крышами.

Однако исход воздушной битвы за Британию решался не бомбардировками, а боями между истребителями. И здесь англичане обладали явным преимуществом. Хотя немецкие самолеты и превосходили машины противника в скорости, но при этом они обладали одним столь значительным недостатком, что он сводил на нет все их преимущества. Немецким истребителям хватало топлива только на то, чтобы находиться в воздухе не более 75 минут. Сопровождая бомбардировщики, немецкие истребители имели возможность действовать в небе Великобритании всего от пяти до пятнадцати минут. Этого времени однозначно было слишком мало. При этом среди британских пилотов также не было недостатка в смельчаках, и обе противоборствующие стороны сражались одинаково беспощадно. Без сомнения, именно отважные пилоты Британских королевских ВВС были спасителями своей страны. Черчилль сказал об этом так: «Никогда прежде за историю человеческих конфликтов не было, чтобы так много людей оказалось в столь огромном долгу перед немногими».

Глава седьмая

ЕВРОПЕЙСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ

Очень многие европейцы в начале 1940 года на фоне военных и экономических успехов Германии начинали видеть новую национал-социалистическую Европу. Подобные воззрения становились все более распространенными. Тем более что некоторые связывали именно национал-социализм с победой над угрозой мировой большевистской революции. Многим хотелось видеть новую Европу как содружество равных партнеров, лидером в котором стало бы наиболее соответствующее этой роли государство на континенте. На этом месте легко могли оказаться Франция или Великобритания, однако ход истории сложился так, что в этот период государством-лидером являлась Германия.

Франция была повержена. Британцы отступили на свой остров и с этих пор явно заботились только о собственном благополучии. Мало того, даже если не принимать в расчет подобные аргументы, побежденные Германией государства стремились восстановить свой суверенитет. Но как они иначе могли достигнуть этой цели, если не установлением дружественных отношений с Третьим рейхом и сочувствующими Гитлеру странами? Одновременно идея новой Европы содержала в себе множество альтернатив и возможных решений. По крайней мере, так казалось тогда. И молодое поколение эту идею приняло. Шок от неожиданно быстрого поражения стольких западных стран в войне с Гитлером заставлял молодых людей, живших в них, сравнивать собственные государства с Третьим рейхом и видеть явные преимущества на стороне последнего.

При этом нельзя сбрасывать со счетов и постоянную неразбериху в принятии политических решений, ощущавшуюся жителями всех поверженных стран в предшествующие годы, безработицу и нищету. Молодые люди, жившие в этих государствах, наравне с родителями успели достаточно настрадаться от подобных вещей и с завистью смотрели на то, как много делала гитлеровская Германия для своей молодежи. При этом остальные государства, в лучшем случае, проявляли лишь незначительный интерес к стимулированию развития своего молодого поколения.

Немало было и тех, кто попал под обаяние красноречия и динамизма Гитлера. Многие верили его периодически повторявшимся обещаниям восстановить в дальнейшем мир в Европе. Также у многих был опыт общения с немецкими солдатами, которые столь корректно вели себя в оккупированных государствах, что это производило впечатление. «Превосходное функционирование немецкой военной машины не только шокировало, но и восхищало многих молодых людей на оказавшихся под контролем Германии территориях» (*Ганс Вернер Нойлен, «Отверженные сыны Европы»*).

Для большинства немецких солдат с продвижением в западные и северные европейские страны мир открылся по-новому. Они не встречали ненависти со стороны датчан, норвежцев, голландцев, бельгийцев или французов и глубоко переживали, что им приходится входить в эти страны с оружием в руках, воспринимая войну как столкновение между в той или иной степени братскими народами. С углублением взаимоотношений между немецкими войсками и местным населением, последние не без удивления обнаруживали, что их обычаи, стиль жизни и даже переживания крайне схожи с теми, что испытывают солдаты победившей сто-

роны. Немецкие солдаты старались, когда только могли, возместить урон национальной гордости жителей поверженных стран. Война с Великобританией была непопулярной темой среди большинства немцев.

Летом 1940 года по приказу Гитлера был сформирован полк войск СС «Вестланд», куда могли пойти служить добровольцами молодые голландцы и фламандцы, желавшие на деле доказать свою готовность бороться за новую Европу. Призыв вступать в войска СС во многом отвечал устремлениям европейской молодежи. И здесь я воспользуюсь случаем, чтобы объяснить читателю термин «СС» без обычных клеветнических высказываний по адресу этих войск. Сегодня, десятилетия спустя после их исчезновения, это буквосочетание воспринимается как выражающее все злое и безнравственное. Но это, мягко говоря, не совсем объективно. Почему же так произошло?

Дело в том, что противники Гитлера всегда в той или иной степени старались приписать к термину «Войска СС» наименование своего рода «преступной организации». После же окончания Второй мировой такое определение стало активно использоваться, чтобы предать забвению энтузиазм, с которым немецкая молодежь, а фактически и европейская молодежь, «спешила встать под знамена этих войск», как охарактеризовал происходившее один из специалистов по данному вопросу Гюнтер Дрешер.

Формирование СС (нем. SS, сокращение от Schutzstaffeln — охранные отряды) началось во время потрясений и политической борьбы 1920 и 1930 годов, когда во многих государствах проблемы решались посредством кровавого террора. Среди людей, стоявших у истоков СС, был Йозеф («Зепп») Дитрих, личный телохранитель Гитлера. В самом начале у членов этого неболь-

шого формирования даже не было своей униформы. Однако по-настоящему бурное развитие организации началось после того, как в январе 1929 года рейхсфюрером СС был назначен Генрих Гиммлер. После прихода НСДАП к власти это небольшое формирование стало восприниматься как «элита нации». Статус высшего офицера СС открывал его обладателю вход в высшее общество наравне с министрами, высокими официальными лицами, руководителями индустрии и ведущими спортсменами того времени. И даже просто членство в организации воспринималось в обществе равноценно обладанию государственной наградой или боевым орденом.

Гельмут Треффнер в своей книге «История войск СС» писал:

«В сравнении с СА, т.е. штурмовыми отрядами, войска СС производили огромное впечатление, стоило только взглянуть на их бойцов. Их черная униформа разительно контрастировала с малопривлекательной коричневой униформой СА. К тому же и репутация последних была сомнительной. Членов СА воспринимали как не задающих вопросы отборных фанатиков, а порою даже как скрытную и устрашающую банду. Командиры СС, в отличие от них, представляли собой высокоинтеллектуальную элиту. Войска СС качественно превосходили СА, несмотря на свою сравнительную малочисленность. Так, в 1933 году формирования СС обладали всего 50 000 бойцов, в то время как в СА их было около 3 000 000».

Именно с 1933 года началось особенно стремительное развитие и рост численности СС. 16 марта 1935 года Гитлер объявил о преобразовании политической охраны в новое формирование под названием «Войска СС особого назначения» (SS — Verfügungstruppe), куда

вошли новые полки СС: «Германия», «Дойчланд» и «Дер Фюрер» (последний, правда, немного позднее).

В 1940 году представители негерманских национальностей также получили возможность вступать в ряды СС. К этому времени «черные гвардейцы», как называли эсэсовцев, сменили цвет своей униформы на фельдграу. В создании войск СС с самого начала принимали участие заслуженные прусские офицеры, за спиной у которых была не только превосходная подготовка, но и обширный боевой опыт.

Так, одним из людей, кому принадлежала заслуга в блестящей организации войск СС, был Пауль Хауссер. Во время Первой мировой войны он служил на различных штабных должностях как на Западном, так и на Восточном фронтах, а в 1932 году вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. После этого Хауссер возглавлял Берлинско-Бранденбургское отделение правой организации ветеранов рейхсвера «Стальной шлем», которая с приходом Гитлера к власти была включена в состав СА. Пауль Хауссер через некоторое время перешел в СС и уже в 1935 году был назначен инспектором в юнкерской школе СС в Брунсвике, а в следующем году получил назначение на должность главного инспектора войск СС особого назначения. Таким образом, именно он стал отвечать за военную подготовку всех соединений СС.

Вторым человеком, кардинально повлиявшим на организацию войск СС, стал ушедший из вермахта майор Феликс Штайнер. В отличие от Хауссера, который стремился к воссозданию «старой школы» прусских военных, Штайнер, основываясь на своем опыте периода Первой мировой, ориентировался, прежде всего, на действия небольшими боевыми группами. Подготовленные им бойцы были настоящими атлета-

ми, умели самостоятельно мыслить и принимать решения, проявлять инициативу. Разработанная Штайнером система подготовки позволяла преодолеть отчуждение между солдатами, сержантским составом и офицерами, благодаря чему достигалась исключительная сплоченность боевых частей.

В первые годы войны в войска СС набирали только молодых людей, с первого взгляда производивших хорошее впечатление. В ряды эсэсовцев принимались исключительно те, кто обладал безупречной репутацией, гибким умом и превосходной физической формой. В приеме в организацию отказывалось тем, кто состоял под следствием и надеялся, вступив в СС, избежать приговора, а также людям с нерешенными финансовыми проблемами. При этом религиозная принадлежность не играла роли, как не расследовались и политические убеждения кандидатов. Таким образом, даже сыновья бывших социал-демократов могли вступить в СС.

Эсэсовцы, одетые в униформу цвета фельдграу, не были особенно политизированными. «Войскам СС были нужны профессиональные солдаты, а не те, кто следит за мировой политикой», — отмечал Гельмут Треффнер. В то же время, среди них были распространены некоторые традиционные германские воззрения, что одобрялось не только Гиммлером, но и исконной немецкой моралью. Таким образом, создавался культурный мост между представителями различных национальностей. Однако насаждение традиционных немецких ценностей имело свои границы. В частности, Гитлер пресек излишнее рвение Гиммлера в распространении религии. По этому поводу фюрер однажды даже заметил своему личному архитектору Альберту Шпееру: «Когда мы почти достигли дня и эпохи, где больше нет мисти-

цизма, он, Гиммлер, снова начинает его развивать!» (Цитата из исследования французского историка Жака де Лонэ).

Однако в войсках СС религиозность не насаждалась, поскольку их здравомыслящие и профессионально подготовленные командиры держали ситуацию под контролем. «Гораздо позднее это вылилось в грандиозный раскол между войсками СС, которые находились постоянно в центре тяжелых боев на передовой, и не имевшими боевого опыта формированиями, которые оставались в Германии», — отмечал Феликс Штайнер в своей книге «Добровольцы»

«Создать полностью функциональную моторизованную дивизию, соответствующую современным требованиям. Сделать это за шесть месяцев!» — такой приказ генерал Штайнер получил в 1940 году. Основываясь на этом приказе, он и начал формирование дивизии СС «Викинг», которая должна была состоять преимущественно из добровольцев из Западной и Северной Европы. «Задача, стоявшая передо мной, требовала создания абсолютно нового по своей сути формирования, подготовка к ее выполнению под тяжелым давлением психологического фундаментализма была рискованным делом уже сама по себе», — писал Штайнер позднее. Но это был человек, оказавшийся на своем месте в верно выбранное время. Доверие и преданность бойцов он впоследствии сполна оправдал военными успехами.

Кадровый состав новой дивизии формировался на основе сержантского состава и офицеров, приобретших опыт как в мирное время, так и в двух кампаниях. Они заботились о своих западных товарищах в практически братском духе, ни в чем не проявляя высокомерия перед рядовыми бойцами. Наоборот, опытные

офицеры стремились к тому, чтобы их подопечные откровенно выражали свое мнение, и делали из молодых добровольцев, готовых ворваться в ад и взять в плен самого дьявола, железных солдат, которые были бы не только превосходными профессионалами, но и настоящими товарищами.

Центр подготовки для первых голландских и фламандских новобранцев находился в Мюнхене. Было верным решением избрать для него именно это местоположение. Город, расположенный на реке Изар, с его веселым ритмом жизни и культурными достопримечательностями, прекрасно подходил для полных жизни голландцев. Однако в войска СС были приняты далеко не все желающие. Крайне строгая комиссия отказала большинству из них, допустив к подготовке только 45 из 455 фламандских добровольцев.

Ганс Вернер Нойлен писал: «Европейские добровольцы в своем большинстве не были авантюристами, иностранными legionерами, наемниками или обычными солдатами». Большинство из них были сыновьями дипломатов, официальных лиц, промышленников, аристократии и других представителей высшего общества. Также среди них были те, кто окончил с золотой медалью иезуитские школы. В числе первых иностранных кандидатов в войска СС оказался лидер бельгийского католического студенческого общества Леон Дегрелль. Больше половины новобранцев, вступивших в СС в 1940—1941 годах, было от семнадцати до двадцати пяти лет.

Мой брат Эверт был одним из тех, кто следовал голосу своей совести и был готов пожертвовать собой во имя родины и Европы будущего. Поэтому он надел на себя униформу врага, воспользовавшись возможно-

стью вступить в ряды СС. Американский поэт Эзра Паунд писал: «Если человек не желает рисковать головой за свои убеждения, то грош цена этим убеждениям и ему самому». Такими были взгляды этого идеалиста, популярного в сороковых годах. И так же тогда считали многие из моих сверстников.

На Рождество 1940 года мы снова увидели Эверта. Он вошел в ворота нашего сада в униформе цвета фельдграу с черной нарукавной повязкой и серебряным знаком с эмблемой полка «Вестланд». На нем была кепка с «мертвой головой». Позади у брата было три месяца очень трудной подготовки. Это Рождество оказалось первым и последним, которое он провел дома, будучи солдатом.

Эверт воодушевленно рассказывал нам, его младшим братьям и сестрам, как у него прошли эти три месяца в далекой Баварии. Несмотря на суровую прусскую муштру, которая требовала от человека отдавать подготовке все резервы своего организма, мой брат был полон энтузиазма относительно всего, что он видел. Он был очень доволен своими командирами и тренерами, а также духом товарищества, царившим среди молодых людей, вступивших в войска СС. Он с пылом рассказывал о мотивах, которые побудили пойти в СС его нынешних товарищей и братьев по оружию. Эти мотивы перекликались с тем, что думал и чувствовал я сам. Тем более что добровольцев практически ничего не связывало с национал-социалистической идеологией. Уроки политподготовки проходили среди них всего один раз в неделю и длились один час.

Мой брат Эверт очень сомневался, что я, его младший брат, захочу, а тем более смогу выдержать столь тяжелую войсковую подготовку. Он полагал, что я еще

недостаточно возмужал для этого. Но я считал иначе и решил пойти по его стопам. Ничто не могло удержать меня. Впрочем, мои родители и не возражали, чтобы я попробовал вступить в войска СС. С одной стороны, у них хватало и других забот, с другой, они решили, что не будет ничего плохого, если я буду проходить подготовку с акцентом на атлетические тренировки. Шедшая война также принималась в расчет. Большинство думало, что она вскоре закончится, и мы с Эвертом спешили принять в ней участие. Мы знали, что наши амбиции насчет новой Европы не реализуются, если мы будем расхаживать по дому в пижамах и тапочках.

Через несколько месяцев я пришел на призывной пункт номер 60, расположенный рядом с Королевским каналом. Комиссия, отбиравшая кандидатов, состояла из имевших фронтовой опыт немецких офицеров войск СС. Отбор был очень строгим, и каждый второй кандидат выбраковывался.

Через десять дней, 30 апреля 1940 года, новобранцы должны были прибыть к зоопарку в Гааге со своими чемоданами и рюкзаками. Там прошла прощальная церемония с официальной речью и цветами. Всего за несколько дней до этого я праздновал дома день рождения моей матери и украшал ее стул, согласно семейной традиции, зелеными листьями и цветами. Семейное празднование вспомнилось мне на мгновение перед началом новой жизни, уже на вокзале. Между тем сквозь музыку военного оркестра слышался свист паровоза. Состав от Гаагского вокзала понесся по направлению Германии. Так начались годы моих военных скитаний.

Глава восьмая

МОЯ ПОДГОТОВКА В ВОЙСКАХ СС

Хотя британским ВВС вплоть до весны 1941 года не удавалось нанести Германии сколь-либо серьезного урона, но радиопередачи «Би-би-си» постоянно кричали об успешных бомбардировках территории рейха. Согласно распространявшейся в них информации, немецкая военная индустрия была уничтожена и собор в Кологне разрушен до основания. Но те, кто оказывался в области Рура, обнаруживали, что там течет такая же нормальная жизнь, как и прежде. Фермеры жизнерадостно работали на полях, а из труб продолжавших функционировать заводов в небо исправно поднимался дым. Более того, стоило путнику переехать мост через Рейн, как он видел привычно возвышавшийся собор в Кологне.

Нас, молодых голландцев, не переставало впечатлять, что на берегах Рейна, и в частности на двухстах километрах между Кологне и Майнцем, чередовались крутые скалистые утесы и средневековые разрушенные замки с живописными деревнями виноделов. Они выглядели особенно прекрасными в весеннюю пору, окруженные пышно цветущими вишневыми садами. Такой была область вокруг Зенхайма в Верхнем Эльзасе. Наш батальон в период подготовки дислоцировался там у подножия Вогезских гор, недалеко от города Мюльхаузен. Под наши казармы было приспособлено здание бывшей психиатрической больницы. Нашим новым жилищем стал один из семи больших каменных домов, окружавших массивное центральное здание.

После приветственной речи нас разделили на роты. Вместо пестрой гражданской одежды нам была выдана униформа цвета фельдграу, сшитая на прусский ма-

нер. Мы должны были следить за тем, чтобы у нас была застегнута каждая пуговица и каждый крючок, даже если воротник был слишком узким и натирал шею.

Огромную роль в Зенхайме играли занятия спортом. Спортивная одежда также была выдана нам, и мы вдруг осознали, почему добровольцев отбирали так придирчиво. «Хвала всему, что закаляется!» — эти слова были излюбленным изречением наших инструкторов, и мы слышали его снова и снова.

Все наши тренеры были опытными атлетами, которые никогда не требовали от нас того, что не было по плечу им самим. Подобный подход не только закреплял их авторитет, но и подстегивал нас самих к интенсивным занятиям. Мы тренировались, не щадя себя. К слову, во время занятий боксом моей первой и далеко не последней травмой стал сломанный нос.

Пока мы были новобранцами, наша подготовка была направлена на то, чтобы подавить в нас индивидуализм и даже инициативу. Нам, что называется, переломали хребты, но лишь для того, чтобы они срослись снова и были гораздо более крепкими. Мы поняли, что принадлежим к армейской части военного времени, где не может быть такого, чтобы каждый был сам себе хозяин. Однако и это столь необходимое нам понимание поначалу давалось нелегко. Реалии солдатского существования контрастировали с нашими идеалистическими мечтами. Нам приходилось скрипеть зубами, чтобы смириться не только со спартанским образом жизни, но также с постоянным физическим и эмоциональным напряжением. Другой стороной медали было то, что мы осознали, как дорого стоит принадлежность к элитной организации, в которую мы вступили. Это вдохновляло нас медленно, но верно двигаться к цели.

Каждое утро ровно в пять нас будил резкий свист

сержанта. Мы сразу бежали в душевые комнаты, где нас ждала холодная вода и жесткие полотенца. Быстро приняв душ, мы, стуча зубами от холода, выстраивались для утренней гимнастики в майском рассветном тумане, одетые в одни майки и шорты. Пробежав несколько кругов, мы получали в награду скудный завтрак, состоявший из хлеба, искусственного меда и эрзацкого кофе, сделанного из цикория. Впрочем, и эта еда казалась нам тогда удивительно вкусной.

Таким образом, наш день состоял из гимнастики, спорта и теоретических занятий. Учитывая, что вставать нам приходилось с первыми лучами рассвета, не было ничего удивительного, что иногда наши глаза слипались в теплых и душных комнатах, где проходили занятия. Однако окрик в адрес одного из нас тут же заставлял всех остальных снова внимательно слушать преподавателя. А на площадке перед казармами час за часом снова и снова раздавались команды инструкторов, заставлявшие задыхавшихся от напряжения новобранцев выполнять все новые и новые задания, несмотря на палящее солнце и пропитанный пылью воздух.

На первых порах мы столкнулись с еще одной проблемой. Наше знание немецкого языка соответствовало лишь школьному уровню, а этого было просто недостаточно. Прусско-германские команды воспринимались нами как нечто произнесенное на испанском. Лишь благодаря тому, что они многократно повторялись, а мы старались понять их сердцем, разучивая при этом песни немецких солдат, наше знание языка постепенно улучшалось. Всего через несколько недель у нас больше не было проблем с пониманием сказанного и с общением на немецком.

Впрочем, нашим германским инструкторам также

хватало хлопот с нами. Наш типичный голландский либеральный менталитет означал, что мы не могли не комментировать даже их команды. То одно, то другое вызывало у нас протест. Инструкторам же в их работе было необходимо полное доверие и беспрекословное повиновение с нашей стороны.

Так или иначе, в ходе тренировок мы должны были еще доказать свое соответствие званию бойца войск СС. При этом инструкторы негласно отбирали среди нас тех, из кого впоследствии должны были готовить офицеров. И надо сказать, что не все, кто имел амбиции на этот счет, оказались в числе выбранных инструкторами.

«Основные предварительные условия для соответствия званию офицера — это сердце, энтузиазм, умение решать даже крайне сложные и неожиданные проблемы, а также способность подавать личный пример», — писал Феликс Штайнер. Говоря о командовании войсками СС на Русском фронте в 1942 году, он отмечал: «В формированиях, состав которых представлен преимущественно иностранными добровольцами, любые ошибки, допущенные при создании духа товарищества, приведут к гораздо более драматичным результатам, нежели в немецкой части». Здесь он имел в виду в том числе и нас. «Самое необходимое в руководстве бойцами — это неустанная и терпеливая забота командира о своих людях, — продолжал генерал Штайнер. — Командир должен добиться полного доверия с их стороны, убеждая солдат, что он их лучший друг. Его бойцы должны любить его. В частности, командиры взводов и рот всегда должны быть примером для своих бойцов. Чем командир рассудительней, внимательней к своим подчиненным и душевнее, тем сильнее будет сплоченность и выше боевой дух его части. Я призы-

ваю всех своих офицеров добиться того, чтобы в ротах были человеческие взаимоотношения, и даже настаиваю на этом».

Но вернусь к нашей подготовке. В Зенхайме мы не располагали каким-либо оружием. У нас были лишь висевшие на ремнях штыки, и окружающая атмосфера нисколько не имитировала фронтовую. Так мы проходили свою базовую подготовку, состоявшую из разнообразных физических упражнений, строевой подготовки и долгих маршей.

Марши мы выполняли и днем и ночью, причем с каждой неделей нагрузки, ложившиеся на нас, возрастали. Во главе колонн шли наши инструкторы, чьей физической форме можно было только позавидовать. А в конце строя вместе с новобранцами шагал медик, который должен был оказывать первую помощь тем, чьи организмы не выдерживали этого испытания на выносливость и характер. Прошагивая ежедневно от 20 до 40 километров в палящем зное, мы больше не пели «Так замечательно быть солдатом», когда с натруженными мышцами возвращались в казармы. Едва двигая ногами, мы, полностью изнеможенные, проходили через ворота, что означало конец нашего пути. Но впереди нас не ждал заслуженный отдых. Вскоре после возвращения свист дневального снова сзывал нас на построение. И мы, только что принявшие душ, получали вечерние приказы на плацу перед казармами.

Изнурительная подготовка под открытым небом на лоне матери-природы не оставляла нам времени оценить живописность Эльзаса. К примеру, мы могли взобраться на гору в Южных Вогезах высотой 950 метров, которая была хорошо видна из наших казарм. Но восхождение мы совершали по приказу, в стремительном

темпе, насквозь промокая от пота. И тут уж было не до любования окружающими красотами!

Осмотреть достопримечательности мы смогли, только когда нас начали отпускать в увольнения. Появившееся свободное время, помимо всего прочего, мы использовали для того, чтобы посетить города, связанные с историей войны 1914—1918 годов. Среди прочего мне особенно запомнился 18-метровый мемориал, окруженный блиндажами, на которых остались следы кровопролитных боев между французскими и немецкими войсками.

Наши казармы не были монастырем, а их обитатели не являли собой образец святости. Главной темой наших разговоров была тоска по женской компании. Мы мечтали о прекрасных дочерях Эльзаса. В нашем возрасте это было вполне естественно, и у нас не существовало табу на этот счет. Но прошли недели, прежде чем командир роты разрешил нам отправиться на поиски приключений на любовном фронте. Однако перед этим он провел с нами длившуюся не один час беседу о том, как вести себя в обществе гражданского населения! Мы терпеливо выслушивали его «проповедь» об интимной гигиене и опасности сомнительных сексуальных отношений. Караульные, стоявшие на воротах казармы, также не обошли нас своим вниманием, и внимательно осмотрели нас. Они убедились, что наши ботинки и кожаные ремни начищены до зеркального блеска, а также что у каждого из нас есть чистый отглаженный носовой платок и презерватив. Только после этого мы получили возможность предаться счастливым часам.

Долгожданная свобода опьяняла нас. Поодиночке или небольшими группами мы изучали окрестности. Эльзас был землей, за которую в прошлом постоянно

боролись между собой Германия и Франция. Поэтому многое здесь являло собой результат борьбы французской и немецкой культуры. В характере жителей сочеталась французская беззаботность и немецкая точность. Они сами говорили, что на основе этого противоречия обрели свою индивидуальность, которой гордятся. Взаимоотношения между ними и новобранцами войск СС не были иными, кроме как замечательными.

По воскресеньям, когда нас отпускали из лагеря, мы штурмовали булочные. Но лишь немногие из них работали в этот день недели в Зенхайме и Мюльхаузене. Поэтому продававшиеся в них лакомства, такие как разнообразные пирожные и торты, распродавались очень быстро.

Мы следовали своим инстинктам и находили то, что искали. Когда открывались ворота казармы, голодные солдаты тут же разыскивали воскресные булочные, которые продавали свою продукцию без обязательных продуктовых карточек. Но только наши желудки наполнялись, и привлекательные парни в униформе цвета фельдграу (какими мы не без основания считали себя) отправлялись на поиски амурных приключений. У нас оставалось лишь несколько часов свободы, но даже это ограниченное время и бытовавшая на окружающей территории причудливая смесь французского языка с эльзасско-германским диалектом не мешали нам находить общий язык с местными девушками.

У меня не было проблем в общении с Аннет, хорошенькой девушкой с каштановыми волосами, переехавшей сюда из Танна. При этом мне настолько повезло, что ее старшая сестра оказалась возлюбленной моего командира взвода, а младшая сестра была девушкой нашего сержанта. Благодаря этому Аннет уда-

валось устраивать наши с ней встречи не только по воскресеньям. И роман с ней в мирных Вогезах почти заставил меня забыть о войне. Вместе с Аннет, вслушиваясь в ее мягкий эльзасский диалект, я решил, что именно Эльзас — родина любви. Однако романтичному настроению приходил конец, стоило только вернуться в казармы, где нас ждала совсем иная атмосфера.

Десятилетия спустя в одном из официальных военных документов я обнаружил фразу: «Добровольцы из Зенхайма были авантюристами и бандитами». Первоисточником этой оценки стал голландский историк, который смог докопаться до «истины», анализируя жизнь своей Родины в те годы, которые он провел... в Англии. Учитывая тогдашнюю политическую ситуацию, трудно найти другое место, где он был бы более далек от информации из первых рук. Однако здесь стоит вспомнить Фридриха Ницше: «Историки — испорченные люди, поскольку обладают властью изменять истину, какой нет даже у богов». И нам не услышать правды от тех, кто считал солдатский долг позорным, в то время как именно поколение двадцатых годов стало основным расходным материалом войны.

В 1966 году в своей книге «Солдаты, такие же, как другие» генерал Пауль Хауссер, человек, боготворимый своими бойцами и уважаемый бывшими противниками, писал: «Я уважаю мнения других и авторов, которые высказываются против войск СС, основываясь на своих убеждениях. Но я возражаю, когда их работы рассматриваются как «чистое знание», «трезвые и объективные» или «источник справедливости и беспристрастности» и обсуждаются или исследуются с этой точки зрения. Особенно, если их авторы собирают только дискредитирующий материал и/или компенси-

ругут все позитивное клеветническими комментариями, направленность которых очевидна».

Уже в последние два года войны начала появляться не слишком квалифицированная, но изобличающая литература. Одна из голландских газет «Хет Парол» писала по этому поводу: «Со дня нашего освобождения между национал-социалистами и всеми остальными людьми возникла пропасть ненависти и презрения. Но право ненавидеть в данном случае — это право тех, кто лично пострадал во время оккупации или был активным участником Сопротивления. Тем не менее можно заметить, что наиболее сильную ненависть к национал-социалистам испытывают обыватели, от захватчиков не пострадавшие. Во время войны истинные члены Сопротивления, которые сами выбрали свою судьбу, психологически были гораздо ближе к голландским добровольцам в рядах СС, которые точно так же, как и они, рисковали своею жизнью».

Родина неласково встретила нас после окончания войны. Но тогда, в Вогезах, мы даже не могли представить себе такое. Между тем, период нашей подготовки в мирном Зенхайме медленно подходил к концу. Хотя мы и не могли сказать, что жили там, как боги, но покидать эту землю и ее людей нам было тяжело. Но еще тяжелее для нас было прощаться с дочерьми Эльзаса.

Тем временем театр военных действий Германии уже распространился на Северную Африку, что было не особенно верным решением. За время войны союзники Германии, такие, как Италия, часто оказывались недостаточно компетентными, чтобы осуществить свои военные планы. Это происходило как по вине их командования, так и из-за недостаточной подготовки и оснащения их вооруженных сил.

Выражаясь фигурально, меч одержимого страстью к

экспансии Муссолини оказался тупым и из оружия превратился в тяжкую ношу. Гитлер был вынужден предоставить ему военную поддержку в Африке и на Балканах. После успешного молниеносного наступления немецких войск в Южной Европе флаг рейха уже реял над Белградом и над Акрополем в Афинах. Флаги со свастикой развеивались на ветру от Туниса и почти до самого Нила, но и в этих обстоятельствах только Эрвин Роммель и его Африканский корпус спасли итальянскую армию от военной катастрофы. Немецкие солдаты вышли победителями и из сражения на средиземноморском острове Крит. Правда, при этом германские воздушные десантники под командованием генерала Штудента понесли огромные потери, сражаясь против численно превосходивших бойцов противника, среди которых было 6000 греческих и 27000 британских солдат.

Отбывая на новое место, мы узнали, что перед отправкой на фронт нам предстоит пройти в австрийских горах, расположенных в Каринтии, еще один очень сложный курс, посвященный вооружению и военно-полевой подготовке. Летом 1941 года наш поезд на всех парах пронесся через Мюнхен и Зальцбург, и мы очутились в диковинной для нас местности, где большинство жителей были одеты в народные альпийские костюмы с фетровыми шляпами и кожаными штанами. По пути мы не опровергали мнение окружающих, которые считали, что мы едем воевать на Балканы. Поэтому на станциях к нам устремлялись команды медсестер Красного Креста, которые поили нас кофе из цикория, называли нас отважными солдатами и желали вернуться назад целыми и невредимыми.

Нашим новым местом дислокации стал поселок Лендорф неподалеку от города Клагенфурта. Мы, жи-

тели равнин, были впечатлены еще холмами Эльзаса, но здесь нас просто ошеломили гигантские горы Каринтии. Глядя на них, мы ощущали растерянность. Альпийские горы оказались во много раз больше, чем мы их представляли по картинкам, которые видели в школе, и от их невероятных размеров возникало ощущение, что они совершенно отрезали нас от родной земли.

Наши новые казармы оказались гораздо лучше тех, что были у нас в Занхейме. Они были расположены в идиллически-прекрасном месте у подножия гор и состояли из современных двухэтажных только что построенных зданий. Эти дома были специально построены для войск СС. Царивший в них уют подавлял впечатление от окружавшей нас монументальной мощи природы. Однако огромная столовая в главном здании, которая также служила комнатой для собраний, была обустроена в полном соответствии с канонами величественной военной архитектуры той эпохи. На стенах столовой в промежутках между высокими окнами были изображены огромные панорамы батальных сцен. На них во всей красе была показана новая немецкая армия, что, без сомнения, вдохновляло новобранцев. Мне довелось снова побывать в этих казармах в 1959 году. К тому времени там размещались уже австрийские горные войска, но изображения на стенах были сохранены.

В Клагенфурте мы, наконец, получили право носить оружие, и оно было выдано нам. Также мы, как и солдаты всех других армий, должны были принять присягу. Произнесение этой клятвы означало, что мы должны были исполнять солдатские обязанности, соблюдать законы воинской чести, в случае же нарушений с нашей стороны к нам могли быть применены дисципли-

нарные меры или даже суд военного трибунала вермахта.

Мы были заранее ознакомлены со всеми условиями. При этом ни одного из добровольцев не вынуждали принимать присягу. Любой из нас мог на этом этапе беспрепятственно покинуть войска СС, если он вдруг осознал свою недостаточную зрелость для военной службы или обязательства клятвы противоречили тому, что он мог и хотел исполнить. Точка зрения тех, кто решил не принимать присягу, уважалась. Командиры не осуждали их и не пытались переубедить. Эти люди вернулись домой обычными гражданскими жителями.

Батальон принимал присягу на площадке перед казармами, по бокам которой стояли составленные в козлы пулеметы. Мы подходили четверками, поднимали правую руку, а левую клали на обнаженный меч и хором повторяли клятву за офицером: «Клянусь тебе, наш лидер Адольф Гитлер, быть верным и мужественным. Клянусь беспрекословно повиноваться тебе и назначенным тобой начальникам вплоть до моей смерти. Да поможет мне Бог!» Эти слова мы произносили перед нашими высшими командирами.

После присяги каждому из нас на внутреннюю сторону левой руки была нанесена татуировка с его группой крови. Это делалось в медицинских целях, чтобы в случае кровопотери на поле боя наши жизни можно было спасти своевременным переливанием крови. Однако после войны эти татуировки превратились в позорное клеймо для десятков тысяч людей и стали называться «метками Каина». Их носители стали восприниматься в обществе как прокаженные, и многим из эсэсовцев это даже стоило жизни.

Но, так или иначе, после этого я стал официально считаться солдатом войск СС. Частью, к которой я при-

надлежал, была 4-я рота запасного батальона «Вестланд», входившего в дивизию «Викинг». Это была одна из бронетанковых дивизий, оснащенных противотанковыми орудиями и пулеметными расчетами. От нас требовалось изучить всю эту технику, что мы и делали вполне охотно.

Все мы, проходившие первый этап обучения в Зенхайме, старались держаться вместе. Между тем в батальон прибыло большое количество новых членов из северных территорий, таких, как Скандинавия. И жизнь наших инструкторов, вынужденных приспособливаться к менталитету этих молодых людей с севера, перестала быть спокойной.

Проблемы с блондинами с севера начались с самого первого дня, особенно с датчанами. Они были упрямы, грубы, критичны и любили хорошо выпить и поесть. Датчане жаловались на еду, которая готовилась на военных кухнях. Она им совершенно не нравилась, и их упорство дошло до полного неповиновения инструкторам.

Однако немецкие инструкторы сумели заслужить их доверие. Оставаясь ровными и спокойными, они добились того, что датчане также пошли им навстречу и, что удивило нас, в них обнаружилось ярко выраженное чувство справедливости и дух товарищества.

С норвежцами инструкторам пришлось сложнее, поскольку они были более сосредоточенными и убежденными в своей правоте. Однако стоило лишь раз заслужить их доверие, и ты обретал его навсегда. Многие из них приехали из деревень или небольших городов их редконаселенной страны, где они выросли в своем узком мирке, относительно удаленном от всего остального мира. Они были более прямодушными, в них было больше юношеской беззаботности и добро-

сердечия. В военной сфере эти качества позднее обрачивались почти полным пренебрежением к опасности, особенно, если речь шла об их собственных жизнях. Но, так или иначе, эти ребята вскоре также начали радовать инструкторов. Многие норвежцы демонстрировали свою отличную подготовку. А какими чудесными товарищами они оказались!

Команды и приказы инструкторов были стандартными, и разноголосица датчан, норвежцев, фламандцев, голландцев и немцев от занятия к занятию становилась все тише и тише. Германия заняла то же место в Европе, что и Франция 140 годами раньше, и немецкий язык стал основным языком общения в новой, «европейской армии».

Однако еще более значимым в Клагенфурте был язык оружия, который должен был понимать каждый, бравший его в свои руки, т. е. каждый из нас. Мы по своей юношеской наивности полагали до этого, что та тяжелая для нас «шлифовка», которую мы прошли в Зенхайме, уже не требовала дальнейшей доработки. Но нам было суждено очень быстро понять, как мы ошибались. Однако столь изнурительная подготовка была необходима для обеспечения дивизии «Викинг» войсками, готовыми к боям на передовой.

Наши инструкторы были прямыми и подтянутыми солдатами из Остмарка. Зачастую они были больше пруссаками, чем сами жители Пруссии. Под руководством этих имевших значительный фронтовой опыт солдат, перенимая у них знания и навыки, мы волею-неволей должны были стать профессионалами.

«Каждый солдат должен быть атлетом. Он должен бегать с молниеносной скоростью, прыгать так далеко и так высоко, как это только возможно, метать гранаты на максимальную дальность и совершать стремитель-

ные и долгие марши, для которых требуется выносливость и воля», — отмечал Феликс Штайнер. Задачей нашей подготовки было выковать современных гренадеров, которые были бы одновременно следопытами, охотниками и грозными бойцами-штурмовиками.

Как проходили практические занятия? Одни из нас несли на плече стволы тяжелых 80-миллиметровых минометов, а весившие ничуть не меньше станки этих орудий также были прикреплены у них за спинами. Остальные несли ящики с боеприпасами, сопровождая пулеметные расчеты роты.

После длительного марша мы должны были практиковаться в приближении к врагу, используя при этом естественные укрытия. Все это продолжалось не один час. Мы занимали места на краю перелесков, лощин, утесов и в страшной спешке (впрочем, наши действия были уже почти доведены до автоматизма) устанавливали свои MG-34 на огневые позиции. После коротких распоряжений со стороны наших инструкторов мы слышали команду:

— Прицел на 250 метров. Огонь!

После этой команды из каждого ствола вырывалось по двадцать пять патронов в секунду. Затем мы слышали:

— Занять укрытия! Смена позиций!

И мы, вжавшись в землю, ползком перемещались на новые позиции.

Если упражнения не выполнялись с необходимой скоростью, мы в наказание должны были отрабатывать боевые действия в противогазах. Они были сделаны из прорезиненного материала, и дышать через них во время интенсивной физической деятельности было крайне сложно. Мы думали, что задохнемся. Но было бессмысленно ждать жалости от наших инструкторов, ведь мы считались «элитой», и каждый из нас должен

был, по выражению Гитлера, быть «резвым, как борзая, гибким, как кожа, и твердым, как крупповская сталь».

Отягощенные весом оружия, мы взбирались на склоны, спускались с них и взбирались снова в палящем зное. После этого нам нужно было с полным обмундированием перейти вброд холодную, как лед, реку, поскольку условный мост был взорван. Однако эта пытка не заканчивалась маршем обратно в казармы. По пути инструктор мог неожиданно закричать: «Самолеты справа!» Или: «Самолеты слева!» И мы должны были бросаться в укрытия. Нам везло, если рядом оказывалась какая-нибудь канава. Но чаще приходилось бежать до ближайшего перелеска.

В награду и как заслуженный отдых, если это можно было так назвать, нас ждал вечерний поход в кино или в театр. После ужина рота снова маршировала семь километров до Клагенфурта. Впрочем, по сравнению с нашими занятиями под палящим солнцем, этот путь не был так уж тяжел. Однако обратная дорога после фильма в уютной полутьме кинотеатра давалась нам гораздо труднее. Из полусна нас не могла вывести даже божественная Марика Рекк. Маршируя в казармы, мы все уже практически спали на ходу.

Впрочем, кинофильмы, которые мы смотрели в Клагенфурте, нравились нам гораздо больше, нежели ленты, которые нам показывали с помощью проектора в казармах. В последнем случае нам демонстрировались фильмы о венерических болезнях и их последствиях. Ротный врач пояснял нам детали, безжалостно подчеркивая, сколь опасные инфекции могут нас подстергать. На примерах из Первой мировой войны нам демонстрировалось, что сифилис и гонорея могут умышленно использоваться, как оружие, которое выводит из строя беззаботных солдат. Мы были сконфу-

жены всем этим, но, пожалуй, извлекли для себя правильный урок.

После этого в течение дня мы снова оказывались на площадке перед бараками, где нам приходилось часами тренироваться под палящим солнцем до самого заката.

- На плечо!
- На ремень!
- К ноге!

День за днем мы часами выполняли упражнения с оружием, чтобы наши действия были доведены до автоматизма. Более того, даже «гусиная походка» во время парадов должна была превратиться в наш особый талант.

Наша четвертая рота стала образцово-показательной частью батальона. Эту честь мы сполна заслужили если не кровью, то потом. Изнурительная муштра в Клагенфурте отнимала у нас последние силы. Рухнуть на землю, встать, в касках ползти через грязь с оружием и рюкзаком — чего нам только не приходилось делать? Все это сопровождало нас потом в кошмарных снах. Однако это было скорее нам на пользу, чем во вред.

Столь интенсивная физическая подготовка очень пригодилась на поле боя. Именно она позволила нам уцелеть во многих опасных ситуациях. Как тут не вспомнить изречение о том, что пар костей не ломит. Период подготовки научил нас железной дисциплине и развил в нас мужественность, что не раз выручало нас не только во время войны, но и в лагерях для военнопленных, а также в непростые послевоенные годы. Даже сегодня я и многие мои старые товарищи ощущаем пользу от той суровой армейской школы.

Однако наша жизнь в Клагенфурте состояла не

только из одних испытаний и лишений. По воскресеньям мы получали несколько часов на радости жизни. Тогда мы собирались у известного клагенфуртского фонтана в виде дракона «Линдвурм» в старом городе в надежде на встречу на этот раз уже с дочерями Австрии.

В начищенной до блеска униформе мы, «парни из Лендорфа», дожидались, пока на горизонте появится хорошенькая девушка. Каждый из нас старался всеми силами произвести впечатление на прекрасный пол Остмарка. И, надо сказать, находчивые и умные молодые эсэсовцы зачастую находили отклик в сердцах девушек Каринтии.

Командовавший нами сержант прекрасно знал о наших встречах у фонтана. Да и как он мог не знать? Он же был из Остмарка. Каждый раз, когда мы уходили в увольнения, он предостерегал нас против развития серьезных отношений. Сержант говорил, что мы еще слишком молоды и вот-вот будем отправлены на фронт. Правда, он также добавлял с ухмылкой, что нигде в мире нет такого количества незаконнорожденных детей, как в Каринтии! Не зря же в городе говаривали, что каменный дракон Линдвурм взмахнет хвостом, если мимо него пройдет хотя бы одна девственница, а этого пока не случилось...

Ни предостережения, ни что-либо другое не могло помешать нам радоваться товарищескому общению за пределами учебного лагеря и встречам с местными молодыми девушками из среднего класса, которые явно воспитывались не в женских монастырях! Проводя вечера с красавицами, которые были предметом нашей страсти, или засиживаясь в местных питейных заведениях, мы довольно часто замечали, что возвращаться в казармы нам придется позже положенного часа.

Стремясь избежать «домашнего ареста» или, что еще хуже, дополнительной изнурительной муштры, мы, стараясь не попасться на глаза караульным, перелезали через стену, окружавшую казармы, и ползли к своим спальням, куда входили уже в одних носках с ботинками в руках, чтобы не наделать лишнего шума. Так мы оставались не замеченными часовыми и избегали наказания. Хотя, конечно, это было не самым лучшим поведением с нашей стороны.

Глава девятая

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ НА ВОСТОКЕ

Наступление, вошедшее в историю под именем «Барбаросса», началось в сумерках перед самым рассветом. 22 июня 1941 года в 3.15 немецкая армия начала свое продвижение на русскую территорию. Тысячи орудий, направленных на восток, загрохотали этой роковой ночью на пространстве от Финляндии до Черного моря.

В 5.30 гром фанфар на всех немецких радиоканалах возвестил о выступлении министра пропаганды Германии Йозефа Геббельса. Через считанные минуты не только немцы, но и весь мир узнали о кампании Гитлера против России. Блицкриг осуществлялся вермахтом силами танковых полков при поддержке авиации, что позволило уничтожить части Красной Армии, массово сосредоточенные у самой границы. В плане Гитлера основная ставка делалась на скорость продвижения немецких войск и внезапность нападения. И эти расчеты оправдались.

Стало ли неожиданностью для Сталина немецкое наступление? «Да», — отвечает на вопрос Виктор Суво-

ров, историк, потомственный советский военный и бывший агент ГРУ в Швейцарии. Однако надо сказать, что внешнее миролюбие России в тот период было обманчивым. Это было затишьем перед бурей. Бурей, которая неизбежно обрушилась бы на Германию. Сталин сам собирался начать наступление против Гитлера, и для этого было почти все уже готово. Массы войск Красной Армии были сосредоточены на границе вовсе не в целях обороны. В своей книге «Ледокол» Виктор Суворов подтверждает это: «Гитлер считал советское вторжение неизбежным, но он не ожидал его в ближайшие недели. Германские войска отвлекались на проведение второстепенных операций, а начало «Барбароссы» откладывалось. 22 июня 1941 года операция наконец началась. Сам Гитлер явно не осознал, как крупно ему повезло. Если бы «Барбароссу» перенесли еще раз, например, с 22 июня на 22 июля, то Гитлеру пришлось бы покончить с собой не в 1945 году, а раньше. Существует немало указаний на то, что срок начала советской операции «Гроза» был назначен на 6 июля 1941 года... Генерал армии С. П. Иванов прямо указывает на эту дату: «...германским войскам удалось нас предупредить буквально на две недели»... Гитлер имел неосторожность поверить Сталину и повернуться к нему спиной, и тогда летом 1940 года набатом загремел призыв к великой освободительной войне, которая сделает все страны мира республиками в составе СССР... Советские коммунисты открыто провозгласили свою цель: освободить весь мир, а Европу — в первую очередь».

В 1989 году в журнале «Шпигель» было опубликовано следующее свидетельство очевидца:

«Наступление Гитлера совпало с развертыванием Красной Армии. Разоблачения Суворова лишь под-

тверждают то, что было кристально ясно каждому немецкому солдату, перешедшему границу России 22 июня 1941 года. Прямо на границе мы натыкались на воздушные части русских, размещавшиеся на временных аэродромах, бессчетные военные склады, десантные дивизии и огромное количество танков. Будь мы прокляты, если бы мы дожидались, пока Красная Армия сама начнет наступление!»

Безусловно, это не было совпадением, что более двух с половиной миллионов солдат Красной Армии, в том числе и Белорусские части, были сосредоточены у самой границы на Украине в момент, когда Германия нанесла удар. Вермахту удалось захватить огромное количество вооружения уже в первые недели войны. Сотни тысяч русских военнопленных, захваченных только в этот период, служили достаточным доказательством, чтобы убедить каждого немецкого бойца, вплоть до последнего рядового, в том, что операция «Барбаросса» представляла собой превентивные меры против очевидного акта агрессии, направленного против Германии. Начальник немецкого Генерального штаба сухопутных войск Франц Гальдер отмечал: «Россия предприняла все меры для подготовки наступления на Запад, которое могло начаться в любой момент».

Александр Верт, находившийся в Москве во время Второй мировой войны в качестве корреспондента британской газеты, в своей книге «Россия в войне» отмечал:

«В своей речи, произнесенной 5 мая 1941 года, Сталин заявил, что «война с Германией неизбежна в связи с существующей международной обстановкой. Крас-

ной Армии остается либо ждать нападения Германии, либо самой перехватить инициативу»¹.

В своем радиообращении к нации 22 июня 1941 года Адольф Гитлер подчеркивал:

«Германский народ! В этот момент идет наступление — величайшее из тех, что видел мир... От Восточной Пруссии до Карпат развернуты соединения немецкого Восточного фронта. Германские и румынские части, объединенные под командованием генерала Антонеску, от берегов Прута через низины Дуная движутся к Черному морю. Задача этого фронта уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и тем самым спасение всех. Поэтому сегодня я решил снова вложить судьбу и будущее Германского рейха и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой борьбе!»

После того, как венгерские войска соединились с немецкими войсками в Югославии, венгерская армия также приняла участие в наступлении на Восток. Италией в свою очередь был направлен ряд дивизий на Русский фронт, чем Муссолини подтверждал свой союз с Германией.

23 июня Словакия, еще в 1939 году принимавшая

¹ Здесь имеется в виду знаменитая речь И.В. Сталина перед выпускниками военных академий Красной Армии 5 мая 1941 г. Историками всего мира давно ведутся дискуссии о том, выражал ли в этой речи Сталин свое намерение начать войну против Германии. Стенограмма этого выступления на сегодняшний день в российских архивах не обнаружена (или, по крайней мере, не обнародована). Записи российских и западных очевидцев зачастую противоречат друг другу. Это означает, что цитату из книги Александра Верта не следует воспринимать как истину в последней инстанции, однако возможность полной достоверности его сведений также не может быть исключена. Столь же спорной выглядит и вся концепция о подготовке Советским Союзом нападения на Германию, однозначных доказательств как в пользу, так и против которой на сегодняшний день, на наш взгляд, не существует. — *Прим. пер.*

участие в Польской кампании на стороне Германии, также направила свои части на Восточный фронт. Испанское правительство, с одной стороны, подчеркнуло свою лояльность к странам Оси (т.е. к Германии и ее союзникам) тем, что позволило своим добровольцам сформировать Голубую дивизию. С другой стороны, Испания формально осталась нейтральной, и ее вооруженные силы не приняли участия в выступлении против России. Зато войска Финляндии, отчетливо помнившие свою зимнюю войну против советских захватчиков в 1939—1940 годах, теперь действовали вместе с немецкими горными войсками в северной части России.

Болгария и Румыния проявили себя по отношению к Германии как настоящие братья по оружию с самого начала взаимоотношений между государствами, которые со временем стали очень тесными. В 1940 году Румыния была вынуждена уступить Советскому Союзу Бессарабию и Буковину, но теперь румынское государство стремилось восстановить права на свои территории.

Военные качества и надежность этих братьев по оружию, находившихся под немецким командованием, конечно, были разными. Леон Дегрелль, воевавший на Валлонском и на Восточном фронте, вспоминал после войны: «У нас были очень шумные соседи, румыны, которые поднимали по-настоящему дьявольский грохот. На нашем левом фланге их было более 20 тысяч. Они стреляли по всему, что могло представлять угрозу и что угрозы не представляло. Бесконечный гвалт румынского оружия сводил русских с ума и заставлял их оплачивать ответными обстрелами. За одну ночь румыны без нужды тратили столько боеприпасов, сколько всему нашему сектору хватило бы на две недели...

Однако румыны сумели вернуть себе Бессарабию и захватить Одессу. Они с боями дошли до Крыма и до Донецкого бассейна, завоевав себе имя настоящих воинов».

Из сказанного виден характер румын. К сожалению, в нем было много негативных качеств, присущих и русскому характеру, в том числе очень дикий нрав. В частности, одержимость румын к возмездию простиралась до того, что они устраивали резню среди захваченных ими военнопленных.

Так или иначе, победное наступление Германии позволило войскам вермахта дойти до Смоленска уже в первые три недели войны, а затем выйти на окраины Киева и взять в кольцо Ленинград. Русские были буквально парализованы от шока. Происшедшее порождало в них панику и растерянность.

Многие генералы вермахта ко второй неделе июля были убеждены, что война почти выиграна. Почти... Однако ее еще предстояло довести до конца. Впрочем, многие в мире не сомневались в победе Германии. Американский Генеральный штаб еще 23 июня 1941 года высказал свои предположения относительно ситуации на Востоке: «Германии понадобится от одного до трех месяцев, чтобы захватить Россию». Неделю спустя последовали суждения Британского Генерального штаба: «Возможно, что на «молниеносную» войну Германии понадобится от шести до восьми недель до достижения окончательной победы».

Эйфория немецких «победителей» передавалась населению аннексированных балтийских стран, Эстонии, Латвии и Литвы, которые совсем недавно пострадали от захватнической политики России. Они восторженно встречали немцев как освободителей. И даже в «старой России», жители которой претерпели немало

бед от коммунистической политики, отношение к немецким войскам во многих городах было таким же. После Октябрьской революции значительные массы населения страны пострадали от экспроприации, этнических чисток и массового террора, а также от голода и ущемления личных свобод, не говоря уже о притеснении национальной религии и закрытии церквей.

С приходом немцев в августе 1941 года в Смоленском кафедральном соборе возобновились службы, как и во многих других церквях, которые до этого использовались советской властью в качестве помещений для партийных архивов, складов и кинотеатров. Открывались церкви и на других советских территориях. «Бывшее украинское духовенство снова надело свои рясы и благословляло людей всех возрастов, стекавшихся в церкви» (Эрих Хельмдах, «Нападение?»).

5 октября 1941 года православный архимандрит Борис Якубовский поблагодарил командира немецкого инженерного батальона за «воскрешение» русских церквей и соборов, говоря при этом: «Наш долг сердечно благодарить вас, ваших инженеров и Адольфа Гитлера, мы никогда не забудем о том, чем вам обязаны».

Когда оказывалось возможным, колхозные земли и имущество колхозов возвращались к их первоначальным владельцам, чтобы они могли самостоятельно вести сельское хозяйство. Однако хорошие взаимоотношения, установившиеся между немецкими войсками и местным населением, впоследствии, к сожалению, были разрушены Восточной политикой национал-социализма.

Рассказывая обо всем этом, не лишним будет отметить, что церкви Германии вообще очень увлеклись «решительным курсом военных действий против смертельного врага западной христианской культуры» (ци-

тируется по постановлению немецких евангелистских церквей от 9 июля 1941 года). Там же были и такие слова: «Христиане Рейха дают тебе, наш фюрер, гарантию нашей непоколебимой веры в тебя и готовности идти за тобой». А в газете группы евангелистских церквей «Кирхлихе Рундшау» («Церковное обозрение») от 10 августа 1941 года даже заявлялось, что они молятся за победу в битве на Востоке, после чего было написано: «Дорогой Бог, мы восхваляем и благодарим тебя за нашего лидера и за бойцов, которых ты дал нам, чтобы привести нашу армию к победе».

В сегодняшней политической обстановке представители немецких христианских церквей яростно отрицают, что благословляли национал-социализм, и даже настаивают на том, что выступали против него. Хотя, как мы видим, в действительности все было совершенно иначе. Николаус фон Прерадович и Йозеф Стингл в своей книге «Бог благословлял фюрера» отмечают: «Это правда, что были исключения, но в основном многие влиятельные лица церкви... явно поддерживали Третий рейх. Министр пропаганды Йозеф Геббельс распространял по всему миру тексты каждой письменной декларации поддержки, появлявшейся в церковных публикациях».

Нейтральные государства, наряду с церковью, также поддерживали «справедливую войну» Германии. Турция, к примеру, написала об этом, что называется, черным по белому в своей дипломатической ноте, которая была отправлена в Министерство иностранных дел Германии 22 июня. И вскоре после этого сложился немецко-турецкий союз. Даже в Великобритании и Америке были группы населения, которые приветствовали немецкое наступление на Восток, «восхищаясь му-

жеством и дерзостью Германии, захватившей врасплох Сталина.

Правительства в Лондоне и Вашингтоне, однако, смотрели на вещи совершенно иначе. Под давлением обстоятельств Великобритания согласилась на альянс со Сталиным, не предвидя его последствий. О чем Черчилль бы вынужден сказать после войны: «Не ту свинью мы зарезали»¹ Однако в годы конфликта Сталин получал от западных союзников огромное количество военных поставок, которые переправлялись через Персидский залив и полярными морскими путями. Согласно отчетам Военного министерства США, за время Второй мировой войны Сталин получил вооружение и боеприпасы в количестве, достаточном для оснащения 200 полноценных дивизий Красной Армии, в том числе 400 000 грузовиков и 1500 самолетов. Однако альянс капитализма и коммунизма был противоестественным по своей природе и закончился вместе с окончанием Второй мировой, вылившись в длившуюся еще десятилетия «холодную войну».

В 1941 году, решив бороться против коммунизма, полные энтузиазма относительно новой Европы тысячи иностранных добровольцев вступали в ряды войск СС. За четыре года, которые продолжалась Русская кампания, в ней приняли участие 135 000 таких молодых людей из Западной Европы. Больше всего среди них было голландцев — 55000, а также 23000 фламандцев, 20000 французов и столько же валлонцев. В числе этих добровольцев оказались даже сыновья норвежского лауреата Нобелевской премии по литературе

¹ Для понимания значения цитаты следует вспомнить хронологически более раннее высказывание Черчилля: «Мы должны убить Гитлера, как мясник убивает свинью — ударом ножа в подбрюшье». — *Прим. пер.*

Кнута Гамсуна и президента Исландии Свейна Бьернс-сона.

Более того, до конца войны в немецком вермахте, согласно данным Ганса Вернера Нойлена, отслужили 1123 700 представителей негерманских национальностей. Согласитесь, эта статистика впечатляет, хотя она и замалчивается.

Мысль о новом «крестовом походе» воодушевляла не только национал-социалистов, но даже консервативные и ультраклерикальные круги на оккупированных территориях. Их представители приглашали воинов врага в свои дома и ощущали с ними гораздо большую духовную близость, нежели со своими антихристиански настроенными соотечественниками, жившими в Советском Союзе.

Глава десятая

ДОРОГА НА ВОЙНУ

Клагенфурт погружался в осень, когда самый успешный этап продвижения немецких войск в глубь России подходил к концу. Летнее солнце уже успело высушить сено, которое было теперь собрано в стога. Фермеры были очень довольны собранным урожаем. Между тем цветы и травы бледнели, и природа готовилась к зимней спячке.

Однако чего-чего, а уж спокойного сна и отдыха явно не хватило на нас, солдат из Лендорфского батальона. Повседневная жизнь для нас в ту осень означала непрерывающиеся тренировки и строевую подготовку. Мы снова и снова должны были отрабатывать то, что уже успели изучить. Для подкрепления нашей решимости нам периодически устраивали встречи с офи-

церами и сержантами дивизии «Викинг», прибывшими с Русского фронта. Мы сосредоточенно и воодушевленно слушали рассказы этих бойцов с наградами на форме о том, как они сражались с советскими войсками.

Части дивизии, воевавшие в России, постоянно пополнялись в том числе и теми, кто проходил обучение в Мюнхене перед нами, а также теми, кто заканчивал свою подготовку в Клагенфурте. Отправка выпускников на фронт, где они, наконец, могли принять участие в долгожданных боях, не обходилась без спиртного. Мы желали им всего самого лучшего, и прощание не было грустным, даже когда я расставался со своим братом Эвертом. Наоборот, мы отмечали это событие в торжественном духе, давая выход нашим настроениям. При этом мы даже завидовали тем, кто отправляется на фронт раньше нас, но верили, что также окажемся в числе участников победного парада Германии на Красной площади в Москве!

За время подготовки добровольцы из стран Европы стали не только соратниками, но и близкими друзьями. Я сам очень дружил с одним голландцем, Робби Райлингом из Гронингена, и воспринимал этого двадцатилетнего студента почти как брата. Наша дружба началась еще в первые недели пребывания в Зенхайме.

В целом все мы к этому моменту уже представляли собой компанию неунывающих молодых людей, которые при случае шутили и смеялись даже над собой, насколько нам позволяла суровая повседневная жизнь. Мы старались не воспринимать слишком серьезно неприятности и поддерживали друг друга. Мы подшучивали друг над другом, но наши шутки были не злыми, а дружескими.

Порою мы все вместе оказывались в смешной ситуации. Например, когда воспроизводили упражнения

парашютных дивизий. Отрабатывая прыжки с парашютом, они рядами падали на траву, сведя ступни вместе и держа руки за спиной. Мы делали или, по крайней мере, пытались сделать то же упражнение. Однако выполнить его было нелегко, и мы раздражались хохотом оттого, что у нас получалось, хотя порою такое падение стоило нам синяков или даже вывихов.

А вот еще одно упражнение сделало одного нашего товарища предметом общих шуток. Во время практики с противогазами он превращался буквально в ходячий несчастный случай. Эти занятия периодически проходили на открытом воздухе, однако подошло время и для тренировки в плотно закрытой комнате, заполненной ядовитым газом. В этих условиях мы отрабатывали смену фильтра в противогазе. Наш товарищ очень нервничал и, как всегда, напортачил. Меняя фильтр, он забыл задержать дыхание и через миг понесся к выходу со слезящимися глазами, кашляя и брызгая слюной!

Так мы и жили, пока пришел, наконец, и наш час отправляться на фронт. Дивизия «Викинг» за летние месяцы в упорных боях отбросила врага на юг и в сентябре 1941 года вышла к Днепру. Пройдя сотни километров с боями, дивизия понесла очень тяжелые потери и нуждалась в пополнениях из хорошо подготовленных к войне бойцов. Русские проявили себя неожиданно серьезными противниками, не сравнимыми с поляками в 1939 году или с французами в 1940-м. Однако первая волна добровольцев войск СС также успела подтвердить свое мужество на поле боя. Сражаясь в танковых и моторизованных дивизиях под командованием генерала фон Клейста, эти бойцы доказали, что на них можно положиться. Голландские, датские, норвежские и финские солдаты завоевали себе высокую репутацию в глазах генерального штаба. Задачей вто-

рой волны было, как писал Феликс Штайнер, «удержать темп продвижения вперед, взятый их предшественниками». Мы, выпускники запасного батальона «Вестланд» из Клагенфурта, как раз должны были войти во вторую волну добровольцев на фронте.

Между тем дни стали короче, и в воздухе начало ощущаться морозное дыхание зимы. Крыши домов были слегка припудрены первым снегом. Снег лежал и на дорогах. И мы скользили, шагая по булыжной мостовой старого города. Батальон строем вышел из Лендорфа в Клагенфурт на рассвете. Мы направлялись к главному железнодорожному вокзалу. По пути мы провожали долгим, последним взглядом фонтан «Линдвурм» и похожие на картинки из книжки городские дома, которые навсегда остались в нашей памяти. Прохожие махали нам в знак прощания. А мы рота за ротой входили на вокзал, который был для нас последней «родной» станцией.

На вокзале нас провожала шумная толпа. Девушки и возлюбленные, обретенные нами за время подготовки в Лендорфе, стояли с букетами осенних цветов, собранных для нас на прощание. Их облик резко контрастировал с родителями солдат, жившими поблизости и приехавшими попрощаться со своими отправлявшимися на фронт сыновьями. На лицах матерей была беспомощность, и они со слезами на глазах спешили отдать сыновьям собранные для них свертки, в которых были сладости, скромные деликатесы и теплые вещи. Сыновья, как могли, старались успокоить их, обещая, что скоро они вернутся домой. Отправлявшимся на фронт бойцам было тяжело прощаться с родными.

Нам, добровольцам из стран западной и северной Европы, эмоционально было легче, ведь наши родители жили слишком далеко, чтобы приехать в Южную Ка-

ринтию. Однако через несколько минут, издав последний гудок, поезд тронулся, и все мы уселись на свои места. Девушки и члены семей, махавшие руками нам на прощание, исчезли за облаком паровозного дыма.

Так начиналось наше путешествие в неизвестность. В странный мир, имя которому война. Так начиналось наше участие в огромном военном походе, рядовыми солдатами которого мы были.

Вскоре после отхода поезда некоторые из нас удобно устроились, улегшись в багажных нишах вагонных отделений. Другие обсуждали, каким может оказаться наше место назначения. Колеса монотонно стучали по рельсам. Их однообразный ритм заглушал тревожные мысли. Между тем стоило нам выехать из Каринтии, сельские пейзажи за окном стали другими. Состав медленно шел с запада на восток, оставляя позади идиллические места горного края, который мы уже успели полюбить.

Так мы проехали озеро Вертерзее, в котором совсем недавно нам доводилось купаться, и вереницу живописных сельских домиков, перед которыми были вывешены сушившиеся початки кукурузы. Поздно вечером мы достигли Вены и пересекли реку Данубе. Вскоре уже австрийский Остмарк остался позади. Мы пересекли границы Братиславы. А через некоторое время наш состав уже проезжал через Протекторат Богемии и Моравии, тянувшийся от богемских лесов до Татр.

На рассвете мы достигли Польши. Теперь за окнами мелькали бедные лачуги, возведенные на глинистых или песчаных почвах. Два года тому назад Польша стала первым театром военных действий Второй мировой. Теперь это государство подчинялось немецким властям. А славянские народы, жившие на равнинах от

Балтики до Карпатских гор, были разделены. Частью из них в старом колониальном стиле управлял Гитлер, а другой частью — точно так же Сталин.

Нашей следующей промежуточной остановкой стал Краков, который был, как его называли тогда, воротами на Русский фронт. По непонятным для нас причинам мы оставались в этом городе несколько недель. Возможно, офицеры и знали, что послужило причиной этого, но они держали язык за зубами. Нас разместили в бывших польских казармах, старых, некомфортных и, что самое неприятное, буквально набитых блохами!

В Кракове, старинной польской резиденции королей, теперь размещалось немецкое генерал-губернаторство. Однако город был очень беден, что мы заметили даже с первого взгляда. Польские военнопленные, работавшие на местных фермеров, жили даже в гораздо лучших условиях, чем большинство жителей Кракова.

Наша жизнь в этот период также не походила на каникулы. К нам вернулась прежняя муштра, прежние законы и прежний контроль за каждым нашим шагом. Даже наши расчеты с польскими девушками при посещении борделя вермахта контролировались сержантом, сидевшим там в комнате бывшего домовладельца. Он проверял наши расчетные книжки и даже наличие у нас презервативов.

В этот период наш батальон получил и специальное задание, выполняя которое мы играли роль телохранителей, если можно так выразиться. Мы должны были обеспечить безопасный проезд поезда фюрера через Краков. Для этого нам пришлось долгие часы стоять на пронизывающем холодном ветру по обеим сторонам железнодорожных путей с карабинами наготове, ожидая ночного поезда.

Главнокомандующий и его штаб размещались в двух локомотивах. Нашей задачей было предотвратить любое возможное нападение на них. Наши командиры прохаживались в темноте и периодически бросали нам под ноги небольшие камушки, чтобы проверить нашу готовность и не дать нам потерять бдительность. Около полуночи состав под курьезным именем «Америка» (с 1943 года был переименован в «Бранденбург») с двумя локомотивами и двумя бронированными вагонами противовоздушной обороны пронесся мимо нас. Шел снег, мы смотрели вслед исчезающему в ночи составу и думали о том, был ли в нем Гитлер?

Вскоре пришла пора и нашему батальону грузиться в поезд, чтобы продолжать свой путь на Восток. Некоторые из наших сержантов к этому времени уже были отправлены в дивизию «Викинг», которая понесла большие потери в боях на Южном русском фронте в районе Донецкого бассейна. Мы ехали вдоль Вислы. На реке кое-где встречались дамбы, защищавшие низкие места от затопления. Это напомнило мне о родной Голландии. Также через реку тянулись временные мосты, сооруженные немецкими инженерами, поскольку прежние польские мосты два года назад были уничтожены во время боевых действий.

Путь казался нам бесконечным. Прошло много часов, прежде чем мы пересекли Сан, приток Вислы, и достигли Лемберга. Где-то в этом районе проходила германо-советская демаркационная линия, но мы уже не заметили никаких следов ее бывшего существования. Более того, во время движения нам вообще было довольно сложно определять, через какое государство мы проезжаем, поскольку прежние границы оказались стерты войной и бывшие германские территории были возвращены в состав рейха.

В вагонах нашего поезда не было коридоров, и поэтому у нас не оставалось пространства для перемещений. В результате нам приходилось безвылазно находиться в тесных, душных и липких вагонных отделениях. Мы были настолько измучены всем этим, что уже практически не интересовались пейзажами, мелькавшими за окном. Тем более что местность, по которой мы проезжали, мало чем отличалась от равнин Восточной Польши. Так называемый «советский рай» оказался по европейским меркам очень редко населенным и бесцветным. Одиноко стоявшие сельские дома, мелькавшие друг за другом, нагоняли депрессию. С наступлением ночи в вагонах погасили свет, однако большинству из нас не спалось в душных отделениях. К тому же грохот двигавшегося поезда то и дело вырывал из сна. В полудреме нас подтачивали дурные предчувствия и мысли о том, что мы сможем не справиться с чем-то, что потребуется от нас на войне. Подобные размышления приводили к тому, что мы даже начинали сомневаться в собственной смелости. Но мы боролись с охватывавшей нас депрессией, вспоминали о своем добровольческом самопожертвовании и следовали диктату своей совести.

На рассвете мы уже пели солдатские песни и снова становились сами собой. А окончательно уверенность в себе вернулась к нам после нашей первой битвы... снежками. Она произошла, когда наше путешествие по неизвестным мне причинам снова прервалось. Мы несколько часов провели на полуразрушенной железнодорожной станции и решили занять себя игрой в снежки. Нашими противниками в «бою» стали румыны, но это сражение с ними было веселым и бескровным.

Наш поезд задержали на несколько дней. Пока мы ждали, к нам как-то раз для уборки в вагонных отделе-

ниях привели людей, которые явно были военнопленными, судя по их превратившейся в лохмотья одежде. Мы не знали, кто это был, русские или евреи. Эти люди выполняли свою работу с помощью огромных примитивных метел, и за ними следили надсмотрщики в униформе. Они очень грубо подгоняли военнопленных, чтобы те делали все поскорее. Однако когда в нашем отделении надсмотрщик не позволил пленным взять черствый хлеб, который мы уже не собирались есть и предложили им, это разозлило нас и дошло до того, что один из наших унтерштурмфюреров СС начал орать на надсмотрщика за его бесчеловечное поведение. Так мы впервые увидели военнопленных, и это заставляло задуматься. Кто из нас мог быть уверен, что его не ожидает подобная судьба?

Но наш путь продолжался. За окнами снова мелькали убогие деревянные домишки, рядом с которыми порою стояли вооруженные караульные вермахта. Также по пути мы увидели, выложенную черными камнями надпись для тех, кто возвращался на поездах в Германию: «Передайте Рейну привет от нас!» Чем дальше поезд уносил нас на восток, тем становилось холоднее. Особенно это ощущали те, кого назначали в караул. Они дежурили в тамбурах, где их насквозь пронзал ледяной ветер. Но они должны были находиться в карауле, чтобы предотвратить возможные действия партизан. Железнодорожные пути и мосты также очень часто оказывались заминированными, и поэтому наш локомотив толкал впереди себя товарный вагон, наполненный песком. Теоретически этот вагон должен был смягчить силу удара взрывной волны, которая бы обрушилась на состав, и спасти жизни машинистам и бойцам.

Несколькими днями раньше на нашей железнодорожной ветке уже подорвался один поезд. Тогда впе-

реди состава двигались караульные, которые должны были выстрелами в воздух предупредить машиниста о заминированных путях, если заложенная взрывчатка оказывалась визуально заметной. Однако, услышав выстрелы, машинист вместо того, чтобы остановить поезд, наоборот резко увеличил скорость, подумав, что это атакуют партизаны. В результате от взрыва погибло тридцать человек.

Но настоящую жатву войны мы увидели в Тарнополе. Следы окружения и кровавой битвы в летние месяцы однозначно говорили нам о том, что нас ждет. Почти как в кинохронике, сцены той легендарной битвы представляли перед нашими глазами во всей своей страшной и суровой реальности. Там было бесчисленное количество сожженных танков и других военных машин. А разрушенные деревни свидетельствовали о свирепых боях, разыгравшихся на участке между Карпатскими горами и рекой Припять.

Вскоре у нас был еще один перерыв в пути по причинам, которые нам никто не объяснял. И мы три недели пробыли в украинском городе Винница. Местное население выглядело смирившимся, пассивным и внешне не проявляло к нам враждебности. Причиной этого также была, несомненно, страшная бедность, которую они терпели при Сталине. Эта бедность сразу бросалась в глаза. На улицах было невозможно отличить женщин от мужчин. На них были одинаковые серые и некрасивые ватники, полы которых были стянуты веревкой. На их одежде не было даже пуговиц. Не было у них и фабричной обуви. Нам очень редко доводилось увидеть на ком-нибудь из местных жителей кожаные туфли или сапоги на меху. Самая распространенная местная обувь была сделана из парусины или войлока. У самых бедных к ступням, вместо обуви, просто были

привязаны куски старых автомобильных шин. Подобные жизненные условия вряд ли могли быть результатом первых месяцев войны. Скорее это показывает истинные реалии тогдашнего Советского государства, резко контрастировавшие с картиной «советского рая», о котором русские в ту пору так громко кричали.

Также в Виннице наблюдалась и крайняя теснота жилищных условий, что, возможно, было свойственно и всему Советскому Союзу. К примеру, мы видели трехкомнатный дом, построенный в двадцатых годах. Самая большая комната в нем была пять на пять метров. А в ней жило не меньше девяти человек, причем не относившихся к одной семье. Это была семейная пара с двумя маленькими детьми, холостой инженер, рабочий и старуха с двумя незамужними дочерьми. И они все жили, спали, готовили еду на примусе и обедали именно в этой комнате.

Неудивительно, что при жизни в таких условиях, порожденных большевицким режимом, сексуальная мораль упала до чрезвычайно низкого уровня. Результатом этого было огромное количество незаконнорожденных детей, которых год от года появлялось все больше. Многие из них становились беспризорниками. Эти сироты одевались в обноски, не мылись месяцами, были разносчиком разнообразных кожных инфекций и других болезней. Хуже того, они объединялись в подростковые банды, которые вооружались и могли напасть даже на милиционера. Увиденное производило на нас самое гнетущее впечатление, и мы поняли, что любой ценой должны остановить распространение коммунизма. Кроме того, это оправдало нас в своих глазах: нам стало ясно, почему мы пришли на русскую землю.

Мой друг Робби близко сошелся с одной русской

семьей. Вернее будет сказать, с девушкой из одной русской семьи. Он был очень сильно влюблен. Я сопровождал его во время визитов к ней домой, и почти всегда мы приносили с собой буханку хлеба для этих очень скромно живущих людей.

Покинув Винницу, мы ехали без остановок, пока не достигли города Умань в центре Украины. Неподалеку от города находился аэродром. Нас разместили в простых, но теплых деревянных бараках. Там неожиданно выяснилось, что нас нужно как можно скорее доставить на фронт, и нашим транспортом должен был стать уже не поезд, а самолет.

Однако из-за плохой погоды вылет постоянно откладывался. День за днем мы с полными рюкзаками за плечами маршировали на аэродром только для того, чтобы возвращаться назад со всем этим грузом. Но, наконец, погода стала летной, и транспортная эскадрилья «Юнкерсов-52», самолет за самолетом приземлилась на заснеженную взлетную полосу.

Тут возникла еще одна проблема. Грузоподъемность такого количества транспортных самолетов якобы оказалась недостаточной для нашего количества войск. Для облегчения веса нам было сказано оставить свои продуктовые пайки на аэродроме. Естественно, нас, обладавших ненасытным солдатским аппетитом, возмутило это предложение. И мы решили проблему по-своему, спешно съев все имевшиеся у нас продукты. Быстро дожевывая ледяные от холода сосиски, мы совершенно не думали, добавят ли они нам веса, оказавшись внутри наших желудков.

Вскоре после этого мы, подобно возбужденным школьникам, штурмующим автобус, начали занимать свои места в «юнкерсах». При этом сидеть нам пришлось на своих рюкзаках, поскольку сиденья из сало-

нов самолетов были убраны. Нас ведь было слишком много, чтобы мы могли разместиться на нормальных местах. Но мы не слишком переживали из-за недостатка комфорта и даже шутили, что все равно летим за государственный счет.

При взлете сердца многих из нас, впервые поднимавшихся в воздух на самолете, забились едва ли не громче моторов «юнкерсов». Загруженные под завязку машины медленно набирали высоту. Затем эскадрилья разделилась, чтобы снизить потери в случае возможной атаки истребителей врага. А мы столпились у больших бортовых иллюминаторов.

Русские равнины, покрытые снегом, расстилались далеко внизу под нами и напоминали изображение на карте. Они казались бесконечными. Мы были поражены открывшимся перед нами видом. Темные леса и воронки от взрывов, которые мы могли разглядеть, резко контрастировали с белым снегом. Также нам были отчетливо видны разрушенные мосты. Попадая в воздушные ямы, наш «юнкерс», стальная птица с тридцатиметровым размахом крыла, подскакивал то вверх, то вниз. При этом некоторые из нас поначалу даже вскрикивали. Беззаботные и простодушные, мы жадно впитывали в себя новый опыт и наслаждались полетом.

Так прошло около часа, и вдруг мы увидели в небе крохотные черные точки, которые стремительно приближались к нам. Это были истребители противника! В салоне самолета тут же появился стрелок-радист, одетый в толстую куртку на меховой подкладке и коричневую кожаную шапку, с патронной лентой через плечо и выпученными глазами. Он спешно занял свою позицию в хвосте «юнкерса», где был установлен пулемет. Позиция за пулеметом была открыта всем ветрам и непогоде. И лишь глядя на стрелка-радиста, мы, на-

конец, осознали всю серьезность ситуации. Медленные и неповоротливые «юнкерсы», чья максимальная скорость была всего 270 километров в час, представляли собой очень легкую мишень для советских истребителей. Но на этот раз нам очень крупно повезло, и истребители врага по какой-то неизвестной причине развернулись и скрылись за горизонтом. Мы, пехотинцы, пришли в такой восторг, что ощущали себя едва ли не победителями в воздушном бою.

Однако от нашей веселости очень быстро не осталось и следа из-за нарастающей турбулентности. Наши лица одно за другим теряли свой розоватый цвет и становились болезненно белыми. Многие начали раскаиваться, что спешно проглатывали свои пайки, которые, не успев перевариться, теперь извергались в футляры, из которых мы торопливо вынимали противогазы. Никакой другой емкости для этой цели у нас попросту не было. Нас всех без исключения охватила ужасная воздушная болезнь, которая ничуть не лучше морской болезни. Страдая от охватившего нас недуга, мы даже не заметили, как наши «юнкерсы» начали приземляться на посадочную полосу временного аэродрома.

Моторы самолетов все еще работали, когда мы начали выпрыгивать из их промерзших салонов. До чего же здорово было снова ощутить под ногами землю! Дрожа от холода и спеша укрыться от снегопада, мы побежали к большому открытому ангару. Там в пустой металлической бочке горели крупные дрова, и этот костер помогал нам хоть немного согреться.

Мы тогда не имели ни малейшего представления, где мы находимся, и лишь позднее узнали, что аэродром называется «Орел». Вскоре после этого нам стало ясно, что одноименный город, в котором находился аэродром, не располагается на юге у Днепра, а наобо-

рот, находится в центре Советского Союза на реке Ока. То есть мы пролетели через Киев на северо-восток и приземлились примерно в 250 километрах от Москвы. Это означало, что мы не будем принимать участие в боях вместе с дивизией «Викинг». И возникал естественный вопрос: почему?

Английский историк Дэвид Ирвинг в своей книге о Гитлере и его генералах дает ответ на этот вопрос. В напряженной ситуации, вызванной суровой русской зимой, незадолго до наступления на Москву Гитлер лично принял главнокомандование сухопутными войсками, которое до этого осуществлял фельдмаршал Вальтер фон Браухич. Приказы Гитлера требовали от его бойцов фанатичного сопротивления, при этом возможность прорыва врага с флангов или со стороны тыла в расчет вообще не принималась. Также фюрер распорядился срочно пополнить войска на центральном участке фронта за счет войск СС, бойцы которых должны были быть переброшены к месту назначения кратчайшим путем, то есть по воздуху. Таким образом, мы должны были поддерживать войска, оказавшиеся в очень непростой и опасной ситуации.

Анализируя ситуацию, Дэвид Ирвинг приходит к выводу, что в непростые месяцы зимы 1941 года Гитлер продемонстрировал свою решимость, которая была подкреплена легендарной выносливостью немецких солдат, не боявшихся любых трудностей.

В вечер нашего прибытия в Орел мы увидели с крыши аэродрома, как рухнул на землю охваченный пламенем тяжелый четырехмоторный транспортный самолет Фокке-Вульф «Кондор» (FW 200). За его падением последовал оглушительный взрыв. Все, кто находился на борту самолета, погибли. Среди них были и генералы. Однако самолет этот не был атакован, а разбился

либо из-за ошибки пилота, либо из-за технической неисправности.

Мы провели в ангаре всю ночь при тридцатиградусном морозе. На следующий день мы отправились в путь в товарных вагонах с железными печками. Мы сиделись вокруг них на устланном свежей соломой полу и ощущали хоть какой-то комфорт, хоть немного отогревались. Через некоторое время, немного выпив, мы начали напевать старые солдатские песни. Движение поезда то и дело преграждали снежные заносы. Нам приходилось покидать вагоны и расчищать пути. Те, кто выпрыгивал из вагонов первыми, зачастую проваливались в сугробы, такие высокие, что порою они были нам буквально по грудь. Вот так мы и ехали — от сугроба до сугроба.

Глава одиннадцатая

ВОЕННАЯ ЗИМА

В эту зиму в северных областях России были зарегистрированы пятидесятиградусные морозы. Столь холодных зим в этой стране не было уже 140 лет. На земле не существовало солдат, способных сражаться в таких условиях, да и оружия, пригодного для таких температур, также еще не было изобретено.

Красная Армия воспользовалась ситуацией и подготовила контрнаступление, чтобы остановить немецкую армию у ворот Москвы. Русские говорили в те дни, что «генерал Мороз» сражается их стороне. Сталин, сидя в Кремле, увидел в этом первый проблеск надежды.

До этих пор ни погода, ни сопротивление врага не могли остановить победный марш вермахта по Европе.

В октябре российская распутица замедлила темп немецкого наступления, но начавшиеся в ноябре поначалу умеренные морозы, казалось, решили проблему.

Советские бойцы еще летом потеряли уверенность в победе, как только немецкая армия пересекла реку Березина, правый приток Днепра. В исторической памяти русских эта река обладала особым ореолом, ведь именно здесь Наполеон понес огромные потери во время своего отступления в 1812 году. Переправа через реку Березина стала гибельной для великой армии Бонапарта. Однако немцы преодолели эту преграду без особых трудностей и в скором времени находились уже в восемнадцати километрах от Москвы.

15 октября Государственный Комитет Обороны СССР принял решение об эвакуации, и уже на следующий день началась эвакуация из Москвы за Волгу управлений Генштаба, наркоматов, военных академий, и других учреждений. Иностранные посольства также были эвакуированы из российской столицы. В городе были заминированы мосты, заводы и электростанции. Значительная часть населения была убеждена, что немецкие войска вот-вот войдут в Москву. Начались беспорядки. Люди грабили магазины и квартиры, оставленные эвакуировавшимися. А некоторые коммунисты, возмущенные тем, что их вождь не смог остановить продвижение врага, даже сжигали свои партийные билеты. Однако НКВД продолжал свою работу, арестовывая недовольных и расстреливая мятежников.

Генералом Георгием Жуковым для защиты Москвы было сформировано народное ополчение, в которое вошло около 100 000 человек из гражданского населения. Более полумиллиона жителей сооружали на улицах баррикады и рыли противотанковые рвы. Военные законы теперь действовали и по отношению к граждан-

скому населению: «разжигатели паники, трусы и предатели» расстреливались. Город готовился к тому, чтобы Гитлер заплатил за его покорение как можно более дорогую цену.

Однако войска вермахта не сумели взять Москву. Важную роль в этом сыграл и немецкий коммунист Рихард Зорге, работавший под видом зарубежного корреспондента ряда германских газет советским разведчиком в Токио. Он предоставил Кремлю однозначную информацию о том, что Япония в ближайшее время начнет войну с США в Тихоокеанском регионе и не примет совместного с Германией участия в нападении на СССР. Благодаря этому Красная Армия смогла перебросить с Дальнего Востока на защиту Москвы десятки дополнительных дивизий. Они были полностью экипированы для русской зимы и состояли из сибирских и монгольских бойцов, знаменитых своими первоклассными воинскими качествами. Нам было суждено убедиться на собственном опыте, сколь непросто воевать с такими противниками. Как ни прискорбно, но все обстоятельства сложились против того, чтобы мы взяли Москву.

Между тем наше путешествие в товарных вагонах завершилось на одной из железнодорожных станций. Разместившись в здании вокзала, мы вскоре были атакованы русским бомбардировщиком, который сбросил на нас фугасную бомбу. Она упала в пятнадцати шагах от здания, и взрывная волна снесла половину покрытой гудроном крыши вокзала, а также разрушила боковую стену. Мы пережили жесточайший шок, хотя никто из нас серьезно не пострадал. Лишь несколько человек оказались ранеными, да и то легко. Однако теперь мы не сомневались, что действительно оказались на войне.

На следующий день мы двигались вперед уже на

грузовиках по заснеженным дорогам. Нас соединили с батальоном моторизованной пехотной бригады СС. Длинная колонна машин шла по открытому пространству белых пустынь в направлении фронта. По обеим сторонам дороги торчали деревянные колы, поставленные для того, чтобы мы не сбились с пути.

В кузовах грузовиков было ужасно холодно. Хотя на нас были шерстяные перчатки, нам приходилось постоянно двигать руками и пальцами, чтобы спастись от сильного обморожения, а также периодически ударять себя по груди, чтобы стимулировать кровообращение. Также мы постоянно притопывали ногами по полу, поскольку наши кожаные ботинки, прекрасно подходившие для теплой Каринтии, оказались совершенно неадекватными русским морозам.

Кроме мороза, мы страдали и от еще одной проблемы. В грузовиках не было никаких приспособлений для того, чтобы мы могли справить естественные надобности. И остановок для этих целей в пути также не делалось. Нам оставалось только высовываться в грузовой люк. При этом нельзя было обойтись без помощи товарищей, которые должны были в это время держать тебя, чтобы ты не вывалился из кузова.

В таких условиях мы даже радовались, если грузовик останавливался из-за снежных заносов. Расчищая их, мы согревались. При этом, когда выключались моторы грузовиков, мы слышали вдали грохот орудий. Это однозначно говорило о том, что фронт рядом. Сумерки в России начинались в декабре уже около трех часов дня, и мы порою видели, как в сером небе мелькали огоньки трассирующих пуль.

По дороге несколько грузовиков сломалось, и многим из нас пришлось продолжать путь пешком: Марш по глубокому снегу с полными рюкзаками за плечами

превращался в настоящую пытку. Однако через некоторое время нас нагнала колонна танков, и мы смогли забраться на их броню. Сидеть на броне, будучи открытым всем ветрам, было ужасно, но все-таки лучше, чем двигаться пешком. Тем не менее вскоре нам пришлось спрыгивать с танков прямо в снег, когда над нами начал кружить небольшой самолет. Поначалу мы подумали, что он свой, и даже помахали ему, но потом он начал пикировать в направлении нашей колонны и мы увидели на нем красные звезды. Наш танк «Панцер-кампфваген IV» (PzKpfw IV) на полном ходу начал маневрировать, чтобы увернуться от огня русского самолета. И хотя немецкий танк был защищен броней толщиной от 30 до 50 миллиметров, но русский самолет остановил его, поразив ходовую часть. Мы, пехотинцы, были беззащитны и легко уязвимы, но летчик нас пощадил.

После окончания атаки колонна снова двинулась вперед. И снова бойцы взбирались на броню движущихся танков. По крайней мере, большинство бойцов. Однако как-то так получилось, что мы с моим другом Робби не сумели найти себе места на броне шедших вперед машин и остались рядом с подбитым танком и пятью бойцами из его экипажа. Они сразу занялись починкой танка, которую в нормальных условиях можно было бы осуществить быстро и без особых проблем. Однако в той обстановке это требовало нечеловеческих усилий. Траки гусениц буквально примерзали к пальцам, точно так же, как и все остальные металлические детали. Мы ничем не могли помочь танкистам. А время шло, и нам с Робби вовсе не хотелось потерять свой батальон. Мы решили, что они, возможно, остановились в ближайшей деревне, и вдвоем пошли пеш-

ком. Как оказалось, это было не самым лучшим решением.

Мы шли километр за километром, не встречая ни единого дома. Уже давно стемнело. Мы были усталыми, как собаки. Неожиданно мы увидели вдали смутные очертания чего-то, похожего на сельские дома. Мы пошли быстрее. Подобно крохотному острову посреди окружавшего нас огромного снежного моря, перед нами все четче виднелись низкие крестьянские хаты, обрамленные голыми деревьями. Мы подошли к небольшой деревеньке. Из печной трубы одного из домов в темное небо поднимался дым, означавший, что там находились люди. Но кем они были — друзьями или врагами?

Промерзшим насквозь и одновременно вспотевшим от быстрой ходьбы, нам выбирать не приходилось. Ночь под открытым небом означала верную гибель. Сняв свое оружие с предохранителей, мы шаг за шагом начали медленно входить в неизвестную деревню. Наши сердца буквально выпрыгивали из груди. Периодически нам приходилось останавливаться из-за огромной глубины снега. Однако и во время остановок мы продолжали внимательно смотреть во все стороны и прислушиваться к каждому звуку. Мы разглядели несколько сожженных домов, от которых остались только печи. Это означало, что когда-то деревня была под обстрелом. Но мы не замечали ни малейшего движения. Вокруг стояла мертвая тишина. И нигде не было видно ни следа, все было занесено снегом. Поэтому мы развернулись и осторожно подоברались к дому, из трубы которого шел дым.

Деревянная дверь оказалась не заперта, и мы вломились в дом, крича на немецком и русском: «Руки вверх!» К своему облегчению, мы увидели в углу ком-

наты лишь испуганную крестьянскую семью, которая вопросительно смотрела на нас. Объясняясь жестами, мы очень быстро выяснили, что всего за несколько часов до нас в деревне были советские солдаты — казацкий патруль на лошадях.

Здесь нужно заметить, что русский фронт не имел четких границ. Подобным одиноко стоящим деревням очень доставалось в ходе боев, и они постоянно переходили из рук в руки: то к немецким бойцам, то обратно к советским. В деревне, куда мы забрели, в результате этого погибли многие жители. Другие ушли из деревни. А каждого уцелевшего мужчину, более-менее пригодного для военной службы, забрали в Красную Армию. Таким образом, в этой деревне оставалась лишь одна семья, в доме которой мы находились.

Когда наши хозяева поняли, что мы не собираемся причинять им вреда, они немного расслабились. Между тем наша скованная морозом униформа и кожаные ботинки также начали оттаивать. Хозяйка приготовила картошку в мундирах, которую мы ели, не очищая, закусывая полумерзшими луковицами. В ответ на их дружелюбие мы отдали им плитки шоколада из нашего пайка. Однако нам пришлось делить тепло и уют русской хаты не только с ее семьей, но и, к нашему ужасу, с блохами! Тем не менее мы пробыли там до утра, по очереди дежуря, пока один из нас спал.

Ночная тьма была другом партизан. А снег был другом казаков, потому что позволял им бесшумно приближаться к противнику на лошадях. За ночь мы то и дело подходили к дверям, чтобы осмотреть окрестности. Но деревня оставалась спокойной и безмолвной. Над бесконечной заснеженной равниной в небе мерцали редкие звезды. И только горизонт со стороны фронта периодически озарялся красными вспышками.

На рассвете, согревшиеся и немного отдохнувшие, мы покинули приютивший нас дом. Я не знаю, как называлась та деревня. Возможно, Красная или даже Сенская. Для нас все эти названия казались схожими, а занесенные снегом деревни мало отличались друг от друга. Мы скитались по нейтральной территории весь следующий день и всю ночь, проведя несколько часов в другой деревне, в которой уже не оставалось ни единого жителя. Дома были пусты, но здравый смысл подсказал нам, что противник также может воспользоваться ими, как укрытием от мороза. И поэтому мы в качестве места для отдыха избрали для себя полусгоревшую конюшню. Там мы провели несколько часов, пытаясь согреться, зарывшись в сырую солому.

В снежной пустыне, окружавшей нас, нашим единственным ориентиром был грохот орудий со стороны фронта. Мы шли в направлении этого звука по глубокому снегу, выжимая из себя последние силы. Но голод и жажда давали о себе знать, и это сказывалось на темпе нашего движения. Хозяева деревенской хаты, где мы провели первую ночь, на прощание дали нам с собой подсолнечных семечек. И это было теперь единственной едой, которая у нас осталась. Мы запивали ее талым снегом.

Когда наши силы были уже на исходе, нам показалось, что мы увидели мираж. Прямо перед нами была дорога! К своему еще большему облегчению, мы сразу наткнулись на немецкий военный автобус. Он стоял под наклоном, съехав с дороги. Однако его дверь оказалась скованной морозом, и мы не смогли открыть ее. Расчистив снег с окон, мы заглянули внутрь. Там мы увидели немецких солдат, сидевших на сиденьях и укутавшихся в покрывала. Воротники их шинелей были подняты и скрывали лица. Одни из солдат сидели ров-

но, другие обнимали друг друга, чтобы согреться. Водителя нигде не было видно. Может быть, он пошел за помощью и не вернулся? Может, он тоже потерялся в снежной пустыне? Мы вдруг заметили странную желтизну и бледность на лицах солдат. Они не подавали ни единого признака жизни. И мы уже ничем не могли им помочь. В автобусе царила смерть. Мы медленно осознали, что все они умерли, замерзнув во сне.

Мы пошли прочь от автобуса, ставшего металлическим гробом на колесах. Мы дрожали и были задумчивы. Наши мысли вертелись вокруг ужасов войны. Но нужно было идти вперед, идти из последних сил.

Неожиданно к нам пришло спасение. Нас подхватила тройка лошадей, идущая прямо к передовой. На таких тройках вермахт, приспособляясь к русской зиме, начал доставлять на фронт боеприпасы. Сидя между сложенных в ряды ящиков со снарядами, мы вспомнили о типичной русской тройке, о которой мы читали еще в школе. Здесь не хватало только привязанных к саням бубенчиков.

Так мы оказались еще в одной деревне, где сразу наткнулись на деревянный столб с указателем, на котором было написано, что наш батальон находится на главной линии обороны всего в шести километрах от нас. Мы отправились туда. Вокруг нас была опять заснеженная равнина с мелькавшими то здесь, то там невысокими березками. Пройдя некоторое расстояние, мы услышали резкий окрик:

— Вам, что, жить надоело? Пригните головы!

Оказывается, мы находились в зоне досягаемости огня врага. Это нам объяснили двое караульных, которых мы сразу не заметили за стеной из снега. Они показали нам, где находится командный пункт роты. Наш сержант был очень удивлен возвращением двух блуд-

ных овец. Мы ведь уже были в списке пропавших без вести, который должны были отправить в полк.

Товарищи по батальону встретили нас восторженно. Каждый спешил рассказать последние новости. Они были не самыми обнадеживающими, если не сказать большего. Часть грузовиков нашего батальона была потеряна по пути на фронт во время сильной метели. Бойцов, находившихся в них, русские захватили в плен. После контратаки были найдены их тела. В основном это были норвежцы. Русские избили их до смерти и бросили замерзать в реку Оку. Кроме этого, в ходе боев уже погиб наш командир и было много других убитых и раненых. Каждый боец был на счету. Мы с Робертом были подробно допрошены, после чего командир взвода постановил:

— Вы потерялись, еще не побывав в бою! Что мне остается сказать? Ну-ка хорошо отдохните, а бои у вас впереди!

В полночь мы должны были отправляться на разведку в составе группы из бойцов нашего батальона, и у нас оставалось еще несколько часов на сон. Однако какой сон перед первым боевым заданием? Нервное напряжение давало о себе знать, и мы почти не спали.

Нашей задачей было провести разведку в перелеске, лежащем к востоку от наших позиций, в секторе второй роты, чтобы проверить, свободен ли он от врага. Ровно в полночь двенадцать солдат и командир патруля, покинув передовые окопы, устремились в направлении позиций противника. Караульные были предупреждены о нашем задании, и мы могли не бояться, что по возвращении нас встретят огнем свои же товарищи.

Мы осторожно с винтовками наготове двигались на расстоянии двух-трех метров друг от друга за возглав-

лявшим патруль капралом, который был вооружен пистолетом-пулеметом. Ночь выдалась морозной, и желто-белая луна ярко светила над лесом. Мы не произносили ни слова. Только снег скрипел под нашими ботинками, и время от времени раздавался треск сломанных веток, которые мы задевали, пробираясь между деревьями. Но все шло хорошо, если не считать того, что пару раз члены нашего отряда падали в не замеченные ими воронки от снарядов. Таких воронок в лесу было много, поскольку он подвергался интенсивному огню с обеих сторон.

Однако напряжение давало о себе знать, и наше воображение рисовало перед нами бойцов Красной Армии буквально за каждым деревом и каждым кустарником. Продвигаясь глубже в лес, мы, несмотря на страшный холод, все сильнее потели в наших белых маскировочных костюмах. Каждый раз, когда луна исчезала за облаками, небо на востоке вспыхивало, и все вокруг озярялось от осветительных ракет. Мы всякий раз вздрагивали при этом, говоря себе: «Нас заметили!» Но ракеты гасли, и темнота вновь накрывала лес.

Мы уже начинали верить, что в этом перелеске нет русских, когда грохот русского пулемета вдруг разорвал ночную тишину. Мы тут же повалились на землю, но трассирующие пули пролетели над самыми нашими головами. В панике я попытался зарыться в землю, которая от мороза стала буквально каменной, но не смог. В эти мгновения я уже не чувствовал страшного холода. Мой живот сводило от мысли, что это конец. Неужели я погибну в своем первом бою?

Следующая пулеметная очередь заставила заорать от боли нашего командира. Пули попали ему в позвоночник. Это усилило панику и окончательно парализовало нас. Но так продолжалось недолго. Через не-

сколько мгновений мы уже заставляли себя собраться и вспомнить все, чему нас учили. Каждый занял удобную лежащую позицию или привстал на одно колено, скрытый деревьями. И мы открыли ответный огонь. По всей вероятности, нам пришлось противостоять русскому взводу, который был отправлен в перелесок с тем же заданием, что и мы, то есть выяснить, занят ли он врагом.

Боец, принявший теперь командование нашим патрулем, приказал мне бежать за помощью для раненого капрала. И я, как преследуемый охотниками олень, понесся к выходу из леса. В суматохе я упал, споткнувшись обо что-то, что показалось мне поваленным деревом. Через секунду я понял, что споткнулся о тело погибшего русского солдата. Его остекленевшие глаза были открыты и смотрели на бледную луну.

Задышавшись, я добежал до передовых траншей. От волнения мне с трудом удалось вспомнить пароль. Я доложил о случившемся на командный пункт роты и вместе с двумя медиками вернулся к раненому капралу. Он к этому моменту уже периодически терял сознание. Мы отнесли его на ближайший пункт первой медицинской помощи. Но в ту же ночь наш капрал умер от полученных ранений.

Боевые будни с самого начала стали походить на ад. Но те, кто выживал, раз от раза все увереннее действовали на поле боя. Однако от смерти это спасало далеко не всех. Я и многие другие, достаточно честные перед собой, задавали себе вопрос: «Вернемся ли мы домой с победой?» Но вопрос этот был бесцельным, поскольку выбора у нас уже не было. Каждый день приносил новые и новые испытания.

Генерал Гудериан однажды сказал, что солдат «должен выполнять свое дело, не отвлекаясь на посторон-

ние вещи». Но эти слова уже не были актуальны для тех, кто сражался в центральном секторе Восточного фронта. Мы здесь в любом случае не могли позволить себе такую роскошь, как «отвлекаться на посторонние вещи». Битва за Москву была проиграна. Это понимали как мы, так и все остальные немецкие части, сражавшиеся между Орлом и Доном. Мне довелось слышать мрачную шутку о том, что в России наша победа замерзла до смерти.

Русские власти из Кремля начали широко распространять мнение, что немецкую армию ждет та же судьба, что и армию Наполеона, столкнувшуюся с непривычной для нее суровостью русского климата и природы. Однако мы, сидя в своих окопах, видели вокруг только бескрайние заснеженные равнины и мало знали о том, что происходит за пределами нашего сектора. Тогда, в декабре 1941 года, мы еще не подозревали, что совсем скоро нам придется сражаться на нашем участке уже даже не ради победы, а просто чтобы уцелеть.

Проблема во многом коренилась также и в том, что не существовало адекватных теоретических работ о ведении войны в условиях, с которыми мы столкнулись в России. Эта страна была такой огромной, что казалась нам бесконечной, и была населена народами, названия которых нам ни о чем не говорили. Из истории мы могли вспомнить только два примера войны на русской территории. Во-первых, проигранную кампанию Наполеона. Во-вторых, боевые действия во время Первой мировой. Реалии обеих войн содержали в себе бои в зимний период, когда противникам России приходилось противостоять огромным массам ее солдат.

Так же массированно на наши слабо укрепленные линии обороны наступали свежие сибирские и мон-

гольские полки. Одеты в толстые ватные куртки с меховой подкладкой и теплые сапоги, они подползали к нашим передовым траншеям по ночам. И нам приходилось отступать с боями от одной деревни к другой. Ни днем, ни ночью у нас не было возможности соорудить себе сколь-либо серьезные укрытия. Рыть окопы в каменной от морозов земле с нашим очень плохим оснащением было пыткой, и нам мало что удавалось.

Наступление Красной Армии в декабре 1941 года привело к появлению немыслимых зигзагов и изгибов в немецкой линии обороны. Один из офицеров нашей роты показал нам на карте наше местоположение. Это была крайняя точка немецких позиций на востоке. Мы слышали от него географические названия Елец, город Ефремов, Русский Брод, Воронеж, но где все это было расположено относительно нас, мы не знали, да и не стремились узнать, поскольку нам это знание мало что давало тогда.

Наше зимнее обмундирование до сих пор не прибыло, поэтому мы, чтобы не замерзнуть, пользовались любыми покрывалами и меховыми изделиями, которые попадали в наши руки. Каждый надевал под свою летнюю униформу всю одежду, какая у него только была. Но даже при всех этих ухищрениях мы все равно жестоко страдали от холода. Если нам приходилось долго лежать на скованной морозом земле, многие сильно обмораживались. Раненые, которым не получалось быстро оказать помощь, порою замерзали до смерти. Только счастливицам удавалось раздобыть русские валенки. Глядя же на зашнурованные кожаные ботинки, которые были у большинства, наши финские братья по оружию только качали головой и говорили, что мы можем «с тем же успехом бегать по снегу в носках». Более того, у нас даже не было меховых головных

уборов. И под холодными стальными касками мы носили лишь вязанные подшлемники.

В Германии был объявлен сбор меховых изделий и других теплых вещей. Население откликнулось на этот призыв и жертвовало теплую удобную одежду, веря, что она поможет «мальчикам на фронте», когда они получают ее. Но, к сожалению, до нас доходила лишь небольшая часть этой одежды, в то время как горы теплых вещей оставались на сборных пунктах.

В ходе непрекращающихся боев численность фронтовых полков сократилась до трети от номинальной. Но мороз продолжал косить ряды тех, кто уцелел. От обморожений мы лишились едва ли не большего количества бойцов, чем в результате боев. «Общие потери немецких войск на Восточном фронте на декабрь 1941 года составили 750 000 человек. Таким образом, немецкая армия в России лишилась каждого четвертого своего солдата, который был убит или ранен», — такова статистика, которую приводит Пауль Карелл в своей книге «Операция «Барбаросса». В конце года к этой цифре можно было добавить еще 65000 бойцов, сраженных разнообразными инфекциями, которые стали следствием отсутствия возможностей для соблюдения элементарной гигиены. Только от тифозной лихорадки умерло около 800 бойцов. Обморожений, однако, было гораздо больше. На конец февраля в немецкой армии было зафиксировано уже 100 000 случаев серьезных обморожений.

Советские войска также несли очень тяжелые потери, но для них это не было слишком критично, поскольку они обладали более чем достаточными резервами. Кроме того, замечу, что русские солдаты, в отличие от нас, были очень неприхотливыми. Это особенно заметно по их каждодневному рациону. В сумках, висевших у

них на ремнях, был овес, из которого они на воде варили себе кашу. Помимо этого, в качестве сухого пайка русские часто носили с собой сушеную рыбу. Во время еды они часто запивали ее водкой из своих фляжек. Впрочем, водку они могли пить и в любое другое время дня. Курили они махорку, из которой сворачивали самокрутки, используя газеты вместо папиросной бумаги. А во время боев русские могли выдержать и выдерживали гораздо больше, чем любая другая европейская армия. Приведу лишь одну цитату на этот счет: «Восточный фронт был кошмаром для немецкого солдата. Русские сражались как примитивные, бездушные роботы. Их патриотизм и большевицкие идеалы вовсе не лопались, как мыльный пузырь, наоборот, их убеждения было очень тяжело поколебать. Русские командиры, ни секунды не колеблясь, начинали бой, даже если он обещал крайне высокие потери с их стороны. А их солдаты сражались до последнего вздоха, зачастую предпочитая самоубийство плену. К примеру, в безнадежной ситуации русская пехота применяла тактику гренадеров XVII века. Они формировали первую линию, которая шла прямо на пулеметы противника. Затем за телами убитых собиралась вторая линия, и русские продолжали идти вперед. Так повторялось вплоть до их последнего бойца, либо же до последнего патрона в немецких пулеметах».

Война с Советским Союзом очень скоро в своей жестокости и тяжести превзошла все прежние войны, проходившие с 1939 года. Ее целью стало полное уничтожение врага и безусловная капитуляция. Гитлер описывал эту кампанию как крупнейший военный поход в мировой истории, сравнимый с германскими походами, в ходе которых были разбиты орды Чингисхана в Силезии. Однако выживание на фронте давалось нам

дорогой ценой. И лишь благодаря суровой подготовке, которая была у нас за плечами, мы теперь могли сражаться со столь неумолимым врагом, действуя под девизом «Ты или я!»

Очень скоро мы узнали, что русские расстреливают почти всех, кто попадает к ним в плен. Для нас стала кошмаром мысль о том, чтобы попасть к ним в руки. Они ведь даже отказались подписать Женевскую конвенцию 1929 года, регламентирующую отношение к военнопленным.

В декабре очень редко светило солнце. Но если небо во время заката было ясным, то мы особенно остро ощущали тоску по дому, глядя на солнце, скрывающееся за горизонтом. Многие немецкие солдаты в такие минуты, двигаясь в составе патруля или стоя в карауле, без слов прощались со своими возлюбленными и с далеким домом. На этой земле, казавшейся нам краем света, наша жгучая страсть к путешествиям бесследно испарилась, сменившись желанием вернуться на родину.

Почти каждый день промерзший сельский пейзаж вокруг нас скрывался в тумане, который рассеивался только к девяти часам утра. Окончательно рассветало только к одиннадцати утра. А к четырем часам вечера снова темнело. Поэтому по вечерам мы больше не старались с боями продвинуться вперед, а искали теплое место для ночлега. Для этого нам нужно было найти деревенскую хату. Только в ней мы могли пережить ночные морозы, которые порою были больше тридцати градусов. В те дни нашим пехотинцам пришлось преодолевать трудности, с которыми мы не сталкивались прежде. В том числе нам приходилось, несмотря на свою нелюбовь к этому, входить в деревни после на-

ступления темноты. Без теплого укрытия от снега и ветра было невозможно выжить.

Как ни примитивны были бревенчатые хаты с их земляными полами, но они защищали от непогоды, и в них мы могли согреться, сидя у печки. Многие дома состояли всего из одной комнаты, в которой спала вся семья. С наступлением морозов мы уже не так переживали из-за вшей и блох. Деревенские хаты были для нас спасительным убежищем, и во время боев мы берегли их как зеницу ока! Вернувшиеся из патрульного рейда или отстоявшие в карауле бойцы больше не обращали внимания, если мимо них по полу пробегала мышь. Главное, что мы были в тепле. Кислый аромат тыквенного супа уже не вызывал у нас отвращения. Горячий суп согревал нашу кровь, и наши руки и ноги, наконец, отходили от мороза.

Когда наступала ночь, вся семья ложилась спать на печь, устланную старыми покрывалами. Мы же ночевали на соломе, которую клали для нас на пол. Если же в доме был младенец, то его люлька висела под потолком прямо над нашими головами. Несмотря на средневековые условия быта и войну, а может, именно благодаря войне, нам было уютно в этих крестьянских домах.

В одно время нам довелось жить в крытой соломой хате одной семьи, где старшую дочь звали Аннушкой. Этой красивой девушке еще не исполнилось и двадцати, но она остро переживала горечь поражений ее страны, была полна национальной гордости и относилась к нам очень настороженно. До войны она работала учительницей и единственная в деревне могла немало говорить по-немецки. Аннушка не скрывала своих коммунистических убеждений, но при этом и не кричала о них. Однако стоило нам заговорить о нище-

те, царившей в «советском раю», как она резко прерывала разговор, заявляя, что не понимает сказанного нами. Она смотрела на нас, германцев (как она нас называла), одновременно с недоверием и интересом. Она была нашей ровесницей, но мы порою спрашивали себя, была ли Аннушка действительно одной из дочерей семьи или партизаном, внедренным к нам. Впрочем, даже если бы это и было так, мы при своей неопытности все равно не смогли бы заметить разницы. Зато мы замечали, что под ее старой телогрейкой скрывается превосходная фигура. А еще, когда она порою ходила без своего обычного белого платка, мы видели, что у нее красивые темные волосы. Аннушка улыбалась, замечая наши восторженные взгляды.

Нашим хозяевам всегда что-нибудь перепало от нас, когда мы получали свои пайки. Правда, продуктивное обеспечение доходило до нас далеко не всегда. В погодных условиях, которые были тогда, поставки продовольствия и всего остального очень часто задерживались по многим причинам. Колонны грузовиков преодолевали свой путь по замерзшим дорогам, лишь когда двигались позади гусеничной техники.

Горячую еду нам доставляли с батальонной полевой кухни. Ее либо несли бойцы у себя за спиной в специальных канистрах, либо привозили на санях, запряженных крестьянскими лошадьми. В некоторых случаях это был долгий и опасный путь. Поэтому порой наша еда доставалась русским солдатам, перехватывавшим ее на пути и убивавшим тех, кто должен был ее доставить. Тем не менее номинально наш ежедневный рацион был значительно лучше того, на который мы могли рассчитывать во время подготовки. В него входило 650 граммов хлеба, 45 масла или других жиров, 120 сыра, 120 свежего мяса, 200 джема или искусст-

венного меда, 10 граммов цикориевого кофе и шесть сигарет «Юно», наслаждаться вкусом которых нам в действительности удавалось довольно редко.

Описывая ту войну, также нельзя обойтись без трех слов, которые очень многое говорят о ней — изгнание, эвакуация, беженцы. Реалии этого апокалипсиса двадцатого века были таковы, что для большинства людей домом становилась беднейшая лачуга, а судьба подбрасывала самые непростые испытания. Солдаты, подобные нам, ощущали себя степными кочевниками, оказавшимися среди русских равнин отрезанными от всего остального мира. Вся наша жизнь теперь вертелась вокруг расположения дивизии.

Следующая деревня, которую мы заняли, сделав небольшой зигзаг во время движения, оказалась совершенно безлюдна. Все жители уже покинули ее. И эта деревня стала нашим очередным рубежом обороны. Чтобы достигнуть ее, нам пришлось совершить длившийся около часа марш-бросок, двигаясь по сугробам метровой высоты. По пути мы постоянно растирали снегом лица друг друга, едва на них появлялись желтые пятна, которые были первым признаком обморожения. Только это и позволило нам избежать более серьезных последствий.

На новом месте мы делали все возможное, чтобы превратить этот временный приют в свой дом. Для этого нам приходилось многое воспринимать с юмором. «Юмор — это когда ты смеешься вопреки всем невздам», — написал один из наших оптимистов на стене, покрытой сажей. Отогреваясь в убогом крестьянском жилище, которое было нашим новым пристанищем, я смотрел на эту надпись и старался отвлечься от грустных мыслей.

Так или иначе, мы не разучились смеяться. Среди

нас всегда находился кто-нибудь, кто старался развеселить остальных своими шутками. В числе таких светлых людей оказались и два брата-близнеца. Они были датчанами, жившими в Копенгагене, и, как и мне, им было по восемнадцать лет. Блондины, сохранившие детскую розовощекость, — они являли собой типичный образец европейских добровольцев, воевавших в Вооруженных силах Германии. Они были очень живыми, спортивными, подвижными и говорили так быстро, что нам часто приходилось просить их помедленнее произносить слова, чтобы их понять. При этом, говоря по-немецки, они шепелявили, использовали слова из родного языка и, конечно, у них был типичный датский акцент. Уже одно это не могло не вызывать у нас смеха. Но они были хорошими товарищами. И мы все были очень расстроены, когда однажды на рассвете обнаружили, что траншея близнецов в конце деревни оказалась пуста.

Бойцы, пришедшие сменить их, не нашли их на месте. Близнецы исчезли бесследно, и мы больше никогда не видели их снова. Вероятнее всего, ночью, когда они были в карауле, к ним подобрался советские солдаты, взяли их в плен и увели с собой. Подобное случалось очень часто, русские мастерски использовали метель и непогоду, чтобы подкрасться к нашим позициям и захватить «языков».

Стараясь избежать такой судьбы, караульные, дежурившие на передовой, периодически выпускали в воздух осветительные ракеты, которые парили на небольших парашютах и освещали окружающую территорию. Также, чтобы показать русским, что мы на чеку, мы время от времени выпускали по одной-двум пулеметным очередям. Таким образом, мы одновременно отпугивали многочисленных голодных волков, которые с на-

ступлением ночи подбирались к нашим траншеям. Эти животные порою подходили к позициям даже целыми стаями.

В полнолуние, когда луна была достаточно яркой, нам были видны позиции противника. Луна одинаково светила как для нас, так и для наших врагов. Глядя на нее, мы часто думали о том, что эта же самая луна светит и для наших возлюбленных, оставшихся дома.

В декабре, в один из солнечных дней, нас озадачило появление русского биплана, который стал нахально кружить над нашими головами. Многие из наших бойцов выбежали из домов, чтобы посмотреть на него, даже не успев до конца одеться. Вызывающее поведение русского пилота, летавшего едва ли не над самыми крышами домов, означало, что противник знает о том, что у нас нет противовоздушных орудий. Мы, как сумасшедшие, палили по самолету из своих пистолетов и винтовок, но это совершенно не пугало летчика, хотя с такой низкой высоты нам было ясно видно даже то, что на нем надеты летные очки и кожаная шапка. Он покружил над деревней еще некоторое время, а потом неведимый исчез на востоке.

Однако на этом все не закончилось. Ночью этот самолет вернулся и сбросил на нас две бомбы. Правда, они не причинили нам вреда. Но с этих пор нас периодически донимали русские бипланы У-2, которые мы иронично прозвали «швейными машинками». Таким образом, иваны делали все, чтобы наша жизнь не была спокойной.

Зона боевых действий нашего батальона включала несколько деревень. Если исходить из теории, что пехотная дивизия из 8000 бойцов должна удерживать линию обороны протяженностью 10000 метров, то мы силами восьмисот бойцов должны были удерживать уча-

сток линии обороны протяженностью 1000 метров. Однако в действительности нам приходилось защищать участок в три-четыре раза большей протяженности. Коммуникация между частями осуществлялась через вооруженные патрули, которые, однако, могли перемещаться только после наступления темноты. Дело в том, что нейтральная территория между деревнями отлично просматривалась и простреливалась противником, поскольку представляла собой голое пространство с периодически попадавшимися небольшими скоплениями берез. Также между деревнями были протянуты линии телефонной связи, но они очень часто рвались, поскольку провода лежали прямо на земле, открытые непогоде и вражескому огню.

Связь нужно было восстанавливать любой ценой, и связисты выполняли эту работу, сопровождаемые патрулями, как бы опасно это ни оказывалось. Вылазки для восстановления кабеля, осуществлявшиеся после наступления темноты, превратились для нас в рутину. Мы постоянно двигались одним и тем же маршрутом между скоплениями березняка. Узнав об этом, русские вскоре начали минировать наш путь. И выполнение задания по восстановлению связи стало для нас по-настоящему самоубийственной миссией. Некоторые из мин срабатывали от натяжения тонкой проволоки, которая была практически невидимой в темноте, и потому ничего не стоило зацепить ее ботинком. Так мы начали терять бойцов. Двое из наших товарищей оказались тяжело ранены.

С этим нужно было что-то делать, и нас стали сопровождать саперы с миноискателями. Однако они сами не слишком рассчитывали на успех подобных мер. Дело в том, что миноискатели того типа, которым располагали мы, не находили мины в деревянных корпу-

сах, а именно такие мины зачастую и устанавливали против нас русские. Нам стало ясно, что против их хитрости мы должны применить свои уловки. Поэтому мы стали пользоваться другими маршрутами. Или, по крайней мере, мы старались обмануть советских бойцов, создавая видимость, что двигаемся другими маршрутами. В этом нам помогали лыжные войска. Наши товарищи из этих войск не только прокладывали новые пути, отвлекая на себя русских, но и устраивали засады. Пройдя по определенному маршруту и выйдя в точку, не видимую с русских позиций, наши лыжники разворачивались и, отойдя немного назад по своим собственным следам, прятались, чтобы дожидаться этих русских хитрецов. Для последних в результате попытка установить мины на нашем пути не заканчивалась ничем хорошим.

Надо сказать, что русская зима предоставляла много возможностей для подобных уловок. Но, к сожалению, это давало гораздо больше преимуществ противнику, нежели нам. Русские воевали на своей территории, а потому были всегда на один шаг впереди нас. Мы на опыте убедились, как они умели оборачивать все в свою пользу, в том числе и нашего злейшего врага — снег. Под снегом русские прорыли целую систему тоннелей, которую использовали, чтобы незаметно подбираться к нашим траншеям. Среди снегов советские солдаты вообще ощущали себя, как рыба в воде. Главными специалистами по тоннелям, проходившим под снегом, были, конечно, сибирские бойцы. Да и кто мог тягаться с ними в этом?

Кроме того, русские додумались использовать «живые мины» против наших танков и остальной техники. Они задеивствовали собак, в основном овчарок или доберманов, к туловищу которых были пристегнуты рем-

нями мины. Таким образом, на войне гибли не только люди, но и животные. За время восточной кампании их погибло очень много — не только собак, но и лошадей. Говоря о последних, можно вспомнить, к примеру, бой с русской кавалерией у населенного пункта Мусино, находившегося в 70 километрах к северо-западу от Москвы.

Бой начался на рассвете 19 ноября 1941 года. Целый кавалерийский полк русских на лошадях, которых было около тысячи, плотным строем и с саблями наголо помчался на немецкие пулеметы. Русские были встречены не только пулеметным огнем, но и минометами. Пули и осколки разрывали тела людей и животных. Вся заснеженная земля вокруг превратилась в место кровавой бойни и стала алой. Эта самоубийственная атака не принесла русским результата, а их потери оказались колоссальными.

Лошади гибли не только от пуль и осколков, но и от морозов. На четвертый день Рождественского поста солдаты нашего 3-го танкового полка наткнулись на ледовое изваяние из замерших насмерть лошадей и советских солдат. Несколько русских кавалеристов, не найдя себе убежища в сильную метель, спешили и попытались согреться, лежа среди лошадей. Один из них, раненый с наложенной на ногу шиной, так и остался в седле. Он замерз с широко открытыми глазами. Впрочем, замерзли и все остальные. Это ледовое изваяние представляло собой жуткое зрелище.

Также однажды нам довелось наткнуться на казацкую лошадь, стоявшую рядом со своим мертвым хозяином. Как долго она простояла так, мы не знали, но слабеющее ржание этого животного заставило нас еще острее почувствовать ужас войны, которую развязали люди.

Впрочем, смерть животных не вызывала в нас того сострадания, какое она могла вызвать в мирное время. Мы сами постоянно ходили на волосок от смерти. Осознание этого пришло к каждому из молодых добровольцев, как только у нас появились первые раненые и погибшие. Глядя на выпученные глаза, на пожелтевшие лица павших товарищей, мы понимали, что их смерть редко оказывалась легкой. Мысль о том, что любого из нас может ждать такая же судьба, вторглась в наше сознание, как только погиб первый из наших товарищей. Совсем незадолго до этого он был полон жизни, шутил, рассказывал нам о своем доме и семье, так что мы уже почти знали его родителей, сестру и братьев. Теперь для него не осталось ничего из этого, только смерть.

Безмолвно стоя над телом, мы думали о том, как будет рыдать его мать, которая в этот момент еще не знает о том, что ее сын погиб. И о том, что теперь какой-нибудь медик в холодном укрытии или ротный писарь вычеркнет имя нашего товарища из списка бойцов роты, сняв с него солдатский опознавательный медальон и вынув из его кармана залитую кровью армейскую расчетную книжку, после чего напишет матери погибшего стандартное письмо с соболезнованиями, которое, конечно, будет включать слова о том, как храбр он был перед лицом смерти, а также сколь хорошим товарищем он был для однополчан.

Получив приказ вырыть ему могилу, мы сделали это с помощью ручных гранат. Земля была настолько скована морозом, что ее не могли взять лопаты. И мы, расчистив снег, с помощью лома сделали три углубления, в которые поместили гранаты. Затем мы налили в эти углубления немного воды, которая, быстро замерзнув, надежно удерживала гранаты там, куда мы их по-

местили. Теперь оставалось только выдернуть чеку и со всех ног бежать в укрытие. Взрыв подбросил в небо огромные комья промерзшей земли. Мы взяли еще три гранаты и повторили ту же последовательность действий. Так повторялось до тех пор, пока с помощью ледоруба мы не смогли расширить могилу до размеров, достаточных, чтобы туда поместилось тело нашего товарища. Этим способом мы обычно и рыли могилы в ту зиму, хороня наших товарищей в конце деревни или у дороги.

Война стала нашей суровой реальностью, и каждый день мы просто старались выжить, не совершая при этом актов героизма, индивидуального или массового. Если быть честным, наши боевые будни были вовсе не такими, какими их представляют многие, кто не был на войне. А наша жизнь мало походила на то, что описывается в романтических книгах, где на каждой странице герои, подвиги и исключительная смелость. Да и многие ли из нас были бесстрашными солдатами?

Перед каждым боем у нас сводило животы. Я, помимо страха попасть в плен, ужасно боялся, что меня ранят в голову, как будто ранение в живот или в грудь было чем-то лучше... Мы все неосознанно или осознанно старались избегать опасностей, когда это было возможным. Да и как иначе, если каждому человеку присущ инстинкт самосохранения? О его проявлениях во время войны говорить не принято, иначе тебя могут обвинить в трусости. Но, скажу откровенно, те из нас, кто был безрассудно смел, очень быстро нашли себе могилу. В бою гораздо важнее, чем смелость, единство внутри роты и внутри батальона. Уравновешенный и дисциплинированный солдат стоит гораздо больше, нежели отчаянно смелый, но не обладающий этими качествами. По крайней мере, таков мой опыт. И в моих

глазах всегда были на вес золота те товарищи, на которых я мог положиться, которые не шли на необдуманный риск и понимали, что и зачем они делают.

С другой стороны, мы были элитным формированием, и требования к нам были подходящие, особенно в плане дисциплины. Соответствовать этому уровню было не всегда легко. Вся наша подготовка с суровой муштрой была направлена на то, чтобы наши действия на поле боя были быстрыми и четкими, закрепленными на уровне рефлексов. Так же быстро, четко и без колебаний мы должны были выполнять приказы. Кроме того, наша военная подготовка и идеалы не позволяли нам проявлять слабость, когда мы сталкивались с экстремальными боевыми ситуациями. При этом мы руководствовались не страхом перед военным трибуналом, к самопожертвованию нас подвигали исключительно психологические мотивы. Мы говорили себе: «Мы должны сделать это, иначе все будет потеряно!» Именно такая мотивация преобладала в войсках СС.

Для сравнения скажу и о Красной Армии. По распоряжению Сталина все дезертиры и трусы должны были расстреливаться на месте без военного трибунала. Недостаточная стойкость, проявленная войсковым формированием, навлекала суровое наказание на весь его состав. Сдавшихся в плен по возвращении на Родину ждали лагеря. Более того, их семьи лишались государственного пособия и помощи, а порою и отправлялись в ссылку. Все это осуществлялось согласно приказу Сталина № 270 от 16 августа 1941 г.

«Наш мир — это вечный заговорщик против отваги», — сказал американский генерал Дуглас Мак-Артур. Он был прав. В разгромленной Германии оппортунисты воспользовались шансом осмеять достоинства и достижения немецкого солдата. Его награды и знаки

различия были приравнены к новогодней мишуре. Его усилия, жертвенность и верность долгу оказались заслоненными клеветой, господствовавшей долгие годы после войны. Даже наш девиз «Моя честь — это моя верность» был по-своему интерпретирован клеветниками.

Для нас же все это значило очень много. В упорных и свирепых боях мы снова и снова полагались на надежность и верность наших товарищей. Так было и в декабре 1941 года, когда перед самым Рождеством мы начинали марш к большому городу, расположенному к востоку от нашего предыдущего места дислокации. Этот город имел огромное стратегическое значение. Части вермахта перед лицом превосходящего противника не рассчитывали удержать город своими силами. И для решения проблемы были привлечены войска СС. Инстинктивно мы чувствовали, что ничего хорошего нас не ждет, но мы выполняли свой долг.

В путь мы вышли около полудня и впечатляющей массой хорошо вооруженных солдат в белом камуфляже двинулись через пустые, продуваемые всеми ветрами равнины. Когда начинало темнеть, мы увидели вдали первые деревья. Вскоре мы достигли арьергарда вермахта. Он представлял собой удручающее зрелище. Учась в школе, я именно так представлял себе наполеоновскую армию, отступавшую из Москвы.

Везде были подводы, нагруженные завернутыми в покрывала оледеневшими покойниками, которых забрали с передовой. На мертвых не было ни ботинок, ни теплой одежды. Все это сняли с них и раздали тем, кто продолжал сражаться. Из-под покрывал торчали желтые и немые голые ноги мертвецов, иногда на них были носки с зияющими дырами или самодельные портянки. Но погибшие хотя бы уже не чувствовали хо-

лода. Однако там были и сани с ранеными, которые тащили изнеможенные лошади. Эти раненые лежали в санях на залитой кровью соломе, укрывшись старыми покрывалами и другим тряпьем, которое позволяло хоть немного согреться. На них было тяжело смотреть. Их раны сковывал мороз, и они громко стонали от боли. Обеспечить уход каждому из них совершенно не было возможности, и многие раненые умирали прямо на санях.

Увиденное не могло поднять наш боевой дух. Бойцы, проходившие мимо нас, пережившие ад на земле, бросали на нас пустые, безжизненные взгляды. Некоторые из них всматривались в нас с жалостью и, вероятно, думали: «Вот новое пушечное мясо, такое же, как и мы». Это отнюдь не придавало нам веры в победу. Нам пришлось заставлять себя собраться, говоря друг другу: «Гвардеец умирает, но не сдается!» Собраться было очень трудно, но жизненно необходимо.

В своей книге «Солдаты смерти» американский писатель и историк Чарльз В. Сиднор отмечал: «Когда на каком бы то ни было участке фронта складывалась наиболее опасная ситуация и надежда на успех была равна нулю, именно войска СС спасали положение своими контратаками, которые наводили ужас на противника». Так было и на этот раз.

— Мне вы можете не говорить, будто кому-то из вас не страшно на Русском фронте. Но это ничего не меняет, — сказал командир нашего патруля, суровый воин, награжденный Железным Крестом 1-го класса.

Произнеся эти слова, он закричал:

— Вперед!

Однако наше продвижение было очень медленным. Нам мешали огромные снежные сугробы и ледяной ветер, от которого наши носы и уши моментально побе-

лели. Через некоторое время нам стало легче двигаться вперед, благодаря танкам, на броню которых мы взбирались и ехали таким образом почти до самой цели. К этому моменту уже стемнело. Танки «Панцеркам-пфваген IV» были окрашены в белый цвет, но ничто не могло замаскировать красный накал на выходе их выхлопных труб. Это делало танки хорошо различимой мишенью для врага.

Приблизившись к деревне на краю леса, в которой, как было отчетливо видно, уже шел бой, мы начали спрыгивать с брони. Как всегда, вокруг нас была равнина, на которой было нельзя найти прикрытие. Остатки советских войск, находившихся в деревне, предприняли несколько вялых попыток обстрелять нас, а также выпустили в небо одну или две осветительные ракеты. Но на этом все закончилось. Бой стих.

Золотое правило, обязывающее бойца после наступления темноты передвигаться бесшумно, теперь потеряло всякий смысл. За ревом моторов танков и скрежетанием гусениц мы даже с трудом слышали приказы наших командиров. Неожиданно в нашу сторону раздались выстрелы со стороны леса. Наши пулеметчики тут же открыли ответный огонь. Однако сразу за этим из леса последовали очереди, выпущенные из русских пулеметов, расположенных в разных его концах. Это было заметно по тому, что в очередях периодически мелькали трассирующие пули. Такого интенсивного огня я не видел никогда прежде. К счастью, советские пули пролетали выше наших голов.

Однако у русских были орудия, огонь которых, что называется, пробуждал в нас страх божий. Калибр их ствола был 76,2 миллиметра, т. е. даже больше, чем у танковой пушки. Однако нас пугали не столько размеры снарядов, как то, что нам не были слышны выстрелы

орудий. Зато нас оглушали взрывы в момент приземления снарядов, которые неожиданно обрушивались на нас.

Когда эти орудия открыли огонь по нам, грохот разрывов их снарядов заглушил даже пулеметные очереди. Казалось, от взрывов вздрагивала сама земля. На местах свежих воронок все заволакивало желто-коричневым дымом. Снова и снова мы пытались найти укрытие, прячась за танками. Снова и снова наши команды выгоняли нас оттуда. Однако мы опять ползли к танкам, как испуганные дети, прячущиеся за мамину юбку в поисках защиты. Но нам не было спасения.

Русские артиллеристы концентрировали свой огонь именно на танках. И нам казалось, что мы очутились в аду. Бесконечные снаряды, сыпавшиеся с неба, пугали нас до смерти. Мы больше не ощущали кусающего холода, а наоборот, вспотели настолько, что нам хотелось сбросить свои маскировочные куртки. Но лишь огонь стихал, мы, действуя автоматически, продвигались вперед на несколько метров, точно так же, как делали это прежде сотни раз во время тренировок. Ручные гранаты, которые мы перед боем засовывали себе в сапоги и за ремни, мешали нам бежать, но мы все равно шли вперед. Правда, это продолжалось недолго, и вскоре мы уже снова вжимались в землю под огнем русских и могли лишь ползти по снегу.

Среди нас уже были раненые. Некоторые из них так орали, что их крики были слышны даже в грохоте боя. Умиравшие судорожно дергались в снегу. Но через некоторое время они затихали. Порою в их теперь уже не таких белых маскировочных куртках была всего одна небольшая дыра от пули. Но они были мертвы, и снег укрывал их, словно саван.

Без танковой поддержки наша фронтальная атака

определенно захлебывалась. Но танкистам было теперь не до нас. Их пушки разворачивались то вправо, то влево, стреляя по лесу. В воздухе стоял черный дым, комья снега периодически взмывали в небо. Зарево горящих деревенских домов дополняло эту картину ада на земле.

Однако довольно скоро нам стало ясно, что русские орудия не слишком эффективны против танков. Так, подбитым оказался лишь один «Панцеркампфваген IV», который вдруг начал крутиться вокруг своей оси из-за перебитого трака. Его экипаж из пяти человек вылез через люк в башне и спрыгнул в снег, чтобы отползти от передовой.

Тем не менее огонь врага не прекращался. Более того, русские задействовали свое секретное оружие, о котором мы много слышали, но сами не сталкивались прежде. Русские превозносили его боевые качества. Александр Верт, говоря об этом оружии в одной из своих книг, процитировал свидетельство маршала Еременко: «Новое оружие мы испытали под Рудней. 15 июля 1941 г. во второй половине дня непривычный рев реактивных мин потряс воздух. Как краснохвостые кометы, метнулись мины вверх. Частые и мощные разрывы поразили слух и зрение сильным грохотом и ослепительным блеском. Эффект одновременного разрыва 320 мин в течение 10 секунд превзошел все ожидания. Солдаты противника в панике бросились бежать. Попятились назад и наши солдаты, находившиеся на переднем крае вблизи разрывов (в целях сохранения тайны никто не был предупрежден об испытаниях)».

Действительно, огонь «Катюш» (или «органа Сталина», как называли наши бойцы это оружие русских) крайне деморализовывал нас вначале. Но потом мы

поняли, что психологический эффект их огня гораздо выше, чем точность стрельбы. «Катюши» имели мало шансов поразить цель, а радиус рассеивания осколков их мин был незначительным. Невероятный грохот взрывов, языки пламени — все это ужасно пугало наших бойцов. Но урон, наносимый минами, которые выпускали «Катюши», совершенно не соответствовал внешнему эффекту. После их разрыва в земле оставалась воронка глубиной всего в 30—40 сантиметров. Более того, огонь «Катюш» не был продолжительным. Вероятно, русские не обладали достаточным количеством боеприпасов для них.

В скором времени мы окружили деревню. Начался свирепый бой буквально за каждый дом. Сжимая замерзшими пальцами штыки и винтовки, мы сражались с русскими в ближнем бою на руинах деревни, в которой сгорели или были разрушены почти все дома.

Захватывая деревню, мы обшаривали все полуразрушенные строения, попадавшие нам на пути. Они не всегда оказывались пусты, порою в них оставались красноармейцы. Мы предлагали им сдаться добровольно, крича на русском:

— Товарищ, иди сюда!

Но если они не выходили, мы бросали в окна гранаты, которые в их тонких металлических корпусах больше поднимали пыль и сотрясали воздух, нежели наносили урон противнику. Поэтому многим из иванов везло, и после взрывов гранат они нередко выходили наружу побледневшие и с поднятыми руками, но лишь с одним или двумя осколками в их ватных куртках, либо же с легким ранением.

Очистив дома от неприятеля, мы спешили дальше, туда, где грохотали пулеметы и взрывались снаряды. Раненых, количество которых постоянно росло, отво-

зили на пункты первой медицинской помощи. На дороге лежали тела убитых, сливаясь с пейзажем точно так же, как и пустые ящики из-под боеприпасов, выведенное из строя вооружение и черные воронки от разрывов снарядов. Картина выглядела зловещей, но мы смотрели на это уже почти равнодушно, поскольку в последнее время нам слишком часто доводилось видеть смерть и другие ужасы войны.

В итоге, несмотря ни на что, мы выполнили свою задачу. Деревня была в наших руках. Однако войска врага отступили не полностью. И мы по-прежнему находились под огнем, который русские вели с дальних краев леса и из домов, стоявших за территорией деревни. И тут настала моя очередь получить ранение. Правда, оно оказалось легким, и я даже не почувствовал его сначала. За время боя у меня в крови накопилось много адреналина, который, как известно, приглушает боль, и я совершенно неожиданно для себя вдруг заметил, что моя левая перчатка, которая была зеленой, вдруг покраснела от крови. Очень быстро кровь оказалась и на моей маскировочной куртке. Осколок или пуля (я так и не знаю, что именно) сорвал кожу с большого пальца моей руки, в результате чего образовалась кровоточащая открытая рана. Что ж, мне повезло, ведь на фоне судьбы многих моих товарищей мое ранение было пустяковым. Тем не менее рана оказалась очень болезненной и боль возобновлялась, стоило мне только прикоснуться к этому пальцу, даже через много лет после войны. Вероятно, был задет нерв.

Пункт первой медицинской помощи я обнаружил в небольшой деревянной церкви. Как было видно снаружи, она осталась совершенно невредимой за время боя. Зато внутри церковь оказалась полностью разоренной. Коммунисты использовали ее как складское

помещение для местного колхоза. Внутри нее уже не было большинства церковных атрибутов, а окна были заколочены досками. Это в очередной раз убедило меня в грубости и бездушии сталинского режима. Тем не менее судьбе было угодно распорядиться так, чтобы теперь в этом оскверненном храме оказались наши раненые, которые, как никто другой, молили Бога о помощи.

Заняв деревню, мы обеспечили себе более-менее комфортные условия жизни на время, пока держали в ней оборону. Уцелевшие дома, в которых остались хотя бы крыша и четыре стены, теперь служили нам убежищем от страшного холода. Понесся огромный потери, мы не думали, да и не могли думать о дальнейшем преследовании врага. Мы были счастливы уже тем, что смогли выполнить задание, и надеялись, что нам удастся как можно дольше удерживать позиции в этой деревне. Единственное, мы не могли позволить себе такой роскоши, как сон. Противник вовсе не был настроен дать нам хоть небольшую передышку и, очевидно, даже подтянул резервы. Этот вывод напрашивался, судя по тому, что плотность пехотного огня, который русские вели по нам, вскоре резко возросла. Его интенсивность немного снижалась только в ночное время.

Наше положение не было обнадеживающим. Резервов у нас не было, и рассчитывать на чью-то огневую поддержку мы также не могли. Основные силы нашего полка находились слишком далеко от нас, и у них также на счету был каждый боец. Подобный расклад не обещал ничего хорошего. Однако нас радовало хотя бы наличие крыши над головой и стен, защищавших от русской непогоды. Мы собирались держаться до последнего.

Тем не менее мы все почувствовали огромное облегчение, когда через несколько дней получили из пол-

ка приказ об отступлении. Основанием для этого приказа стали сведения, полученные в ходе допросов пленных, а также разведданные патрулей, говорившие о том, что силы врага выдвигаются на наше направление вместе с резервными войсками, следом за которыми движутся танки. Противостоять такой огромной массе войск не мог не только наш батальон в его тогдашнем состоянии, но и более многочисленное формирование. Русские контратаковали силами, значительно превосходящими наши, и останься мы в деревне, наша часть была бы неминуемо уничтожена.

На рассвете мы тайно подготовились к отходу и бесшумно покинули деревню, захват которой имел такое важное стратегическое значение. Отступая, мы надеялись, что иваны не станут преследовать нас, но при этом опасались подобного развития событий. Наши опасения, по счастью, оказались напрасными. Бойцы Красной Армии точно так же, как и мы, страдали от свирепого холода. Соответственно, они были рады сменить открытые позиции в лесу на теплые деревенские дома, которые мы оставляли позади, и не спешили снова на мороз.

Зато вместо них нас преследовали огромные стаи черных ворон. Эти птицы были беспокойными и шумными. Они летали у нас над самыми головами и кричали так, что иногда казалось, будто они насмеваются над нами. Когда на пути нам встретился березовый перелесок, эти птицы уселись на заснеженные ветви и все разом начали оглушительно каркать. Конечно, это все вызывало мрачные предчувствия. На своем участке в центре Восточного фронта мы не могли ничего сделать, чтобы остановить продвижение контратакующей Красной Армии. Нам оставалось только отступить и ждать перелома ситуации.

Праздник Рождества уже был на исходе, когда мы не без грустной иронии желали друг другу: «Счастливого Рождества!» Сочельник наступил и прошел почти не замеченным нами. За суматохой боевых действий нам оказалось просто не до него. Рождественскую ночь, ночь «мира на земле и добра ко всем людям», мы провели на позициях, осаждаемых врагом. И эта ночь казалась нам бесконечной. Она была наполнена смертью, болью, голодом и пробирающим до костей холодом. Наши домашние в это время наверняка сидели в тепле вокруг рождественской ели. А наша жизнь теперь была абсолютно иной. К концу года мы совершенно увязли в трясине войны, отнимавшей у нас все человеческие радости. Но мы должны были продолжать сражаться. Был ли у нас иной выбор? Могли ли мы позволить Сталину пройти маршем в сердце Европы? Нет, мы должны были сделать все, чтобы помешать этому!

Жили мы в этот период в большом блиндаже, находившемся у самой передовой. Он был рассчитан на двенадцать человек, и в нем мы могли даже стоять в полный рост. Выход из блиндажа вел прямо в траншеи. При этом наш блиндаж был достаточно безопасен, и мы могли бояться только прямого попадания в него. Крыша блиндажа была сделана из положенных в два слоя толстых березовых стволов. В нем у нас стояла железная печка, которая в сочетании с толстым слоем снега вокруг стен поддерживала в блиндаже постоянное уютное тепло. Правда, мы не топили печку в дневное время, поскольку ее дым стал бы хорошим ориентиром для врага. Однако те, кто не был в карауле в светлое время суток, прекрасно согревались в нагретой за ночь соломе, укрывшись шинелью вместо покрывала. У некоторых из нас было даже по две шинели:

вторые шинели доставались нам от павших товарищей.

Но надо сказать, что немецкие солдаты в России, помимо холода, страдали еще от одного страшного бедствия. Иногда оно даже казалось нам секретным оружием иванов. Наш блиндаж защищал нас от огня врага и от холода, но ничто не могло защитить нас от вшей. Эти отвратительные мелкие паразиты буквально атаковали каждого солдата на Восточном фронте. При этом они точно так же, как и мы, не любили холод. Поэтому в дневное время вши прятались, так что мы едва их замечали. Зато по ночам, когда наш блиндаж нагревался, вши выходили на охоту. Зуд в местах их укусов был нестерпим, но это было не единственной проблемой, которую они создавали. Зудящую кожу мы невольно расчесывали до крови, из ран на месте укусов сочился гной, и на морозе наша кожа примерзала к униформе.

Спать во время атаки вшей было невозможно, поэтому по ночам мы отчаянно ловили их, когда они ползли у нас по груди, по позвоночнику или по ногам. Каждый боец за ночь убивал до восьмидесяти вшей, раздавливая их пальцами. Тем не менее с нас все равно не сходили следы укусов, что свидетельствовало о том, что части этих тварей удавалось полакомиться нашей кровью безнаказанно. Любимыми местами вшей, в которые они кусали нас, были участки кожи с волосатым покровом и части тела, где проходит много кровеносных сосудов.

Нас поначалу удивляло, почему головы советских солдат были не просто коротко подстрижены, но и гладко выбриты. Однако теперь мы поняли, из-за чего русские предпочли такие прически. Вспоминая позднее о Восточном фронте, многие немецкие солдаты го-

ворили, прежде всего, о вшах, которые были гораздо хуже клопов и тараканов. Огромное количество вшей водилось не только в русских домах, но и на открытом воздухе. Атакуя людей, они не смотрели на знаки различия, и их укусов не мог избежать никто, от рядового пехотинца до самого генерала!

Нашим единственным спасением от этого бедствия на передовой стала старая русская баня. Когда в боях наступало затишье, мы ходили туда мыться так часто, как только это было возможно. После всего пережитого и увиденного баня казалась нам буквально островком цивилизации, который словно появился здесь из другого мира. В бане мы ощущали себя, словно в раю. Там мы, наконец, могли снять с себя униформу вместе с населявшими ее паразитами. Замечу, что до революции у каждой крестьянской семьи в России была своя баня. Но к началу войны их уже оставалось немного, личные бани считались пережитком прошлого. Вместо них в деревнях строили большие общественные бани.

К середине нашей первой военной зимы мы были измотаны из-за всех обрушившихся на нас лишений. Но, помимо этого, немецкие солдаты находились в ужасном состоянии из-за сокращения их продовольственного обеспечения. Все мы, даже командиры, очень сильно похудели. Таким же тощим было и гражданское население. Однако в ту пору на подобные вещи все смотрели легче, чем современные поколения. Мы умели радоваться, как вы видите, даже обычной бане.

Когда в письмах из дома нас спрашивали о нашем настроении, мы не знали, что ответить. Конечно, нам хотелось ответить правду о том, как упал наш боевой дух. Но мы боялись, что это вызовет непонимание или тревогу среди близких, а потому отвечали в коротких фразах, избегая описания реальной ситуации, и гово-

рили, что с оптимизмом смотрим в будущее. Между нами и семьями к этому времени было не только две тысячи километров, но и долгие месяцы ужасов войны. Чем дольше нам удавалось выживать среди всего этого, тем сильнее менялись мы и наши души.

К этому времени изменился и наш внешний вид. Наша униформа уже не была такой впечатляющей, наоборот, она была изодрана и выцвела из-за пыли, дождей, грязи и снега. Но нас уже не волновало то, как мы выглядим, мы ведь находились на войне, а не на параде.

Тем не менее, когда почтальону удавалось добраться до нас, письма из дома всегда быстро поднимали наш боевой дух. Мы очень радовались письмам от родителей, девушек и друзей, хотя они и были написаны за много недель до того, как попадали к нам в руки. Единственное письмо или посылка создавали у нас ощущение, что мы не остались отрезанными от родного дома. В каждом доставляемом на фронт мешке с письмами было много столь важной для нас любви и теплых человеческих чувств. Когда кто-нибудь из наших товарищей, живших в деревне, получал из дома продуктовую посылку, он по-братски делился ее содержимым с друзьями, жившими в городе. Семьи последних, получив информацию о нашем номинальном рационе, были уверены, что у нас всего вдоволь. А сельские жители справедливо считали, что не стоит слишком полагаться на армейскую службу обеспечения провиантом. В посылках, присланных ими, оказывалось много вкусных вещей, которые было невозможно получить по продуктовым карточкам.

Отмечу забавную деталь. В то время на всех посылках, которые нам присылали из дома, стояли бюрократические штампы, которые в том числе содержали надпись: «Осторожно! Огнеопасно, особенно в степных и

лесных районах!» Это вызывало у нас, находившихся в зоне постоянного огня противника, многочисленные усмешки. И когда вокруг нас начинали взрываться мины и падать бомбы, обязательно находился шутник, громко предупреждавший товарищей: «Осторожно! Огнеопасно, особенно в степных и лесных районах!»

Ко мне почтовые отправления, мягко говоря, приходили вовсе не так регулярно, как к другим. Если сказать откровенно, я получал письма буквально в единичных случаях, хотя немецкая полевая почта функционировала превосходно. После войны я узнал, что голландские почтальоны в знак протеста уничтожали письма, адресованные на Восточный фронт. Возможно, они думали, что подобными «актами героизма» смогут помочь победить Сталину?

Между тем невероятные морозы делали нас почти неспособными вести бои. К новому году ситуация несколько не улучшилась. Поэтому время нахождения в карауле для каждого отдельного бойца было сокращено. Теперь часовые сменялись каждые полчаса. На позициях караульных лежал толстый слой соломы, но это все равно не спасало от обморожений, которые можно было получить не то чтобы за половину часа, но и за более короткий временной промежуток. Обморожения были частым явлением. И, если мне память не изменяет, один бедный парень даже замерз до смерти. Тем не менее покидать караульный пост было запрещено при любых обстоятельствах. Употреблять алкоголь, чтобы согреться, нам также не разрешалось. Зато у русских постоянно были полные фляги водки, которую они пили всегда, когда хотели. Зачастую не столько для того, чтобы согреться, как чтобы напиться. Впрочем, русские всегда считали, что сорок километров — это не

расстояние, сорок градусов — не мороз, а сорок процентов спирта неприлично называть алкоголем.

При недостатке водки иваны находили способ его восполнить. Они использовали авиационный спирт, который очищали через фильтр противогАЗа, а затем смешивали с сиропом. В результате у них получался более чем приемлемый ликер, но они не пили его маленькими глотками, а быстро опрокидывали в горло большими стаканами.

Но вернусь к нам. Помимо вшей и морозов, нам досаждала также топорная советская пропаганда. К нам забрасывались листовки, но мы использовали их как туалетную бумагу, или пускали на самокрутки. Однако русские продолжали вести психологическую войну. И мы периодически слышали один из самых популярных немецких хитов того времени «Я видел вас танцующей, о донна Клара». За песнями следовали пропагандистские призывы на немецком, в том числе: «Сдавайтесь победоносной Красной Армии, и вы вернетесь домой сразу после войны». Многие из подобных обращений пытались играть на наших естественных желаниях, как, например, такое: «У нас вас ждут девушки и много еды!» Мы обычно отвечали на него короткой очередью в направлении громкоговорителя, а иногда стреляли и до тех пор, пока он не замолкал.

Однако реакция на эти столь привлекательные обещания была различной. Особенно часто на эту удочку попадались горячие и легковверные испанские добровольцы из «Голубой дивизии». Они верили тому, о чем слышали. И это неудивительно, если учесть, что они прибыли на Русский фронт с его безжалостной зимой из страны, согреваемой горячим иберийским солнцем.

Впрочем, немецкая армия также не хуже русских знала силу печатного слова и обещаний, произнесен-

ных через громкоговоритель. Так, в войсках СС с самого начала было три взвода военных корреспондентов, бойцы которых первоначально прошли пехотную подготовку. Затем, когда их численность достигла батальона, они были отправлены на Восточный фронт. Через некоторое время советские бойцы стали слышать воспроизводимые через громкоговорители сообщения на превосходном русском, призывавшие их сдаваться в плен и обещавшие им те или иные блага. Первоначально это приносило очень хорошие результаты. В первые месяцы войны, оказавшись в безнадёжной ситуации или когда сражение обещало огромные потери, советские бойцы нередко сдавались, и кровопролития удавалось избежать.

Однако война с каждым днем становилась все более безжалостной. Это изменяло поведение бойцов с обеих сторон и учило нас тому, чему мы не научились бы нигде больше. Так, мы поняли, что страх, который все мы испытывали вначале, может быть побежден. В один прекрасный день в каждом из нас он переродился в смелость. Кроме того, мы осознали и приняли основной закон войны: если ты промедлишь с выстрелом и не поразишь врага, то погибнешь сам. Выжить могли только те, кто, не колеблясь, стрелял в противника. Это было жестоко, но просто, и очень важно, особенно если у тебя вдруг пропадала смелость. А так иногда случалось, когда атака врага оказывалась неожиданной. Особенно, если множество русских с криками «Ура!» внезапно выпрыгивали из укрытий и начинали окружать твою траншею. Еще хуже, если из-за леса вдруг выезжало несколько танков Т-34, ревущих двигателями в 500 лошадиных сил, которые стремительно приближались к тебе, и, казалось, ничто не мо-

жет их остановить. Тут уж даже самые отважные ощущали, как по их телу проходила дрожь.

Надо сказать, что советский танк Т-34 поразил и впечатлил даже легендарного немецкого танкового генерала Гудериана. Этот танк с его низким, обтекаемым силуэтом позволял экипажу чувствовать себя на поле боя, как рыба в воде. А траки Т-34, ширина которых была полметра, позволяли этой боевой машине перемещаться даже по заболоченной местности, где «Панцер-кампфваген IV», чьи траки были шириной 36 сантиметров, увязал и останавливался. Русский танк был мощным и хорошо вооруженным, но при этом и маневренным. А что самое главное, он без труда двигался и по снегу, и по распутице. Т-34 представлял собой лучшую танковую конструкцию своего времени. И даже ни «пантера», ни «тигр», которые начали выпускаться годом позже, не могли сравниться с ним. Т-34 с его броней, толщина которой в разных местах колебалась от 45 до 60 сантиметров, и его высокими боевыми качествами не имел себе равных.

Когда нам, пехотинцам, приходилось противостоять этим машинам, то мы ощущали себя, как Давид, вышедший с пращей против Голиафа. Только действовать нам приходилось иными методами. Когда мы находились в траншеях и русские танки заставляли нас врасплох, мы просто вжимались в свои окопы и позволяли им проехать над нами. Сразу после этого нам приходилось иметь дело с русскими пехотинцами, сопровождавшими танки. Завязывался ближний бой, в ходе которого мы также старались уничтожить и танки, атакуя их сзади. Все это было смертельно страшно и требовало стальных нервов, но зачастую приносило результат. Правда, мы при этом почти всегда несли крайне высокие потери.

Надо заметить, что все дивизии, корпуса и армии войск СС подчинялись командованию вермахта. И хотя эсэсовцы были экипированы и вооружены ничуть не лучше, чем обычные солдаты, но именно от войск СС ждали наибольшего напора в атаке и в обороне. Когда на каком-то участке возникала критическая ситуация, то туда направляли бойцов войск СС, действия которых порою спасали целые сектора Восточного фронта. Но удавалось это ценой огромных потерь. «Когда позади была лишь половина войны, треть бойцов изначальных дивизий войск СС уже лежали в русской земле», — отмечал Хайнц Хене в своей книге «Орден «Мертвой головы».

Эти слова можно было применить и к нашей части. Тем не менее самые сложные недели через некоторое время остались позади, и зима ослабила свою ледяную хватку. Все вокруг по-прежнему было белым от снега, но морозы ослабли. В конце января и начале февраля к нам наконец поступила так давно обещанная нам зимняя одежда, собранная жителями Германии. Среди нее оказались замечательные меховые шапки, ватные куртки, зимняя обувь и теплые шерстяные свитера, а также вязанные подшлемники — результат спешной и самоотверженной работы немецких девушек и женщин. Однако все эти вещи дошли до нас слишком поздно.

23 февраля 1942 года генерал Гальдер, возглавлявший Генеральный штаб сухопутных войск Германии, писал в своем дневнике: «Сегодняшний день был особенно тихим». Наверное, именно так этот день и прошел у него на КП в Восточной Пруссии, однако у нас все было совершенно иначе. 23 февраля стало для нас днем исключительного кровопролития, когда Красная Армия атаковала наши позиции всеми имевшимися у

нее средствами. И именно в этот день мой друг Робби получил очень тяжелое ранение.

В тот день он выполнял роль связного. Наш сержант беззвучно упал, мгновенно погибнув от пули, попавшей ему в сердце, и в тот же миг я услышал, как позади меня взорвалась мина, выпущенная из миномета. Сразу за взрывом я услышал голос Робби, он звал меня к себе. Как только я подбежал к нему, Робби с трудом улыбнулся, но его улыбка выглядела жалкой и болезненной. Он не хотел меня слушать, когда я стал утешать его, говоря, что, благодаря ранению, его теперь отправят в отпуск домой. Робби попросил меня, чтобы я пообещал навестить его семью, если он умрет. Он страдал от ужасной боли, и я не мог ему ничем помочь. Вокруг нас беспрестанно взрывались мины и не умолкали пулеметы.

Это были ужасные минуты, но наконец мне удалось оттащить Робби из зоны огня. Его положили на покрытые соломой сани. Лежа на них, защищенный от ветра высоким сугробом, он должен был дожидаться, пока его с другими ранеными отправят в полевой госпиталь. Чтобы мой друг не замерз, я накрыл его толстым покрывалом, натянув его ему на лицо, которое успело пожелтеть от начавшегося обморожения. В этот момент я был твердо уверен, что увижу Робби снова живым и здоровым. Однако перед тем, как его увезли, я вдруг разглядел на его лице выражение, которое видел уже много раз прежде на лицах умирающих. Это было странное выражение удивления и нежелания поверить в то, что скоро все в этом мире для них будет кончено.

Я не мог оторвать взгляда от своего друга, мне хотелось долго смотреть ему вслед. Но этого я уже не мог себе позволить в том аду, что творился вокруг ме-

ня. Чтобы выжить, нужно было продолжать сражаться. И мне оставалось только отчаянно молиться за Робби.

Через несколько дней мы были вынуждены отойти на другие позиции. У нас появилась возможность отдохнуть и согреться в деревенских хатах, стоявших у дороги. Там к этому моменту размещался пункт медицинской помощи вермахта. Больные и раненые ждали здесь транспорта, который доставит их в госпиталь. Внутри было тепло, и мы наконец почувствовали облегчение после трудного боя. Услышав мою речь, сержант медицинской службы сказал:

— У нас здесь был парень с таким же акцентом, как у тебя. Ты голландец?

Я был удивлен и обрадован. Неужели это Робби? Чтобы уточнить, я назвал его имя.

Сержант согласно кивнул и добавил:

— Он лежит там.

Посмотрев на его руку, я понял, что сержант указывает за окно.

— Никто не смог бы выжить с таким количеством шрапнели, какое было в нем, — сказал сержант сочувственно. — Он держался очень мужественно.

Я долго стоял над только что вырытой могилой Робби. Его последний приют оказался скромным. Это был покрытый снегом холм у дороги в бескрайней России. Я не знаю, как долго я стоял у его неприметной могилы, не в силах смириться с тем, что больше никогда не увижусь с ним. Над могильным холмиком возвышался простой березовый крест. Такой же простой была и надпись на нем: «СС шутце Роберт Райлинг, пал 1 марта 1942 г.»

В июне его семья получила письмо от немецкого отделения Красного Креста, сообщавшее о происшедшем: «Немецкое отделение Красного Креста с сожалением

нием вынуждено сообщить вам, что, согласно полученным нами сведениям, СС шутце Роберт Райлинг умер от ран, полученных в бою, в 4 часа ночи 1 марта 1942 г. на главном пункте первой медицинской помощи в деревне Сосно. Место его захоронения находится в двухстах метрах восточнее школы в Сосно у дороги Мало-архангельск — Дросково. Сердечно соболезнуем вам и вашей семье. Хайль Гитлер!»

Копию этого письма я храню по сей день. Последнюю волю Робби мне удалось выполнить только через несколько месяцев. Во время своего первого отпуска домой я немедленно отправился к его родителям на север Голландии. Мне было нелегко ехать к родителям и братьям Робби с последним приветом от него. Но я был удивительно тепло встречен его семьей в их большом особняке под Гронингеном. И они даже подарили мне многие вещи, которые у них были приготовлены для Робби.

Я гостил у них несколько дней. За это время мне приходилось снова и снова рассказывать о том, что нам доводилось пережить вместе с Робби. И тогда же меня охватила первая большая любовь в моей жизни. С сестрой Робби мы влюбились друг в друга практически с первого взгляда. А когда я окончил гостить у них, наш роман продолжал развиваться по переписке, а также мы встречались во время моих коротких солдатских отпусков.

Смерть Робби стала началом несчастий и страданий, обрушившихся на его семью. Менее чем через год его отец был убит, когда возвращался домой на своем велосипеде. Его застрелили в спину в его родной мирной Голландии. В прошлом он был генеральным консулом в Либерии и воспитал четырех детей. Также он был членом НСД и был известен своими симпатиями к Гер-

мании. Это и стоило ему жизни. Вплоть до конца войны подобных вероломных убийств с каждым годом становилось все больше. Они выливались в ответные меры со стороны оккупационных властей, направленные против деятелей антигерманского подполья.

Следует заметить, что активность подполья во время той войны была феноменальной, особенно в Советском Союзе. С одной стороны, тысячи русских, украинцев, эстонцев, латышей, крымских татар и грузин добровольно помогали войскам Германии, работая в тыловых службах в качестве шоферов, конюхов, рабочих по кухне и разнорабочих. Немало жителей СССР было и в боевых подразделениях немецкой армии, где они в первые годы войны преимущественно выполняли функции подносчиков патронов, связных и саперов. В немецких частях их сначала называли просто «наши иваны», но потом был введен официальный термин «хильфсвиллиге» (нем. Hilfswillige), или сокращенно «хиви», т. е. «добровольные помощники». Они вставали на сторону Германии, чтобы освободиться от ярма коммунизма.

С другой стороны, в Советском Союзе было ничуть не меньше партизан, противостоявших немецкой армии. Они сражались без униформы, без знаков различия, и их нельзя было опознать среди населения. Крестьянин, вспахивающий поле, женщина, работающая на кухне немецкой части, кузнец, сельская учительница или даже хозяин дома, в котором мы жили, — любой из них мог принадлежать к партизанам. Страшная судьба ожидала того, кто попадал в их руки. Чтобы добыть нужные им сведения, они прибегали к жесточайшим средневековым пыткам. С их помощью партизаны старались добыть хоть какую-то информацию о последующих немецких атаках, перемещениях войск и вооруже-

нии. Пленным выкалывали глаза, отрезали языки и уши. И не стоит думать, будто я говорю здесь о единичных случаях, это было системой, по которой работали партизаны. Оказавшись в плену у этих варваров, никто не мог рассчитывать остаться живым. И лишь немногим везло оказаться застреленными в затылок без предшествующих мучений.

Пожалуй, именно партизанская деятельность на Восточном фронте, на Балканах и в Западной Европе привела к ответным мерам со стороны вермахта. Однако сегодня перед нами рисуют совершенно другую картину, преподнося противоречившую законам войны деятельность партизан как нормальную освободительную борьбу народов. История в который раз оказалась написанной победителями.

Тем не менее я процитирую некоторые из десяти заповедей бойца, которые были напечатаны в расчетной книжке каждого немецкого солдата. Третья заповедь гласила: «Преступно убивать пленных, оказавшихся в окружении, в том числе партизан и шпионов». Четвертая заповедь: «Пленные не должны оскорбляться и подвергаться плохому обращению». Шестая: «В отношении раненых пленных должен быть организован чelовечный уход и лечение»¹

¹ Читая подобное, невозможно удержаться от реплики. Библия — самая популярная книга в мире, и ни один бестселлер не сравнится с ней по тиражу. Однако выполняют все библейские заповеди даже среди верующих единицы. И что бы там ни было написано в расчетных книжках немецких солдат, но «доблестный» вермахт и войска СС заживо сжигали целые деревни с мирными жителями, женщинами, стариками и детьми. И если даже согласиться с некоторыми исследователями, что подобное происходило чаще именно в партизанских краях, то говорить об адекватности подобных мер действиям партизан ни в коем случае не приходится. Цитирование же автором «солдатских заповедей» немецких войск на этом фоне выглядит вообще, как минимум, циничным и неуместным. — *Прим. пер.*

До декабря 1941 года вермахт оккупировал территорию России, на которой находилось 65 миллионов жителей. Изначально среди них было около 10 000 партизан. Но их число очень быстро росло. И уже к середине 1942 года в подпольную деятельность против немецких войск было вовлечено 100 000 мужчин и женщин. На первых порах их активность не приносила особого успеха. Большинство мужчин, состоявших в их рядах, были стариками, и все они были плохо вооружены, хотя их действия зачастую контролировались армейскими властями из глубокого тыла. Гораздо более эффективной была деятельность отрядов из представителей национальных освободительных движений. Они были распространены, в частности, в Западной Украине и Западной Белоруссии и состояли преимущественно из бойцов, дезертировавших из Красной Армии. Эти отряды первоначально выступали исключительно против Красной Армии и советской власти. Но потом, к сожалению, ситуация сложилась так, что они стали нападать и на немцев.

Тем не менее согласно данным, приведенным в книге «История партизанского движения» русского автора Б.С. Тельпуховского: «С 1941-го по 1943 годы русские бойцы уничтожили 500 000 вражеских солдат, в том числе 47 немецких генералов, а также множество анти-советски настроенных украинцев». Но вернусь к партизанам. Среди их вооружения были ножи и даже автоматы. Однако наиболее распространены были винтовки и охотничьи ружья. Также в ближнем бою с танками они использовали бутылки с зажигательной смесью. Это простое в изготовлении оружие было впервые применено русскими во время советско-финской войны 1939—1940 годов. Оно было тем более удобно для них, что у русских не было недостатка в пустых водочных

бутылках! Впрочем, несмотря на свою примитивность, это оружие было очень эффективным: зажигательная смесь из фосфора и серы, воспламенившись, раскалялась до 1300 градусов.

Приказав создать партизанское движение, Сталин знал, что он делает. Его организация началась на двенадцатый день после начала войны. Помимо этого, советский лидер начал проводить политику «выжженной земли», которая означала, что все, что не удастся забрать при отступлении, должно быть уничтожено. «Отвечать ударом на удар — таков был девиз тех дней», — писал Александр Верт. У немецких же войск попросту не было времени выискивать партизанских вожakov среди жителей деревень. Из-за этого мирные жители постепенно оказывались в руках партизан. Это было тем более обидно, если учесть, что изначально многие русские встречали немецкую армию с хлебом и солью, как освободителей от ярма коммунизма.

Как же так получилось, что всего через год во многих районах партизанское движение захватило контроль над населением? Ответ на этот вопрос довольно прост. Хорошее отношение населения к оккупационным властям сохранялось лишь до тех пор, пока последние демонстрировали добрую волю. В то же время советская пропаганда и комиссары делали все возможное, чтобы настроить жителей против немцев и подготовить почву для партизанских действий. И это им вполне удалось, учитывая перегибы в восточной политике Германии.

Следует заметить, что между войсками СС и вермахтом возникло определенное непонимание, когда командование последнего, борясь с партизанским движением, стало предпринимать меры, в том числе против мирных жителей. Даже мы, рядовые бойцы СС, ви-

дели, что подобная эскалация насилия сыграет на руку не нам, а партизанам. Тем не менее среди руководства оккупационных властей было немало и здравых людей, которые стремились к нахождению взаимопонимания с местным населением и не следовали неадекватным предписаниям германского Министерства восточных территорий.

Одним из таких людей был генеральный комиссар Крыма Альфред Фрауэнфельд. Будучи убежденным национал-социалистом и высокообразованным человеком, он управлял вверенной ему территорией настолько грамотно, что мог перемещаться по ней на сотни километров без защиты войск. Он относился к людям, населявшим Крым, с уважением и делал все, чтобы понять их менталитет, интересы и нужды. Поэтому и местные жители относились к нему с уважением. За время своего руководства Крымом Фрауэнфельд поднял экономику этой территории на высокий уровень, какого прежде не было на этой территории.

Полную противоположность ему представлял рейхс-комиссар Украины и гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох, проявлявший на подчиненной ему территории Украины крайнюю жестокость и совершенно не учитывавший интересы местного населения. В целом приходится признать, что Германия не воспользовалась своим шансом на Востоке. Ряд немецких экспертов высказывали разумные соображения по спасению ситуации, но их предложения по изменению политики оккупационных властей начали реализовываться лишь тогда, когда Красная Армия взяла Будапешт.

Но вернусь к военной зиме 1941/42 года. Несмотря на приказ «удерживать позиции любой ценой», над немецким вермахтом нависла угроза повторить судьбу армии Наполеона. Фронт был прорван, и Красная Ар-

мия удерживала инициативу на юге. Ценою невероятных усилий любимец Сталина генерал Жуков остановил наступление на Москву в конце января. План «Барбаросса» был сорван, и в наибольшей степени в этом были виноваты четыре долгих, бесконечных месяца суровой русской зимы. В марте снова повторились ужасные метели, но за ними последовала оттепель. После чего все дороги снова превратились в болото.

«К концу зимы лица наших бойцов стали постаревшими от потрясений, которые они переживали каждый день. Их кожа из-за морозов приобрела нездоровый оттенок. Точно так же выглядели и солдаты противоположной стороны. Внешняя разница состояла только в униформе, надетой на них, и в языке, на котором они говорили», — писал в своем дневнике лейтенант Вольфганг Пауль.

Тем не менее нас, добровольцев, поддерживало убеждение, что мы воюем за правое дело. Мы воевали за Европу и не против жителей Советского Союза, а за них. Недаром же папа Пий XII охарактеризовал действия войск СС, состоявших из смеси датчан, финнов, норвежцев, голландцев, бельгийцев, швейцарцев и французов, как «защиту основ христианской культуры»¹

У нас за спиной были огромные расстояния, кото-

¹ Очень жаль, что подобная цитата приводится без ссылки на источник. Отношение папы Пия XII к национал-социализму является давним предметом спора историков. В советской историографии Пий XII было принято считать сторонником и даже пособником Гитлера. В то же время существует немало свидетельств того, что Пий XII укрывал евреев от расправы нацистов. При этом бесспорным фактом остается и то, что папа ни разу публично не выступил против Гитлера. Хотя апологеты Пия XII, отвечая на это, приводят цитату из его обращения к кардиналам 2 июня 1943 г. «Всякое слово, сказанное нами как компетентным авторитетом, и всякий наш публичный намек должен быть нами серьезно обдуман и взвешен в интересах тех же несчастных, чтобы не сделать их положение, хотя и не желая этого, еще более тяжелым и непереносимым». — *Прим. пер.*

рые мы преодолели, двигаясь к фронту, в комфортабельных поездах и в товарных вагонах, в транспортных самолетах и в грузовиках, на танках и на тройках, а также пешком. Подобно военному поколению Германии, мы все делили одну судьбу, которая свела нас друг с другом настолько близко, что только огонь сражения мог разделить нас. Мы не нашли ни приключений, ни лавровых венков победы. Вместо всего этого нам достались вши, грязь, жестокие морозы и смерть. В неопишуемых лачугах, где нас порою оказывалось до двадцати человек, мы дожидались очередных приказов. Мы вжимались в землю на своих позициях под огнем врага. Ночью мы часами ждали в засаде русских бойцов, которые ориентировались в темноте почти как при дневном свете, и каждая минута казалась нам вечностью. Мы мало отдыхали и в другие ночи, когда наш тревожный, нервный сон то и дело прерывался из-за атак врага. Держа палец на спусковом крючке, мы вдыхали едкий запах горящих деревень. Но огонь нес не только смерть, но и спасение. Чтобы согреться, мы, когда представлялась возможность, разводили костры.

Во время маршей мы не замерзали только за счет того, что двигались, изнемогая от усталости. Но если по пути нам удавалось на несколько минут присесть возле горящего дома, чтобы передохнуть и погреться от пожара, мы потом с огромным трудом находили в себе силы, чтобы идти дальше. Нам приходилось находиться под открытым небом в тридцати-, а то и в сорокаградусные морозы. Для армии того же Наполеона в 1812 году уже мороз в двадцать пять градусов оказался фатальным. Впрочем, и мы были живыми людьми, а потому при каждой возможности искали себе убежище среди этой Богом забытой земли. Любая землянка и самая нищая лачуга давала нам хоть какое-то спасение.

от безжалостной русской непогоды. Голые равнины этой страны с бесконечными горизонтами и холодным небом, нависающим над ними, побеждали нас, когда мы выигрывали сражения у армии противника.

Но мы продолжали сражаться на этой несчастной земле, изувеченной ужасами большевизма и отрезанной от всего остального мира. Мы делали все, что могли, чтобы разрушить жестокую империю Сталина.

Глава двенадцатая

В ГОСПИТАЛЕ

После зимы вермахт медленно восстанавливал свои силы. Уже летом 1942 года немецкая армия начала наступление по новым направлениям, которое шло по плану и было успешным. Находившийся в Крыму Севастополь, являвшийся штаб-квартирой Черноморского флота, представлял собой мощнейшую крепость в мире. Но в ходе кровопролитных боев Севастополь оказался в наших руках.

В течение следующего месяца мы отбросили Русский фронт назад на триста километров, взяв Воронеж и Ростов. Тем не менее план Гитлера по уничтожению Красной Армии через некоторое время потерпел крах. Хотя в начале года, казалось, ничто не предвещало этого. Летом 1942-го успех сопутствовал немецким войскам даже за пределами границ России. В северной Африке фельдмаршал Эрвин Роммель, несмотря на мощнейшее противостояние союзников, взял Тобрук, портовый город в Ливии, имевший огромное стратегическое значение. Немецкие подводные лодки появились возле Лонг-Айленда, и их команды могли наблюдать за автомобильным движением на улицах Нью-

Йорка. Кроме того, немецкие подводные лодки начали действовать в территориальных водах Канады.

Однако военная удача драматично переметнулась на сторону союзников, начиная с поражения 6-й немецкой армии в Сталинграде в феврале 1943-го. И тем не менее союзникам потребовалось еще два года войны, прежде чем они сумели поставить Германию на колени.

Между тем именно летом 1942 года я оказался в поезде медслужбы, который увозил меня из Орла, стоявшего на реке Ока, в Варшаву на реке Висла. Русские солдаты за долгие месяцы кровопролитных боев не сумели заставить меня покинуть строй. Но это удалось вшам, причем за гораздо более короткий промежуток времени. По сильному жару, который держался у меня пять дней, войсковой доктор диагностировал у меня окопную лихорадку. Эта инфекционная болезнь имеет очень много общего с сыпным тифом. Ее возбудителем являются риккетсии — бактерии, вызывающие у человека острые лихорадочные заболевания. Переносчиком риккетсий как раз и выступают вши.

Наш поезд с красными крестами на вагонах шел из центрального сектора Восточного фронта через Брянск, Смоленск, Минск и Брест на территорию немецкого генерал-губернаторства в Польше. После условий, в которых мы жили на передовой, мы не могли желать лучших условий, чем были в поезде, если бы только кому-то удалось заставить замолчать стонущих раненых и исчез зловонный запах от гноя и свежих ран. Тем не менее спальные отделения нам казались комфортабельными туристическими купе первого класса. Переоборудованный медицинский поезд был заполнен удобными койками для раненых. О последних постоянно заботились доктора, санитары и медсестры Красно-

го Креста. Почти на всех станциях и во время промежуточных остановок появлялись медсестры-добровольцы немецкого Красного Креста с большими дымящимися чашками кофе. Подобная деятельность этой организации охватывала всю Центральную Европу, почти до самого фронта. Среди медсестер были женщины и девушки со всей Европы, а не только немки. Все они пошли в Красный Крест, руководствуясь теми же мотивами, что и мы, бойцы-добровольцы.

Наш военный госпиталь находился на берегу у самой Вислы. Прежде чем оказаться в нем, мы должны были пройти дезинфекцию тела и униформы. В чем мать родила, мы построились в длинные очереди в огромном бараке. Живой конвейерной лентой мы подходили к «карболовым ангелам», медсестрам, которые смазывали все покрытые волосами участки нашего тела дезинфицирующим маслом. Для многих из нас, месяцами не видевших женщин, это оказалось серьезным испытанием. Некоторым не удалось сдержать эрекцию, и товарищи тут же начали подтрунивать и посмеиваться над ними. Однако сами медсестры дипломатично не обращали на это внимания и продолжали выполнять свою работу с добродушными улыбками на лицах.

После кошмара фронта госпиталь казался настоящим островком мирной жизни и кусочком дома. Об этом заботились и красавицы из Союза немецких девушек, время от времени навещавшие нас как в палатах, так и в тенистом саду при госпитале и певшие нам счастливые песни о доме. Они всегда приносили с собой маленькие полезные подарки для нас. В связи с этим мне запомнился один случай, сильно смутивший меня в ту пору. Девушки раздавали нам бритвенные станки, и одна из них, вместо бритвы, вдруг положила в мою

ладонь плитку шоколада, заявив, что мое «детское лицо» не нуждается в бритве.

У медсестер с их многочисленными обязанностями оставалось мало свободного времени, но, несмотря на это, они все равно успевали показать город солдатам, шедшим на поправку, когда те оказывались в состоянии ходить. Правда, в Варшаве на тот момент было не слишком много достопримечательностей. Осада города в сентябре 1939 года наложила на него свой отпечаток. Многочисленные руины и поврежденные дома на улицах города свидетельствовали о кровопролитных боях за Варшаву. Судьба города произвела на нас тяжелое впечатление. Между тем для местных жителей приближались еще более страшные времена. После боевых действий на завершающем этапе войны в руинах осталось около 85 процентов польской столицы.

Пройдя лечение в госпитале, я был направлен в реабилитационную часть, которая дислоцировалась в австрийском поселке Тобельбаде, что около города Граца. В дорогу меня снабдили богатым запасом провианта.

Мой путь не лежал напрямик в Тобельбад. По пути я должен был заехать в Берлин. Мне был дан специальный отпуск на несколько дней для ознакомления с немецкой столицей. Так я впервые в своей жизни оказался в Берлине. Несмотря на военную пору, в городе был огромный выбор мест, где можно было провести время. Это были разнообразные театры, варьете и кинотеатры. Военные могли посещать все эти заведения за половину входной платы. Товарищи, прибывшие в город раньше меня, уже изучили его и выполняли роль моих проводников по Берлину. В надежде увидеть фюрера, мы однажды отправились к новой резиденции канцлера на Вильгельмштрассе. Но там нам лишь от-

рывисто салютовали двое эсэсовцев, стоявших в карауле перед огромными бронзовыми дверями.

После долгого пребывания на фронте далекий от ужасов войны Берлин не переставал удивлять нас, и мы с трудом привыкали к мирной жизни. Нас, бойцов с передовой, здесь чествовали, щедро угощали и одаривали не только отдельные люди, но и организации. Население руководствовалось лозунгом: «Наши отважные солдаты сполна заслужили нашу благодарность». На нас беспрестанно сваливались подарки и приглашения. Правда, следует заметить, что дальнейший ход войны изменил атмосферу в Берлине и других немецких городах.

Впрочем, жизнь Германии и в 1942 году в определенной степени была подчинена войне. Так, в связи с войной была увеличена продолжительность рабочей недели, которая стала составлять 46 часов в офисах и 52 часа на заводах. Также именно в этот период в немецких ресторанах по понедельникам и четвергам было «фронтовое меню», состоявшее из тех же блюд, что готовили полевые кухни на передовой.

Из Берлина я вскоре прибыл в Тобельбад, находившийся в наполненной зеленью сельской местности области Штирмарк. В моей памяти тут же всплыли покрытые лесом горы Каринтии. Отличие было только в том, что склоны Тобельбада не были такими крутыми, и вместо леса на них росли фруктовые деревья. Идиллическая картина вокруг и целебный климат не только восстанавливали наше здоровье и силы, но и пробуждали в нас бешеный аппетит. Однако наш армейский рацион был скромным, и чувство голода побуждало нас искать пути решения проблемы. Выход из ситуации все солдаты находили единственный и одинаковый для каждого из нас. Мы называли это «любовью за жареную картошку». Иными словами, бойцы старались за-

вести отношения с такими девушками, которые могли бы им помочь улучшить рацион!

Исходя из этих интересов, я сам встречался с симпатичной молодой блондинкой, работавшей на армейской кухне. В приподнятом настроении я регулярно прошагивал несколько километров до дома, в котором она жила. Правда, в том же доме жил и начальник армейской кухни, а это создавало некоторые трудности. Но тем не менее моей подружке всегда удавалось подкармливать меня фруктами, а иногда и сосисками, которые она потихоньку носила с работы. По воскресеньям мы уходили из Тобельбада гулять в горы или по улицам Граца. Наши прогулки продолжались до самого вечера, когда мне нужно было возвращаться в часть на вечернюю переключку. Многие из моих молодых товарищей также завели себе девушек в Тобельбаде, причем не столько ради романтических отношений, сколько для того, чтобы обеспечить себе дополнительное меню.

Время от времени к нам из Вены приезжали ансамбли, выступавшие перед войсками. Иногда даже по два сразу. Благодаря этому мы смотрели выступления кабаре и слушали фортепьянные концерты, на которых исполнялась изумительная музыка Моцарта и Гайдна. Правда, говоря откровенно, нам, молодым солдатам, она казалась скучной в ту пору. А вот наши офицеры и сержанты присутствовали на подобных мероприятиях гораздо более охотно, поскольку вечером после концерта у них была возможность пофлиртовать с приехавшими к нам артистками.

Однако не следует думать, что в Тобельбаде мы жили, как в оздоровительном санатории для тела и души. Конечно, мы приходили в себя и отдыхали от ужасов войны, находясь вдали от передовой и живя в уютных особняках, которые прежде снимали те, кто приезжал сюда, чтобы отдохнуть и поправить здоровье. Но при

этом нам приходилось постоянно работать над своей физической и военной подготовкой. Нас без конца заставляли выполнять упражнения с гантелями, качать мышцы, бегать и заниматься другими видами спорта. Помимо этого, мы постоянно ходили на занятия по боевой подготовке. Поскольку многое нами было уже изучено прежде, с новой теоретической базой мы знакомились непосредственно во время занятий на местности. Кроме того, нас учили чтению карт и даже мировой политике. И, несмотря на интенсивные занятия, уборка территории части также входила в наши обязанности.

Помимо всего прочего, Тобельбад преподнес мне один неожиданный и очень приятный сюрприз. Сюда приехал мой брат Эверт. Он был ранен в России и в результате также оказался направленным в реабилитационную часть, в которой был я. Таким образом, мы впервые оказались в одной роте!

К слову, через год мой брат был ранен снова во время тяжелейших боев в составе дивизии «Викинг» на северо-западе Харькова. Командир его роты, «ощущая духовную близость», отправил в связи с этим письмо к нашим родителям:

Дорогие господин и госпожа Фертены!

Сообщаем вам, что ваш сын Эверт получил легкое ранение. 6 сентября 1943 года во время атаки врага он был ранен осколками снаряда в шею и бедро. Ему была оказана медицинская помощь доктором нашей части, после чего он был перемещен в полевой госпиталь, откуда в скором времени сможет написать вам сам.

Ощущая духовную близость с Вашей семьей,

Искренне Ваш _____ (подпись неразборчива), СС
оберштурмфюрер.

Только сегодня я заметил, что в конце письма отсутствовала традиционная для того времени фраза «Хайль Гитлер!» Даже немецкая организация Красного Креста в своем письме, сообщавшем о смерти Робби, вместе с соболезнованиями его родителям не забыла употребить это типичное для тех лет словосочетание. Подчеркивая это, мне хотелось бы в очередной раз заметить, что бойцы войск СС, сражавшиеся на передовой, вовсе не были «убежденными приверженцами национал-социалистической партии», какими их представляют сегодня.

Но вернусь к Тобельбаду. Именно там я получил свою первую награду. Командир нашей роты перед всем ее составом вручил мне медаль «За зимнюю кампанию на Востоке 1941/1942 гг.» («Die Medaille Winterschlacht im Osten 1941/1942»). Этими медалями награждались немецкие бойцы и иностранные добровольцы, которые участвовали в боях на Восточном фронте в период с 15 ноября 1941 года по 15 апреля 1942 года. Основным критерием для награждения было участие в боях в течение не менее 14 дней (для пилотов Люфтваффе — совершить не менее 30 боевых вылетов), но эту медаль давали также тем, кто находился на Восточном фронте не менее 60 дней даже без непосредственного участия в боевых действиях, либо получал ранение или обморожение, достаточное для награждения знаком «За ранение».

Медаль крепилась к ленте темно-красного цвета, по центру которой проходили две тонкие полоски белого цвета и одна черная. Красный цвет символизировал пролитую кровь, белый — снег, а черный — смерть. Смерть наших многочисленных товарищей, павших на русской земле. Наши бойцы, воевавшие на Восточном фронте, с грустной иронией называли эту награду медалью «Мороженое мясо».

Глава тринадцатая

СНОВА УЧЕБА

Чем дольше продолжалась война, тем более бескомпромиссной и жестокой она становилась. Теперь было ясно, что успех или поражение в ней одной из противоборствующих сторон будут зависеть не от того, сколь хороши солдаты этой стороны, а от того, насколько профессиональны командиры, отдающие им приказы. Но, пожалуй, еще большее значение имело, сколь хорошим будет вооружение бойцов. Таковы были реалии современной войны. И от личного состава армии требовалось постоянно осваивать новое оружие. Поэтому, хоть на фронте был на счету каждый солдат, каждой части было приказано посылать специально отобранных бойцов на курсы подготовки по применению современной военной техники и оружия.

Мне было суждено оказаться в числе тех, кого осенью 1942 года направили на подобные курсы в Чехословакию. Так я оказался в школе Киншлаг (Kienschlag), находившейся неподалеку от Праги. Именно там мне довелось освоить новое оружие, которое было маленьким чудом для своего времени. Специалисты работали над ним, начиная еще с 1935 года. До появления этого оружия в ближнем бою с танками использовали подрывные заряды. Мины такого рода наносили танкам в лучшем случае незначительные повреждения в виде разорванных гусениц и поврежденных катков. А вот новая разработка представляла собой прикрепляемый кумулятивный заряд (также называемый ручной противотанковой кумулятивной магнитной

миной)¹ Для установки мины боец должен был приблизиться к танку, пользуясь укрытиями на местности и мертвым пространством вокруг танка. Это было нелегко, но результат стоил того. Магниты надежно держали мину на броне, а после подрыва заряда образовывалась кумулятивная струя, которая почти мгновенно прожигала броню и выводила танк из строя.

Школа Киншлаг, где проходили наши курсы, была танковой школой войск СС. Благодаря этому мы могли отрабатывать тактику пехотных ближних боев с танками в условиях, приближенных к боевым. Мы тренировались метать в танки бутылки с зажигательной смесью и связки гранат. Последние состояли из пяти ручных гранат, четыре из которых были без ручек и крепились вокруг пятой. Чтобы выполнить такое упражнение, мы должны были подобраться к быстро двигавшимся трофейным русским танкам, которые использовались в ходе нашей подготовки.

Кроме этого, мы должны были научиться оставаться в окопах, когда по ним едут танки. Это требовало нечеловеческого усилия воли, чтобы не запаниковать, вжимаясь в землю, когда прямо над твоей головой, громахая гусеничными траками, проезжал весивший тонны стальной гигант. Были и другие упражнения, которые требовали не только огромного напряжения воли даже от самых смелых из нас, но и акробатических умений. Столь сложной, к примеру, была установка мины на движущийся танк у основания его башни.

Лишь позднее в нашем распоряжении появилось оружие, которое позволило нам не вылезать из укры-

¹ Вероятнее всего, речь идет о немецкой противотанковой мине *Haftmin* (Hafthohlladung-3). В 1942 г. немецкой военной промышленностью было произведено лишь 8500 из 553 900 таких мин, выпущенных за три последних года войны. — *Прим. пер.*

тий во время ближнего боя с танками. Только с помощью него мы смогли эффективно противостоять советским танкам. Как многие уже догадались, я говорю о появившемся в войсках в августе 1943 года фаустпатроне, ручном противотанковом гранатомете однократного использования, длина которого была один метр, а вес всего около трех килограммов. Это оружие мы любовно называли «Гретхен». Его появление произвело сенсационное впечатление на войска и, благодаря активной пропаганде вермахта, значительно подняло боевой дух немецкой армии.

Во время курсов мы также, подобно парашютным войскам, учились одиночному ведению боя. Нас обучали оценивать обстановку и действовать в ситуациях, когда мы оказывались отрезанными от остальной части. Это требовало не только физической, но и теоретической, а также психологической подготовки. И здесь бойцы с Восточного фронта оказались идеальными учениками, благодаря предшествующему опыту боев на передовой в ходе Русской кампании. У нас за плечами была обширная практика, и знания, полученные от инструкторов, дополнялись тем, чему нас научила война.

Мы были готовы ко всему. И тем не менее во время практических занятий на местности мы вздрагивали, когда неожиданно распахивалась дверь муляжного дома и из нее выскакивала картонная фигура вооруженного человека, появление которой сопровождалось холостой автоматной очередью. Наши сердца начинали биться учащенно, когда из-за дерева вдруг выпрыгивала марионетка, размером в полный человеческий рост, или когда в нас летела учебная ручная граната, брошенная инструктором из-за кустов. Программа подготовки в мирных окрестностях Праги была очень хорошо разработана. Освоение этой программы действитель-

но увеличивало наши шансы выжить и помогало нам лучше уничтожить врага.

В свободное время мы гуляли по «золотой столице» Чехословакии. В ту пору мы не сталкивались там с какими-либо проявлениями антигерманских настроений. Несмотря на мировую войну, эта страна фактически сохраняла статус нейтрального государства. Здесь был настоящий оазис мира и свободы, в то время как почти вся Европа так или иначе была охвачена конфликтом. Хотя Чехословакия и находилась под немецким протекторатом, она оставалась свободной в самоуправлении и внутреннем развитии. Ее мужчин не призывали в ряды немецкой армии. И, за исключением министерств обороны и иностранных дел, все места в государственной администрации принадлежали чехам.

Что мне особенно запомнилось, так это то, что мы могли здесь делать покупки даже без наших продуктовых карточек и нормально питаться в ресторанах, где были большие порции, которых не было во многих других странах Европы. Здесь процветала даже индустрия роскоши. Благодаря деятельности фактического рейхс-протектора Рейнхарда Гейдриха, Германия заключила с чехами экономически выгодные для них контракты, которые также вносили свой вклад в процветание Чехословакии.

В своем большинстве чехи были даже большими коллаборационистами, чем полагала британская палата общин, заявившая: «Чехи потеряли веру в себя и даже не протестуют против оккупации своей земли». Так, Гейдриху очень симпатизировал чешский рабочий класс, в особенности за его планы социальной защиты населения. Однако относительный мир и спокойствие в Чехословакии не устраивали руководство западных стран. И 4 июня 1942 года Рейнхард Гейдрих был убит в

Праге английскими боевиками (этническими чехом и словаком), переброшенными в страну на британских самолетах. В знак протеста против этого убийства 30000 чехов вышли на Вацлавскую площадь Праги. Провокация, совершенная боевиками, привела к неожиданным для союзников результатам и стала в том числе причиной репрессивных мер со стороны немцев по отношению к жителям деревни Лидице.

Через некоторое время мне суждено было оказаться на еще одних армейских курсах, на этот раз в школе для сержантского состава СС в Лауэнбурге. Именно там я узнал о совершенном 20 июля 1944 года покушении на Гитлера в его Ставке в Восточной Пруссии. У нас, в Померании, этот день прошел спокойно, точно так же, как и все другие. Только через несколько часов после того, как новость дошла до нас, было введено особое положение, запрещавшее нам покидать казармы.

Надо сказать, что детали происшедшего нам были практически неизвестны, и даже в течение нескольких последующих дней до нас доходила лишь обрывочная, расплывчатая информация. Тем не менее нас очень возмутило, что кто-то осмелился совершить покушение на главнокомандующего в ситуации, когда русские и без того теснили немецкую армию. Мирное население Германии отреагировало точно так же. В те дни я не встречал никого, кто жалел бы о том, что покушение не удалось.

Мы были особенно поражены, когда через несколько недель узнали, что покушение было совершено влиятельными представителями высших чинов армии. Однако это проливало свет на неожиданные «инциденты», случавшиеся как на фронте, так и в тылу. Возможно, именно в этом крылись причины сбоев в работе немецкой военной промышленности, а также несвоевре-

менность поставок теплой одежды на фронт, из-за чего погибло так много наших солдат. Спланированной диверсией была и неправильная интерпретация приказов, которая также стоила жизни огромному количеству бойцов. Более того, от изменников враг получал высокосекретную информацию из немецкого Генерального штаба. Безусловно, не было совпадением и то, что немецкая военная промышленность достигла высочайших объемов производства продукции именно в последние годы войны, т. е. после уничтожения заговорщиков.

Убийство Гитлера лишь усугубило бы положение Германии. Как говорится в пословице, прижившейся у многих народов, коней на переправе не меняют. В этом смысле показательно произнесенное уже после Второй мировой высказывание Ойгена Герстенмайера, одного из послевоенных председателей бундестага Германии и участника заговора, окончившегося покушением на главу рейха 20 июля 1944 года: «Участвуя в немецком Сопротивлении, мы не понимали или не хотели понимать, что война идет не против Гитлера, а против Германии. Лишь гораздо позднее нам суждено было осознать, почему все попытки уничтожить Гитлера были безуспешными и что это не было случайным стечением обстоятельств».

Известный в Германии историк профессор Гельмут Дивальд отмечал: «Действия оппозиции не давали ни малейшего шанса на то, что Германия оказалась бы в лучшем положении, даже если бы их путч удался и было провозглашено прекращение огня с немецкой стороны». Стоит сказать, что ряды оппозиции против Гитлера на треть состояли из немецкой аристократии, и движущей силой этого течения был вовсе не народ, а старые консервативные правящие круги Германии.

Если же предположить, что немецкая армейская верхушка якобы была едина во мнении, что Гитлера необходимо устранить еще до той попытки убийства, совершенной Штауффенбергом и его сообщниками, то тут же перед нами встает ряд неизбежных вопросов. Самый главный из них, который напрашивается незамедлительно: почему же тогда никто из представителей немецкого генералитета сам не убил Гитлера? Им всем разрешалось при встречах с ним иметь при себе личное оружие. Более того, эти офицеры могли отдать подобный приказ своим подчиненным и даже не рисковать собственными жизнями. Таким образом, покушение со стороны оппозиции было шагом одиночек. Да, этот шаг нес в себе большой риск и требовал немалой смелости. Однако надо сказать, что до этого многие, если не все из заговорщиков, процветали при режиме «богемского рядового» и достигли высокого ранга и многочисленных наград, которые стоили огромной крови бойцам, воевавшим на фронте.

Заговорщики начали действовать лишь тогда, когда в июне 1944 года союзники высадились на французские берега и поражение Германии стало очевидным. Согласитесь, это говорит о многом. Нацистская пропаганда осудила их вполне справедливо. Такого же мнения придерживалось и население Германии, которое видело в них изменников, предавших лидера, на верность которому они присягали. Сам Гитлер, говоря о результатах этого покушения, сказал так: «Комиссия в лице Провидения утвердила мои полномочия». Неудавшееся покушение придало немецкому лидеру дополнительную волю к борьбе и работе. Поколениям, выросшим после войны, конечно, тяжело отделить зерна от плевел. Но я советую им все-таки задуматься, кто в

этой ситуации в действительности относился к идеалистам, а кто к приспособленцам.

Но вернусь к нашим занятиям в школе для сержантского состава. Вопреки всему, мы делали все, от нас зависящее, чтобы победа была за нами. Мы упорно тренировались, и в том числе осваивали легкие пехотные 75-миллиметровые пушки и 150-миллиметровые гаубицы. В последнем случае подготовка была крайне изматывающей, особенно для тех, кто должен был быстро подносить ящики со снарядами и заряжать их. Будучи командиром расчета, я избежал подобных физических нагрузок, но зато мне приходилось прилагать немало усилий для точного наведения орудия. Причем это приходилось делать быстро, даже если цель находилась на расстоянии 3,5 — 4 километров. За каждый промах мы получали страшную головомойку от наших инструкторов! Но мы не жаловались, ведь на кону стояла судьба Германии.

Глава четырнадцатая

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ

Мы редко слышали теперь победные фанфары. По радио все чаще звучали приказы, в которых были фразы «удерживать позиции» и «любой ценой». Кризис в войне на Востоке начался уже в июне 1944-го. Это было особенно заметно в центральном секторе Восточного фронта, где удерживала оборону группа армий «Центр». Без сомнения, именно с этого началась самая ужасная и тяжелая для Германии страница войны. Последующие месяцы стали тяжелейшими месяцами свирепых боев, обусловивших огромные потери среди солдат Восточного фронта.

С наступлением осени 1944 года дороги в сельской местности Польши и Литвы были размыты и состояли из сплошной грязи. Битва за Восточную Пруссию началась, когда шесть русских армий прорвались через линии обороны 3-й немецкой армии на центральном и северном участках. Четыре дня спустя русские впервые вступили на немецкую землю, войдя в Кроттинген.

Наступил наш черед возвращаться в строй. Огромные потери среди сержантского состава, являвшегося хребтом немецкой армии, стали причиной многочисленных прорех в линии обороны. Недостаток младшего командного состава требовалось срочно восполнить, и наши курсы были резко завершены. С рюкзаками за плечами мы снова отправились в путь, даже не зная своего места назначения.

Когда наш длинный поезд, загруженный тяжелыми орудиями и боеприпасами, миновал Данциг, нам стало ясно, что мы возвращаемся на Восточный фронт. Несмотря на то что курсы были прекращены досрочно, мы получили звания сержантского состава. А я позднее даже получил награду за храбрость, проявленную на фронте.

После курсов меня зачислили в восьмую роту боевой группы Ремера. Мы проехали на поезде 300 километров на восток. Нашей последней остановкой стал город Летцен в Восточной Пруссии. Оттуда по проезжей дороге мы добрались до деревни Кругланкен в центре области Мазурских озер. Именно там мы и должны были базироваться в полной боеготовности к операции «Шарнхорст».

Мне было временно поручено выполнять роль связного мотоциклиста и выдан мотоцикл БМВ-250, на котором я сопровождал моторизованные колонны. Мне нравилось носиться на мотоцикле от начала к хвосту

колонны и обратно, подобно собаке-пастуху вокруг стада овец. Однако позднее, со вступлением зимы в свои права, это стало уже не так приятно: ледяной ветер, несмотря на вязаный подшлемник и защитные очки, превращал мое лицо в одеревенелую маску.

Вскоре основным моим занятием стали разведывательные и охранные рейсы. Я выполнял их вместе с одним из моих товарищей. У нас на шеях висели пистолеты-пулеметы, и мы были сами себе хозяевами, самостоятельно планируя свои маршруты через окружающую нас восхитительную сельскую местность.

Однажды неподалеку от линии фронта мы наткнулись на двух молодых женщин, которые собирались покинуть свой дом и уйти в более безопасное место, но никак не могли уговорить отправиться вместе с ними свою старую бабушку. Мы попытались помочь им переубедить ее. Каждый из нас как можно доходчивее старался объяснить старушке, какая опасность ей грозит в связи с военными действиями и приближающимися русскими. Но все наши слова не возымели никакого действия. Она продолжала стоять на своем и говорила, что лучше умрет, чем покинет родной дом. Дальнейшие уговоры не имели смысла, и с этим ничего нельзя было поделать. Внучки не могли сдержать горьких слез. Когда они прощались с бабушкой, у нее на коленях сидел кот. В доме оставалось достаточно еды и для старушки, и для ее любимца. Но их могли ждать и ужасы пострашнее голода. Сцена прощания была душевнораздирающей.

Во многих других местах, где расквартировывалась наша часть, мы также становились свидетелями неопишуемых человеческих трагедий. Это зрелище было особенно тяжелым в ситуациях, когда жителям деревень и ферм приходилось собираться за крайне огра-

ниченное время и удавалось взять с собой лишь то, что они могли унести в руках. За эвакуацию районов несли ответственность их администрация, которая зачастую отдавала приказ об эвакуации в самый последний момент, не оставляя жителям времени на раздумья о том, что они возьмут с собой, а что оставят в домах. Когда была возможность, мы, солдаты, помогали им грузить их скудные пожитки на телеги с запряженными лошадьми, на ручные тележки и в прицепы тракторов. Нередко у жителей были и другие помощники — военнопленные, присланные на работы к местным фермерам. Последние хорошо обращались с ними, и поэтому пленные также помогали своим хозяевам упаковывать и грузить их имущество. Потоки беженцев угрюмо двигались на запад, спасаясь от Красной Армии.

Операция «Шарнхорст», помимо всего прочего, была разработана для того, чтобы усилить охрану Ставки Гитлера «Вольфшанце» («Волчье логово») и обширной территории вокруг нее. Комплекс сооружений «Волчьего логова» находился в лесу Герлиц недалеко от города Растенбурга¹ и состоял из более чем восьмидесяти строений. Помимо жилых и хозяйственных построек, среди них было около сорока легких железобетонных бункеров и семь массивных укрепленных сооружений. В «Волчьем логове» были бомбоубежища, офицерское казино, собственная электростанция и две взлетно-посадочных полосы. При этом Ставка Гитлера была практически идеально замаскирована. Внутренняя территория комплекса была разделена на три зоны, разграниченные колючей проволокой и другими средствами обеспечения безопасности. Для пересечения рубежа каждой из зон было необходимо обладать соответст-

¹ Ныне Кентшин. — *Прим. пер.*

вующими пропусками. Это была самая укрепленная из всех Ставок Гитлера. С развитием русского наступления на Запад фюрер и его штаб были вынуждены 20 ноября 1944 года переместиться в Берлин. Однако «Волчье логово» не оказалось в руках русских, а было взорвано в начале января 1945 года.

У нас в секторе вокруг деревни Кругланкен было не слишком много дел и оставалось время для освоения изумительной сельской местности Восточной Пруссии. Мне она запомнилась, прежде всего, темными лесами, зеленой и чистой водой озер и рек и пряным сухим и холодным воздухом. Также в окрестностях располагались небольшие городки с памятниками великим германским принцам. Кроме того, там встречались и памятники Фридриху Великому, или «старому Фрицу», как его называли солдаты. А в причудливых деревеньках на улицах было множество берез, березы росли и вдоль дорог, ведущих к усадьбам. И везде были озера, цепочка которых, отражая солнечные блики, скрывалась за горизонтом. Сколько лет прошло, а у меня все так же ясно и ярко встают перед глазами те живописные пейзажи. Однако уже к концу 1944 года эта земля, на которой жили 2,5 миллиона человек и чья территория была примерно равна размерам Голландии, стала практически безлюдной.

Покрытые плющом сельские усадьбы с парковыми воротами из кованого железа, длинные аллеи, беседки в тени вековых деревьев, благоухающие зеленые луга и обширные пастбища — сегодня многое из тех красот сохранилось лишь в моей памяти.

Возможно, эта местность так запала мне в душу еще и потому, что в пределах расположения нашей части жил местный почтальон со своей дочерью. Он постоянно сидел с ней на почте, хотя работы для него уже не

было. И фортуна в который раз улыбнулась мне. Дочка почтальона была очаровательной брюнеткой, настоящей мазурской красавицей! С первых же минут общения между нами возникло взаимопонимание. А благодаря исключительному пониманию, проявленному ко мне моим командиром роты, ей было разрешено сопровождать меня в поездках, чтобы помогать мне ориентироваться в окрестностях. Оставаясь наедине, мы с ней, пусть и на короткое время, могли забыть о войне. Мы гуляли в еловом лесу, и ветви деревьев над нашими головами образовывали купол, укрывавший нас от всего остального мира. Нашу идиллию лишь изредка нарушали отдаленные звуки выстрелов и взрывов, доносившиеся с фронта. Но мы старались не слышать их.

Однако наш роман был недолгим. Почтальон и его дочь были вынуждены вместе с другими жителями в последнем фургоне для беженцев отправиться на запад.

Думаю, что во всей армии не было бойца, у которого за время войны не возникло бы с противоположным полом хотя бы флирта, а то и бурного романа. Возможно, по моим рассказам у кого-то сложится впечатление, что мы, солдаты, вели себя, как донжуаны, и были бабниками. Но это совсем не так. Мы были нормальными здоровыми молодыми солдатами. Мы тяготились одиночеством и любили женщин, но не больше и не меньше, чем все остальные молодые люди в мирное время. И лишь ситуация обуславливала то, что мы не могли себе позволить долгих романов, поскольку солдаты всегда в пути.

В декабре 1944 — январе 1945 года русские войска начали сосредотачиваться возле Вислы. По этой реке, тянувшейся на сотни километров, проходила немецкая демаркационная линия. В наступающей русской армии

было более трех миллионов солдат, около десяти тысяч танков, сорок тысяч артиллерийских орудий и семь тысяч самолетов. Таким образом, на Германию шла крупнейшая в мире армия. Защитники Третьего рейха с мужеством, порожденным отчаяньем, пытались остановить эту всепоглощающую силу. Немецкие бойцы сражались за каждый клочок земли. Их воля к борьбе многократно усиливалась, когда они узнали о зверствах, которые на захваченных территориях творила по отношению к гражданскому населению Красная Армия.

Снова отвоевав у русских деревню Голдап, немецкие солдаты увидели картину страшной варварской жестокости. Женщины и молодые девушки были изнасилованы русскими. Старики, дети и младенцы — убиты. Французские и польские военнопленные, не успевшие сбежать из деревни, — забиты до смерти. Произвол, чинимый Красной Армией на занимаемых ею территориях, невозможно описать словами.

Еще один из таких печальных примеров — действия русских в Неммерсдорфе. Рано утром 21 октября 1944 года колонна изможденных беженцев сделала остановку в Неммерсдорфе, не зная, что этим подписывает себе смертный приговор. Их телеги, которые они тащили сами и с помощью лошадей, заполнили главную дорогу. Из-за ржания лошадей и шума, создаваемого суетящимися людьми, беженцы не сразу слышали грохот танковых траков. Колонна русских танков вышла из утреннего тумана и поехала прямо на них, заголосивших женщин, детей и стариков.

Русские не смогли удержать Неммерсдорф, и деревня была взята 4-й немецкой армией под командованием генерала Фридриха Хоссбаха. Ее бойцы стали свидетелями невероятного варварства красноармейцев по отношению к жителям деревни. Немецкими сол-

датами были обнаружены 72 трупа, среди которых были дети и даже младенцы. Так Неммерсдорф, наряду с деревней Голдап, навсегда вошел в самые страшные и печальные страницы истории.

Какой судьбы мы могли ждать для Германии? Ненависть к немцам всячески раздувалась пропагандой среди советских бойцов, пока она не стала патологической и не приобрела характер эпидемии. «Убивайте немцев!» — это стало заповедью советских солдат, заменившей все десять библейских заповедей. Русский писатель и один из главных пропагандистов ненависти Илья Эренбург призывал: «Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов»¹.

А вот более сдержанные комментарии газеты «Красная Звезда»:

«Приходится признать, что немецкое сопротивление в Восточной Пруссии столь сильно и стойко, что оно превосходит все, что было прежде. Идут чрезвычайно кровавые бои, в которых немцы сражаются с фанатичным упорством. Они неустанно контратакуют и борются за каждый клочок земли».

Радио Лондона также было поражено происходящим и отмечало, что «за Восточную Пруссию идут не-

¹ Здесь автор цитирует знаменитую статью «Убей!» И.Эренбурга, забывая упомянуть, что она была напечатана в газете «Красная Звезда» 24 июля 1942 г. (№173 [5236]), т. е. в момент, когда Красная Армия находилась в самом тяжелом положении за всю войну, всего лишь за четыре дня до публикации приказа № 227 «Ни шагу назад!». Слово «немец» в данном контексте было употреблено в единственном значении — вражеский солдат. В чем легко убедиться, если ознакомиться с полным текстом, который сегодня широко доступен, в том числе и в Интернете. Более того, рассуждать о влиянии этой статьи на события в Восточной Пруссии, происходившие через 2,5 года после ее публикации, пожалуй, не совсем корректно. — *Прим. пер.*

вероятно упорные бои, требующие максимальной силы воли от обеих сторон. Немцы отчаянно сражаются за святую землю Пруссии.

Однако немецкие солдаты знали гораздо лучше радио Лондона, почему и ради чего они рискуют своими жизнями. В деревнях, которые они отбивали у врага, немецкие бойцы своими глазами видели свидетельства зверств врага. И им уже не нужна была ни пропаганда, ни исторические примеры, чтобы заставлять их сражаться так, как они сражались.

Тем не менее Пруссия оказалась в руках русских. Эта прекрасная земля всегда была желанным трофеем для иностранных завоевателей. В начале весны следующего года в Восточную Пруссию, как домой, возвращались лишь аисты и дикие гуси, привычно летевшие клином. Их прилет создавал обманчивую, но столь желанную иллюзию того, будто с нашим миром все в порядке. Однако земле, на которую возвращались птицы, никогда уже не было суждено стать прежней.

Глава пятнадцатая

СИЛЕЗИЯ

Естественной преградой на пути мощного наступления армии Сталина на восточные границы Германского рейха и Берлин была река Одер. Двигаясь к Одеру, огромные силы русских вошли в Силезию, где одной из их главных целей был захват Бреслау, центра экономической жизни Силезии и ключевого рубежа для Красной Армии. Как раз тогда и возникла фраза: «Судьба Европы будет решена на Одере». Именно поэтому на данном театре военных действий Германия предприняла колоссальные оборо-

нительные меры и сконцентрировала войска. Наша часть была также направлена туда.

Нашу боевую группу неожиданно сняли с предыдущего места дислокации, и вскоре мы выехали в железнодорожном составе из Восточной Пруссии в Померанию. Наш путь длился несколько дней.

Мы получили новое снаряжение и были распределены по новым частям. После чего, покинув наши старые казармы школы для младшего командного состава в Лауэнбурге, мы на поездах-экспрессах поехали по направлению к Одру. Не зная стратегических планов, каждый из нас удивлялся, почему место назначения нашей боевой группы меняется так часто. Во время пути оно опять в очередной раз было изменено, и мы оказались вовсе не там, где должны были быть изначально, но там, где наша группа была отчаянно нужна.

Когда наш состав наконец достиг сельской местности Силезии, с неба падали хлопья снега, заклепляя окна вагонов. Это была середина декабря, и в Силезии уже наступила зима. Мы прибыли в Бреслау. Нас, не знавших этот город, удивила царившая в нем мирная атмосфера. Там не было ни единого признака войны. Автомобили и трамваи ярко светили фарами, проносясь среди сверкающего снега. Люди терпеливо стояли в очереди возле кинотеатра, увешанного разноцветными афишами. Дети катались на коньках по замерзшему рву у входа в город. С главного городского вокзала поезда продолжали отходить по расписанию, точно так же, как и поезда, шедшие из Фрейбурга на запад.

Наряду с Дрезденом, Бреслау был единственным крупным немецким городом, который до конца 1944 года не бомбили союзники. За время войны этот важный восточногерманский город разросся. Его населе-

ние увеличилось с 630 тысяч до почти миллиона человек за счет людей, приехавших с запада Германии. В Бреслау функционировало большое количество предприятий военной промышленности. После бомбардировок Берлина сюда переместились отделы государственной администрации и официальные лица из министерств финансов и иностранных дел. Помимо этого, Бреслау и окружавшие его небольшие городки и деревни стали домом для эвакуированных жителей территорий, подвергавшихся тяжелым бомбардировкам, в частности областей Рейна и Рура. По сути, Бреслау можно было даже назвать национальным бомбоубежищем, куда стекались тысячи немцев, которых выгнали из их домов бомбежки.

Наши новые казармы находились на территории «Школы пехотных тренировочных батальонов пополнения» в городке Дойч-Лисса, находившемся всего в восьми километрах к западу от Бреслау. Трехэтажный каменный комплекс школы был расширен за счет деревянных домов, построенных для регулярной армии. Один из них и стал моим очередным пристанищем. Жалеть о теплых домах, в которых мы жили прежде, не имело смысла, поскольку альтернативы все равно не было. Нас утешало то, что в течение всего дня мы находились за пределами барачных и возвращались в их оледенелые стены только на время сна. К тому же по вечерам мы нагревали наше новое жилище с помощью большой и уродливой на вид железной печки, подкидывая в нее дрова, пока она не раскалялась докрасна. Правда, из-за этого приходилось спать на середине комнаты, подальше от печи, чтобы не загорелись набитые соломой мешки, служившие нам матрасами.

Каждый день у нас проходили занятия на открытом воздухе, в ходе которых мы отрабатывали применение

пехотных гаубиц и минометов. Между тем численность нашей части росла и в конечном счете достигла целого батальона. К нам поступили бойцы из Померании, Восточной Пруссии, а также из других частей. У большинства из них уже был фронтовой опыт. Но немало было и тех, кто только что прошел базовую подготовку и теперь ждал боевого крещения. Некоторые из новобранцев не могли дождаться своего первого боя, однако многие из них лишь говорили так, чтобы скрыть страх. Нас, бойцов из 11-й роты, собралось здесь в итоге 120 человек. Мы знали, что сможем положиться друг на друга, и держались вместе.

В один из дней, когда у нас шли привычные занятия на местности, вдруг появился связной, который сообщил, что все мы должны незамедлительно возвращаться в лагерь. Там нам было приказано выстроиться на заснеженном учебном плацу. В нескольких словах суровым военным тоном нам объяснили причину нашего спешного возвращения. Также, прежде чем получить приказ выдвигаться на позиции, мы услышали напоминание о том, что «каждый боец должен оставаться верным присяге и выполнять свой долг защиты Родины от большевицкого штурма».

Нам выдали сухие пайки, боевые снаряды и дополнительную дневную норму еды. Личные вещи, которые не могли нам пригодиться в сложившейся ситуации, мы сложили на чердаках барачных корпусов. Почтовое отделение тут же наполнилось бойцами, которые отправляли домой телеграммы и спешно написанные письма для семьи и друзей. Для некоторых эти письма стали их последним приветом родным.

Мы оказались в числе гарнизона защитников Бреслау в тот же день, что и отдельный полк СС «Бесслейн», в составе которого я и провел основную часть боев за

Бреслау. Всем нам было приказано находиться на позициях в полной боевой готовности.

Русский маршал Жуков приближался к Бреслау с огромными превосходящими силами со стороны Южной Польши. Несмотря на яростную оборону немцев, его продвижение было невозможно остановить. Маршал Конев также наступал в направлении Бреслау, действуя столь же огромными силами. Его войска при поддержке бесчисленного количества танков, как и войска Жукова, впоследствии пересекли Одер, используя занимаемые заранее плацдармы на противоположном берегу.

Сталин, полностью осознавая проблемы союзников на Западном фронте, возникшие у них в связи с Арденнской наступательной операцией немецких войск, ускорил на восемь дней начало наступления Красной Армии. Советские разведывательные войска небольшими группами приземлялись на парашютах перед самыми нашими позициями. Они были оснащены мощными радиостанциями, улавливавшими сигнал на расстоянии 200—300 километров. Благодаря этому командование Красной Армии знало практически о каждом нашем шаге. Наша закодированная информация о мерах по фортификации, сведения о численности частей, перемещениях войск и, в частности, участках линии обороны, занимаемых вызывавшими страх у русских бойцов войсками СС, — все это стало достоянием врага и было использовано советским командованием против нас при разработке плана атаки. Кроме того, у Красной Армии была сеть осведомителей из русских рабочих в Бреслау.

Бреслау был объявлен городом-крепостью летом 1944 года. В начале января 1945-го все население еще оставалось в нем. Будучи местом пересечения многих

транспортных магистралей, Бреслау, находившийся в центре Силезии, представлял собой открытый город, который только мечтатель мог вообразить в виде классической крепости. На тот момент он был защищен лишь несколькими слабо укрепленными бункерами на левом берегу Одера. Их военная значимость, к сожалению, была слишком переоценена.

Гауляйтер Силезии Карл Ханке не воспринял с надлежащей серьезностью приказ о фортификации, пришедший из Берлина, и сделал очень мало для обороны города. Так, по указанию Ханке были вырыты противотанковые рвы, однако они располагались слишком далеко от города, возле бывшей немецко-польской границы. Там же находились и другие защитные сооружения. Впоследствии все они оказались совершенно бесполезными для того, чтобы задержать наступление русских.

Несмотря на то что указания по эвакуации населения были получены заблаговременно, планы по ее осуществлению с использованием сотен поездов так и не начали осуществляться, пока город не оказался окружен. 20 и 21 января на каждой улице Бреслау, не только в центре, но и на окраинах, были слышны призывы, транслировавшиеся через громкоговорители. Женщинам и детям рекомендовалось эвакуироваться в Оппенау и Кант, однако весь путь до этих мест им нужно было преодолевать пешком.

При этом тот же городок Кант лежал в двадцати пяти километрах к западу от Бреслау. Пройти такое расстояние пешком довольно трудно и в нормальных обстоятельствах, а тогда это было настоящим самоубийством, особенно для женщин с маленькими детьми. В те дни держались 20—30-градусные морозы, которые, впрочем, были привычными в Силезии, где Одер

был скован льдом до самого марта. Но, кроме того, за две предыдущие недели выпало столько снега, что высота его слоя доходила до полуметра. Покрытый настом, он лежал на дорогах. И многие женщины при таких погодных условиях даже не рискнули покинуть Бреслау.

Тем не менее не меньше было и тех, кто решился на этот отчаянный шаг. Тысячи женщин, взяв с собой еду и питье, обвернули себя и своих детей в шерстяные покрывала поверх толстой зимней одежды и обвязали головы шарфами. Положив малышей в коляски, на небольшие повозки или на санки и держа старших детей за руку, они покинули город. Им предстоял кошмарный поход в ад, наполненный льдом и снегом.

Большинству женщин удавалось пройти лишь первые несколько миль. Над окрестностями Бреслау хотя и сияло зимнее солнце, но его лучи почти не грели, и даже в полдень мороз достигал 16—20 градусов. Ветер все сильнее ревел. Это был резкий ледяной ветер с востока. Женщины продолжали двигаться, отчаянно борясь с судьбой. Но их ждало поражение в этой борьбе, несмотря на то что материнский инстинкт заставлял их двигаться дальше и дальше, пока у них не заканчивались последние силы. Они уже не могли толкать коляски и тащить санки по снегу, который был им по колено. Матери брали малышей на руки, но не могли их даже накормить. Молоко замерзло в бутылочках, а свирепый ветер не знал жалости.

Младенцы и маленькие дети стали первыми жертвами этого рокового перехода. Ни шерстяные покрывала, ни толстая подкладка одежды не могли сохранить в их телах необходимое для жизни тепло. Они умирали, словно засыпая на руках у матерей. Многие женщины так и проходили километр за километром, заставляя

себя верить, что их ребенок просто уснул. Однако когда к матерям приходило осознание того, что произошло в действительности, то и самые стойкие из них зачастую теряли силу воли. На глазах у остальных они останавливались и начинали, обезумев, разгребать руками снег, чтобы вырыть в нем могилу для своего малыша. Зачастую матери так и замерзали за этим занятием. Их вместе с детьми заметал снег. Впрочем, количество беженцев из Бреслау, умерших в пути, никем не подсчитано. Статистика обошла стороной эту трагедию.

Русские подошли к Одера. Между ними и нашими новыми позициями в районе Кирхсберга теперь оставалось совсем небольшое расстояние. Части вермахта и войск СС, находившиеся в подчинении ротмистра Спекмана, не смогли сдержать наступление передовых советских частей, занявших плацдарм шириной в два километра на западном берегу Одера. Русские продолжали расширять этот плацдарм, пока не достигли леса к югу от деревни Пейскервиц. А мы, как полковой резерв, дожидались приказов, находясь всего в трех километрах от передовой.

Русские расширяли территорию своего плацдарма прямо на наших глазах, используя при этом всю военную мощь, которой они обладали. Огонь с обеих сторон был столь интенсивным, что даже небо над Пейскервицем было озарено от огня и бесконечно взрывавшихся снарядов. Во время пауз в артиллерийской дуэли небо тут же освещалось красными сигнальными ракетами, предвещавшими новый шквал артиллерийского огня.

К нам приносили раненых, которые дожидались у нас транспорта для отправки в полевые госпитали. Также к нам стекались бойцы, оказавшиеся отрезанны-

ми от своих частей. И те и другие рассказывали о свирепых боях на берегах Одера. Кроме того, мы узнали от них, что часть нашего батальона оказалась в ловушке, завязнув в ближнем бою среди разрушенных домов деревни.

Вскоре прибыл связной, доложивший о безнадежности ситуации в Пейскервице. Это определило наш боевой приказ. Нашу роту, состоявшую из 120 бойцов, было решено использовать в качестве ударной группы. От нас ожидали, что мы не только ворвемся в деревню, очистим ее от врага и спасем наших товарищей на главном участке фронта, но также, что мы отбросим иванов на другую сторону Одера.

Таким образом, во второй половине дня 28 января мы покинули Кирхсберг, вооруженные обычным стрелковым оружием, ручными пулеметами и огромным количеством ручных гранат и панцерфаустов. Продвигаясь вперед по пересеченной местности через Вилксен по направлению к поместью Траутензе, мы старались обмениваться шутками, чтобы хоть немного сбросить напряжение, накопившееся у нас за время ожидания боевых действий. Тем более что до начала боя оставалось совсем немного.

Монотонное постукивание прикладов висевших у нас на плече винтовок о ножны штыков, скрип снега под ботинками — все эти звуки смешивались с нараставшим по мере нашего приближения к передовой грохотом боя. Вскоре нам на пути начали встречаться первые раненые, которые могли передвигаться самостоятельно. Их лица были серыми и потрясенными, а глаза выпученными. Одежда раненых была залита кровью. На них были перевязки, сделанные на скорую руку прямо на поле боя. Некоторые из них стонали от боли, делая каждый шаг. После того, как несколько таких бой-

цов прошло мимо нас, мы, 11-я рота, совершенно потеряли охоту шутить и разговаривать.

После короткого привала возле усадьбы наша рота небольшими группами выполнила бросок по открытой местности к Пейскервицкому лесу. Мы бежали туда, пригнувшись и вжав голову в плечи, держа дистанцию друг от друга. И это было чудом, что нашей роте удалось достигнуть леса в полном составе.

Однако радовались мы недолго. Русские обнаружили нас и устроили нам настоящий ад. За считанные секунды мы оказались в огненном вихре. Со всех сторон на нас обрушился артиллерийский огонь. Его вели с берегов Одера как легкие, так и тяжелые орудия русских. Советские артиллеристы, казалось, даже не заботились о том, что их собственные бойцы также успели продвинуться в лес. За кустами и деревьями вокруг нас пряталось уже значительное количество русских солдат, которые также обрушились на нашу роту.

Но даже в этой ситуации командир нашей роты оберштурмфюрер, а впоследствии штандартенфюрер Цицман не потерял присутствия духа. С гранатой в левой руке и автоматом в правой, он начал отдавать продуманные и необходимые в этих обстоятельствах приказы, которые вернули нам веру в себя. Моей группе было приказано оставаться как раз позади Цицмана. И через миг каждый из нас уже держал наготове винтовку с пристегнутым штыком. Однако враг был так же решителен и неумолим. Русские были готовы к рукопашному бою. Мало того, вокруг нас засвистели пули вражеских снайперов, прятавшихся среди деревьев. Мы открыли ответные огонь по ним, но кто знает, скольких из них нам удалось убить.

Бой в лесу всегда крайне опасен, особенно для тех, кто входит в него, не зная, где залег противник. Грохот

выстрелов и взрывов продолжал нарастать: громыхание минометов смешивалось со стрельбой пехоты. Пули проносились между деревьями, словно посланники смерти.

Тем не менее наши гранадеры ползли по заснеженному лесу с такой сноровкой, словно занимались этим всю жизнь, и, передвигаясь от прикрытия к прикрытию, отвоевывали у русских метр за метром. Мы понимали, что для нас в тот момент самым важным было держаться вместе и не дать советским бойцам укрепить линию обороны. С упорством, которое поразило русских, 11-я рота начала постепенно отбрасывать их назад, стреляя из-за деревьев, с колена и даже на ходу. Продвигаясь глубже и глубже в лес, мы вскоре увидели, что русские в панике побежали, оставляя позади боеприпасы и оружие, среди которого оказался и крайне устаревший пулемет с водяным охлаждением и на деревянных колесах. Лишь единицы советских солдат были готовы к рукопашному бою. Но отступление продолжалось. Русские остановились, только достигнув дальнего края леса.

Однако очень скоро нам стало ясно, что численное преимущество на стороне Красной Армии. Русские подтянули свежие резервы, перегруппировались и заняли позиции среди деревенских домов и сараев, большинство из которых было уже охвачено пожаром. Впрочем, последнее обстоятельство делало советских солдат легкой мишенью для нашего огня. И мы, несмотря на их численное превосходство, стали продвигаться вперед, заставляя русских отходить от дома к дому.

Тем не менее, войдя в деревню, мы начали задыхаться от дыма и так же, как и русские, оказались освещены заревом пожара. Это привело к огромным потерям убитыми и ранеными среди бойцов нашей роты.

Но, так или иначе, к рассвету мы сумели оттеснить русских к берегам Одера. Остатки боевой группы Спекмана, не один день сражавшиеся в Пейскервице и крайне изнуренные за время этих боев, были спасены из окружения.

Теперь перед нами стояла задача отбросить русских на другую сторону реки. Это могло получиться только в том случае, если бы нам удалось взять штурмом их позиции на нашем берегу и удержаться на них до прибытия пополнений.

Половине наших отделений пришлось залечь между краем леса и берегом реки, дожидаясь нового приказа. Разрывы снарядов не давали нам поднять головы, и, лежа в глубоком снегу, мы вскоре снова почувствовали страшный холод.

Когда артобстрел стихал на несколько минут, мы отчетливо слышали крики и стоны раненых. Также до нас доносились крики русских:

— Вперед! Быстро! Быстро!

Красноармейские политработники, видимо, нервничали и заставляли бойцов двигаться быстрее пистолетными выстрелами в воздух, а возможно, и не только в воздух.

Наконец, командир нашей роты приказал нам начинать атаку. Отдав этот приказ, он первым продвинулся вперед на несколько шагов... Но ему пришлось вернуться, потому что ни один из нас не последовал за ним. Приказ услышали не все, а многие к тому же колебались в нерешительности. Мы знали, что нас ждет, когда мы поднимемся в атаку, и в довершение ко всему наши конечности были скованы морозом. Наши сердца бешено бились. Впрочем, подобное было нам не впервой. И когда оберштурмфюрер Цицман на пределе возможностей своих голосовых связок снова заорал

«Вперед!», мы поднялись, как один, и с криком «Ура!» устремились в атаку. Мы старались продвигаться вперед настолько быстро, насколько это было возможно, перемещаясь по снегу, который был по колено. От русских нас отделяли считанные метры, и, не целясь, мы начали палить, как сумасшедшие.

Ближний бой получился коротким. Некоторые из наших бойцов без приказа вернулись на свои прежние позиции. Солдаты обеих сторон отползали за тела своих погибших товарищей и зарывались в снег. Оберштурмфюрер Цицман знал, что подобные действия не спасут нас от вражеского огня. Он отдал приказ окапываться. Нам пришлось под артиллерийским огнем долбить ледяную землю короткими саперными лопатками. При этом нам пришлось оставить своих убитых там, где они лежали. Те из раненых, кто мог поползти до наших позиций, делали это своими силами. Остальных с величайшим трудом вытаскивали с поля боя медики, чтобы потом сразу оказать им первую помощь.

Наше положение было крайне тяжелым. И мы были очень удивлены, что советские бойцы не предприняли контратаку. Она оказалась бы губительной для нас. Но русские, слава Богу, не могли знать об этом.

Узнав, что штурмовые группы врага атаковали левый фланг, мы отступили к крайним домам деревни. В моем отделении, состоявшем из двенадцати бойцов, осталось всего шесть. Для оборонных позиций я выбрал небольшой фермерский дом с подвалом и сгоревшим сараем. В подвале хватало места, чтобы в нем могли одновременно спать двое бойцов, в то время как четверо остальных дежурили возле окон, стекла которых давно были выбиты. Однако в течение последующих дней нам практически не пришлось отоспаться, поскольку русские снова и снова штурмовали наши по-

зиции. Они не давали нам ни малейшей передышки. В этих обстоятельствах нам оставалось лишь посылать связных в соседние группы, чтобы узнать об общей боевой ситуации и в очередной раз напомнить, что у нас практически не осталось боеприпасов и провианта.

На третью ночь нашего пребывания в фермерском доме к нам неожиданно прибыли долгожданные боеприпасы с провиантом. Все это привез к нам мой верный друг Георг Хас, казначей роты. Он приехал к нам на санях, запряженных изнуренной крестьянской лошадью. Найти нас Георгу удалось, ориентируясь на горящие дома и канонаду, доносившуюся с фронта. Впрочем, опасность путешествия не остановила его. Он был бывалым бойцом, который сам получил ранение в 1942 году, и с ним был товарищ, также прежде раненный на поле боя. И они, двигаясь по бездорожью заснеженных полей, приехали к нам!

Артподдержку нам пришлось ждать ничуть не меньше, чем боеприпасы. Но зато потом в направлении врага прямо над нашими головами полетели тяжелые 88-миллиметровые снаряды артиллерийской батареи Трудовой службы рейха, размещавшейся в непосредственной близости от наших позиций. Артиллеристы, среди которых почти все были очень молодыми рядовыми, знали свое дело и оказали нам значительную помощь. Мы наблюдали, как в небо взмывали огромные фонтаны земли и отлетали в стороны вырванные с корнем деревья. Каждый орудийный выстрел поражал свою цель. У мальчиков-артиллеристов было очень ограниченное количество боеприпасов, но они использовали его наилучшим образом. Неподалеку от наших позиций стоял высокий и узкий дом, в котором наводчик вражеской артиллерии чувствовал себя, как дома. Однако артиллеристам потребовалось совсем немного

времени, чтобы вычислить его, и дом был уничтожен вместе с наводчиком.

Работа немецкой артиллерии вызывала у нас бурю эмоций. Однако судьбе было угодно, чтобы среди каждодневной рутины боев у нас возникли еще и эмоции несколько другого рода. И мне суждено было оказаться в очень смешном положении, хотя в этом и не было никакой моей вины.

Начну с того, что нам приходилось справлять свои естественные потребности на заднем дворе нашей временной «крепости», поскольку туалет, находившийся в ней, был уничтожен снарядами. Таким образом, подобное сооружение для нас заменяла находившаяся за домом канава, которая была скрыта от прямого огня противника. Но здесь надо сказать, что опытные бойцы, долго сражавшиеся на передовой, по свисту снаряда способны определить, что он летит в их направлении и что они оказались в зоне огня противника. Благодаря этому умению они могут успеть запрыгнуть в укрытие. Одна беда: когда, находясь на заднем дворе, я понял, что снаряд летит в меня, единственным доступным мне укрытием была та самая канава, превратившаяся в выгребную яму. Прыгнув туда, я спас себе жизнь, но на несколько дней приобрел аромат, который отнюдь не напоминал запах фиалок. К сожалению, на тот момент у меня не было запасной униформы. Мои товарищи сначала смеялись, но потом стали избегать меня, как зачумленного. И лишь некоторое время спустя, когда растаял снег, я смог сменить свою зимнюю униформу и возобновить нормальное общение с товарищами.

Однако вернусь к боям за Пейскервиц. Окружающий пейзаж изменялся каждые сутки: устлавший землю белый снег сначала стал серым, а потом почва превра-

тилась в вязкое болото. С неба падал сырой снег. Все это делало невозможной доставку провианта, но мы утешали себя тем, что пустой желудок лучше, чем пулевое отверстие в нем. Чтобы избежать последнего, переползая от позиции к позиции нам приходилось по вязкой грязи. Но иного выбора у нас не было, поскольку русские вовсе не собирались давать нам передышки. Серый дым над пепелищем Пейскервица не пропускал лучи слабого зимнего солнца. А наши павшие товарищи так и оставались лежать там же, где они погибли. Мы были предельно изнурены, наши глаза были красными от бессонницы, но нам приходилось продолжать дежурить возле выбитых окон дома, ставшего нашей крепостью. Замерзая в холодном влажном воздухе, мы невольно начинали дремать. У нас не оставалось воли, чтобы запретить себе это. Молодые, еще не знавшие бритвы лица моих товарищей осунулись. Униформа больше не грела нас. А все вокруг было серым. И когда наступал вечер, никто из нас, глядя на горизонт, не мог различить, где кончается серая земля и начинается такое же серое небо. Впрочем, именно этот цвет и соответствовал нашему боевому духу в те дни.

Наш товарищ Сцибулла, попавший в нашу часть из Верхней Силезии, немного понимал по-польски и по-русски. Благодаря этому, он каждый день рассказывал нам о перемещениях красноармейцев, поскольку их войска находились в непосредственной близости от нас и до нас отчетливо доносились громкие приказы их командиров. Таким образом, мы нередко знали, когда нам следует быть начеку. Очень часто среди фраз, которые нам переводил Сцибулла, присутствовали такие выражения, как «еб твою мать» и другая площадная

брань. Также нередко они насмешливо кричали нам: «Идите сюда, comrades!»

Тем не менее вскоре нас по-настоящему взбудоражили вовсе не крики русских, а лязг гусениц их танка, шедшего на нас от берега реки. Грохот гусениц нарастал, как и громкий рев танкового мотора. Разведывательный отряд доложил, что это тяжелый танк «Иосиф Сталин»¹. Его появление могло сделать наше положение катастрофическим, поскольку, кроме панцерфаустов, у нас не было другого противотанкового оружия. Ситуацию спас шарфюрер Гарри Кехлер, опытный фронтовик, который решил взвалить решение этой проблемы на свои плечи. Под прикрытием огня моего отделения он подобрался к русскому танку на расстояние всего тридцати метров и сделал по нему два выстрела из панцерфауста. В результате сдетонировал боекомплект танка. Его башня открылась, из нее повалил черный дым и показались языки пламени. Этот танк мог уничтожить все мое отделение, если бы Кехлер не справился со своей задачей. Но теперь стальной гигант был повержен. А наш отважный шарфюрер, подобно Давиду, победившему Голиафа, получил свою награду. В тот же день он был представлен к Железному Кресту 1-го класса. Все происшедшее чрезвычайно подняло наш боевой дух. Мы все гордились в те дни, что нам удалось хоть на время остановить наступление русских на запад, которое они хотели развить от Одера. И мы сумели это сделать, несмотря

¹ Вероятнее всего, речь идет о советском тяжелом танке ИС-2, самом мощном и наиболее тяжелобронированном из советских серийных танков периода Великой Отечественной войны, который в своем классе в то время являлся одним из лучших в мире и активно использовался Красной Армией в 1944—1945 гг. — Прим. пер.

на их огромное превосходство в численности и в материальной части.

Одновременно с тем, как мы, 11-я рота, удерживали позиции в Пейскервице, другая часть нашего полка сжимала и пыталась устранить другой плацдарм Красной Армии поблизости от деревни. Генерал вермахта Ганс фон Альфен, занимавший должность коменданта крепости Бреслау, и сменивший его на этом посту генерал Герман Нихофф впоследствии писали о событиях тех дней: «Устранение плацдармов около Пейскервица было успешно осуществлено 8 февраля наиболее организованным полком гарнизона — полком СС «Бесслейн», несмотря на то что многочисленные предшествующие попытки осуществить это потерпели неудачу. Отвага, проявляемая войсками, и достигаемые ими результаты всегда проистекают из известных бойцам примеров мужества и умелых действий на поле боя. Таким образом, успех в Пейскервице получил и сохраняет символическое значение. Благодаря ему, не только полк «Бесслейн», но и весь гарнизон Бреслау обрел веру в себя, в своих товарищей и командиров. А без этой веры мы не смогли бы выжить».

Тем не менее именно в тот период мое отделение оказалось в критической ситуации. Мы оказались отрезанными от остальной роты, которая была вынуждена отступить под нажимом русских. А наше отделение не успело вовремя осознать ситуацию, и мы были окружены. Все пути к отступлению оказались перекрыты, и у нас не осталось иного выбора, кроме как сражаться до последнего патрона. Стараясь создать у врага завышенное впечатление о нашей численности, мы постоянно вели огонь с новых позиций, переползая от дома к дому, от окна к окну. Мы не переставали надеяться, что товарищи вызволят нас из окружения. А о

том, чтобы сдаться в плен, мы даже не думали. В лучшем случае это обернулось бы для нас пулей в затылок. Русские были взбешены оттого, что их планы оказались расстроены, и их месть была бы страшна.

Однако рота не забыла про нас. На этот раз нашим спасителем стал другой известный смельчак того же калибра, что и Кехлер. Им был командир нашего взвода Эрвин Домке из Восточной Пруссии. Он не собирался бросать нас в беде и сумел вместе с горсткой бойцов освободить нас из окружения на рассвете второго дня. Эрвин Домке и его солдаты неожиданно атаковали спящих красноармейцев, бросая гранаты и ведя огонь из панцерфаустов и стрелкового оружия. Под прикрытием их огня мы смогли отступить. Правда, при этом мы потеряли одного из наших самых молодых бойцов, пулеметчика, тело которого нам пришлось оставить врагу. Сцибулла буквально в самую последнюю минуту был ранен в бедро. Но его мы смогли унести с собой. И нам удалось прорваться к позициям наших спасителей, не понеся дальнейших потерь.

Бои за Пейскервиц для нас были кончены. Силами чуть более ста бойцов мы сумели взять эту деревню штурмом и удерживать в течение одиннадцати дней. Мы покидали ее, почти не разговаривая, опустошенные и мрачные оттого, что нам пришлось оставить врагу тела своих павших товарищей. Пейскервиц стал последним этапом их печальной судьбы. Подобной участи избежали лишь немногие бойцы нашей роты. Мы медленно шли строем по сельским дорогам. В Траутензе на пункте медицинской помощи мы встретили многих раненых сослуживцев. Среди них оказался и один из наших товарищей, который совершенно поседл за несколько дней.

Во время боя он оказался отрезан от своей части и

остался совершенно один. Ему удалось спрятаться на чердаке сарая, но, к его несчастью, именно в этом сарае разместился русский отряд. Нашему бойцу пришлось трое суток пролежать на чердаке почти без движения, боясь выдать себя малейшим шорохом. Он приходил в ужас при мысли о том, что советские солдаты сделают с ним, если обнаружат. Через щели в деревянной крыше он видел, как русские напивались вдрызг. Ему приходилось слушать их песни. Все три дня красноармейцы были довольны собой и ходом войны: им и в голову не пришло, что прямо над ними может находиться немец. Потом, наконец, они покинули сарай. Наш товарищ был так благодарен судьбе, что за все это время они ни разу не полезли на чердак. Так благодарен... Даже несмотря на то, что стал седым от пережитого.

Вскоре мы снова стояли на построении на плацу в Кирхсберге, где находился штаб полка и откуда мы двенадцать дней назад начали продвигаться к Пейскервицу. Апатичные и промерзшие, мы не следили за происходящим, и оно проходило как бы мимо нас. Наши лица приобрели мертвецкий серый оттенок, и нам, наконец, пришлось осознать, как много наших товарищей не вернулось из боя. Шла перекличка, зачитывались имена, но в ответ редко слышалось: «Здесь!» Вместо этого в большинстве случаев до нас доносились слова: «ранен», «пропал без вести», «пал в бою». Мы чувствовали себя совершенно потерявшими волю к жизни. Из нашей гордой роты, в которой было 120 бойцов, в строю осталось лишь 26.

15 февраля 1945 года по радио было объявлено, что Красная Армия понесла поражение в Нижней Силезии. Как и в окрестностях Бреслау, там были кровопролитные бои. В результате многие бойцы немецкой армии,

в том числе и в нашей роте, были награждены за героизм Железными Крестами и «Пехотными штурмовыми знаками»¹. Вручая награды, командир роты пожимал нам руки, не произнося ни слова. После этого мы, наконец, получили возможность как следует выспаться. К этому времени мы были настолько измотаны, что каждый из нас крепко проспал по 48 часов.

Немного позднее мы снова оказались в наших старых бараках в Дойч-Лиссе. Там наша рота и все ее службы были снова пополнены до полной номинальной численности. Также мы получили новую превосходную экипировку и оружие, а кроме того, нового командира взвода шарфюрера Лео Хабра. Он был хорошо известен среди солдат как опытный боец. Я стал его заместителем, и у нас сложились замечательные отношения. Хабр был уроженцем Остмарка. При общении он держался дружелюбно. Многие рутинные каждодневные обязанности он переложил на мои плечи, зато в бою Лео Хабр был примером для всех нас. Командир нашей роты Цицман был повышен в звании. Вместе с новыми бойцами мы все были направлены в Йоханнесберг, где

¹ «Пехотный штурмовой знак» был учрежден генерал-полковником фон Браухичем 20 декабря 1939 г. для пехоты, а 1 июня 1940 г. для моторизованных частей пехоты. Пехотинцы носили серебряный класс знака, а моторизованные части — бронзовый. Знак представлял собой объемное изображение овального венка из дубовых листьев, в верхней части которого находилось изображение имперского орла со свастикой в когтях. В нижней части каждого листа располагалось по два желудя. В основании знака дубовый венок был перевязан лентой, по центру которой вертикально размещалось пять шариков. По диагонали знак пересекала винтовка «Маузер K98». «Пехотным штурмовым знаком» награждали за участие в трех и более атаках или контратаках, за участие в трех и более разведывательных операциях, за участие в рукопашном бою, за непрерывное участие в боевых действиях в течение не менее трех дней. — *Прим. пер.*

заняли оборонительные позиции на западном берегу Одера всего в нескольких километрах от Пейскервица.

Основываясь на недавнем опыте, мы по своей наивности были убеждены, что и дальше сможем останавливать наступление Красной Армии. Мы думали, что, сделав это однажды, сумеем сделать и снова. Нам не приходило в голову, что наш успех или неуспех во многом будет зависеть от стратегической ситуации в целом. И вскоре нам суждено было убедиться, как глубоко мы ошибались, переоценивая свои возможности.

Однако сначала все проходило по прежнему образцу. Мы разместились в оставленных жителями домах около нашей линии обороны. К своей огромной радости, мы обнаружили, что кладовые домов полны еды. У нас наконец-то появилась возможность на время перейти на рацион, отличный от того, который готовился для нас на полевых кухнях.

Мы с командиром взвода решили ознакомиться с ближайшими окрестностями. На одном из полей мы обнаружили разбившийся русский биплан. Мы называли такие самолеты «швейными машинками», они изрядно донимали нас все годы войны. Но теперь наш поверженный «крылатый враг» распростерся на земле, и мы могли осмотреть его. Летчик был мертв и лежал в снегу в нескольких метрах от самолета. Трудно сказать, выпал ли он из кабины или сам отполз от разбившейся машины. Мы похоронили его на следующий день точно так же, как хоронили немецких солдат, установив на могиле деревянный крест. Порою нам не удавалось даже своих товарищей похоронить подобным образом. Но на этот раз у нас было время, чтобы выкопать могилу и соорудить крест. Мы сделали это, надеясь, что, если кого-то из нас постигнет подобная судьба, солдаты противника похоронят нас точно так же.

Из района Пейскервица все еще доносились звуки боев. А в нашем секторе было на удивление тихо. На другом берегу реки все также казалось спокойным. Лишь по ночам в небо взмывали осветительные ракеты. Снова и снова мы слышали где-то вдали рев моторов, но русские не шли в атаку. Война, казалось, забыла о нас. Но чем дольше так продолжалось, тем тревожнее нам становилось. Мы спрашивали себя, неужели назревает что-то, о чем мы не имеем ни малейшего представления? Не ждет ли нас страшный сюрприз?

С этим нужно было разобраться, и с командного пункта роты поступил приказ выслать разведывательный отряд, который бы из правой части нашего сектора перебрался на другую сторону реки. Следовало выяснить численность войск противника, вооружение, расположение позиций и, по возможности, захватить «языка». Выполнить эту миссию вызвались я и Лео Хабр. Нам обоим было интересно, что же происходит на самом деле. А кроме того, ночная вылазка с переправой на лодке через реку представляла собой приятную для нас альтернативу рутинным дежурствам в окопах.

В нескольких километрах от нас находился батальон Фольксштурма, размещавшийся в долине Одера. Они должны были дать нам лодку, и именно оттуда мы должны были отплыть на противоположный берег. Командир батальона оказался мужчиной в возрасте. Мы доложили ему о поставленной перед нами задаче, и этот майор вовсе не пришел в восторг от услышанного.

— Не следует беспокоить врага без цели, — сказал он критически.

Однако нам была нужна его помощь, и мы стали убеждать майора, что информация, которую мы получим, пригодится и в его секторе. В конце концов ему ничего не оставалось делать, кроме как согласиться предос-

тавить нам свою поддержку. А поскольку еще не успело достаточно стемнеть, мы даже немного выпили с ним на командном пункте.

Через некоторое время мы отправились на задание, по понятным причинам оставив на КП наши расчетные книжки, солдатские медальоны и личные вещи. Среди седоволосых фольксштурмистов, которые подтащили гребную лодку к берегу, оказался молодой парень из Гитлерюгенда. Ему было на вид не больше пятнадцати лет, и он хотел отправиться с нами. Доски, из которых была сделана лодка, выглядели старыми и начавшими гнить. Тем не менее она производила впечатление еще достаточно прочной, чтобы мы втроем смогли переправиться на ней на другой берег, а потом вернуться обратно.

Покидая фольксштурмистов, мы были настроены скептически. Не менее скептически были настроены и они сами, когда желали нам счастливого возвращения. Попрощавшись с нами, фольксштурмисты поспешили вернуться на командный пункт, опасаясь, что кого-то из них также решат отправить в разведку на противоположный берег.

У берегов реки еще сохранялся тонкий слой льда, но ее течение, к нашему облегчению, оставалось довольно вялым, и нам не пришлось усиленно работать веслами. Под покровом ночи мы старались плыть так тихо, насколько это было возможно, и вскоре достигли восточного берега Одера. Вооруженные ручными гранатами и пистолетами, мы медленно и осторожно пробирались через кусты и плотные заросли деревьев, подавая знаки друг другу во время движения. Осветительные ракеты снова и снова озаряли небо. В эти моменты мы замирали, словно статуи, пока вновь не воцарялся полумрак. Продвинувшись вперед на значи-

тельное расстояние, мы так и не заметили признаков присутствия врага. При этом на душе у нас было спокойно. Мы не знали точно, насколько далеко отошли от берега, а темнота леса вокруг нас, казалось, все сильнее затягивала нас в свои сети и таила в себе угрозу.

— Мы не можем идти до самой Варшавы, чтобы увидеть иванов, — шепнул Хабр, нарушая наше общее молчание.

Наша миссия выглядела законченной. Но почти в тот же миг мы увидели отблеск от костра и услышали голоса. Мы легли на землю и поползли вперед, чтобы приблизиться к костру и рассмотреть происходящее там. Мы увидели небольшой отряд русских солдат, которые вели себя очень беззаботно, громко смеялись и выпивали. Однако мы не понимали их речи. Лежа и слушая их, я подумал: «Если бы с нами был Сцибулла...» Его знание русского языка так помогло бы нам в этой ситуации. Но его не было с нами. Тем не менее нам и так было ясно, что в этом секторе было крайне мало русских бойцов, и с этими сведениями мы могли отступить, считая свое задание выполненным. Была ли у нас возможность при этом взять «языка»? Мы решили, что в подобных обстоятельствах этого делать не следует, тем более что красноармейцев все равно было значительно больше, чем нас.

Выполнив свою миссию, мы испытали облегчение, когда Хабр сказал, что нам пора возвращаться к лодке. К ней мы добрались очень быстро, и вскоре нас уже встречали фольксштурмисты. Хабр закурил сигарету еще на середине реки, и по ее огоньку они заранее узнали о нашем приближении. Седовласые бойцы радостно похлопывали нас по плечу, когда узнавали, насколько враг далеко от наших позиций и что на данный момент настрой у русских совершенно не воинствен-

ный. Сам майор, командовавший батальоном, узнав о полученной нами информации, стал выглядеть освобожденным от мучивших его ночных кошмаров и пригласил нас пропустить еще по рюмочке на его командном пункте.

Позволю себе рассказать немного о Фольксштурме. Это было ополченческое формирование Третьего рейха, официально учрежденное для активной помощи вермахту по указу Гитлера от 25 сентября 1944 года. Для защиты Родины в ряды Фольксштурма набирались немцы, по той или иной причине негодные к строевой службе, в возрасте от 16 до 60 лет. Энтузиазм молодых людей, приходивших в эти формирования, был громадным. Порою этот энтузиазм даже приходилось обуздывать, чтобы юные фольксштурмисты не жертвовали собою напрасно. Но, так или иначе, ими было совершено немало подвигов. Однако нужно признать, что в целом роль Фольксштурма в боевых действиях немецкой армии была незначительной.

Но вернусь к ситуации на Одере. Согласованной и протяженной линии обороны там попросту не существовало. Многие солдаты были предоставлены самим себе и в суровых зимних условиях не получали адекватного снабжения. Им приходилось сражаться против врага, превосходившего их как в численности, так и в матчасти. Очень часто из северо-западного сектора или даже со стороны тыла на державшие оборону войска неожиданно начинали надвигаться русские танки: поодиночке или целыми группами. Бойцы, атакованные подобным образом, не имели ни малейшего шанса на спасение и уничтожались, подобно зерну, попавшему между жерновами.

На районы, завоеванные русскими в Силезии, точно так же, как и в Восточной Пруссии, обрушивалась их

безжалостная ярость. Ее не избежали даже мертвые. Бойцы 19-й немецкой танковой дивизии, войдя в Блюхерсрух (Крибловиц), расположенный на юго-западе Бреслау, обнаружили череп, валявшийся прямо на улице. Вандалы вытащили его из могилы фельдмаршала Гебхарда Леберехта фон Блюхера, прославившего свое имя тем, что в сражении при Ватерлоо армия под его командованием нанесла удар во фланг французских войск, и это во многом решило исход сражения. Однако покоиться с миром не позволили даже этому воину-освободителю, которого современники называли «фельдмаршал Форверц», поскольку в бою он постоянно повторял приказ «Vorwärts!» (Вперед!).

Бои на Одере сопровождались постоянными перемещениями войск. В связи с угрозой прорыва русскими танками нашей линии фронта, 11-я рота была перемещена к Фробельвицу, где по-прежнему господствовала суровая зимняя погода. Дорога Лейтен—Фробельвиц вела на север и была удивительно прямой для сельской дороги. Нам пришлось стоять в карауле вдоль этой дороги во время сильной метели.

Мы стояли поодиночке на расстоянии пятидесяти метров друг от друга и ощущали себя не лучшим образом. Ветер кружил вокруг нас вереницы снежинок. Они казались сплошной белой стеной, и мы не могли даже видеть друг друга. И если бы на дороге появился вражеский танк, мы смогли бы его заметить только тогда, когда было б уже слишком поздно. Щуря глаза от резкого ветра, мы вглядывались то влево, то вправо, чтобы хотя бы увидеть стоявших там товарищей. Но и это оказалось невозможным. Тогда мы стали пытаться кричать друг другу. Но рев ветра заглушал наши голоса. Метель свирепствовала, и наши руки буквально примерзали к винтовкам.

Мы простояли у дороги всю вторую половину дня, вечер и ночь. Нас было некому сменить в карауле. Мы ощущали себя совершенно одинокими. В голову невольно приходил вопрос: а что, если мы последние «часовые Европы», кто остался в строю? Происходящее напомнило мне зиму с 1941 на 1942 год. Тогда такая же злая метель бушевала среди бескрайних русских равнин. Впрочем, здесь была огромная разница. Конечно, у нас был тот же враг, но теперь он наступал, двигаясь по немецкой земле. И поэтому ни один из нас не покинул своего поста.

Связной прибыл к нам лишь на рассвете следующего дня и передал приказ, предписывавший нам двигаться дальше. Нашим следующим местом назначения стала деревня Лейтен, лежавшая к югу от Фробельвица. Часть жителей уже покинула ее. Но в деревне еще оставались люди. Это были женщины и дети, которые смотрели через окна подвалов на то, как мы входили в Лейтен. Они не ожидали нашего появления и были совершенно не рады ему. Все оставшиеся в деревне жители надеялись, что война минует их небольшое поселение, не имевшее стратегического значения.

Мы заняли позиции позади деревенских полей, на которых лежал собранный в кучи урожай репы и других корнеплодов. Нам был понятен страх в глазах жителей, поскольку для них наше присутствие означало появление русских. Мы делали все возможное, чтобы объяснить им, что русские в любом случае могут занять их деревню и тогда оставшихся в ней жителей не может ждать ничего хорошего. Но даже те немногие из них, кто разговаривал с нами, игнорировали все наши доводы. Они были убеждены, что мы должны уйти и оставить их с миром. Якобы это должно было решить все их проблемы. Сталкиваясь с подобным отношением, мно-

гие из наших бойцов хотели послать местных жителей к черту. Да и как иначе, ведь немецкие бойцы впервые столкнулись с таким отношением со стороны соотечественников, да еще на их родной германской земле.

Через некоторое время мы увидели медленно проезжавший мимо деревни русский грузовик и открыли по нему огонь. В ходе короткого боя водитель и сидевший с ним боец были убиты, а машину в результате попадания в мотор охватило пламя. Но прежде чем пожар поглотил грузовик, мы успели разглядеть, что он был нагружен пуховыми перинами, мебелью и другими подобными вещами, готовыми для отправки в Россию. Все это было расхищено из домов немецких фермеров в районе, где уже началось «освобождение немецкой земли от гнета национал-социализма». Для русских подобные вещи представляли собой предметы роскоши.

В полдень низко висевшее солнце отбрасывало на снег слабый красный отблеск. Мы увидели в бинокли наступавшие на деревню русские танки, на броне которых сидела пехота. Они были окрашены в белый цвет для маскировки в зимних условиях и двигались очень медленно. Скорее всего, потому, что им казался обманчивым мирный вид Лейтена. Неожиданно пушка одного из танков выстрелила, и в деревне взорвался первый снаряд. Вскоре после этого танки остановились на значительном расстоянии от деревни. Пехота соскочила с брони и спряталась позади танков.

Мы в который раз находились на позициях, на которых мало что могло защитить нас от огня врага. Прямое попадание выпущенного танком снаряда в кучу собранной репы неминуемо привело бы и к гибели бойцов, прятавшихся за этой кучей. Лейтен лежал посреди равнины подобно острову. Если бы мы вызвали резервы, то им также пришлось бы подбираться к нам по от-

крытой местности, что делало их легкой мишенью для врага. Кроме того, деревня была столь мала, что не имело смысла оборонять ее сколь-либо продолжительное время. Между тем мы увидели белую простынь, которой, как флагом, размахивали женщины на западной стороне села. Они хотели сдаться. Ситуация складывалась крайне драматичная. И мы получили приказ отступить, что мы и сделали, скрипя зубами.

Отступив всего на несколько километров, мы заняли новые позиции на дороге к Сааре и начали рыть одиночные окопы. Это место также не было идеальным для отражения атаки противника. Мы предпочли бы занять позиции на краю леса, но там уже находилась пехота вермахта. Поэтому нам пришлось размещаться на нейтральной территории между линией огня нашей пехоты и позициями противника. Таким образом, наше положение было, мягко говоря, нелегким.

Однако русские так и не атаковали нас до утра следующего дня, поскольку были заняты мародерством в домах Лейтена. И это не пустые обвинения. Именно такую информацию получил один из наших разведывательных отрядов, заходивший в деревню под покровом ночи. Вернувшись с задания, его бойцы рассказывали нам об услышанных ими криках о помощи со стороны женщин и детей, которых грабили русские солдаты. Так жители Лейтена невольно платили за свою наивную веру в то, что война обойдет их стороной. Нам было жалко их, но что мы могли сделать?

На рассвете нас самих разбудили залпы артиллерии русских. Снаряды взрывались возле самых наших позиций. Чем выше поднималось солнце, тем интенсивнее становился огонь советской артиллерии. Вскоре по нам начали работать и тяжелые орудия. В результате нам не осталось ничего, кроме как прятаться в око-

пах от снарядов, пролетавших над головой. Мы были совершенно беспомощны и просто ждали, когда закончится этот кошмар.

Мы жмурили глаза, чтобы спасти их от ослепляющих вспышек при взрывах снарядов, но были бессильны спасти наши барабанные перепонки от оглушительного грохота орудий. Мы кашляли от окутавших наши позиции облаков порохового дыма. И даже наши окопы дрожали при каждом взрыве снаряда. Осколки, комья земли, песок и камни барабанили по нашим шлемам. Но, когда огонь русских стихал хоть на мгновение, им отвечали артиллерийские орудия, которыми располагала наша пехота. Тогда нам снова приходилось вжиматься в окопы. Снаряды, выпущенные в сторону русских, пролетали над нашими головами с оглушительным свистом. Правда, надо отдать должное нашим артиллеристам: они сделали все от них зависевшее, чтобы ни один из их снарядов не попал в нас.

Решившись на мгновение высунуть голову из окопа, я увидел, что окружающий пейзаж приобрел зловещие очертания, превратившись в скопление окутанных дымом воронок. Мой товарищ, находившийся слева от меня, безжизненно лежал в своем окопе, который после прямого попадания советского снаряда превратился в еще одну воронку. В подобных случаях у нас не было раненых, только убитые. Товарищ, чей окоп находился справа от моего, также был мертв. Он попытался покинуть позицию. Но от ада, который устроили нам русские, не было спасения. Очередной снаряд оторвал моему сослуживцу обе ноги и лишил его жизни. Видя все это, я стал окликать своих бойцов, сомневаясь, что кто-то из них остался жив. Вопреки моим ожиданиям, из окопов один за другим начали подниматься сталь-

ные шлемы, но глаза моих молодых солдат были выпученными и они с трудом могли говорить.

Неожиданно огонь артиллерии смолк. Наступившая тишина была зловещей и являлась дурным признаком. Мы знали по опыту, что наша пехота должна немедленно атаковать. И через миг мы действительно увидели ее. В атаку шло около батальона немецких пехотинцев. Чтобы не быть легкой мишенью, они двигались на некотором расстоянии друг от друга. Их темные фигуры, контрастировавшие с белым снегом, стремительно приближались и становились крупнее. Советские бойцы двинулись им навстречу. Мы также выскочили из своих укрытий и приняли на себя удар первой волны русских. Мы были готовы к жестокому бою и собирались продать свои жизни как можно дороже.

Прицельными очередями из пулеметов и пистолетов-пулеметов мы вели огонь по гуще наступающей советской пехоты и по их лошадям, тащившим станки противотанковых орудий. Надвигаясь на нас, русские то и дело останавливались, чтобы позволить своим артиллеристам с криками «Ура!» сделать один-два залпа в нашем направлении.

Бой был жестоким. Наши офицеры, находившиеся на передовых позициях, стреляли трассирующими пулями, помогая таким образом остальным бойцам концентрировать огонь в правильном направлении. Наша яростная борьба могла задержать наступление русских. Но у нас, к сожалению, не было достаточных сил, чтобы его остановить. Мы видели значительное численное превосходство врага и осознавали безнадежность своего положения.

Некоторые из наших товарищей, оставаясь в окопах, расстреливали по русским уже последние оставшиеся у них патроны. Впереди нас был грозный на-

ступающий враг, а позади открытая территория. Чтобы достичь леса, требовалось преодолеть целых двести метров. И у нас не оставалось выбора. Наши перспективы были мрачными, но нам нужно было сражаться до конца.

В этой ситуации смерть была настолько близко к нам, что мы вряд ли сражались столь хорошо, как могли бы сражаться солдаты с нашей превосходной подготовкой. Мы делали все, словно в трансе. Мои собственные действия стали автоматическими, мое сознание перестало контролировать их. Я отчетливо помню, что у меня перед глазами в стремительном темпе пронеслась вся моя прошлая жизнь. Поэтому прошло некоторое время, прежде чем я услышал окрики со стороны леса. Надо сказать, что к лесу также вела протекавшая неподалеку от нас речушка. Командиры рот и взводов указывали бойцам на нее. И это было единственным средством спастись. Вместе с остальными, я собрал свои последние силы, чтобы прыгнуть в ледяную воду. Очереди, выпущенные противником, пролетали над самыми нашими головами, сыпали осколки. Спасаясь от них, нам приходилось то и дело погружаться в воду с головой. Благодаря этому большинство из нас отделалось лишь легкими ранениями, но ледяная вода оказалась губельной для многих бойцов.

Достигнув спасительного леса, мы были мокрыми насквозь и стучали зубами от холода. Мы видели, как иваны запрыгивали в оставленные нами окопы. Тела наших товарищей лежали на дороге, и мы не смогли забрать их с собой. Вспоминая обо всем этом, я также невольно думаю о сражении при Лейтене, которое произошло в декабре 1757 года. Тогда армия Фридриха Великого, состоявшая из 34 000 бойцов, вошла в Силезию, чтобы противостоять австрийским захватчикам.

Численность австрийских войск в два раза превосходила численность армии Фридриха Великого. Но его бойцы победили. 188 лет спустя немцы вместе с добровольцами из западных и северных стран безуспешно пытались повторить этот подвиг, противостоя азиатскому вторжению, угрожавшему не только Силезии, но и всей Европе.

После отступления нам было приказано выдвигаться в Саару и занять там новые позиции. Войдя в эту деревню, мы обнаружили, что ее уже покинули все жители, за исключением двух старушек-сестер. Мы наткнулись на них, когда обшаривали дома в поисках хоть какой-нибудь еды. Они сидели у себя дома, обернувшись в шерстяные покрывала. Подобно многим, старушки не хотели покидать родной кров. У них оставался более чем достаточный запас еды, и они собирались встретить судьбу в домашних стенах, какой бы она ни была. Кроме них, единственными живыми существами, не покинувшими Саару, была старая корова, с мычанием бродившая вокруг деревни, и местные коты, встречавшие нас мурлыканьем и тершиеся об наши ботинки в надежде выманить что-нибудь съедобное. Они были такими же голодными, как и мы.

Местом нашей следующей остановки стал гарнизонный городок Дойч-Лисса. Там роты батальонов выстроились вместе на плацу перед комплексом казарм, чтобы получить новые приказы. В Дойч-Лиссе у нас оставалось совсем немного времени. Русские уже приближались к этому населенному пункту, их наступление шло очень стремительно. После построения мы успели лишь сменить свою униформу, которая все еще оставалась влажной. И русские танки с ревом поехали через плац. Вместе с пехотой вермахта мы сумели прицельным огнем задержать их продвижение. Но не-

надолго. Наши оборонные меры уже не могли остановить их. И нам в очередной раз пришлось отступить на окраину города, а затем к реке Вейстриц.

Берега реки соединял каменный мост, который представлял собой единственную переправу через нее по направлению к Бреслау. Этот мост имел важное стратегическое значение, поскольку он выходил на главную дорогу к Бреслау. Русские должны были воспользоваться ею. Поэтому я получил приказ вместе с моей группой занять двухэтажный дом на южном берегу справа от моста.

Параллельно речному берегу стояло несколько домов. К каждому из них примыкали сады, разросшиеся до самой воды. Мы заняли позицию позади домов и начали окапываться всего в нескольких метрах от входа в подвал одного из них. Я приказал рыть траншеи шестерым бойцам, оставил нескольких солдат дежурить возле пулемета, а остальным поручил ознакомиться с продуктовым содержимым подвала. К нашей радости, он оказался полон консервов, заготовленных на зиму. Надо сказать, что в последние несколько недель мы пополняли свой скудный солдатский рацион именно за счет подобных домашних заготовок. Благодаря этому в нашем рационе периодически появлялось соленое мясо. Кроме того, мы собирали в садах фрукты. А иногда нам перепадали даже куриные яйца. В результате мы буквально пировали после предшествовавших голодных месяцев войны.

Между тем наши полевые инженеры заминировали мост, чтобы взорвать его, как только по нему пройдут последние немецкие части. Поскольку мы находились в непосредственной близости от моста, то перед взрывом мы укрылись в подвале. Когда прогремел взрыв, весь темный подвал вдруг озарился и в нем задрожал

пол. Пламя свечей, освещавших наше убежище, затрепетало и едва не погасло. Мы задержали дыхание, услышав, как на дом обрушился град из обломков кирпичей и черепицы. Стекла со звоном разлетались на множество осколков. Подвал наполнился облаками пыли и резким запахом пороха. Смерд был столь сильным, что у нас перехватывало дыхание. Это приводило нас в ужас. Наши легкие были переполнены всей этой дрянью, и мы начали чихать, отхаркиваться. При этом мы терли глаза, в которые буквально въелась поднятая взрывом пыль.

Когда мы вышли из подвала, снаружи все выглядело так, будто по домам прошел ураган. Ни на одной из крыш не осталось черепицы. Вся она лежала внизу вместе с обломками кирпичей, осколками стекла и другим мусором. Значительная часть моста была разрушена. Огромные бетонные блоки рухнули в воду. Однако часть моста осталась цела, и мы знали, что русские этим воспользуются. Они были специалистами по подобным инженерным работам. И это не предвещало нам ничего хорошего. Вскоре наши опасения подтвердились. Русские начали восстанавливать мост в ту же ночь.

Правда, им пришлось работать под непрерывным огнем нашей пехоты. Советские полевые инженеры заплатили очень высокую цену за то, чтобы мост снова стал пригодным для использования. Но русские не считались с количеством смертей и упрямо продолжали работать. Многие из их полевых инженеров, пораженные пулями, с криками падали в темную воду реки Вейстриц. В результате у русских, несомненно, были огромные потери в личном составе. И в этом виноваты только они сами. Им следовало еще до начала инженерных работ оборудовать огневые точки, которые по-

мешали бы нам столь свободно вести огонь по их полевым инженерам. А так нами простреливались все подступы к мосту.

Однако следует признать, что мы не могли держать оборону слишком долго. Когда это стало окончательно ясно, мы получили неожиданный приказ о прекращении огня. Он поступил от лейтенанта наших полевых инженеров.

— Дайте иванам достроить их мост, — сказал нам он.

Его слова удивили нас. Но оказалось, что он собирается уничтожить мост, как только русские его восстановят. Для этой цели у наших полевых инженеров был танк «голиаф», представлявший собой новое оружие вермахта. Именно тогда мы и услышали о нем впервые. И это действительно был танк. Правда, не совсем такой, какими бывают танки в традиционном понимании этого слова.

Строго говоря, официально «голиаф» именовался спецмашиной (нем. Sonder Kraftfahrzeug) и, по сути, являлся наземной гусеничной самоходной миной, но выглядел именно как маленький танк. Его высота была всего 67 сантиметров, а длина — 160 сантиметров. При этом каждый из столь миниатюрных танков мог нести на себе до 75 килограммов взрывчатки и имел дистанционное управление. «Голиаф» был неуязвим для стрелкового оружия. Эта немецкая спецмашина была разработана именно для сохранения жизней бойцов в ситуациях, когда требовалось срочно уничтожить мост или другое крупное строение перед наступающим противником. Управление «голиафами» осуществлялось по радио или по проводам (таким образом они могли быть применены на расстоянии от 600 до 1000 метров) и осуществлялось специально подготовленными солдатами. Мы не могли дождаться, когда это «чудо-ору-

жие» проявит в себя в деле. Тем более что у нас было целых три «голиафа»! Взором инженера, обладавшего инстинктом охотника, лейтенант, ответственный за применение этих спецмашин, следил за тем, как русские восстанавливали мост.

Как только на него стали укладывать настил, все три «голиафа» разом устремились к мосту. Это было 18 февраля в шесть часов утра. «Голиафы» довели до моста и разом взорвали на нем 225 килограммов взрывчатки. На месте взрыва появилось огромное черное облако. Когда оно развеялось, мост оказался взорван. Его настил и опоры погрузились в воды Вейстрица. Все это произошло прямо на глазах у русских. У нас же в результате этой операции был ранен лишь один инженер.

Тем не менее данные меры дали нам лишь короткую передышку. Вскоре двадцать четыре русских солдата пересекли реку на надувной лодке. Они высадились на нашей стороне, не замеченные нашими соседями с левого фланга. Мой друг Домке, который спас нас из окружения в Пейскервице, сформировал штурмовой отряд. Но ему было суждено погибнуть в бою, завязавшемся с высадившимися русскими. В рассветном тумане среди облаков грязи, поднимаемых взрывами ручных гранат, один из его бойцов по ошибке выстрелил в Домке. Возможно, свою роль здесь сыграла и нервозность обстановки, в которой нам приходилось действовать тогда. Так или иначе, пуля попала в сердце и оказалась смертельной. Домке был посмертно награжден Германским Крестом в золоте.

Стремясь предупредить в будущем подобные внезапные атаки со стороны русских, мы организовали наблюдательный пункт на нейтральной территории около реки. И там всегда дежурил один боец, вооруженный пистолетом и ручной гранатой. Он не должен был всту-

пать в бой с противником, а лишь оповестить остальных о его появлении на нашем берегу. Часовых, дежуривших на этом посту, сменяли каждый час. Бойца, заступавшего на дежурство, на пост всякий раз сопровождал его командир. Благодаря этому мы, командиры, могли одновременно оценить ситуацию собственными глазами.

Во время одной из подобных ночных инспекций я сбился с дороги в густом кустарнике и не смог обнаружить местонахождение хорошо замаскированного часового. Тогда я приказал шедшему со мной бойцу, который должен был заступить в караул, залечь и ждать. А сам в полной темноте принялся за поиски, двигаясь через сады.

В результате, так ничего и не найдя, я вышел к реке. Я развернулся, чтобы продолжить поиски в обратном направлении. Но вдруг перед моими глазами мелькнула ослепительная вспышка и взрыв свалил меня с ног. При падении у меня выпал из рук пистолет. Ошеломленный, я ощупал себя с головы до ног, чтобы убедиться, что все части моего тела остались на месте. На четвереньках я подполз к своему пистолету и несколько раз прокричал пароль, прежде чем услышал отзыв.

Боец, дежуривший на посту, принял меня за русского солдата, и его охватил страх, когда он понял, что я не являюсь таковым. Осколки от его ручной гранаты засели у меня в бедре, а штанина была испачкана кровью. Опираясь на обоих моих спутников, я, прихрамывая, дошел обратно на позиции. Там мне ввели противостолбнячную инъекцию. Мои раны были перевязаны. И после этого я проспал несколько часов в подвале.

Несмотря на происшедшее, мне пришлось остаться в строю. Критерием для принятия подобного решения было то, что у меня не была сломана кость и я мог хо-

дить, хотя и испытывал при этом сильную боль. Однако у нас на счету был каждый боец.

Часовой, подорвавший меня своей гранатой, упорно не признавал, что он заснул на посту. Но, безусловно, так и было. А разбуженный, он в панике швырнул гранату, даже не спросив пароля. Я не стал обвинять часового, что он сделал это преднамеренно. По нему было видно, что это не так. Он весь задрожал, когда понял, что бросил гранату не в русского, а в своего командира.

Однако самое главное, что для меня происшедшее обошлось без серьезных последствий, если не считать того, что осколки гранаты остались у меня в бедре. Виновник происшедшего ощущал себя крайне виноватым передо мной и даже стал носить мне соленую свинину и другие деликатесные консервы, которые можно было найти в подвалах окрестных домов.

Через некоторое время мы получили приказ в очередной раз сниматься с позиций. Маршируя прочь от реки, мы обдумывали события нескольких последних недель, когда нам приходилось практически без перерыва участвовать в боях. Большинство из этих боев проходило на открытой местности, и это также стало причиной высокого уровня потерь с нашей стороны. Тем не менее благодаря тому, что мы, отступая, постоянно занимали новые позиции и продолжали держать оборону, нам удалось замедлить наступление русских к силезской столице, которой являлся Бреслау. И пока мы задерживали русские войска, другие немецкие части смогли организовать оборону города.

Переход от Вейстрица к Бреслау оказался для меня невыносимым. Осколки, сидевшие в бедре, буквально сверлили его при каждом шаге. Я шел, опираясь на палочку, поддерживаемый двумя товарищами, которые

не покидали меня всю дорогу и помогали всем, чем могли. На рассвете мы достигли Шмидефельда. Этот населенный пункт лежал к западу от аэродрома Гандау. Таким образом, отсюда было уже недалеко до Бреслау.

Однако в Шмидефельде нам предстояло сделать очередную остановку. Мы заняли позиции между стеклянными теплицами, стоявшими возле домов местных жителей, вырыли окопы и оборудовали огневые точки пулеметчиков. После этого моя группа обосновалась в недавно построенном доме, располагавшемся на новом участке застройки. Его кладовая оказалась набитой доверху! Мы приготовили себе горячую еду на стоявшей в доме печи, которая топилась углем. Но едва мы успели поесть и подумать о том, чтобы поспать несколько часов, как караульные подали сигнал тревоги. Со стороны Нойкирха в небе клубился черный дым. Мы были печально поражены, что иваны шли за нами по пятам и находились уже настолько близко.

Всего через пару часов вокруг нас стали падать русские снаряды. В результате теплицы были разбиты вдребезги и везде вокруг валялись осколки стекла. Натыкаясь на них, многие из моих бойцов очень сильно порезались. В тот же вечер советские передовые части подошли к нашим позициям и попытались прорвать их в нескольких местах. Снова и снова нам удавалось отбрасывать их назад. Но в этой жестокой схватке я потерял одного из своих бойцов, моего лучшего пулеметчика. Еще днем он говорил, что предчувствует свою смерть. И предчувствие не обмануло его: он умер от пули в живот. Кроме того, отражая атаки русских, на рассвете мы потеряли Лео Хабра. И больше всего нас мучило то, что мы не могли достать его тело, потому

что русские уже слишком далеко продвинулись вперед.

От этого всех нас вдруг охватило уныние. Наши бойцы очень любили Лео Хабра. Он был хорошим офицером и товарищем. Он обладал типичным венским обаянием. Лео везло в боях, и нам даже казалось, что он неуязвим. Благодаря его сдержанному юмору моя последняя совместная с ним рискованная операция — та самая, когда мы ночью переправлялись в лодке на другой берег, чтобы разведать местонахождение русских, — прошла почти как увлекательное приключение. Но теперь я должен был заменить Лео и принять на себя командование его взводом.

Мы смогли удерживать Шмидефельд еще лишь несколько часов. Затем мы увидели в небе над деревней Мария-Хефхен дым пожара, простиравшийся дальше на юг, в направлении Мохберна. Стало ясно, что враг теперь стоит у ворот Бреслау. Русские уже заняли низменность на подступах к городу, и их следующей целью был аэродром в Гандау, западном пригороде Бреслау. Этот аэродром имел огромное значение для городского гарнизона, поскольку именно через него осуществлялось обеспечение защитников Бреслау. Русским впоследствии потребовалось несколько недель, чтобы взять аэродром в Гандау.

Нам пришлось отступить в пригород Бреслау под натиском непрекращавшихся советских атак. Там мы заняли здание завода фирмы «ФАМО», известной во всем мире как производитель авиационной техники и двигателей. В годы войны эта фирма занималась производством военной техники. Теперь ее высококвалифицированные рабочие, которых изначально было восемь тысяч, и боевые части превратились в единую удивительно сплоченную команду, которая собиралась

сделать все возможное, чтобы помешать врагу войти в город. При этом огромные заводские помещения более чем идеально подходили для того, чтобы защитники Бреслау могли укрываться в них от шрапнели и огня русской пехоты.

Жители окрестных домов были уже эвакуированы, и лишь несколько из них до последней минуты не покидали свои жилища, надеясь на чудо. Но теперь и самые упорные из них были вынуждены уходить, забрав с собой лишь самые ценные вещи. Покидая родные дома, жители запирали их на ключ, как будто это могло спасти их жилища от разрушения, неизбежного в ходе приближавшихся боев.

Глава шестнадцатая

КРЕПОСТЬ БРЕСЛАУ

После нескольких недель упорных боев в северо-западном пригороде Бреслау наш полк СС «Бесслейн» был вынужден отойти к городским окраинам. Именно там мы и узнали, что 15 февраля 1945 года 6-я советская армия завершила окружение Бреслау. Страхи, мучившие меня прежде, превратились в реальность.

Город был окружен войсками семи хорошо оснащенных дивизий. Еще шесть дивизий у русских было в резерве. Таким образом, силезскую столицу всего осаждало 150 000 русских солдат. И это были опытные бойцы, почти не знавшие поражений за время своего пути на запад. Более того, они обладали поддержкой бесчисленного количества самолетов.

При этом общая численность защитников города, то есть частей вермахта, войск СС, Фольксштурма и Гит-

лерюгенда, составляла лишь треть от ожидаемой. Гарнизон города состоял лишь из 50000 бойцов и разрозненных группок моряков и летчиков, большинство из которых совершенно не имело боевого опыта. Отсутствие же опыта, точно так же, как и чрезвычайно немолодой возраст большинства фольксштурмистов, делало практически невозможным применение подобных бойцов на передовой.

К началу битвы не на жизнь, а на смерть у защитников города было всего 200 артиллерийских орудий, 7 танков и 8 штурмовых орудий, что было совершенно неадекватно огромным силам окружившего город противника. В этой ситуации каждый из нас был вынужден сражаться за пятерых, без сна находиться в окопах и постоянно менять позиции, перемещаясь с одного места на другое. Между тем в городе оставалось около 240 000 жителей, большинство из которых были стариками и матерями с детьми. Они с ужасом ждали своей участи.

Вместо того чтобы атаковать с востока, русские атаковали нас с юга. При поддержке тяжелых танков «Иосиф Сталин» они сумели продвинуться в застроенный вилами южный район города. Во время этих тяжелых боев мы сражались плечом к плечу с мальчишками из Гитлерюгенда. Для некоторых из них это был первый бой в их жизни. Ребята из Гитлерюгенда сражались очень отважно. Многие из них погибли в этом бою.

После трех недель боев южный район Бреслау с его великолепными вилами, парками, садами и озерами остался в руинах. Характеризуя ожесточенность борьбы в те дни, русский военный корреспондент В.Малинин писал 24 февраля 1945 года: «На каждом доме остались следы жестоких боев. На каждой улице гитлеровцы разобрали один-два больших дома и из полу-

ченных строительных материалов соорудили баррикады, рядом с которыми установили орудия, чтобы преградить нам путь. Каждая баррикада защищается пулеметами и минометами.

Наши советские солдаты должны найти новые пешеходные маршруты. Наши инженеры должны с помощью взрывчатки проделать в стенах отбитых у гитлеровцев домов отверстия для артиллерийских орудий. Наши бойцы должны сражаться за каждый этаж в остальных домах.

Вчера сержант Иванников вместе со своими бойцами в течение полутора часов сражался за один из домов. В нем гитлеровцы взорвали лестницу, ведущую на второй этаж. Наши бойцы сумели уничтожить пятерых из шестнадцати вражеских солдат, засевших наверху и бросавших в них гранаты. Остальные немцы сдались.

Старший лейтенант Одинков со своими бойцами за два дня сумел очистить от врага четыре квартала, уничтожив 300 гитлеровцев. Такими действиями советские воины достойно отметили 27-ю годовщину создания Красной Армии».

Изначально предполагалось, что русские будут атаковать с севера и с востока. В последние дни января был отдан приказ об эвакуации тысяч жителей в пустые дома в южной части города. Но как только стало ясно, что угроза исходит с юга, две трети эвакуированных стали искать себе новые убежища. В связи с этим трамваи, которые все еще ходили в городе, начали ходить почти до самой передовой. Это было мерой психологической терапии, которая помогла успокоить население. Многие считали, что, если трамваи все еще ходят, значит, ситуация не может быть слишком критической. Это было признаком нормальной жизни, кото-

рый заглушал страхи, даже несмотря на то, что враг был уже на краю города.

Кроме того, нам придавали силы официальные сообщения, исходившие от НСДАП, которые передавались по радио и публиковались на страницах ежедневной силезской газеты «Шлезисхен Тагесцайтунг» («Силезская дневная газета»). Она была известна как рупор вооруженных сил. Эта фронтовая газета вплоть до самых последних дней перед капитуляцией выходила ежедневно с новостями, разнообразными сообщениями, красочной пропагандой, комментариями и призывами к стойкости и мужеству.

Последний трамвай был остановлен в Бреслау только после бомбардировок 1 апреля, поскольку в ходе них была выведена из строя сеть проводов над трамвайными путями. В связи с тем, что больше не было возможности использовать трамваи для перевозки пассажиров, мы решили использовать их в качестве противотанковых заграждений. Мы ставили трамвайные вагоны в два ряда, перекрывая всю ширину дороги, чтобы остановить таким образом продвижение боевых машин врага. В ходе боев многие вражеские танки были уничтожены на подобных баррикадах с помощью панцерфаустов и противотанковых орудий.

Кроме того, практически с самого начала осады Бреслау, жившие в городе мужчины, женщины и дети, желая помочь нам, стали разбирать мостовые. Кирпичами разобранной кладки они баррикадировали выбитые окна своих домов, оставляя в них лишь небольшие амбразуры для оружия нашей пехоты. В крепко построенных домах устанавливались пулеметные гнезда, и упорные бои за город день ото дня становились все ожесточеннее.

Население оказывало нам полную поддержку. Почти

на каждой двери был написан лозунг: «Каждый дом — крепость!» Эти слова в Бреслау не были лишь пропагандистским призывом, а отражали реальное положение вещей. Именно благодаря этому нам удавалось, ведя огонь из-за амбразур, успешно сдерживать напор русских в течение долгого времени.

Что еще важно, в перерывах между боями мы наконец-то могли отдыхать в нормальной домашней обстановке квартир, оставленных жителями. И даже когда паузы между боями были короткими, каким удовольствием было свалиться на удобную застеленную кровать.

Когда военный врач в связи с моей раной на ноге прописал мне постельный режим, я смог позволить себе редкую роскошь — отоспаться на белых простынях. Так мне довелось провести несколько дней в военном госпитале, который был развернут в здании Института помощи слепым. Рана на моей ноге была очищена от гноя, из нее извлекли осколки, и я был предоставлен заботе дружелюбных медсестер Красного Креста.

Институт помощи слепым располагался в Западном парке, откуда было недалеко до расположения части обеспечения роты. Через три дня меня выписали из госпиталя, и я, хромая, отправился в район Пепельвица, чтобы вновь приступить к службе. Военные писари 11-й роты разместились в большом многоэтажном доме на улице Малапанезе. Именно там находился и мой друг Георг Хас, казначей роты. Он пришел в восторг от моего появления, и у меня не осталось сомнений, что я поселюсь вместе с ним.

Когда Хас в течение дня отлучался по служебным делам, я, помогая ему, занимался подготовкой писем, сообщавших родным о смерти бойцов. Эти письма затем попадали на подпись к командиру роты. Однако они не сообщали семьям правды о том, как погиб их

близкий человек. Мы скрывали правду, щадя чувства родных наших павших товарищей.

По неписаному закону мы всегда, когда это было возможно, забирали с поля боя тела наших товарищей, чтобы похоронить их по-человечески. Но часто, к нашей огромной горечи, обстоятельства не позволяли сделать этого. В подобных случаях, как я уже рассказывал, попытки достать тело были самоубийством, и мы не могли изменить ситуацию. Однако в похоронных письмах мы могли неявно дать понять родным, что все было иначе. О каждом из моих товарищей было написано, что он «погиб геройски». Родители, мать или жена павшего солдата не могли и не должны были знать о долгих часах, которые родной для них человек проводил, корчась от боли и умирая в одиночестве. Наши письма, извещающие о смерти, должны быть настолько менее болезненными, насколько это было возможно в подобной ситуации. Поэтому, готовя их, мы о многом не говорили и о многом писали совершенно иначе, чем это было в действительности. Но, так или иначе, писать «похоронки» очень тяжело и горестно. По крайней мере, «похоронки» на товарищей, с которыми совсем недавно был в одном строю.

Такая вот судьба. И знаете, еще говорят, что судьбу человека можно проследить по его фотоальбомам. В квартире, которую занимал Георг, я как раз наткнулся на толстый фотоальбом ее прежних владельцев, который очень запал мне в душу. Каждый снимок в нем был четко и аккуратно подписан, и я мог ясно представить события, в связи с которыми делалась та или иная фотография. Передо мною предстала судьба молодой семьи. Эти люди были незнакомы мне, но, окончив смотреть альбом, я знал о них все.

В нем были и фотографии счастливого детства, и

фотографии свадьбы. На одном из снимков хозяин альбома гордо стоял в летной униформе сержанта технической службы. На другом — его избранница в белом подвенечном платье. Ее волосы, по моде того времени, были закручены в большой клубок на затылке. За подобными фотографиями, конечно, следовали и фотографии их детей. У них было двое сыновей. Среди многочисленных снимков было и несколько, запечатлевших их последние каникулы. Они катались на велосипедах по улице, по сторонам которой росли деревья. Эти деревья были посажены еще при Фридрихе Великом, но условия, в которых они росли, в сочетании с суровыми восточными ветрами Силезии сделали их стволы кривыми.

Заканчивался альбом вырезкой из газеты, помещенной в черную рамку и украшенной черным крестом с надписью «Погиб за Германию».

Но что стало с хозяйкой альбома и ее детьми? Почему их квартира оказалась оставленной в таком виде, как будто хозяева просто вышли в магазин и скоро вернутся? Уцелела ли вдова? Уцелели ли ее дети? Ответа на эти вопросы я не знаю.

Когда мой друг занял эту квартиру, в ней была безупречная чистота и каждая вещь стояла на своем месте. Мы ощущали себя словно оказавшимися в гостях и старались, чтобы в нашем жилище все оставалось таким же, как было до нас. При этом мы оба знали, что очень скоро война поглотит и этот дом, и фотоальбом, оставленный здесь его владельцами.

Среди вещей, находившихся в квартире, оказался и граммофон. Мы с радостью стали пользоваться им, чтобы слушать популярные в те дни песни и военную музыку. Хотя заставить этот старый граммофон воспроизводить пластинки порою оказывалось довольно

сложно, особенно после стаканчика-другого красного вина, которое Георг ухитрялся раздобывать где-то в городе. К тому же даже в части, ответственной за обеспечение роты, у нас оставалось совсем немного времени для отдыха. У нас редко выдавалась даже короткая возможность расслабиться.

Что интересно, помимо граммофона, в нашей квартире также был очень хороший радиоприемник в элегантном черном корпусе, который ловил передачи даже отдаленных радиостанций. Мы садились возле него, чтобы послушать последние новости. Помимо этого, мы нередко настраивались на волну какой-нибудь зарубежной радиостанции, хоть это и было запрещено.

Иногда любопытство, присущее каждому человеку, брало верх над нами, и мы настраивались на волну радиостанции Москвы. Русские специально осуществляли радиовещание на немецком языке и предсказывали нам гибель и беды, полагаясь на то, что страх разъедает душу. Каждый час и ровно в полночь однообразный женский голос драматично провозглашал смерть немецким солдатам. Смесь услышанного хвастовства и ядовитой черной пропаганды совершенно не производила впечатления на нас, бывалых солдат. Но как это могло восприниматься другими, менее искушенными слушателями, которые также настраивались на эту радиоволну?

Постоянные перемещения войск, осаждавших Брестлау, обуславливали соответствующие перемещения с нашей стороны. Нам приходилось снова и снова менять позиции. По пути на новые линии обороны нас постоянно останавливали жители районов, где все еще было спокойно, и спрашивали о текущей ситуации на передовой. Два главных вопроса, которые задавал нам каждый, были такими: «Как долго мы сможем продер-

жаться?» и «Получим ли мы помощь из-за кольца окружения?» Мы не знали ответа на них и неуверенно пересказывали доходявшие до нас слухи. Согласно им, командующий группой армий «Центр» генерал Фердинанд Шернер с несколькими дивизиями из районов Стрехлена и Зобтена собирался попытаться прорваться к Бреслау. Это было правдой. Но надо признать, что за все время осады мы так и не увидели этих войск.

Надеясь на помощь извне, военное руководство крепости, кроме того, продолжало искать возможности к спасению своими силами. Один из альтернативных выходов из положения был предложен местным профессором. Ему удалось обнаружить свиток пергамента, сделанный в 1767 году, на котором изображалась система подземных тоннелей, проходивших под городом. Вход в нее находился под зданием городского управления, а дальше тоннель шел параллельно улице Швайдницер, проходя на значительной глубине под церковью святой Доротеи, и заканчивался за городскими стенами. Инженеры сразу приступили к работе, но тоннель, как и ожидалось, после стольких прошедших лет оказался в полуразрушенном состоянии. Восстановление всего нескольких километров подземного пути потребовало бы долгих месяцев. Но тем не менее инженеры все равно пытались сделать все, что было в их силах. И даже тот короткий участок тоннеля, который они успели восстановить, оказался очень полезным для нас. Наши артнаводчики смогли выбирать за русские позиции, проходя прямо под ними, и координировать огонь артиллерии, а также следить за перемещением войск противника.

Мирным жителям во время осады, безусловно, пришлось испытать немало страданий. При этом большинство из них переносили их мужественно и терпеливо.

Их стоицизм удовлетворил бы даже древнегреческих учителей, философия которых учила безразлично переносить превратности судьбы.

Однако не все могли быть стойкими в этих нечеловеческих условиях. Беспомощность, тревога, потеря родных жилищ в сочетании с неотступным страхом, что русские захватят город, приводили к многочисленным самоубийствам. Мы знали об этом и старались успокаивать жителей, говоря им, что они могут на нас положиться. После войны Пауль Пикерт, настоятель церкви Святого Маврикия, свидетельствовал, что рост отчаяния среди жителей Бреслау привел к тому, что каждый день стало совершаться от 100 до 120 самоубийств. О том же говорит и Эрнст Хорниг, настоятель другой широко известной в Силезии церкви, на страницах своей книги «Бреслау 1945-го». Согласно его данным, за 84 дня осады города зафиксировано 3000 случаев суицида, но гораздо большее количество самоубийств так и осталось неучтенным.

После окружения Бреслау единственной линией коммуникации с Германией в нем остался аэродром Гандау. В результате у нас было достаточно еды, так что ни один солдат и ни один мирный житель за весь период осады не страдал от голода. Но зато на многих этапах обороны города нам крайне не хватало боеприпасов, и в этом смысле наше оружие, если можно так выразиться, действительно было «голодным».

Все воздушные поставки осуществлялись транспортными самолетами Ю-52. На обратном пути они забирали тех, кто был легко ранен. Этих бойцов лечили за пределами кольца окружения, чтобы они как можно скорее смогли снова принимать участие в боях. А вот тяжело раненым, чье лечение обещало быть продолжительным, приходилось оставаться в госпитале, рас-

положенном в городе. По воздуху в Бреслау поступал не только провиант и боеприпасы, которые тоннами доставлялись в город вплоть до 19 февраля, но и медикаменты, средства первой медицинской помощи, бинты и т.п., а также почта.

В ходе подобных операций воздушный флот под командованием генерала Риттера фон Грайма потерял 160 самолетов. По ночам как солдаты, так и мирные жители следили за полетами «юнкерсов» по изрезанному лучами прожекторов ночному небу. Затаив дыхание, с надеждой и ужасом люди вслушивались в рев моторов самолетов, заглушаемый канонадой русских зенитных орудий. Часто мы становились свидетелями того, как объятые пламенем «юнкерсы» падали на землю вместе с беспомощными людьми на борту.

Генерал Герман Нихофф без оптимизма смотрел на свой перелет в Бреслау 2 марта 1945 года. Он должен был сменить Ганса фон Альфена на посту коменданта крепости. Генерал Нихофф оказался в необычной ситуации, поскольку ему предстояло лететь в город, у находившихся в котором 250 000 мужчин и женщин единственным желанием было улететь оттуда. Свой перелет, который, мягко говоря, оказался непростым, Нихофф описал в статье для журнала «Вельт ам Замстаг» (букв. «Мир (общество) по субботам»), вышедшей 15 января 1956 года: «Мы летели к Бреслау северным маршрутом. До города было всего 46 километров. Я знал, что этот перелет может оказаться для меня роковым и стать последним в моей жизни. Темные ночные небеса давали лишь временную защиту. Затем мы увидели море огней, которое становилось все крупнее по мере нашего приближения к Бреслау. Темнота неба перестала казаться спасительной, когда под нами вдруг загрохотали зенитные орудия. Небо разрезали

лучи прожекторов. Сначала их было всего один или два. Но их становилось все больше. Они рыскали по небу, чтобы вцепиться в наш самолет. Лучи прожекторов были ослепительными, но не настолько, чтобы я не мог видеть испуга на побелевших лицах моего шофера и ординарца, которые мрачно и безмолвно смотрели на происходящее внизу. Вокруг нас один за другим взрывались снаряды. Их грохот смешивался с ревом моторов нашего самолета. Выглянув в окно, я увидел напоминавшие белых мышей и летящие, казалось, прямо в меня трассирующие снаряды. Эта ужасная и яркая картина впоследствии не раз вставала у меня перед глазами. Я не смог вытеснить ее из памяти даже годы спустя, будучи военнопленным.

Неожиданно пилот в крайнем волнении сказал нам, что придется разворачиваться и возвращаться на базу. Русским удалось поразить часть моторов нашего самолета. Мы начали медленно разворачиваться. Через некоторое время море огней осталось позади и стало постепенно удаляться от нас. Когда мы приземлились, оказалось, что с момента нашего вылета прошло не так много времени. Пилот без слов показал нам места попадания снарядов в заднюю часть самолета и в моторы. Затем он немного расслабился и к нему вернулось чувство юмора, поскольку его задание подошло к концу. А вот до конца моей миссии было еще далеко».

Вторая попытка генерала Нихоффа совершить перелет в Бреслау также окончилась ничем. На этот раз моторы «юнкерса» попросту не запустились из-за мороза. Однако на третий раз все прошло без сучка без задоринки, благодаря фельдфебелю из технической службы. Он знал один хитрый трюк и, как вспоминал генерал Нихофф, «буквально излучал уверенность в себе». За-

тея фельдфебеля выглядела отчаянно смелой, но в результате генерал оказался в Бреслау целым и невредимым. Фельдфебель предложил набрать максимальную высоту, на которую сможет подняться самолет, а потом выключить моторы. В результате «юнкерс» стал беззвучно снижаться и не замеченный врагом приземлился в Бреслау, пролетев над самыми крышами домов. Действительно, отчаянный трюк! А вот уже на аэродроме, покинув самолет, генерал все-таки попал под обстрел. Ему даже пришлось под огнем ползти на четвереньках вслед за державшим факел артиллерийским офицером, который сопровождал его в безопасное место.

Надо сказать, что генералу Нихоффу не потребовалось много времени, чтобы заслужить доверие войск и гражданского населения. Его редко можно было увидеть на его командном пункте, который располагался в старом подвальном льдохранилище с сырыми стенами. Генерал постоянно лично следил за текущей ситуацией. С самого начала он предпринял разведку положения в Бреслау, лично осмотрев каждый из домов на передовой, в которых держали оборону немецкие солдаты. В стенах подвалов этих домов были проделаны отверстия, и они были соединены тоннелями, по которым и перемещался Нихофф. Однако, поднимаясь из подвала на верхние этажи здания или оказываясь на улице, ему нередко приходилось перемещаться перебежками под огнем противника. Благодаря этому генерал сумел лично осмотреть каждую часть, оказавшуюся под его командованием.

С перемещением передовой командный пункт Нихоффа также был перенесен. Теперь он находился в глубоких подвалах под зданием Университетской библиотеки на Песчаном острове, неподалеку от Песчаной церкви. Эти подвалы были одним из самых безопасных

мест в Бреслау, но были далеко не самым комфортным местом для жизни.

В отличие от генерала Нихоффа, гораздо более молодой, чем он, гауляйтер Карл Ханке размещался в бункере, где были созданы чрезвычайно комфортные условия. При этом данная резиденция Ханке также была надежно защищена от возможных ударов противника. В ней было множество помещений: телефонный центр, комната связистов, кухня, столовая, душевые, а также другие комнаты, отделенные шторами. Сам Ханке, как правило, заседал за огромным столом в своем «президиуме», громадной комнате с написанными маслом картинами на стенах, коврами и антикварной мебелью. Но, что удивительно, однажды за время осады Бреслау мне совершенно случайно и неожиданно для меня довелось оказаться в банкетной зале бункера гауляйтера!

Это произошло, если мне не изменяет память, в середине или в конце марта. Под напором крайне интенсивного артиллерийского огня нам пришлось менять позиции. В поисках безопасного места мы отступили в систему подземных тоннелей. Двигаясь по ней, через некоторое время мы очутились перед длинной лестницей с каменными ступенями. Никто из нас не знал, куда она ведет и в какую часть Бреслау мы вышли, плутая под землей. Поднявшись наверх, мы оказались в наполненной сигаретным дымом подвальной комнате. Она была обставлена роскошной мебелью, и в ней было много людей — военных и гражданских. На некоторых из них была коричневая партийная униформа.

Все эти люди пировали за огромным столом, уставленным разнообразными яствами и дорогими напитками. Наше неожиданное появление застало их врасплох и, как ни странно, заставило устыдиться. Им стало не-

удобно, что они предаются таким застольям, когда другим приходится сражаться на передовой. Это отчетливо читалось на их лицах. И угрызения совести заставили собравшихся пригласить нас к столу.

Нас усадили за стол с такими любезностями, словно мы были почетными гостями, а не только что покинувшими передовую «фронтовыми свиньями», небритыми, невымытыми и одетыми в грязную униформу, которая превратилась в лохмотья. Даже будучи мелкими сошками, в Бреслау мы не жаловались на свое солдатское меню, которое было более чем удовлетворительным. Но этот стол был накрыт с такой роскошью, какой мы никогда не видели и в мирное время! Это был другой мир, о котором мы могли только мечтать. Однако в происходящем было нечто гротескное. Над нашими головами, на улицах города, был крошечный ад. А здесь, глубоко под центром горящего города, происходил этот почти мефистофельский пир. И мы сидели за этим столом! Но в особенный восторг нас привело то, что через некоторое время, когда мы поняли, что пора уходить, в наши рюкзаки, похлопывая нас по плечу, положили «бутылки с хорошим коньяком и вином, чтобы мы смогли отпраздновать последнюю победу и победоносный конец войны».

Современному читателю, возможно, будет непонятно, почему у нас не вызвали отвращение нравы нацистских «золотых фазанов». Но даже само это словосочетание, так часто использующееся после войны, было непонятно нам в то время. Впрочем, это отвращение не пришло к нам и в последующие годы. Кто знает, может быть, потому, что мы были слишком флегматичными?

Продолжая рассказ, замечу, что я не уверен, присутствовал ли на том застолье сам гауляйтер Хайке. Пожалуй, если бы он был там, это вряд ли бы осталось

не замеченными нами, поскольку он не мог не выступить и не произнести какой-нибудь бравурный лозунг. Во время осады города жители Бреслау недолюбливали Ханке именно за пристрастие к подобным вещам и крайнюю, порою даже переходящую разумные границы нетерпимость к тому, что он определял как пораженческие настроения.

Примерно в те же дни мне довелось повстречаться с еще одним должностным лицом высокого ранга. Но воспоминания об этой встрече у меня совершенно иные. Раздражительность этого человека и его полная безответственность при обращении с оружием привели к трагедии.

В связи с очередными перемещениями линии фронта нам предстояло расквартироваться в районе Зимпель. Офицер, который был комендантом этого района, сопровождал нас до гаражей с гофрированными стальными дверями. Они были проржавевшими и не открывались. Тогда офицер начал бить по ним прикладом своего пистолета-пулемета, в котором был полный магазин патронов и который он даже не поставил на предохранитель. В результате, как и следовало ожидать, раздалась очередь. Она пришлась точно в живот нашему старшему сержанту, и он за считанные секунды скончался на месте. Мы набросились на офицера и отобрали у него оружие. Мы орали на него и проклинали. Этого не должно было случиться. По крайней мере, не должно было случиться с нашим старшим сержантом. Это был человек, которого любили все его бойцы. Он был для них, как отец, и всегда добросовестно исполнял свои обязанности. Но, что самое главное, он прошел всю Русскую кампанию без единой царапины. Его смерть стала очень горькой утратой для нас. Действительно, очень горькой.

Положение в Бреслау с каждым днем становилось все тяжелее. Мы понимали, что захват русскими аэродрома Гандау был лишь вопросом времени. Понимал это и Гитлер. Он лично следил за ситуацией в Бреслау и нередко лично отдавал распоряжения относительно оборонных мер. Так, Гитлером было приказано начать сооружение в центре города второй взлетно-посадочной полосы. Согласно намеченному плану, для этого требовалось снести все здания в районе Шнайцниггерского парка, находящиеся между Кайзеровским и Фюрстенским мостами. Трамвайные рельсы, провода телефонных линий, столбы — все это также нужно было убрать из данного района, как, впрочем, и горы обломков от снесенных домов. Та же судьба ждала огромные храмы Лютера и Канизия. И все это было необходимо сделать вручную. Часть обломков можно было приспособить для создания баррикад, а остальные следовало просто убрать из данного района. Для этих работ были мобилизованы тысячи женщин и подростков. Они усиленно трудились и днем, и ночью, чтобы новая взлетно-посадочная полоса была сооружена.

А что же русские? Они очень быстро узнали о том, что происходит в центре Бреслау на Кайзерштрассе. После этого район работ начал подвергаться постоянным авианалетам. Русские самолеты вели огонь из пулеметов и сбрасывали осколочные бомбы на трудившееся здесь гражданское население. Это приводило к огромному количеству жертв, число которых неумолимо вырастало с каждым днем на протяжении всего марта. Согласно подсчетам отца Эрнста Хорнига, на работах по сооружению новой взлетно-посадочной полосы погибло 10 000 жителей Бреслау.

Продвижение русских к Гандау и постоянные бомбардировки в течение марта заставляли нас осознать,

что остались считанные дни до того, как они захватят аэродром. Тем не менее, это случилось только в начале апреля. А до этих пор верные «юнкеры» доставляли в Бреслау все, что было необходимо для обороны города.

4 апреля поставки в крепость в конце концов оборвались. В этот день русские устроили мощнейшую бомбардировку с воздуха и вели плотный артиллерийский огонь с земли. Все это продолжалось до тех пор, пока советские танки не въехали на территорию аэродрома и не заняли там позиции. Гандау был окончательно потерян для нас. Тем не менее мы сделали все, что было в человеческих силах, чтобы сохранять его как можно дольше.

Весь предшествующий период организация обороны аэродрома была одной из важнейших и наиболее трудных задач, стоявших перед комендантом крепости. 24 марта 1945 года он записал в своем дневнике: «Осуществление поставок в Бреслау стало чрезвычайно сложным из-за усиления зенитного огня и увеличения количества прожекторов. 15 марта из 55 машин, пытавшихся приземлиться, лишь половина сумела сделать это. Несмотря на это, 150 раненых было вывезено из города по воздуху. Многим «юнкерам» удавалось забирать по 20 раненых за перелет. Благодаря применению «ферзоргунгсбомбен» («бомб снабжения»), в течение трех дней 150 самолетам также удавалось, не приземляясь, сбрасывать войскам боеприпасы, стрелковое оружие и почту».

Надо сказать, что, несмотря на название, «ферзоргунгсбомбен» не являлись бомбами, а представляли собой коробки с грузом, прикрепленные к парашютам. Эффективность подобных «бомб» в действительности

оказалась крайне далека от желаемой. Многие из них упали в глубь позиций врага, в болото и на крыши домов. Доставать такие ящики с крыш, рискуя упасть и свернуть себе шею, было не самым лучшим занятием. Хотя мы в ряде случаев проделывали и это, забирая с собой также и парашюты. Мягкий красный шелк, из которого они были сделаны, использовался нашими ребятами на шарфы. Этими яркими шарфами мы обматывали свои шеи поверх рубашек.

Тем не менее, когда мы начали открывать ящики один за другим, нас охватила злость, разочарование и опустошение. Этих ящиков было всего пятьдесят, и в каждом было по два панцерфауста. Сначала мы обнаружили, что в них нет детонаторов. А потом заметили, что в них также нет и взрывного вещества.

Мы не понимали, как могло так получиться. Наше недоумение постепенно сменялось яростью. Невозможно было поверить, чтобы такое произошло просто из-за человеческой ошибки. Было ли это сделано кем-то преднамеренно? Было ли это актом саботажа? Пилоты, рискуя жизнями, делали все возможное, чтобы доставить к нам этот груз. Многие из них погибли, выполняя это задание. А сброшенные ими панцерфаусты оказались непригодными для использования.

Мы были крайне подавлены происшедшим. Но тем не менее вскоре нам удалось найти решение проблемы. В конце концов, для чего еще у нас под рукой были инженеры «ФАМО»? Из 8000 рабочих завода на тот момент в Бреслау оставалось лишь 680. Среди них были рабочие, технологи и инженеры. Они занялись решением нашей проблемы. Работая и днем, и ночью, им удалось привести наши панцерфаусты в рабочее состояние.

Стоит отметить, что каждый из них постоянно делал

все возможное, чтобы обеспечить нас всем необходимым. Порою рабочие «ФАМО» просто творили чудеса! К примеру, у нас было более чем достаточно новых пулеметов, но они были без затворов. Однако ребята из «ФАМО» сумели решить и эту проблему, несмотря на то, что им приходилось работать на полуразрушенном заводе под непрекращающимися бомбежками и артиллерийским огнем. Помимо стрелкового оружия, они чинили для нас даже танки. Но, пожалуй, их главным достижением стало создание бронепоезда, который они сделали всего за четырнадцать дней и ночей упорной работы.

Воспользовавшись ходовой частью старого локомотива, они соорудили настоящую крепость на колесах, обшитую стальной броней и оснащенную 20-миллиметровым и 88-миллиметровым зенитными орудиями. Бронепоезд с пыhtением вошел вглубь русской линии обороны. Один его вид действовал устрашающе, и это позволило нам отвоевать многие ранее захваченные русскими позиции.

Помимо этого, специалисты из «ФАМО» переделали для нас советские магазинные винтовки, которые мы захватывали у русских, и теперь мы могли использовать это оружие, стреляя немецкими патронами. Нам нужны были сигнальные пистолеты, и на заводе «ФАМО» их сделали для нас, основываясь на образце; который мы им дали. А вот у русских, осаждавших Бреслау, подобных специалистов не было. И все нерабочее новейшее немецкое оружие, которое занесли к ним наши парашюты, так и осталось лежать у них мертвым грузом.

Что еще интересно, для защиты одного из участков железнодорожной насыпи помогавшие нам рабочие «ФАМО» соорудили из листов танковой брони укрытие

пирамидальной формы, которое использовалось стрелковым отделением в качестве пулеметной ячейки. Это сооружение действительно оказалось очень полезным во время боев.

И, что следует заметить, работа наших замечательных мастеров на все руки постоянно прерывалась из-за того, что атаки противника повреждали цеха, и продолжать ее приходилось уже в другом месте. К концу осады погибло 13 процентов оставшихся в городе работников «ФАМО». А это были замечательные люди, для которых, казалось, не было ничего невозможного, когда, прикладывая нечеловеческие усилия, они так существенно помогали нам.

Еще один пример стойкости со стороны жителей был продемонстрирован группой квалифицированных рабочих со старого завода в Вильгельмсрухской части города. Им удавалось из самых примитивных материалов делать для нас гранаты. Для этого они использовали взрывчатку из неразорвавшихся снарядов русских и стальные осколки. Всем этим они наполняли пустые 88-миллиметровые гильзы зенитных орудий. Каждый день рабочим завода удавалось изготовить по 200—300 таких гранат. Благодаря их усилиям мы заставляли русских нести тяжелые потери, даже несмотря на то, что 15 процентов этих спешно произведенных гранат не взрывались, когда мы их бросали в противника.

У бойцов, сражавшихся на передовой, также возникало немало хороших идей, порожденных новым для нас опытом боев среди городских домов. Для боев в таких условиях нам требовалась новая тактика, которой нас никогда не учили во время подготовки.

Одна из замечательных тактических находок родилась у нас в связи с постоянным огромным риском, которому мы подвергались, забирая свежие поставки

боеприпасов и провианта. При этом нам приходилось пересекать огромную узловую станцию, на пространстве которой многие бойцы становились жертвами советских снайперов. Последним нужно было лишь дожидаться нашего появления. Мы ломали головы, как же нам одурачить русских. В итоге мы додумались протянуть бельевые веревки, на которых вывесили ковры, шторы, занавески и тому подобные вещи, которые закрывали обзор снайперам. Эта нехитрая мера оказалась столь действенной, что мы стали протягивать бельевые веревки по всем направлениям, чтобы они отвлекали внимание противника. После этого мы почувствовали себя в достаточной безопасности и даже стали вывешивать стяги с надписями: «Сражающийся здесь полк СС «Бесслейн» приветствует иванов!» И это стало визитной карточкой полка.

Во время уличных боев нам уже не нужно было беспокоиться из-за огня артиллерии противника. Расстояние между нашими и русскими позициями стало настолько незначительным, что она не могла вести огонь, чтобы не попасть в своих же бойцов. Исход боя теперь решало стрелковое оружие и гранаты. Нам пришлось привыкать к тактике уличных боев. И здесь не могла помочь теоретическая подготовка в Школе ближнего боя, пройденная в Праге или в Клагенфурте. Изученное там не имело никакого отношения к тому, с чем мы на практике столкнулись в Бреслау. На русских равнинах бои шли между большими армиями, которые находились на значительном расстоянии друг от друга. Там было ясно видно, где находятся линии обороны и фронты. И если не считать действий партизан и редких вражеских авианалетов, каждый из нас точно знал, откуда ждать угрозы удара противника.

Однако в крепости Бреслау все было совершенно

иначе. Здесь враг мог скрываться в самом неожиданном месте: за соседней дверью, на противоположной стороне улицы или в доме позади тебя. Иногда мы чувствовали, что русские совсем рядом, но не знали, где именно. Со временем у нас развилось буквально шестое чувство не только на присутствие врага, но и на оружие, из которого он вел по нам огонь. И мы могли определить не только расстояние стрельбы, но даже калибр пуль, пролетавших над нашей головой.

В лабиринте бесчисленных улиц и скверов, аллей и углов русские применяли против нас множество коварных трюков, некоторые из которых совершенно не делали им чести. Мы со временем также перешли к снайперской стрельбе и стали устраивать засады. Незаметно подползая к врагу в городе было даже легче, поскольку развалины и подвалы зданий служили гораздо лучшим прикрытием, чем русские равнины. Улицы Брестлау стали ареной расчетливых, хитрых и жестоких действий. Как выяснилось, наши враги могут дойти даже до того, чтобы использовать знаки Красного Креста для внезапного нападения на нас. А это нарушало и Гагскую, и Женевскую конвенции.

Но не буду голословным. Однажды трое безоружных на вид русских с нарукавными повязками Красного Креста появились с носилками всего в нескольких метрах от нас. Для нас это было вопросом солдатской чести: не открыть огонь по безоружным людям с такими повязками и дать им спокойно забрать своих убитых и раненых. Однако стоило русским подойти ближе к переднему фасаду дома, они выхватили из-под покрывала, лежавших на носилках, ручные гранаты и швырнули их с расстояния всего нескольких метров. Мы не ожидали такого и не среагировали мгновенно. Благодаря этому они успели скрыться.

Сделанное русскими было страшнейшим нарушением солдатской этики. Мы никогда не опускались до такого. Правда, справедливости ради, надо заметить, что это был единственный подобный случай, о котором я слышал в Бреслау.

Тем не менее, в той отчаянной ситуации, в которой мы оказались, у нас не было возможности продолжать воевать, если бы и мы сами не проявляли смекалку. Поскольку нам хотелось уцелеть и бить врага, нам приходилось тоже прибегать к не самым честным методам.

Порою нейтральная территория между нами и русскими оказывалась не шире улицы. Наши инженеры ломали головы, как им устанавливать мины на глазах у русских, не привлекая внимания, да еще так, чтобы враг не смог распознать наличие взрывных устройств. Решение проблемы, как ни странно, нашли солдаты. Они предложили, что мины должны быть замаскированы под кирпичи. Благо, материала для этого у нас было более чем достаточно. Осколки кирпичей в изобилии валялись по всему городу, инженеры обклеивали ими специально переделанные для этого деревянные футляры, в которых находились взрывные устройства. В результате готовая мина внешне была неотличима от обычного кирпича.

Под покровом темноты наши полевые инженеры, не замеченные русскими, подводили к зданиям длинные замаскированные провода, через которые впоследствии осуществлялась детонация. Как только с главной линии сопротивления поступала информация об отступлении наших солдат из определенных районов, полевые инженеры тут же закладывали «мины-кирпичи» в домах, расположенных на передовых позициях этих районов. Тесно взаимодействуя с инженерами, мы

могли быть уверенными, что взрывы нанесут урон домам и тем врагам, которые достигнут их.

Проходило совсем немного времени, и русские действительно занимали эти дома. Наши полевые инженеры, чьи позиции находились всего в двухстах метрах от них, тут же приводили мины в действие. А мы потом сразу запрыгивали в охваченные дымом и огнем дома, чтобы уничтожить русских, еще не пришедших в себя от шока и неожиданности. Иногда в результате подобных операций оказывались уничтоженными целые пятиэтажные здания, выгоравшие целиком. Иногда боевая ситуация складывалась так, что нам приходилось подолгу оставаться и даже спать в уже заминированных домах. Для этого, безусловно, требовались стальные нервы.

Тем не менее несмотря на нашу изобретательность, русские превосходили нас в стратегии ведения войны с помощью разнообразных хитрых уловок. Наличие у них огромной смекалки в этом вопросе стало нам ясно еще во время зимней кампании в России. Уже тогда нам пришлось как-то приспособливаться к подобному. Мы продолжали учиться этому и в Бреслау.

Коммуникация между нашими частями на передовой зачастую присутствовала лишь в форме «возьми у Петера, передай Паулю». Были случаи, когда в сложной ситуации наши бойцы, занимавшие тот или иной участок обороны, могли рассчитывать лишь на себя самих. В этих случаях положение могли спасти лишь их сверхчеловеческие усилия и изобретательность. В подобной ситуации находились и войска, оборонявшие позиции на Аугустасштрассе. Русские знали об этом и были решительно настроены осуществить прорыв на этом участке.

Я со своими бойцами также находился на Аугустас-

штрассе. Но особенно тяжело пришлось нашему товарищу по фамилии Будка, который со своими бойцами занимал соседний дом. Это было огромное здание регионального Института страхования. Хранившийся в нем уголь загорелся, и огонь охватил остальные этажи. Будке и его бойцам пришлось сражаться с русскими не на жизнь, а на смерть в нечеловеческих условиях. Температура в здании постоянно возрастала, доходя до 50—60 градусов. Будке и его отряду приходилось вести бой без рубашек. При этом товарищи постоянно поливали их холодной водой. Несмотря на это, бойцам приходилось сменять друг друга на позициях каждые полчаса. Те из них, кто получал передышку, немедленно покидали здание и спешили к находившемуся поблизости заводу Сельтерских минеральных вод, чтобы не только глотнуть свежего воздуха, но также обдаться холодной водой и принести ее товарищам.

Будка знал, что не может рассчитывать на поступление резервов, но, кроме того, он знал, что, захватив здание, русские достигнут своей цели. Проявленная им и его бойцами сверхчеловеческая стойкость принесла свои плоды. Русские в тот день так и не смогли прорваться на этом участке.

Другой незабываемый военный эпизод произошел с нами в огромной старой школе. Здесь русские преподали нам еще один урок использования стрелкового оружия. Бой шел в коридорах, а затем и на лестницах этого громадного здания. Мы находились на верхних этажах, а враг занимал подвал. В конечном счете нам удалось прорваться и туда. Там мы оказались в крошечной темноте. Было настолько темно, что мы не могли разглядеть даже собственные руки в нескольких сантиметрах от лица. Нам приходилось постоянно окликать друг друга. То же самое делали и русские. Бла-

годаря этому нам было ясно, что они лишь в нескольких десятках метров от нас. И тут русские воспользовались огнеметом. Это оружие действовало на расстоянии до тридцати метров, но его крайне редко применяли внутри помещений. Мы не ожидали подобного, и многие из нас получили ожоги. Схватка превратилась для нас в настоящий ад. Но тем не менее мы смогли уничтожить огнеметчика с помощью панцерфауста. Впоследствии мы уже всегда были готовы к такому.

Как я уже говорил раньше, самопожертвование в Бреслау было присуще не только военным, но и гражданскому населению. Столкнуться с этим довелось и генералу Нихоффу. Однажды к нему пришла молодая уроженка Бреслау, предложившая ему план рискованной операции, исполнительницей которой должна была стать она сама.

Здесь надо сказать, что в пределах крепости мы не могли скрыть от жителей одну проблему, возникшую во многом по нашей вине. При отступлении мы оставили невредимым деревянный мост через небольшую речушку, и это очень сыграло на руку русским. На войне мосты всегда имеют стратегическое значение. Благодаря этому небольшому мосту русские получили возможность доставлять к передовой боеприпасы и провиант в любое время и в необходимых им количествах. Накопив за годы войны огромный опыт, они обороняли этот мост, не оставляя нам решительно никакой возможности для его уничтожения. Даже после того, как мы запросили помощь у 17-й армии, находившейся за пределами крепости, мост остался невредимым. Оба авианалета оказались безуспешными из-за плотного зенитного огня.

Урсула, девятнадцатилетняя телефонистка из Брес-

лау, знала обо всем этом. Она решила, что, будучи молодой девушкой, не вызовет у русских особых подозрений и сможет взорвать мост. С этим предложением Урсула и пришла к генералу Нихоффу. Услышанное взволновало генерала. Его тронула решимость молодой силезской девушки совершить такой шаг ради защиты родного города. Однако он никак не мог позволить ей сделать это. Поэтому Нихофф сказал Урсуле, что ее работа телефонистки также жизненно важна для обороны города и что она должна вернуться к ней.

Всего через четыре дня генерал узнал, что мост взорван и от него остались лишь щепки, плававшие на поверхности воды. Неужели это смогла сделать Урсула, не смирившаяся с тем, что Нихофф не принял ее предложение?

Расследование установило, что мост действительно взорвала она. Урсула смогла найти специалиста по взрывчатым веществам и с помощью женских уловок убедила его, что она сможет освоить все, что должно быть освоено для достижения ее цели. Всего за несколько дней она научилась тому, на что при подготовке полевых инженеров уходят недели, если не месяцы. Ей не пришлось действовать в одиночку. Вместе с нею на западный участок передовой отправились две ее подруги по Союзу немецких девушек. Они подплыли к мосту, прячась под плившим по течению катамараном, в котором и была заложена взрывчатка. Им удалось осуществить задуманное.

Остался ли кто-то из них в живых после этого? Погибли ли все три девушки при взрыве или были убиты русскими, когда пытались вернуться в город? Об их судьбе ничего не известно даже сегодня. Но их подвиг не должен быть забыт.

Другие женщины и девушки, остававшиеся в Брес-

лау, также следовали голосу долга. Многие из них работали на переполненных ранеными пунктах первой медицинской помощи, в военных и гражданских госпиталях. Медсестры и санитарки трудились и днем, и ночью в ужасных условиях, демонстрируя огромное гражданское мужество и самоотверженность. Помимо этого, они проявили также немало изобретательности, когда им пришлось под огнем артиллерии эвакуировать буквально сотни пациентов из зданий больниц, некоторые из которых уже охватывало пламя.

В Бреслау было семь больничных бункеров: три надземных и четыре подземных, а также еще десять госпиталей. В каждом из них по восемнадцать часов в сутки одна за другой шли операции. Поток раненых был бесконечным.

Однажды мне пришлось посетить один из надземных бункеров, разыскивая своего друга, который был ранен в ходе боев на Аугустасштрассе. Это был круглый шестиэтажный бункер на Стригауэр Плац, сделанный из бетона и стали. Изначально это было бомбоубежище для жителей города, но с началом осады это сооружение было переоборудовано под госпиталь, вмещавший 1500 пациентов. Он всегда был полон ранеными, которым врачи и медсестры неизменно оказывали надлежащую помощь.

Вход в этот бастион преграждали две огнеупорные стальные двери. Пройдя через одну из них, я оказался в темном тамбуре, и в кромешной тьме мне пришлось нащупывать вторую дверь. Такое устройство дверей позволяло защитить бункер от проникновения внутрь огня в случае, если снаружи все будет объято пламенем.

Оказавшись внутри, я сразу почувствовал смрад. Воздух был наполнен запахами гноя, крови и острым

сладковатым запахом разлагающейся плоти. Наверх вела узкая круговая лестница. Электрический свет был очень тусклым. В проходах находились крохотные бетонные клетушки, в каждой из которых размещалось по три пациента. Они лежали на раскладушках в почти полной темноте, поскольку свет горел только в проходах. Из темноты доносился бред умирающих, крики, стоны и слабый шепот: «Товарищ, товарищ...» Мне хотелось сбежать из этого ужасного места, но я должен был найти своего друга.

Я обнаружил его в крайне жалком состоянии. Перебинтованный, он лежал на голых досках. Когда мой друг увидел меня, в его глазах появился огонек, и он безмолвно протянул мне руку. Я сделал все, что мог, чтобы утешить его. Говорил ему, что он выкарабкается. Но через три дня мой друг умер от ран.

Для трупов в бункере оставалось очень мало места, и их просто складывали друг на друга на первом этаже неподалеку от лестницы. На вершине этой горы трупов оказался и мой друг.

О судьбе бункера и его раненых после взятия города ходило немало слухов. Они пошли от немецких солдат, которые не хотели сдавать бункер врагу, но в конце концов были вынуждены оставить его, когда сооружение охватило пламя. Мой друг Маркварт Михлер, с которым я дружил еще с тех пор, как мы оба оказались в плену у русских, служил в этом бункере ассистентом военного врача. Он рассказывал мне, что запланированная эвакуация раненых была осуществлена в конце апреля. У меня нет причин сомневаться в его словах, а значит, слухи о том, что наши раненые были оставлены там, далеки от истины.

Жизнь в осажденном городе была полна контрастов. В одном месте люди сражались и умирали, в дру-

гом жили и любили. Линия фронта проходила прямо через город, а потому практически ничто не разделяло солдат и мирных жителей. Смерть равно забирала и тех, и других. В перерывах же между боями каждый солдат мечтал о любви хорошенькой девушки, которая хоть на миг помогла бы ему забыть о кошмаре войны.

Все, кто оставался в крепости, будь то солдаты или мирные жители, теперь приветствовали друг друга фразой: «Будь здоров!» Эти слова произносились с иронией, поскольку мало кто смотрел с оптимизмом на свои перспективы дальнейшего выживания. А когда представлялись редкие возможности хоть что-то урвать от жизни, каждый использовал их по полной и пил вино, пел и общался с девушками. Все спешили хоть немного насладиться жизнью, пока шла война, опасаясь, что с победой русских для них наступит ад на земле.

Мы сами были всего лишь измотанными молодыми людьми. Мы не успели повидать мир, не успели перебеситься. Мы еще толком не жили и не любили. Что мы успели получить от жизни? Неужели последняя страница нашей жизни должна была закончиться столь ранней смертью или бесконечным пленом в ледяной и дикой Сибири? Мы постоянно задавали себе эти вопросы, и нам оставалось только радоваться той жизни, какая была у нас в те дни и говорить себе: «Живи сегодняшним днем, а завтра ты умрешь!» И мы жили именно по этому принципу. В неимоверном напряжении, которое испытывали мы в осажденном городе, нам не оставалось ничего другого.

В середине марта поступил новый приказ, который тут же был приведен в исполнение. Согласно ему, все остававшиеся в городе женщины в возрасте от 16 до 35 лет были мобилизованы в Трудовую службу для помощи военным. Вполне естественно, что это привело к

тесным контактам между бойцами и представительницами прекрасного пола. Многие из них работали в частях снабжения. В основном это были очень молодые девушки. Такие же молодые девушки работали также помощницами на кухнях и санитарками. Последних бойцы с симпатией называли «карболовыми мышками». Несмотря на возраст, эти девушки очень хорошо заботились о раненых, утешали их, и именно перед ними умирающие облегчали свою душу. Их также прозвали «солдатскими невестами». И это вполне понятно, ведь оказавшись вдали от семейного круга, они искали любви, поддержки и ласки молодых мужчин. Среди ада войны эти девушки, как и мы, постоянно рисковали жизнью. У них была одна судьба с защитниками Бреслау. А значит, и в романах, которые завязывались у «крепостных Лолит» с солдатами, не было ничего удивительного и противоестественного.

Будучи священнослужителем, отец Эрнст Хорниг смотрел на ситуацию иначе. Он критиковал происходящее, характеризуя его как «разврат и падение нравов». Он писал, что в городе происходили «оргии, где основными приоритетами были женщины и алкоголь и где над всем господствовала похоть».

Ситуация действительно во многом была парадоксальной. Солдаты были вовлечены в кровавые уличные бои, люди терпели невыносимую боль и страдания в госпиталях Бреслау. И в то же время иногда всего через несколько зданий наши товарищи под популярные мелодии танцевали с девушками. Однако подобное случалось не часто и продолжалось недолго. Зачастую не проходило и часа, как бойцы, только что наслаждавшиеся музыкой и женской красотой, оказывались в гуще кровопролитного боя. Для каждого из них этот бой мог стать последним, и многие на самом деле погибали.

Так или иначе, наша воля к борьбе и дисциплина от общения с женщинами страдали меньше всего в данных условиях. Поэтому, несмотря на то, что это строго запрещалось правилами, действовавшими в пределах крепости, командиры разрешали короткие визиты девушек к бойцам даже на передовые позиции.

Истосковавшиеся по любви девушки приходили к своим избранникам, надев для маскировки длинные армейские шинели. Это было крайне опасно, потому что иваны в любой момент могли начать атаку. Но влюбленные не обращают внимания на такие вещи. Оглядываясь назад, скажу, что солдаты зачастую теряли свою жизнь раньше, чем невинность. Реальность боев в пределах крепости Бреслау была далека от описанной отцом Хорнигом «любви и похоти», скорее она состояла из борьбы и смерти.

Судьбе было угодно распорядиться, чтобы и я сам влюбился в девушку из восточных стран, работавшую в лазарете. Все это привело к очень яркой истории, которая, однако, могла иметь роковой конец.

Точно так же, как иностранные добровольцы сражались в немецкой армии, иностранные добровольцы работали и на гражданских должностях, в том числе медсестрами. Это были люди, приехавшие из северных и западных европейских стран. Кроме того, женщины из Восточной Европы также работали в Германии, но, как правило, уже принудительно.

По чистой случайности я узнал, что в лазарете, находившемся в западной части Бреслау, было две медсестры из Голландии. Придя в восторг от возможности поговорить с кем-то на родном языке, я отправился туда и в результате познакомился не только с ними, но и с работавшей на кухне очень красивой девушкой по имени Таня. Она была русской и попала в Бреслау от-

куда-то из окрестностей Смоленска. До войны Таня была студенткой и довольно хорошо говорила по-немецки. Я стал заходить к ней, когда в боях наступали паузы, привлеченный ее восхитительной внешностью и странной аурой, которую она излучала. У Тани были высокие скулы, говорившие о ее славянском происхождении. Я до сих пор очень хорошо помню, как ее темные кудрявые волосы выглядывали из-под платка на голове. Несмотря на простую одежду, мне она казалась настоящей Венерой. Помимо всего прочего, во мне вызывал теплоту к Тане ее интерес к судьбе моих товарищей на передовой. Если я рассказывал о печальной участи кого-то из моих друзей, погибших на этой безжалостной войне, она всегда выражала живое и душевное сочувствие.

Когда однажды я не увидел Таню на месте, я не мог и не хотел поверить, что ее арестовали как шпиона противника. Неужели Таня могла быть русским агентом? Мои друзья очень настоятельно посоветовали мне не пытаться доказывать ее невиновность. И, к счастью, я последовал их совету. Впоследствии я точно узнал, что она была шпионкой, и, вопреки желанию, мне пришлось признать, сколь опасными могли быть такие отношения. Правда, мое беззаботное поведение проистекало из того, что на нашей стороне сражались украинские солдаты. Я ошибочно полагал, что Таня придерживалась тех же взглядов, что и они. Однако все оказалось совершенно иначе. Прежде чем попасть работать в лазарет, Таня занималась тем, что сообщала своим товарищам в Красной Армии о маршрутах обеспечения и перемещения немецких войск. Она следила за этим из укрытия на чердаке оставленного дома на Штригауэр Плац, выполняя при этом также роль наводчика русской артиллерии.

Конечно, Таню нельзя сравнить с Матой Хари, шпионкой Первой мировой войны, но она была более чем превосходной актрисой. Она расчетливо воспользовалась моей влюбленностью и наивностью. Но куда смотрел я сам? Нас столько раз предупреждали о возможности саботажа и деятельности шпионов. При этом особенно предостерегали против женщин, которые могли быть использованы врагом против нас. И я все-таки угодил в ловушку! С течением времени мне окончательно стало ясно, почему Таня проявляла интерес к судьбе моих товарищей и выражала фальшивое сочувствие. Таким образом она через меня узнавала о ситуации в зоне боев. Слава Богу, что, будучи на относительно невысокой должности, я просто не мог выдать ей важной стратегической информации. Этим я могу успокоить себя. И, несмотря на мое разочарование в Тане, я вынужден отдать должное ее смелости и твердости ее коммунистических убеждений. Занимаясь подобной деятельностью, она рисковала своей жизнью и могла быть казнена, что не противоречило никаким военным законам. Несмотря на все происшедшее, мне было жалко Таню. Однако впоследствии выяснилось, что судьба сохранила ее.

Через много лет после войны одна из женщин, которая также работала в том лазарете, сообщила мне, что видела Таню после падения Бреслау. Моя русская возлюбленная ехала по городу в запряженной лошаадьми повозке, и на ней была униформа лейтенанта Красной Армии с наградами на груди. Мне очень хотелось бы встретиться с Таней снова и спросить ее, как ей удалось сбежать. Или же она была освобождена собратьями по оружию? В любом случае, это было настоящим чудом. Судьба оказалась очень милостивой к ней, по крайней мере, тогда. Что ж, эта история многому меня

научила. С другой стороны, мало кто из немецких солдат может похвастаться столь мирными и счастливыми отношениями с русской шпионкой!

Во время обороны Бреслау с нами не раз происходило то, что может показаться невероятным. Расскажу еще об одном эпизоде, который может показаться фантастическим, но за достоверность которого я ручаюсь. Рыская по подвалам оставленных домов в поисках вина, наши бойцы однажды наткнулись на группу русских солдат, которые были во всеоружии. Впрочем, в подвале, где это произошло, действительно хранилось много вина, и русские пришли туда с той же целью. У иванов, как и у фрицев, оказался одинаково превосходный нюх на спиртное.

И что бы вы думали? Боя не произошло. Вина было много, и солдаты каждой из сторон решили просто взять то, за чем они сюда пришли, не начиная кровопролития. Может ли что-то быть более удивительным?

Однако в подвалы устремлялись не только за горячительным. Именно в подвалах находили защиту от огня русских как мирные жители, так и военные, особенно в моменты, когда они были свободны от своих прямых обязанностей. При этом нужно было выбирать те подвалы, потолки в которых надежно поддерживались деревянными и стальными опорами. Иначе ты рисковал, что при очередном взрыве снаружи потолок обрушится тебе на голову. Прделанные же между подвалами проходы, через которые соединялись целые улицы, позволяли бойцам спастись из здания, если в него врывались превосходящие силы русских. Подвалы стали использоваться таким образом с самого начала осады, и именно в них устремлялись и военные, и мирные жители во время авианалетов.

Тем не менее при перемещениях по подземным

коммуникациям возникали проблемы с ориентацией в пространстве. Тебе всегда требовалось знать, где именно ты находишься и как добраться до места назначения. В противном случае ты мог очень быстро оказаться позади позиций противника и угодить в руки иванам. Эта проблема была своевременно обнаружена, и проходы, ведущие к русским позициям, были временно заделаны, либо же около них был выставлен вооруженный караул.

Подвалы домов, стоявших вдоль передовой, были полностью очищены от их первоначального содержания. Все оно было сложено на заднем дворе. Однако большие толстые крысы, на чью исконную территорию мы вторгались, не покинули своих прежних жилищ. Они перемещались по канализационным трубам, и их было очень много. В подвалах жили сотни крыс! Поэтому когда у нас появлялось хоть немного времени для сна, мы спали, с головой укрывшись покрывалами.

При этом мы старались хоть как-то организовать свой быт и переносили в подвалы из оставленных или разрушенных домов стулья и другую мебель. Единственным источником света в подвале было тусклое пламя свечи. Сидя там, мы редко затевали разговоры, чтобы не разбудить тех, кто дремал. Но именно в подвалах мы, как правило, чистили свое оружие, которое должно было всегда быть наготове, чтобы враг не застал нас врасплох.

Когда на нашем участке наступало затишье, до нас всегда доносился грохот русских пулеметов и минометов из других секторов. Если же огонь велся по нам, мы знали, что, как только он замолкнет, нам сразу придется вступить в ближний бой.

Когда передышка наступала снова, мы в принципе

могли позволить себе подремать несколько часов, но старались не делать этого, поскольку внутренний голос призывал нас к осторожности. Тем не менее нередко усталость все-таки одолевала нас, мы засыпали. При этом успевали увидеть лишь один или два коротких сна. Во сне мы не видели ужасов войны: наше подсознание понимало, что мы должны отдохнуть от них. Нам снились чудесные мирные дни. В те месяцы, когда смерть дышала мне в спину, я видел во сне свое беззаботное детство, когда я гулял среди зеленых лугов нашего польдера. Мои братья, сестры, родители и все Зирикзе проходили передо мной в этих снах. Лишь гораздо позднее, когда остались позади война и плен, мои сны превратились в терзавшие меня много лет кошмары, которые возвращали меня к военным дням.

Во время уличных боев бойцы, находившиеся на передовой, уже не подвергались бомбардировкам с воздуха и огню тяжелой артиллерии. А вот за пределами передовой на нас регулярно сыпались снаряды русских.

Опытные бойцы, закаленные на Восточном фронте, учили новичков:

— Когда артиллерия иванов плюется в нас и снаряды бабахают далеко позади тебя, считай до двадцати. Пусть это будет их двадцатикратным салютом в твою честь! А после этого нужно быть начеку.

— Если ты услышишь, что снаряд со свистом рассекает воздух, немедленно падай на землю. Иначе это может быть твой конец.

— Но уж если снаряд попадет в тебя, не переживай! Он уничтожит не только тебя одного, но и все, и всех, кто будет рядом.

Этот разговор шел о русских «Больших Бертах»¹, снаряды которых имели очень чувствительный детонатор. Благодаря ему снаряды взрывались, едва коснувшись земли, и не делали воронок, а превращали в обломки все, что находилось в радиусе 50 метров. Столь же незавидная участь ждала и солдат, оказавшихся рядом. Эти орудия с крутой траекторией полета снаряда идеально подходили для поражения обширных целей позади линий обороны и полевых позиций. Впрочем, аналогичные орудия были и в немецкой армии.

Все мои товарищи по батальону сохраняли удивительную стойкость, несмотря на тяжелые потери. Встречая моих друзей, Таня всегда удивлялась, видя оптимизм в их глазах. И ей наверняка становилось ясно, почему до сих пор проваливаются все попытки ее друзей из Красной Армии взять город штурмом. Они не сомневались в своей победе, но им никак не удавалось ее достигнуть. Наша униформа цвета фельдграу, возможно, и превратилась в лохмотья, но этого нельзя было сказать о нашем боевом духе. За все время жестокой осады Таня не могла увидеть на лицах моих товарищей и намека на страх. Она не могла не принимать во внимание и то, сколь долго нам удастся удерживать крепость. И, возможно, у русской шпионки были опасения, что, хотя серебряные руны на наших воротниках и поблекли, мы выдержим еще не один штурм.

¹ Изначально название «Большая Берта» (нем. Dicke Bertha, что буквально переводится как «Толстая Берта») носила немецкая короткоствольная 420-миллиметровая осадная мортира L/12 времен Первой мировой войны. В годы Второй мировой войны бойцы обеих сторон нередко называли так несколько моделей больших немецких тяжелых орудий. Как мы видим из данной книги, подобное наименование могло быть применено немецкими солдатами и для обозначения аналогичных артиллерийских орудий противника. — *Прим. пер.*

Крепость находилась в кольце осады уже несколько недель, но так и не была сдана врагу. Об огромных потерях со стороны русских и «фанатичной борьбе отважных защитников Бреслау» писали не только немецкие, но и нейтральные иностранные газеты. Они регулярно сообщали читателям об «упорном сопротивлении в Силезии». Так, в «Стокгольмских новостях» 22 марта 1945 года было напечатано следующее: «Трудно представить, как защитники крепости обеспечивают себя едой, водой и боеприпасами. За всю войну не было другого примера, сравнимого с этой драматичной и фантастической борьбой характеров, в которой брошен вызов смерти... Русские заплатили высокую и горькую цену за успех, который на этом этапе может быть назван лишь минимальным. Потери среди их бойцов невероятно огромны».

С каждым днем мы делали все более трудным продвижение русских, и они начали совершать тактические ошибки, которые давали нам значительные преимущества. Даже генерал Нихофф начал ломать голову, удивляясь действиям командующего 6-й русской армией, осаждавшей город. В своей статье, напечатанной 5 февраля 1956 года, Нихофф отмечал, что он так до сих пор и не понял, почему генерал-майор Владимир Глуздовский всегда атаковал только с юга, в то время как было ясно видно, что одновременной атакой с запада и с севера он мог легко прорвать кольцо обороны Бреслау.

Кроме того, русские радиосообщения зачастую не шифровались. Наши специалисты перехватывали их, переводили, и армейское руководство города в результате получало массу полезной информации, что давало нам еще одно преимущество.

Будучи простыми солдатами, мы также замечали многочисленные ошибки в поведении врага, из-за ко-

торых его атаки не становились для нас неожиданно-стью. Так, мы всегда узнавали о том, что они готовятся к штурму, видя, как на передовой начинают собираться скопления русских. При этом они все делали спешно и шумно, в организации их боевой зоны был полнейший хаос. До нас начинало доноситься ржание их косматых степных коней. Русские использовали этих животных для перемещения противотанковых орудий. И тут уж мы могли не сомневаться в том, что именно последует дальше.

Как говорится, предупрежден — значит, вооружен. В этом мы успели убедиться еще на Одере. И одно это преимущество компенсировало многие недостатки нашей собственной обороны.

Глава семнадцатая

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

С наступлением Пасхи от холодной зимней погоды не осталось и следа. Слой снега, покрывавший руины города, почернел. В осажденном Бреслау в течение нескольких последних дней было неожиданно тихо. Казалось, мать-природа заставила войну остановиться. Но у нас были дурные предчувствия. Мы опасались, что это затишье перед бурей.

Красной Армии пришлось признать, что Бреслау оказалось невозможно взять «между делом» по пути на Берлин. Осада продолжалась слишком долго и на многие недели приковала к городу целую армию русских. Атмосфера во дворце германского наследного принца в городе Эльсе, где находился штаб русского командующего, была предельно накалена. Сталин потребовал немедленно взять Бреслау. Ответственным за «решающую битву» был назначен маршал Конев.

В который раз в городе стали слышны громкоговорители, обещавшие жителям Бреслау тяжелые бомбардировки в пасхальную неделю. Ходили слухи, что Бреслау должен был стать пасхальным подарком для русского главнокомандования. Местные жители были полны тревоги. Наши секретные службы и разведка докладывали об огромном скоплении войск на западе. Эти данные давали немецкому Генеральному штабу более чем ясную картину того, что произойдет в ближайшее время, и подтверждали худшие опасения генерала Нихоффа.

С запада Бреслау оборонял подполковник Мор и его батальон. В течение нескольких дней они наблюдали за скоплением русских войск. В его сектор были срочно вызваны два парашютных батальона. Они были помещены позади линии фронта в качестве резерва. В случае неожиданного прорыва в этом секторе парашютисты должны были принять удар на себя и остановить продвижение врага к центру города.

В пасхальную субботу в Бреслау была зловещая тишина, наполненная напряженным ожиданием, которое продолжалось до шести часов вечера. Ровно в это время русские ударили по городу силами артиллерии и авиации. С атакой подобной силы генерал Нихофф прежде сталкивался лишь в Вердене во время Первой мировой войны и во время Второй мировой на Барановском плацдарме. Я с уверенностью могу сказать, что ни один из нас, от рядового до коменданта гарнизона, в течение всей жизни не смог забыть ту Пасху в Бреслау, когда нам пришлось быть на ногах и не снимать с себя полевой формы сорок восемь часов подряд.

Советская артиллерия сокрушала здания одно за другим своими 280-миллиметровыми снарядами. Одновременно с этим эскадрильи самолетов ливнем сы-

пали бомбы на город, который и без того уже был в огне. Вдруг перед нами мелькнула надежда. Мы увидели немецкие бомбардировщики, на хвостах которых была ясно видна свастика. Но они тоже начали ковровое бомбометание по нам. Эти машины были захвачены русскими, точно так же, как и эшелоны, нагруженные немецкими бомбами. Бомбы бесконечным дождем падали на Бреслау. Все, кому удавалось уцелеть, были покрыты сажей и копотью.

Жители других больших немецких городов также становились свидетелями того, как в их городах ночь за ночью целые жилые районы исчезали в огне. Однако это несравнимо с тем, что пережили люди в Бреслау, где огненный ураган охватил весь город сразу. Вместе с массированными бомбардировками с воздуха одновременно по крепости вела огонь тяжелая артиллерия, минометы и «органы Сталина» (т.е. «Катюши»).

Мы уже не чувствовали заранее приближение врага. В грохоте, стоявшем вокруг, нам уже не удавалось уловить на слух перемещения вражеских отрядов ближнего боя. Мы не могли оценить, как далеко они продвинулись в глубь города. В любую минуту перед нами мог выпрыгнуть из подвала стрелявший без разбора иван. Русские вошли в город, превосходя нас в численности примерно в десять раз. У нас же были роты, которые состояли всего из 25 бойцов. Наш полк к тому времени сократился до 70 процентов от своей исходной численности.

В районе Западного парка и Института помощи слепым русские отряды ближнего боя были особенно сильны и сражались при поддержке снайперов. Наши пулеметчики без жалости обрушили свой огонь на атакующих. Некоторые из них пали лиць в нескольких метрах от наших позиций. Мы бросали в русских свои

последние ручные гранаты, чтобы получить в ответ град советских гранат. У гавани мощная группа советских гвардейцев оттеснила в воду дюжину или больше немецких солдат.

Сражаясь с мужеством отчаяния, мы постепенно отходили к Институту помощи слепым, вокруг которого сгруппировались парашютисты-десантники. Они отбивали атаки наступавшей советской пехоты. Там без остановки стрекотали пулеметы, заглушая грубые крики «Урр-ра!» Мы получили приказ контратаковать. Я был убежден, что не выживу в том аду, который меня ждет. Первым в наших рядах погиб командир взвода. У нас не осталось иного выбора, кроме как оставить попытки совершить контратаку и медленно отступать под натиском превосходящих сил врага. Отступая метр за метром в облаках едкого дыма, мы спотыкались о груды камней. К нашему удивлению, русские не попытались преследовать нас. Лишь отдельные пули уже на излете ударялись о наши каски, не причиняя нам вреда.

В очередной раз мы выжили. Я остался цел, я чудом спасся. И только теперь я заметил, что вокруг не осталось ни одного уцелевшего каменного здания. А ведь до этих пор война щадила дома, находившиеся в этом районе. Я смотрел на скелеты домов, крыши и балки которых были охвачены огнем. Дерево трещало в пламени. На ветру со скрипом раскачивалась туда-сюда дверь магазина. Везде вокруг были копоть и пепел. Но, что удивительно, среди руин гордо возвышалось не тронутое войной цветущее дерево. В те дни деревья еще только начинали зацветать, но это, как ни странно, цело уже в полную силу.

Над Бреслау висела дымовая завеса в форме гриба. Она была видна даже с Зобтена, горы, находившейся к юго-западу от города. Каждый, кто видел этот дым и

горящий, как факел, город, мог подумать, что Бреслау пришел конец. Тем более что пожар был виден даже у границ Судетских гор. Однако борьба еще не закончилась.

В пасхальное воскресенье ночь, казалось, не собиралась уходить из города. Рассветные лучи не могли пробиться через стену дыма, закрывшего землю. В шесть часов утра снова загрохотала советская артиллерия. Она продолжала обстрел Бреслау в течение шести часов. То, что происходило днем раньше, снова повторялось. Еще один весенний день наполнился смертью, сыпавшейся с неба. Советские бомбардировщики систематически бомбили то, что осталось от населенных районов, метр за метром. В промежутках между авианалетами можно было услышать, как в тех же районах разрывались артиллерийские снаряды и завывал «орган Сталина». Все это смертоносное оружие стирало Бреслау с лица земли.

Единственный трамвай, который до последней минуты все еще мог ходить от кольцевой дороги до Рихтхофен Плац, был на куски разорван взрывом. Более того, именно в святое пасхальное воскресенье Церковь Марии на Песчаном острове получила прямое попадание первой из церквей Бреслау. Вскоре за этим последовал удар и по Кафедральному собору, который возвышался над городом со своими парными башнями. Теперь они горели, как две гигантские свечи.

Около полудня советские бомбы и снаряды начали вспахивать землю вокруг наших позиций. Русские танки уже стояли напротив командного пункта командующего нашим сектором фронта. Враги сбрасывали с самолетов на нас листовки и предупреждали по радио, что нам лучше сдаться, потому что город все равно будет взят.

Пасхальный понедельник также стал черным понедельником в истории Бреслау. Авианалеты начались в восемь часов утра и без перерыва продолжались весь день. Словно лесной пожар, огонь распространялся от здания к зданию, многие из которых были памятниками архитектуры. Но огонь не щадил ничего на своем пути. В Ноймаркте не осталось ни одного дома, который не был превращен в руины. На месте Музея Искусства была груда камней. В Ботаническом саду в Лихтерлохе пищу огню дали не только хвойные деревья, но и бункер, в котором хранились боеприпасы.

Везде, куда ни падал взгляд, были руины. Но, подобно цветущему дереву, о котором я рассказывал, городская ратуша, являвшаяся символом Бреслау, продолжала оставаться невредимой. Построенное в поздний готический период, это здание, казалось, призывало нас к стойкости. Мы должны были сражаться до последнего, потому что Бреслау всегда был одним из немецких центров. И этот город всегда останется немецким, какие бы чужеземные народы ни жили за его стенами.

Тем не менее к концу понедельника Бреслау представлял собой печальное зрелище. Город был превращен в руины. Красивейшая набережная на берегу Одера превратилась в лабиринт из траншей. Везде, куда ни падал взгляд, от Гнайзенплац до Лехмана, были руины, лишь призрачно напоминавшие о том, что находилось там прежде. Так, было полностью сожжено здание городской средней школы. Восхитительный фасад Оберландского суда был изуродован тяжелыми артиллерийскими снарядами, как и одно из университетских зданий. Барочный фасад Церкви Елизаветы был оцарапан шрапнелью, но здание продолжало гордо возвышаться. А вот Варфоломеевская церковь была опусто-

шена бомбой, взорвавшейся внутри. Именно в этой церкви находились захоронения монахинь из различных орденов. Выставочные павильоны также были разрушены. Только «Столетний павильон» со своим гигантским куполом остался стоять почти невредимым. Он был крупнейшим во всей Германии. В его стенах могло разместиться целых десять тысяч человек.

На улицах города в воздухе стоял сильный и невыносимый запах. Он исходил из поврежденных канализационных труб и смешивался со смрадом от разлагающихся человеческих тел. И с этим было ничего не поделать. В городе даже не было достаточного количества сантехников, чтобы починить все поврежденные трубы, и достаточного количества могильщиков, чтобы похоронить тысячи убитых. В результате покойники просто оставались на улицах. Госпитали также были переполнены. Раненые лежали на носилках везде, где позволяло место, в том числе в подвалах, в бункерах и даже на открытом воздухе под огнем противника.

Когда нас сменили на позициях у Института помощи слепым, удаляясь от линии боев, я забрел в подвал. Он был наполнен мирными жителями, в основном стариками и матерями, к которым жались напуганные дети. Все они сидели очень тесно друг к другу на досках, лежавших вдоль подвальных стен. На их лицах застыл страх. Подвал находился под большим домом, и его потолок, как обычно, поддерживался деревянными столбами. За порядок в подвале отвечал старик в немецкой униформе железнодорожного рабочего.

Моя собственная униформа «фронтальной свиньи» сразу пробудила внимание и доверие ко мне людей, находившихся в подвале. Меня буквально забросали вопросами. По моей грязной, изорванной одежде, измазанной сажей и пеплом, было видно, что я только что

покинул зону боев. Поэтому вполне естественно, что у меня спрашивали, как далеко продвинулись русские.

С каждым взрывом весь дом, а вместе с ним и наш подвал, качался и вздрагивал. Стоял оглушительный грохот. Через некоторое время мы все стали похожими на привидений, обсыпанные побелкой с потолка и стен. Электричества в подвале не было. Наше убежище освещалось одной-единственной свечой, которая периодически гасла из-за воздушных потоков, возникавших при взрывах. Бомбы падали все ближе и ближе к нашему дому.

Я был единственным солдатом в подвале, и мне приходилось скрывать свои чувства. Я не привык пережидать авианалеты в столь замкнутом пространстве. Тем более, эта бомбардировка была такой сильной, что мне прежде не приходилось переживать ничего подобного даже на главной линии обороны. Там я, по крайней мере, был с оружием в руках и от меня требовалось немедленно действовать. А здесь мне оставалось только ждать и стараться спрятать свой страх. Чтобы отвлечься, я стал разносить людям, сидевшим в разных концах подвала, куски традиционных пасхальных куличей с маком, которыми они угощали друг друга. Хозяйки испекли их, чтобы праздновать Пасху. При виде куличей на лицах у многих появились слабые улыбки, но их глаза оставались наполненными смятением и испугом.

Мне хотелось как можно скорее покинуть подвал с его удушливой атмосферой, но я не мог этого сделать, поскольку по-прежнему все так же отчетливо был слышен свист падающих бомб и грохот взрывов. Затишье никак не наступало. Неожиданно и спонтанно находившиеся в подвале начали громко молиться:

— Святая Мария, Матерь Божья, молись за нас грешных ныне и в час смерти нашей!..

Затем у кого-то из людей сдали нервы, и раздался крик:

— Придержите языки!

Воздух в подвале был наполнен строительной и меловой пылью. К этому примешивался острый смрад от взрывов, проникавший через вентиляционные отверстия. В результате дышать было практически нечем.

Наконец, я понял, что бомбардировка закончилась. Но поблизости все еще кружило несколько летевших на низкой высоте советских самолетов со стрелявшими во все стороны пулеметчиками. Через некоторое время я решился выглянуть наружу. Передо мною предстал умирающий город, в нескончаемой агонии дожидавшийся новой бомбардировки. Русские летчики чувствовали себя, как дома, в небе над Бреслау. В городе больше не было зенитных орудий и истребительной авиации. Трудно сказать точно, как долго продолжалась эта бомбардировка. Но, так или иначе, уже наступили сумерки. Однако из-за бушевавших пожаров было светло, почти как днем.

По пути назад в часть меня не покидало ощущение, что Бреслау превратился в одну гигантскую раскаленную кузницу. Даже идти я мог лишь по центру дороги. Языки пламени облизывали дома по обеим ее сторонам. Из-за этого мне постоянно приходилось делать зигзаги. Один из домов неожиданно обрушился прямо передо мной. Дорогу и меня самого тут же накрыло гигантское облако пыли. Во все стороны полетели мелкие камни, некоторые из которых упали на другой стороне улицы.

Через несколько часов на высокой церковной колокольне зазвонил колокол. Но это не было обычным пас-

хальным ритуалом, ибо в действие колокол привели вовсе не звонари, а потоки горячего воздуха, порожденные охватившим город пожаром. Этот звон не вещал счастливую Пасху, а был погребальным звоном.

Пожар не переставал бушевать, поскольку ветер раздувал его через выбитые окна домов, словно гигантскими кузнечными мехами. Искры и угольки поднимались вверх потоками раскаленного воздуха и оседали на крышах, становясь источником новых пожаров.

«Решающей битве» маршала Конева, казалось, не будет конца. Всю ночь мы слышали знакомый рев моторов «швейных машинок»¹, который невозможно спутать ни с чем другим. Кто сможет забыть эти русские бипланы? Они тоже внесли свой вклад в разрушение города и кружили над горящим Бреслау, сбрасывая новые бомбы и ведя пулеметный огонь трассирующими пулями. Русские хотели быть уверены, что силезская столица не встанет с колен.

На следующий день, 3 апреля, в боях за Бреслау наступило мрачное затишье. Воздух был наполнен гарью, часть зданий все еще продолжала гореть. И вдруг пошел дождь. После взрывов и пожаров Мать Природа начала решительно настаивать на своем. То там, то здесь из омытой дождем земли пробивались нетронутые войной тюльпаны и гиацинты, возвещавшие весну. Они цвели рядом с почерневшими, выгоревшими форситиями.

На рассвете как солдаты, так и мирные жители, вооружившись лопатами, граблями и тому подобными инструментами, приступили к работе, возбужденно ища

¹ Как уже отмечалось ранее, так в немецкой армии с опрометчивым пренебрежением за характерный стрекочущий звук двигателя прозвали самолет У-2, переименованный после смерти его создателя Н.Н.Поликарпова в По-2. — *Прим. пер.*

под обломками живых и мертвых. Трупы заворачивали в покрывала, в шторы и даже в коричневую оберточную бумагу без церемоний и вне зависимости от того, кто это был: мужчина или женщина, офицер или рядовой. Некоторых даже заворачивали в флаги, если под рукой не было ничего другого подходящего.

Толпы жителей, уцелевших в перенесенном ими аду, сновали по городу в поисках новой крыши над головой. Некоторые из них на развалинах домов своих друзей или родственников натывались на нацарапанные мелом на камнях записки о том, что те живы, и общавшие, где их теперь можно найти. Это приводило изнуренных людей в восторг, но случалось не слишком часто.

Мы спрашивали себя, почему русское Верховное командование применило такую тактику при штурме Бреслау? Ответ был прост. Город должен был стать примером для западных союзников. Примером того, что если русская пехота и танки не могут где-то достигнуть необходимого результата, то русская авиация все равно достигнет его с помощью ковровых бомбардировок. Бреслау должен был быть стерт с лица земли. Красная Армия отрезала пути спасения из Бреслау. Из города не мог сбежать ни человек, ни мышь. Именно это и было нужно русскому Верховному командованию. Уничтожить всех, кто был в городе, до последнего человека!

Русские заняли часть центра города. Но даже с сибирскими гвардейцами и огромным количеством отделений монгольских автоматчиков они не смогли сломить последних немецких защитников Бреслау. Решающая битва все еще не была окончена. Генерал Нихофф отмечал позднее, что два батальона полка СС «Бесслейн» заставили врага понести тяжёлые потери, благодаря их отличной войсковой подготовке и, преж-

де всего, благодаря непоколебимой стойкости при отражении атак противника в пасхальные дни. Говоря об этом, генерал назвал и имена командиров тех батальонов. Это были капитаны Рогэ и Цицман, тот самый Цицман, связным которого я был в начале боев. Он был ранен во время русского штурма, пришедшегося на дни Пасхи.

Так или иначе, судьбе было угодно, чтобы неизбежный конец города был отсрочен. Это произошло благодаря тому, что один из советских офицеров слишком сильно поверил в свою удачу и, как говорят русские, полез на рожон. В результате его танк был захвачен вместе с ним самим. После этого в наших руках оказалась секретная карта русских, на которой территория города была разделена на сектора, обозначенные цифрами и буквами алфавита. С помощью этой карты специалисты, занимавшиеся радиоперехватом, всегда могли определить, в каких секторах будут проходить новые атаки русских. Услышав, что передовые отряды русских «продвинулись в сектора ХЗ и Б5», наши связисты тут же смотрели в карту и понимали, где именно находятся войска противника.

Эта информация оказалась крайне полезной для командующего гарнизоном крепости. Благодаря ей генерал Нихофф мог вовремя принять контрмеры, на которые у нас оставалось вполне достаточно времени. Захваченная карта была самым большим подарком судьбы, доставшимся нам в те дни.

Вполне естественно, что в военных операциях мы также пользовались кодовыми именами. Но мы их постоянно меняли, поскольку знали, что русские столь же исправно занимаются радиоперехватом. Нередко мы использовали ботанические названия или профессиональные термины и наименования. Так, старшего сер-

жанта мы называли «художником», а командира полка «господин 22-й». Районы Бреслау получили у нас экзотические и тропические имена, никак не связанные со зданиями, которые там находились. Городское управление мы называли газовым заводом, детский сад — крематорием и т.п. Раненых мы именовали мулатами, а убитых — индейцами. Надо сказать, что рост количества и тех, и других создавал огромные неудобства для немецких официальных лиц, оперировавших информацией, поступавшей с фронта, и стремившихся представить боевую ситуацию в более приглядном свете. Как мне признался впоследствии один из этих людей, все они тогда работали, руководствуясь установкой: «Пусть даже мы и проиграем войну в действительности, но на бумаге мы должны выиграть ее!»

Каждый из учившихся в школе жителей города знал о предсказании: «Когда воды Одера превратятся в кровь, будет близок конец Бреслау». Теперь течение Одера приобрело багровый оттенок, наполненное кровью огромного количества людей, сражавшихся в те дни в Бреслау. Однако маршалу Коневу пришлось прождать еще некоторое время, прежде чем он, взяв город, смог отвести от стен Бреслау свою армию. Пришлось ждать до конца апреля и несколько майских дней.

Между тем, после жестокой бомбардировки осажденного города в пасхальные дни генерал Глуздовский на своем командном пункте не ожидал стойкости со стороны солдат, защищавших Бреслау, и жителей силезской столицы. Несколько следующих дней были непривычно тихими, как будто русские хотели дать нам время, чтобы мы осознали плачевность своего положения. Нам было неизвестно, что у русских была и другая очень веская причина для этого. После пасхального

штурма войска 6-й советской армии и 1-го Украинского фронта были столь изнурены и понесли столь высокие потери, что им требовалось время для переформирования.

Несмотря на затишье, наше командование не могло позволить себе даже помыслить об отдыхе. Слишком многое нужно было сделать, продумать и организовать. У нас были огромные потери среди военных и гражданского населения. Но, помимо этого, нам теперь крайне не хватало боеприпасов. Дошло до того, что наша артиллерия получила приказ вести огонь только в чрезвычайных ситуациях. По той же причине наш легендарный бронепоезд, созданный рабочими «ФАМО», мог использоваться лишь эпизодически.

Был и еще один крайне болезненный момент. У каждого разный порог устойчивости к боли и нервному напряжению. Поэтому многие из наших бойцов решили встать на другую сторону. Они дезертировали. Дезертиры выдали советским войскам местонахождение командного пункта генерала Нихоффа в Либихсхехе, и он незамедлительно попал под продолжительный обстрел артиллерии и бомбардировки авиации. Под непрекращающимся огнем окутанный дымом КП генерала напоминал дремлющий, но дымящийся вулкан и был виден за несколько километров. Но даже когда командный пункт Нихоффа 14 апреля был перенесен в подвалы Городской университетской библиотеки, русские узнали об этом уже на следующие сутки. Определенно, им в этом помогли такие же Тани, как моя русская красавица, оставшиеся в стенах крепости. Кроме того, русские забрасывали в город группы участников Сопротивления, чтобы они сформировали очаги оппозиции и раздували среди солдат пламя мятежа. Возможно, планировалось даже убийство генерала Ни-

хоффа. Тем не менее подозреваемые в подобной деятельности были найдены и арестованы. Их судьбу решил военный трибунал.

В те же дни в Бреслау нам довелось столкнуться и с немцами, сражавшимися против немцев. Это был горький опыт. Наши бывшие товарищи смогли пойти воевать против своих же соотечественников, взяв в руки русское оружие. Их поведение разительно контрастировало с самопожертвованием наших бойцов, оставшихся в строю.

2 мая восемьдесят человек из так называемого Национального комитета «Свободная Германия»¹ в немецкой униформе вошли в восточную часть Бреслау. Однако их задание завершилось, не успев начаться. Хотя им и удалось захватить врасплох часовых, дежуривших возле командного пункта батальона, но бойцы войск СС сразу распознали их хитрость. В результате бывший лейтенант Вайт и входившие в его отряд дезертиры были арестованы и расстреляны.

Этот случай не был единичным. Даже группа бывших украинских бойцов СС попытала свою удачу подобным образом. Правда, им удалось спастись бегством.

После войны легионеры немецкие перебежчики на сторону Красной Армии получили хороший урок от коммунистов. Московское радио сначала объявило о роспуске Национального комитета «Свободная Германия», а потом что дезертирство Паулюса и Зайдлица было не более чем «военной пропагандой», чтобы дискредитировать их. Происшедшее привело тех, кто де-

¹ Немецкая антифашистская организация, созданная летом 1943 года в г. Красногорске, под Москвой, объединявшая военнопленных, немецких политэмигрантов и коммунистов, работавших в Коминтерне. — *Прим. пер.*

зertifировал, следуя примеру этих двух генералов, которые для столь многих бойцов были образцом немецкого солдата, к осознанию того, что сделанный ими шаг оказался совершенно бесполезным.

Кем же были Паулюс и Зайдлиц? И что представлял из себя Национальный комитет «Свободная Германия»?

Начну с Фридриха Паулюса. Он начал свою карьеру в пехотном полку. В Первую мировую войну воевал на Западном фронте и дослужился до капитана. До 1933 года служил на разных военных постах, после чего начался его стремительный карьерный рост. В феврале 1938 года полковник Паулюс был назначен начальником штаба 16-го моторизованного корпуса, в мае 1939-го — повышен в звании до генерал-майора и назначен начальником штаба 10-й армии. В начале 1942 года, во время зимнего кризиса на Восточном фронте, Паулюс стал командующим 6-й армией, но в январе 1943-го попал в плен к русским.

Его военная карьера развивалась блестяще вплоть до осады Сталинграда, где в силу разных обстоятельств ситуация сложилась так, что Паулюс не смог с ней справиться. Будучи фельдмаршалом, он вступил в уже существовавший к тому времени комитет «Свободная Германия», когда находился в офицерском лагере для военнопленных в Лунево. И здесь встает естественный вопрос: почему?

Некоторый свет на это проливают вышедшие после смерти Паулюса мемуары Вальтера фон Зайдлица-Курцбаха, известного как «сталинградский генерал». Споры о том, кем был этот человек, не утихают и по сей день. Был ли он изменником или же, наоборот, патриотом, который предвидел поражение Германии и «сменил лошадей на переправе», чтобы участвовать в Сопротивлении и повлиять на участь своей страны?

Подобно Фридриху Паулюсу, Зайдлиц сделал блестящую военную карьеру. Он стал 54-м военным, получившим от Гитлера Дубовые Листья к Рыцарскому Кресту. Во время войны с Францией он участвовал в прорыве «линии Мажино». В феврале 1942 года, действуя по приказу Гитлера, он спас 100 000 немецких солдат, попавших в окружение под Демянском. В Сталинграде Зайдлиц был уже генералом артиллерии и командовал 51-м корпусом 6-й армии Паулюса. Зайдлиц также оказался в плену у русских. Следующие после этого четыре месяца он провел в офицерском лагере для военнопленных в городе Красногорске, что под Москвой. Надо сказать, что оба генерала содержались изолированно друг от друга, но при этом в довольно комфортных условиях в отдельных помещениях. В конце июня Зайдлиц и Паулюс были перемещены в Войково.

По инициативе русских властей и немецких эмигрантов на учредительной конференции, проходившей 12—13 июля 1943 года, был создан Национальный комитет «Свободная Германия». Сталин рассчитывал использовать его как пропагандистский инструмент. В его состав первоначально вошли 38 человек: 12 офицеров, 13 военных из рядового и сержантского состава, а также 13 эмигрантов. Президентом комитета был избран немецкий поэт-эмигрант Эрих Вайнерт. Зайдлиц узнал о создании этой организации из русской газеты «Известия». Статьи из нее специально переводились русскими для тех военнопленных, кого они по тем или иным причинам хотели склонить на свою сторону.

Изначально в комитете не было ни одного офицера чином выше майора. Для придания авторитета организации в нее попытались вовлечь немецких генералов. Однако генералы сразу ответили отказом. Тогда 19 августа Зайдлиц вместе с генералами Корфесом и Вуль-

цем был перемещен в тот же лагерь, где находился Паулюс. В этом лагере на тот момент находилось около 70 военнопленных в званиях от офицера до лейтенанта, большинство из которых сражалось в Сталинграде.

Было ли это случайным совпадением? Или же там специально собрали соответствующим образом настроенных офицеров, воевавших в Сталинграде, чтобы повлиять на настроения генералов? В любом случае нельзя сказать, что семена советской пропаганды упали на полностью пересохшую почву. Многие оказавшиеся в лагере были выходцами из аристократических семей, имели долгую военную карьеру и вследствие этого привыкли находиться на командных должностях и быть близкими к правящим кругам. Одним из таких был и Зайдлиц. Участие в учрежденной советскими властями организации, казалось, давало им подобную возможность. При этом, наверное, некоторые из них понимали, что конец войны близок и она проиграна Германией. Другие, возможно, просто хотели положить конец войне, в которой каждый день гибли сотни, а то и тысячи людей. Так или иначе, большинство офицеров отказались войти непосредственно в Национальный комитет «Свободная Германия», но они согласились стать членами отдельной офицерской организации.

«Союз немецких офицеров» был основан 11—12 сентября. В него вошли 94 офицера, среди которых были генералы фон Даниэльс, Корфес и Латтман. Зайдлиц был избран председателем организации. Целью союза было побудить как можно больше солдат, по-прежнему хранивших верность присяге, перестать сражаться на стороне Гитлера. Иными словами, эта организация должна была провоцировать дезертирства.

Паулюс долгое время отказывался вступать в «Союз немецких офицеров», хотя изначально советские власти стремились именно его сделать председателем этой организации. Тем не менее в августе 1944-го Паулюс согласился выступить против Гитлера с призывом к немецкой армии. Вскоре после этого он вступил в союз.

На 70-летие Сталина Паулюс подготовил поздравительное письмо, в котором называл его «великодушным другом немецкого народа» и благодарил от имени немецких военнопленных за хорошее обращение с ними. Зайдлиц отказался подписывать это письмо, заявив, что Паулюс не имеет права писать от лица всех военнопленных, поскольку не знает, каково в действительности обращение с ними в советских лагерях. Возможно, именно этим он и подписал себе смертный приговор.

Так или иначе, в 1950-м Зайдлиц был помещен в Бутырскую тюрьму. Вскоре после этого на закрытом судебном заседании военного трибунала его приговорили к 25 годам тюремного заключения. Услышав приговор, генерал сказал, что лучше бы его застрелили на месте. На это русские ответили ему: «Так поступают только эсэсовцы».

После того, как в сентябре 1955 года Москву посетил канцлер ФРГ Конрад Аденауэр, Зайдлиц был освобожден уже 4 октября. После этого он оказался в городе Фридланде в фильтрационном лагере для освобожденных из русского плена. Там его ждала жена. У них было четверо дочерей. Однако под давлением со стороны бывших нацистов жена через некоторое время оставила Зайдлица. Его прежние друзья и товарищи также отказались поддерживать с ним какие-либо отношения. Живя в уединении в Бремен-Хорне, Зайдлиц

оставался безмолвным относительно мотивов своего перехода на советскую сторону вплоть до самой своей смерти, которая случилась в 1976 году. Однако он оставил после себя мемуары. Генерал не хотел публиковать их при своей жизни, но потом они увидели свет.

В довершение рассказа о Зайдлице добавлю, что он был потомком знаменитого генерала Вильгельма Фридриха фон Зайдлица, командующего конницей Фридриха Великого во времена Семилетней войны. Вальтер фон Зайдлиц был потомственным военным, знавшим цену солдатской клятвы о верности стране и правителю. При этом он заявлял в своих мемуарах, что его присяга стала напрасной клятвой в верности и повиновении перед «преступником» (так он называет Гитлера). Он пришел к твердой убежденности в этом после Сталинградской битвы. Но кто знает, считал ли бы он так или иначе, если бы ему удалось избежать плена?

Разительно контрастировали с изменниками, перешедшими на сторону врага, те стойкие и патриотичные немецкие бойцы, которые, даже будучи в плену, находили способы помочь своим братьям по оружию. При нашем недостатке боеприпасов мы постоянно собирали неразорвавшиеся русские снаряды и бомбы, чтобы приспособить их для собственных нужд. И здесь мы столкнулись с загадкой. Многие из бомб и снарядов вместо необходимого взрывчатого вещества почему-то были наполнены песком. Причина этого некоторое время оставалась нам неизвестной, пока однажды мы не нашли в песке клочок бумаги, на котором было написано беглым почерком: «Товарищи, это все, что мы можем сделать». Теперь нам стало ясно: работавшие на русских военных заводах немецкие военнопленные, как могли, делали непригодными для использования производимые ими снаряды и бомбы. Где-то среди

бескрайних русских равнин были немецкие герои, которые, даже оставшись практически бессильными что-либо сделать, нашли способ помогать борьбе Германии и рисковали своими жизнями ради продолжавших сражаться товарищей.

Между тем, русские в полную силу развернули психологический террор и пропаганду, стремясь подстегнуть к дезертирству защитников Бреслау. наших бойцов, как всегда, пытались заманить обещаниями обильной еды и развлечений с девушками. Однако даже в те дни и того, и другого было в достатке в пределах стен крепости. Понимая это, русские начали забрасывать нас листовками, в которых гарантировали жизнь даже сдавшимся эсэсовцам из полка «Бесслейн».

В противовес этому в Бреслау стали распространяться слухи о том, что скоро в нашем распоряжении окажется «чудо-оружие», такое как «Фау-2»¹ и «Фау-3» FV-3 — *многокамерное артиллерийское орудие, разработанное главным инженером заводов фирмы «Рехлинг» Августом Кондерсом. Являлось одним из проектов тяжелого «оружия возмездия». Орудие использовало стреловидный оперенный снаряд весом до 140 кг и длиной до 3250 мм, дальность полета которого по расчетам достигала 165 км. Проект «Фау-3» был лишь частично воплощен до поражения гитлеровской Германии. В конце войны одно из орудий было захвачено союзниками и вывезено для изучения в США. — Прим. пер., а также новые турбореактивные сверхзвуковые*

¹ V-2 (Vergeltungswaffe-2 — оружие возмездия) — одноступенчатая баллистическая ракета, разработанная немецким конструктором Вернером фон Брауном. Применялась Германией в конце Второй мировой войны для поражения городов и крупных объектов на территории Великобритании и Бельгии. После войны послужила прототипом для разработки первых баллистических ракет в Советском Союзе, США и других странах. — Прим. пер.

самолеты, которые превратят бомбардировщики союзников в груды бесполезного металла. Согласно слухам, нам требовалось подождать всего несколько недель, и это оружие сможет быть применено против врага. Возникал вопрос: сможем ли мы продержаться до этих пор? Мы считали, что должны сделать это, чтобы уж потом враг получил неожиданный и очень неприятный для него сюрприз.

Робкий огонек надежды, теплившийся в нас, окреп вместе со случившейся 12 апреля смертью президента США Франклина Рузвельта. Среди нас распространялись новости, что теперь в лагере союзников нет прежнего единства и их альянс на грани распада. Нам даже сообщалась информация о том, что Америка и Великобритания в полушаге от того, чтобы выступить против большевиков. Кроме того, нас подбадривали сообщения о том, что немецкие войска вот-вот спасут нас из окружения. Это должен был сделать фельдмаршал Фердинанд Шернер, знавший о ситуации в Бреслау.

Однако его план, предусматривавший высвобождение значительной части его группы армий для спасения Бреслау, так и не был претворен в жизнь, несмотря на обещания и циркулировавшие радиосообщения. Как это случалось слишком часто в те дни, всем начал командовать «генерал хаос». В результате вся ожидаемая помощь защитникам Бреслау так и осталась слухами. Но мы по-прежнему продолжали держаться, надеясь на чудо.

Как бы то ни было, к этому времени мы уже пережили самую страшную атаку на город, которая не закончилась его капитуляцией. В ходе нее мы должны были быть разгромлены, но, подобно несломленному боксеру, мы остались на ринге и продолжали держаться на ногах. Что еще нам могли сделать русские? Они могли

лишь продолжать ломать себе зубы о кость под названием Бреслау. А мы решили защищать силезскую столицу до тех пор, пока она не заслужит имя неприступной крепости. За последние несколько недель каждый из наших солдат осознал для себя, что означает «сражаться до последнего бойца». Это выражение уходит своими корнями в Сталинградскую битву. Но Сталинград был не единственным примером подобного героизма. Генерал Отто Лаш также сражался до своего последнего бойца в Восточной Пруссии, в Кенигсберге, капитулировавшем лишь 9 апреля. Несмотря на поражение, сопротивление немецких частей задержало наступление огромной группировки русских войск. Кто знает, возможно, это спасло жизни тысячам беженцев, которые в это время были в пути. Мы также решили держаться до последнего, а дальше будь что будет.

Бреслау был подобен одинокому острову посреди огромного потока наступающей Красной Армии. Этот поток каждый день обрушивался на крепость. И каждый день тысячи людей страдали от боли в военных и гражданских госпиталях. Жертвами на этом кровавом театре боевых действий, помимо военных, становились жители Бреслау. Днем и ночью старики, женщины, дети и больные проводили долгие часы, скрываясь в подвалах от огня русских.

Наступило 20 апреля, день рождения Гитлера. В этот праздник мы, как обычно, получили подарки от фюрера. Офицер по национал-социалистическому руководству вручил нам по бутылке вина. Традиция оказалась незабытой даже в столь страшных обстоятельствах! Хотя нельзя сказать, чтобы этому офицеру было морально легко исполнять свои обязанности и произносить необходимую речь в такие дни. Вряд ли кто-то из нас захотел бы тогда оказаться на его месте. Находясь

на данной должности, вошедшей в нацистскую структуру в 1944 году, данный офицер был вынужден провозглашать патриотизм, стойкость и поддерживать иллюзии, чтобы заставить каждого из нас «держаться на курке». Его речь была смесью пустого пафоса и обещаний победы. Поскольку на форме офицера была золотая орденская планка «За ближний бой», вручавшаяся за 50 дней боев, в которых имели место рукопашные схватки, мы выслушали его речь вежливо, но при этом не могли скрыть своего скептицизма.

В ситуации, которая развивалась тогда, на 56-ю годовщину рождения Гитлера, было тяжело поддерживать иллюзию, будто он по-прежнему решителен и непоколебим. Гитлер был окружен со всех сторон в своем бункере в глубине рейхсканцелярии. Его положение не только казалось безнадежным, но и оказалось таковым впоследствии. Тем не менее фюрер делал все, что от него зависело. До нас доходила информация, что Гитлер, несмотря ни на что, продолжает свою героическую борьбу против большевизма. И мы понимали, что победит он или нет, его имя все равно останется в аналах истории.

Надо сказать, что в тот день русские также не остались в стороне от праздничных торжеств. Их 112-я дивизия устроила по этому поводу «фейерверк», который обрушился на занимавший один из участков фронта полк вермахта под командованием Мора.

Этот участок фронта был довольно небольшим и, без сомнения, был выбран русскими, чтобы одержать на нем решительную победу. Это подтверждают и польские военные историки Ричард Маевски и Тереза Созанска в своей книге «Битва за Бреслау». Они отмечают, что «гитлеровцы» из находившейся там части, в том числе один командир батальона, два командира

рот и 70 процентов бойцов, получили расплату за содеянное. Эта книга, конечно, отражает русский взгляд на события. Так, в ней иронично отмечается, что командир 112-й советской дивизии позаботился, чтобы празднование дня рождения Гитлера прошло особенно шумно.

После происшедшего нашу часть перебросили на помощь обескровленному полку Мора. Это было нам не впервой. После этого уцелевшие остатки полка были направлены в южный сектор, где на тот момент было тихо.

Тем не менее погода на 20 апреля выдалась просто чудесной. Было 25 градусов в тени, и все вокруг цвело. Деревья и кустарники в этом году зацвели даже раньше, чем обычно. Сирень стояла в цвету и пахла, пахла! Правда, этот чудесный аромат смешивался со стоявшим в воздухе дымом пороха и пожаров. Но цветы вместе с сорняками упорно пробивались наружу из искореженной почвы. Белым, красным и абрикосовым цветом цвели сады. И можно было погрузить нос в благоухающие цветы, чтобы хоть на минуту забыть о смраде войны.

С середины апреля наш батальон участвовал в свирепых боях в секторе, включавшем улицы Андерсен, Штайнвер и Вестэнд. От пивоварни Кипке на юго-востоке мы были направлены на Стригауэр Плац. Рассказ о нашей обороне на этом участке мне удалось найти в одной из книг также польского автора. Именно из нее я и узнал много лет спустя, что там нам довелось сражаться с советской частью под командованием подполковника Малинина. В книге, в частности, цитировался рассказ самого Малинина о том, что ему пришлось сражаться «с сильной ротой упорных эсэсовцев», «оснащенных очень хорошим оружием, в том чис-

ле ручными гранатами и гранатометами». Подобное было сильным преувеличением. Тем не менее именно такая версия происшедших событий вышла в фронтовой газете 6-й советской армии. Однако я очень хорошо помню, кто был лучше оснащен в действительности. В ходе своего отступления бойцы Малинина оставили массу нового с иголки оружия, а кроме того, горы пустых водочных бутылок. Возможно, одна из них была выпита и подполковником, если он решил, что мы были вооружены лучше них. В отличие от русских, наше оснащение оставляло желать много лучшего. И это сделало успех нашей контратаки еще более неожиданным для нас.

Всего через несколько минут наши противники снова переформировались на расстоянии лишь улицы от нас. Они заняли позиции за стенами разрушенных зданий, в разбомбленных подвалах и ждали там, собираясь отразить наше дальнейшее наступление. Но наша 11-я рота являлась передовой частью батальона, и нам нужно было ждать дальнейших приказов. Мы окопались на занятом рубеже и так и не сдвинулись с него, пока не потемнело.

С наступлением темноты на наших позициях неожиданно появились «крепостные невесты» с банками, наполненными горячим супом и сваренным кофе. Они гордо улыбались. И хотя нечесанные волосы этих девушек были примяты стальными касками, а надетые на них военные штаны, которые были слишком широки для многих из них, были далеки от элегантности, но наши красавицы были счастливы, что нашли нас. Рискуя своими жизнями, эти амазонки во время боев следовали за нами, держась на расстоянии. Нас впечатляла их преданность и смелость. Это были не те девушки, которые подходят только для флирта. Это были настоя-

щие боевые подруги! Их самоотверженность придавала нам мужества и одновременно заставляла с болью думать о том, как сложится их судьба после того, как мы потерпим поражение.

Все немецкие бойцы, продолжавшие сражаться в Бреслау, постоянно проявляли хладнокровие и стойкость. Эти два качества не присутствуют в человеке изначально, их требуется вырабатывать в себе. Тем не менее и нам не всегда удавалось оставаться хладнокровными, когда мы узнавали о трагичной судьбе бойцов, знакомых нам лично.

В особенное уныние нас привела, несмотря на всю нашу толстокожесть, судьба нашего молодого товарища с Рейна. Почта приходила к нам редко, что было неудивительно в тех обстоятельствах. И вдруг этот парень получил письмо от своей невесты. Он гордо показывал мне ее фотографию. Его избранница оказалась молодой и прехорошенькой. На снимке она была в униформе трудовой службы рейха и сидела на велосипеде. Нашего товарища переполняло счастье, он надеялся, что вернется к своей невесте. Но через три дня он погиб.

Ночью нас навестила пехота большевиков. И на следующий день мы нашли нашего товарища, лежавшего с перекошенным лицом на земле. Он не был убит осколком снаряда, а застрелен пулей, выпущенной в затылок. Один из товарищей погибшего взял его долгожданное письмо, которое теперь было испачкано кровью. Но я не знаю, удалось ли ему пережить войну и вернуть это письмо невесте своего погибшего друга, рассказав о его последних днях.

К этому моменту мы находились в осаде уже три месяца. И как-то раз один из связных частей по обеспечению войск принес нам новости, что бой идут уже в Бер-

лине. Ни один из нас, находившихся в крепости, не ожидал подобного. Мы просто не думали, что конец войны настолько близок. Положение, в котором мы были, не оставляло нам времени подумать о чем-то, совершавшемся за пределами города. К тому же информация о происходящем на других участках фронта доходила до нас со значительным опозданием. В результате услышанное буквально ошарашило нас. Красная Армия так и не смогла взять Бреслау за трехмесячную осаду, и вдруг мы слышали, что между тем она успела выйти к Берлину, несмотря на то, что мы заставили остаться у стен нашей крепости часть лучших советских войск. И что же будет, когда падет Берлин?

С военной точки зрения, на тот момент у нас не было причин прекращать борьбу. Однако бои в Берлине пробудили в нас первые сомнения в нашей способности выстоять. Тем не менее выбора у нас все равно не оставалось. Во-первых, мы приносили присягу, и слова этой клятвы были святы для нас. Во-вторых, мы считали, что лучше умереть, чем оказаться в плену, по крайней мере, у русских. И мы осмелились не сдаваться! Хотя, конечно, в свете последних новостей нам было ясно, что последняя битва за крепость состоится со дня на день.

Погода между тем окончательно наладилась. После похолодания, начавшегося в пасхальные дни, 25 градусов в тени вновь стали постоянной температурой в Бреслау. Ночи наполнились весенними ароматами и лунным светом, падавшим с безоблачного неба. Однако находившийся в руинах город в лунном свете выглядел причудливо и зловеще.

В одну из таких ночей тишину неожиданно разорвал грохот тяжелой артиллерии противника. Она вела

огонь, не принимая в расчет, что их собственные бойцы залегли на позициях через дорогу от нас.

Мы не могли восстановить линию фронта, прорванную на Позенерштрассе, где враги заняли позиции и попрятались по самым неожиданным углам. Поэтому в ту ночь я решил не выставлять часовых по двое там и здесь, а оставить в карауле на главной линии сопротивления половину отделения с пулеметами и хорошим запасом ручных гранат. Таким образом, мы могли достойно встретить штурмовые отряды русских, если бы они попытались незаметно подкрасться к нам.

Этого не произошло. Но всю ночь до нас доносились звуки пулеметных очередей и одиночных винтовочных выстрелов. Из-за них мы не могли заснуть и были лишены заслуженного отдыха. В результате мы оказались не в лучшей форме во время боя на следующий день.

В журнале боев вермахта в отчете от 28 апреля 1945 года можно прочесть: «В Бреслау советским войскам удалось прорваться через нашу линию фронта на нескольких участках». Это произошло на рассвете. Советская пехота при массированной танковой поддержке атаковала наши передовые позиции. А у нас самих из-за недостатка боеприпасов как таковой не было даже поддержки артиллерии. Фактически нас поддержала лишь горстка пехотных орудий, находившихся на открытых позициях и защищавших одни из городских ворот. Их самый последний снаряд уничтожил одного из передовых артиллерийских наводчиков врага, который находился так близко к нашим позициям, что буквально бросал вызов смерти.

Наши потери в тот день были ужасающими. Нашему батальону пришлось отступить к Лейтенштрассе, и именно там я был ранен. Это было мое третье ранение.

Я получил его, когда до конца войны оставалось всего восемь дней. Конечно, в те секунды я еще не знал, что он так близок, но мне было страшно, что я не доживу до него.

Как все произошло? Наша группа находилась на первом этаже многоквартирного дома, серьезно поврежденного танковым огнем, но дававшего нам хоть какую-то защиту. У нас был очень хороший обзор, благодаря чему мы могли видеть все перемещения наступавшего на нас врага. Это давало нам значительное преимущество, но его сводил на нет советский снайпер, не дававший нам покоя. Мы не могли даже пополнить запас боеприпасов, которые были уже на исходе. Тогда я решил разобраться с проблемой самостоятельно, но не из-за охватившего меня стремления совершить подвиг, а просто потому, что я был измотан и зол.

Перескакивая через ступени полуразрушенной лестницы, я за несколько мгновений достиг третьего этажа. Оттуда я всадил весь магазин своего ручного пулемета в темные окна дома напротив, где, как я предполагал, находился снайпер. Конечно, с точки зрения военной науки, подобные действия с моей стороны имели сомнительные шансы на успех. Ликвидацией вражеского снайпера должен был заняться наш аналогичный специалист, обладавший достаточным снайперским опытом. Но среди нас не было такого специалиста, а я был зол из-за безвыходности нашего положения и на эмоциях мало думал о последствиях.

Результат оказался предсказуем. В меня вошла пуля русского снайпера, и оружие выпало у меня из рук. Я взмахнул руками, рефлексивно пытаюсь уцепиться за воздух, и упал. При этом я абсолютно не чувствовал боли. В недоумении я смотрел, как кровь заливает ру-

кав моей куртки. Раненая рука безжизненно свисала, и я не мог даже пошевелить ею. Пуля прошла навылет через предплечье.

В том, что я не почувствовал боли при ранении, не было ничего удивительного. Как отмечал доктор Петер Бамм, работавший военным хирургом в годы Второй мировой войны, подобные случаи не раз встречались ему. Он писал: «Мы становились свидетелями этого феномена снова и снова. И это вполне объяснимо. Человеческий мозг способен заблокировать болевой эффект от ранения. При этом блокируется средняя часть мозга, отвечающая за восприятия боли. Она может быть заблокирована даже при физических нагрузках, которые переносит солдат во время боя. В результате раненый начинает чувствовать боль лишь несколько часов спустя».

Именно это произошло и со мной. Однако сразу после случившегося меня переполнял страх смерти, который буквально рвался у меня из горла, и мне хотелось кричать.

Пункт первой медицинской помощи я обнаружил в подвале школы на Андерсенштрассе. Снаружи он был обозначен висевшим над входом небольшим белым обрывком ткани с изображенным на нем красным крестом. Товарищ, сопровождавший меня, расстался со мной на входе.

Войдя внутрь, я увидел учительский стол, застланный белым полотенцем, на котором лежал скальпель, пинцеты и другие инструменты. Однако меня ждали лишь две инъекции: одна в плечо и одна в ягодицу. Ни слова не говоря, медсестра Красного Креста расстегнула мои штаны и сделала укол. После этого она повесила мне на шею карточку и отправила на осмотр к хирургу. Происходящее напомнило мне конвейер. Вдоль

стен класса стояли парты, составленные друг на друга, чтобы расчистить пространство. Раненые двигались непрерывным потоком, проходя осмотр у медиков, которые действовали, как роботы. После этого тем из раненых, кто не мог хорошо передвигаться самостоятельно, следовало ждать транспорта для отправки в госпиталь.

Стены подвала сотрясались, если рядом взрывался снаряд. Стоны раненых раздавались непрерывно. Все это создавало гнетущую атмосферу. И я был рад покинуть это место.

Вместе с еще двумя ранеными, способными идти, я пошел в направлении Швайцницерштрассе, где находилось наше место назначения. По пути неподалеку от главной линии сопротивления мы услышали граммофонную музыку. С каждым нашим шагом она становилась все громче. Мы поняли, что она раздается с первого этажа полуразрушенного бомбежкой дома.

Конечно, нельзя сказать, что там была организована пивная. Но там мы увидели солдат и гражданских жителей, расслаблявшихся от забот и тревог. Они пили, были довольны собой и забыли о войне. Пожалуй, можно сказать, что они танцевали на вершине вулкана возле самого жерла! Мы с удивлением уставились на происходящее. Уколы, сделанные мне, притупили мои чувства. И я вместе с двумя другими ранеными также зашел туда, и мы выпили по пиву. Думаю, это вполне понятно. Только что побывав на волосок от смерти, я просто хотел, пусть и на короткое время, отключиться от безжалостной каждодневной рутины войны и насладиться фриivolностью, царившей в этом странном месте.

Возможно, наиболее правильно его было бы называть притоном. Скорее всего, находившиеся там солдаты были дезертирами. Но тогда мне не хотелось да-

же знать об этом. Мне нужно было хоть на несколько минут перестать думать о боях, идущих в Бреслау.

Медицинский центр №5, куда нам следовало прийти, мы обнаружили между церковью Святой Доротеи и городским театром в передней винного погреба ресторана «Ганзийский погребок». Там находилось около пятидесяти раненых солдат, находившихся на попечении у военного врача, двух медсестер Красного Креста и нескольких санитарок.

Моя рука к этому моменту уже начала нестерпимо болеть и сильно распухла. Меня переодели и наложили на руку шину. После этого я получил койку в сыром подвале, где на трехъярусных настилах спали раненые. Поскольку я не был тяжело ранен, то мне досталось место на самом верхнем ярусе. Потолок в подвале был низким, и поэтому, забираясь на свое место, мне пришлось согнуться. Мой сосед с пропитавшейся кровью повязкой вокруг головы предложил мне сделать глоток из его фляжки, в которой было бренди. Употребление спиртного в медицинском центре противоречило правилам, но я с радостью принял его в свое горло.

Через некоторое время мне стало ясно, что в подвале были собраны бойцы из самых разных войск: авиации, вермахта и фольксштурма. Кроме того, там оказалось двое моряков, которые незадолго до начала осады получили отпуск в Бреслау. В результате они были зачислены в пехоту. Что самое удивительное, я оказался единственным находившимся в подвале бойцом войск СС, несмотря на то, что в нашем роде войск к этому моменту было огромное количество раненых.

Из рассказов бойцов, воевавших на разных участках фронта, я смог составить довольно полную картину ситуации с обороной Бреслау. Она была не слишком радужной. Но я заметил и кое-что еще, слушая их рассказы.

Мы рассказывали друг другу холодные факты, почти без эмоций. Казалось, эти люди напрочь забыли, что в прошлом они были рабочими, фермерами, служащими или студентами. Для них все это было в очень далеком прошлом. Теперь они были высококвалифицированными специалистами по ближним боям. Когда же они рассказывали об исключительных проявлениях духа товарищества и настоящих подвигах, то говорили об этом без малейшего пафоса.

Ежедневная газета крепости «Шлезигшен Тагесцайтунг» все еще продолжала выходить. На первой странице номера от 28 апреля 1945 года была детально изложена ситуация на фронте. В номере, вышедшем на следующий день (именно в этот день я и был ранен), было напечатано: «В пятничную ночь большевики снова развязали свирепые бои. После мощного артиллерийского огня, нацеленного на северный фланг западных передовых позиций, им удалось продвинуться лишь на незначительное расстояние. Враги были быстро отброшены назад, и линия обороны вновь была соединена. Наши войска одержали победу и на другом участке, где в ходе контратаки отбили многоквартирный дом, взятый большевиками днем раньше, и вынудили врага отступить на первоначальные позиции».

На той же странице был еще один материал под напечатанным крупными буквами заголовком: «Поддержим Берлин!» В нем содержался отчет о том, что наши войска перестали вести бои с американцами на реке Эльба, чтобы начать битву за центр Берлина. Заметка заканчивалась словами: «Несмотря на то, что мы в Бреслау заняты долгой и успешной обороной крепости, мы вместе со всем немецким народом и остальным миром следим за свирепой битвой в Берлине и его окрестностях».

Подобно приливам и отливам на море, зона боев постоянно перемещалась туда и обратно в той части Силезии, где все еще продолжалось противостояние. В Саксонии в районе городов Бауцен и Майсен немецкие контратаки оказались неожиданно успешными. Нам удалось отвоевать часть нашей территории, в том числе города Каменц и Кенигсбрюк. Мы отвоевывали и теряли. Точно так же происходило и с русскими. Тем не менее 29 апреля они взяли Аустерлиц, у стен которого Наполеон в 1805 году нанес поражение войскам Австрии и России.

В этой ситуации мы делали все, что могли, но, несмотря на это, все активнее распространялись слухи о грядущей сдаче Бреслау. 4 мая коменданта крепости для серьезного обсуждения возможности капитуляции посетила делегация духовных лиц, представлявшая как католиков, так и протестантов. Возглавлял делегацию епископ Ферхе, одетый в сутану.

Делегация проделала путь через выжженный город и пришла в явное уныние от вида Бреслау. Ее члены полагали, что их долг «перед Богом и перед людьми» в эти дни состоит в том, чтобы поговорить с генералом. Они настаивали, чтобы генерал Нихофф сдал город. Он пообещал им, что примет решение в самое ближайшее время.

В свое время считалось, что визит духовенства стал решающим для генерала. Однако в действительности еще до этого визита он понимал, что капитуляция неизбежна. Другое дело, что немедленно сдавать город врагу было нельзя, не договорившись об условиях капитуляции, которые были бы приемлемы для местных жителей и армии. А выторговать у русских почетную капитуляцию можно было только при сохранении прочной линии обороны и стойкости как со стороны солдат,

так и гражданского населения. Поэтому генерал должен был держать в секрете свои намерения столь долго, насколько это возможно.

Русские продолжали ждать падения Бреслау. Их бомбардировщики по-прежнему сбрасывали на город бомбы, а артиллерия обстреливала запланированные сектора. Мы ждали последнего сокрушительного удара. Но он так и не последовал.

Нашим связистам удалось поймать передачу лондонского радио «Би-би-си», в которой сообщалось, что власти Великобритании впечатлены мужеством защитников Бреслау и отказали на запрос Москвы нанести силами британских бомбардировщиков последний удар по Бреслау, который поставит город на колени.

Тем не менее генерал Нихофф не мог не признать суровой реальности. Его опыт и интуиция говорили ему, что капитуляция города — это уже практически свершившийся факт.

Глава восемнадцатая

КАПИТУЛЯЦИЯ И ПЛЕН

30 апреля мы услышали по радио о казавшейся нам невероятной смерти Адольфа Гитлера. Я до сих пор помню эти слова: «Фюрер Адольф Гитлер, до последнего вздоха сражавшийся против большевизма, умер сегодня в полдень». В момент радиопередачи я находился в уцелевшей части отеля «Монополь», который стоял напротив нашего медицинского центра. Я подружился с поваром-французом, работавшим в этом отеле. Вместе с ним мы часто слушали немецкие передачи, военную музыку и запрещенные вражеские радиопередачи лондонской стан-

ции «Би-би-си», которые транслировались на немецком языке.

Известие о смерти Гитлера ошарашило меня, как, впрочем, и француза. Но как только прошел первоначальный шок, на смену ему пришло осознание того, что это конец Третьего рейха. Для французов, находившихся в городе, это означало возвращение домой. Но для меня это означало, что все мои усилия и жертвы оказались напрасными. Теперь Германию уже ничто не могло спасти. Мы проиграли. И что теперь будет ждать Германию, Европу и весь мир? Почему? Для чего? И как это случилось? Эти вопросы крутились в моем сознании, подобно карусели.

Тем не менее мы в Бреслау еще не капитулировали. Я по-прежнему был солдатом, и здесь для меня ничего не изменилось. Да мы и не могли представить себя делающими что-то иное, кроме как сражающимися и защищающими город до тех пор, пока остались немецкие власти, чтобы отдавать приказы, и, прежде всего, пока остался клочок Германии, еще не захваченный врагом. Как иначе, ведь даже адмирал Дёниц, которого перед своей смертью Гитлер назначил президентом рейха, главнокомандующим вооруженными силами и военным министром, был верен своему долгу до самого конца войны.

Совершив самоубийство, Гитлер признал безнадежность дальнейшей борьбы не только для Берлина, но и для всей Германии. Уйдя из жизни, он расчистил пути к капитуляции. Совершать этот шаг сам Гитлер не хотел ни при каких обстоятельствах.

После кораблекрушения каждый должен пытаться самостоятельно доплыть до берега. И мы не собирались тонуть в русском океане. В конце апреля и в начале мая мы все чаще слышали транслировавшуюся че-

рез громкоговорители советскую пропаганду, угрожавшую нам катастрофой и призывавшую сдаваться с многочисленными аргументами, которые мы уже успели выучить наизусть, поскольку они многократно повторялись каждый день. Несмотря на это, вплоть до третьей недели апреля кольцо обороны вокруг центра Бреслау не было прорванным. Везде, где появлялись русские, мы отбрасывали их назад. Но теперь пал Берлин (это случилось 2 мая), и часть русских войск оттуда была переброшена под Бреслау.

На силезскую столицу обрушились нескончаемые атаки. Бреслау оставался единственным крупным городом Германии, который не был взят противником. В нашу честь русские даже устроили воздушный парад! Небо над городом заполнили эскадрильи советских бомбардировщиков. Они величественно пролетели над Бреслау, не сбросив ни одной бомбы. Это должно было утешить нас и показать, что ждет нас, если мы продолжим вызывать гнев русских.

Относительное затишье, наступившее на 1 мая, было недолгим. После этого каждый день вплоть до 5 мая интенсивность авианалетов на Бреслау продолжала возрастать. Нескончаемые эскадрильи вражеских бомбардировщиков после каждого авианалета, согласно данным отца Эрнста Хорнига, оставляли убитыми и ранеными 1000 жителей Бреслау. Каждый день было по два авианалета.

Русские танки в который раз попытались прорваться к центру города. Но им это опять не удалось. Наши контратаки были такими же сильными, как и прежде. Мы не верили пустым обещаниям русских о том, что сдавшихся в плен они отпустят домой, как только будет объявлено официальное окончание войны. Мы продолжали сражаться до последнего.

6 мая вышел последний номер «Шлезисхен Тагесцайтунг». Один из заголовков этого номера звучал так: «Соппротивление советским войскам продолжается!» Под ним был отчет вермахта о соглашении, обуславливавшем прекращение военных действий в Голландии, Дании и Северной Германии. Однако заканчивалась статья так: «Крепость Бреслау по-прежнему обороняется с непоколебимой стойкостью и мужеством, несмотря на постоянные советские атаки. Русские несут высокие потери в людях и в матчасти. В Моравии и Словакии сопротивление также продолжается».

В следующем материале на той же странице отмечалось: «Германское радио передавало вчера, что Бреслау — достойный пример для всей немецкой нации. Согласно свежим сообщениям от солдат, сражающихся в городе, они горды тем, что в который раз ответили отказом на требование советского командующего о капитуляции. Бреслау продолжает сопротивление! Героические защитники города были и остаются примером для немецкого народа. Их стойкость и мужество перед лицом превосходящего противника — это выдающийся пример для всех нас, сражающихся на Силезском фронте».

За этим следовала информация о том, что Гамбург взят британцами, которые после этого ввели в городе комендантский час для гражданского населения. Последняя передача радиостанции Гамбурга заканчивалась словами: «Живи, Гамбург! Живи, Германия! Дальнейшие передачи «Радио Гамбург» станут для немцев передачами вражеского канала вещания».

Также 6 мая состоялось интервью с широко известным шведским исследователем Свеном Хедином. В нем он сказал: «В глубине своего сердца я буду хранить незабвенные воспоминания об Адольфе Гитлере как об

одном из величайших людей в мировой истории, дело жизни которого будет продолжать жить. Он сделал Германию мировой сверхдержавой. Теперь Германия стоит над пропастью, потому что его противники не смогли смириться с его силой и влиянием. Его страна с населением в 80 миллионов человек, в течение шести лет противостоявшая всему миру против 25-кратно превосходящей мощи, не может быть стерта с лица земли. Наследие этого великого лидера будет жить вместе с немецким народом».

Но вернусь к моим собственным будням. Раненым, которые могли передвигаться самостоятельно, разрешалось в течение дня отлучаться из медицинского центра. Я использовал дневные часы для того, чтобы пройтись по городу, изучить происходящее в нем и побыть наедине с собой. Я не удалялся от госпиталя на слишком большие расстояния. Но и во время таких прогулок я заметил, что на улицах было очень мало жителей города. Среди развалин и воронок, оставленных снарядами, циркулировали преимущественно армейские машины. А если я встречал на улице кого-то из гражданских, его появление всегда вызывало удивление. Однако, несмотря на разруху, царившую в Бреслау, все попадавшиеся мне на пути жители были опрятно и чисто одеты. Это было особенно заметно на фоне развалин. Покорившиеся судьбе, они по-прежнему продолжали следить за собой. Впрочем, это относилось и к встречавшимся мне военным. Они по-прежнему соблюдали устав и приветствовали друг друга, согласно рангу.

Однажды во время таких прогулок мне довелось лицезреть то, что заставило меня не поверить собственным глазам. Я увидел машину, проезжавшую возле

рва, окружавшего город, в которой сидели рядом немецкие и русские офицеры. Я догадался, что они обсуждают условия сдачи Бреслау. С этого момента для меня не осталось сомнений: конец боев близок, очень близок. И я поспешил назад, к центру города.

6 мая в два часа дня по московскому времени (в час дня по немецкому) я узнал о почетной капитуляции Бреслау. Мне не хватит слов, чтобы передать то уныние, которое охватило раненых, находившихся в подвале вместе со мной. Некоторые не могли поверить, что такое случилось. Многие плакали слезами, впервые появившимися у них после долгих месяцев мужественного сопротивления, и совершенно не стыдились этого. Неужели все наши усилия были потрачены даром? Неужели годы отданной жизни, бои на фронте, потери, лишения и жертвы, страдания жителей Германии от бомбардировок их страны — все было напрасным? Мы оказались перед лицом угнетающей перспективы оказаться в лагере для военнопленных. А как долго мы там пробудем? Это вогнало всех нас в глубокую депрессию, мы не могли с этим смириться.

Гауляйтер Ханке со своей национальной гордостью и надменностью объявил, что он арестует генерала Нихоффа за его пораженческое решение. Но затем гауляйтер изменил свое мнение, очень быстро смирился с ситуацией и столь же быстро приказал готовить к вылету «Физелер Шторьх»¹ Этот самолет предназначал-

¹«Физелер Шторьх» (Fi 156) — подкосный моноплан смешанной конструкции с коротким взлетом и посадкой, разработанный немецким авиационным заводом Физелера. Вес пустого самолета был всего 930 кг, а максимальный взлетный вес — 1325 кг. «Шторьх» (нем. аист) широко применялся во время Второй мировой войны, в том числе для разведки и как самолет связи, а также в качестве штабного транспортного самолета. — *Прим. пер.*

ся только для личного использования комендантом гарнизона Бреслау генералом Нихоффом. Однако Ханке за его спиной воспользовался «Шторьхом», чтобы улететь из города. Генерал Нихофф хотел разделить судьбу города вместе со своими бойцами. Узнав о бегстве гауляйтера, он даже обрадовался, поскольку теперь тот не мог помешать его переговорам об условиях капитуляции.

Самолет, в котором улетал Ханке, многие жители Бреслау увидели в небе над городом 6 мая около шести утра. В то же утро генерал Нихофф получил радиосообщение из Кирхберга: «Гауляйтер Ханке приземлился у нас, получив легкие ранения из-за неполадок в самолете». Больше об этом человеке ничего не было слышно. Ходили слухи (не знаю, основывались они на фактах или нет), что ему удалось сбежать в Южную Америку. Помимо этого, мне доводилось слышать и о том, что гауляйтер скрылся в Чехословакии и там был застрелен, когда попытался сбежать из транспортного средства, перевозившего пленных.

После капитуляции Бреслау на стенах зданий были вывешены красные плакаты, возвещавшие о сдаче города. Генерал Нихофф объявил, что переговоры завершены и Бреслау сдается советским войскам. Завершающий акт немецкой драмы состоялся 7 мая в Реймсе, где ночью в 2 часа 41 минуту генерал Йодль был вынужден подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии. Это произошло на 2075-й день войны. Согласно этому акту, германское командование обязывалось отдать приказ о прекращении военных действий 9 мая в 00 часов 01 минуту (8 мая в 23 часа 01 минуту по центральноевропейскому вре-

мени)¹ За этой «безоговорочной капитуляцией» так и не последовало мирного договора. Не существует его и по сей день!

За годы войны Германия потеряла на фронтах более 4,3 миллиона человек. Около 600 000 немцев стали жертвами авианалетов противника. Более 3 миллионов немецких солдат умерло в лагерях для военнопленных, организованных союзниками, и в коммунистическом ГУЛАГе. К этим цифрам следует добавить и бессчетное количество немецких беженцев, изгнанных из родных земель.

Данные о потерях с обеих сторон во время осады Бреслау в разных источниках варьируются. Согласно мнению командира полка Ханфа, битва за силезскую столицу Бреслау занимает второе место после Сталинграда по продолжительности и ожесточенности осады в период Второй мировой войны. По оценкам медиков, работавших в городе, ежедневно умирало по 1000 их пациентов, а из гражданского населения в общей сложности погибло 80000 человек. Из этих восьмидесяти тысяч, как утверждает Пауль Пикерт в своей книге

¹ Говоря об «акте капитуляции», подписанном в Реймсе (городе на северо-востоке Франции), более корректно называть его «предварительным актом капитуляции», поскольку даже в примечании к нему говорилось, что «данный протокол о военной капитуляции не исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии, если о том заявит какое-либо союзное правительство». По согласованию между правительствами СССР, США и Великобритании была достигнута договоренность считать процедуру в Реймсе предварительной. Таким образом, действительный акт о безоговорочной капитуляции Германии был подписан 9 мая в 0:43 по московскому времени (8 мая в 22:43 по центральноевропейскому времени). Несмотря на это, по понятным идеологическим причинам в западной историографии подписание капитуляции германских вооруженных сил, как правило, связывается с процедурой в Реймсе, а подписание акта о капитуляции в Берлине именуется его «ратификацией», что с исторической точки зрения совершенно некорректно. — *Прим. пер.*

«Крепость Бреслау», 13000 лишились жизни во время работ по сооружению в городе временной взлетно-посадочной полосы. Упоминавшиеся прежде польские авторы Маевски и Созанска пишут о том, что каждую секунду один мирный житель Бреслау расставался с жизнью. Не менее 90000 силезцев умерло во время спешной эвакуации из Бреслау в январе 1945 года от голода, истощения или замерзнув до смерти.

Собственные подсчеты генерала Нихоффа относительно потерь войск в пределах крепости говорят о том, что 6000 бойцов были убиты и 23000 ранены. Если учесть, что Бреслау обороняло 50000 бойцов, не трудно подсчитать, что мы потеряли 58 процентов гарнизона крепости. Стоит заметить, что здесь не учтены бойцы, погибшие, когда они пытались сбежать из города, раненые военнопленные, а также те, кто умер в советском плену.

Потери другой стороны были значительно выше. Численность советских войск, осаждавших Бреслау, составляла 150 000 человек. Из них бои за Бреслау стоили жизни 5000 офицеров и 60000 солдат. Сегодня каждый может посетить кладбище в южной части города, где 5000 русских солдат нашли свой последний приют.

Перед капитуляцией генерал Нихофф получил телеграмму. Ее текст был таким: «Германские флаги приспущены в гордой скорби и почтении к стойкости отважных защитников и гражданских жителей Бреслау». Телеграмма была подписана командующим 17-й армией генералом Вильгельмом Хассе.

Однако в Бреслау в то время не говорили ни о скорби, ни о гордости. Совсем иные слова требовались для того, чтобы охарактеризовать настроение защитников крепости. Они были озлоблены, глубоко разочарованы и полны сомнений, особенно бойцы на передовой. Рассматривая перспективу оказаться в плену у рус-

ских, некоторые офицеры кончали с собой. Бойцы разбивали свое оружие о ближайшие камни. Другие в крайнем опустошении бросали его в Одер. Целых три месяца они были окружены врагом, которому не удалось сломить их боевой дух. Целых пять предыдущих лет и днем, и ночью им не переставала дышать в спину смерть. Капитуляция была святотатством в их глазах.

В городе царило ощущение наступившей катастрофы. Женский персонал вермахта снимал с себя униформу и надевал вместо нее гражданскую одежду. В штабах сжигались горы документов. Все важные бумаги бросались в пламя. Армейские склады были открыты, и продовольствие раздавалось жителям Бреслау.

В медицинском центре нас заставили под бдительным взглядом офицера медицинской службы бросать наши пистолеты и личное холодное оружие в деревянный ящик. Условия капитуляции требовали, чтобы наше оружие досталось русским в неповрежденном виде. Тем не менее я от досады привел в негодность внутренний механизм своего «вальтера», чтобы больше никто не смог им воспользоваться.

Сдав оружие, которое долгие годы было с нами, мы почувствовали себя голыми и совершенно беззащитными. За один день все изменилось. Теперь мы должны были подчиняться законам врага. Нас ждала коммунистическая тирания, несправедливый советский суд и месть. Первые черты этого начали проявляться, когда русским было доставлено сданное нами оружие. Они не могли поверить, что мы сражались столь плохо вооруженными: «Вы не могли держаться так долго с этой малостью. Где остальное?» Русские были настроены очень подозрительно и обвиняли нас, что мы прятали оружие.

Теперь в Бреслау стало тихо, мертвецки тихо. Каждый напряженно ждал входа советских войск в город. Внезапно тишину нарушил рев моторов танков. Жите-

ли и бойцы с ужасом вслушивались в него. Но самим танкистам этот рев, должно быть, казался приятной музыкой. Некоторые из водителей, двигаясь на первой скорости, гордо выписывали круги, демонстрируя советскую технику вышедшим посмотреть на них жителям города.

Условия капитуляции всей Германии впоследствии оказались крайне жесткими. В отличие от них, условия сдачи силезской столицы, которых удалось добиться генералу Нихоффу, выглядели как вполне приемлемые, корректные и справедливые. Согласно им, жителям гарантировалась безопасность и медицинская помощь. Военным также гарантировалась жизнь, медицинская помощь и, что самое главное, возвращение домой с окончанием войны. Офицерам было разрешено сохранить при себе военные награды и личные револьверы без патронов. И, что было особенно важным, все эти гарантии в полной мере касались бойцов войск СС.

Русской стороной в конечном счете было предложено взять за основу акта о капитуляции Бреслау следующие положения, изложенные в соответствующем документе:

«Предложение почетной капитуляции

Коменданту крепости Бреслау генералу пехоты
Нихоффу

В соответствии с вашим согласием на почетную капитуляцию осажденной крепости Бреслау вместе со всеми вашими военными частями, я предлагаю следующие условия:

1. Все войска под вашим командованием прекращают боевые действия 06.05.45 в 14 часов по московскому времени (13 часов по немецкому времени).

2. Ваши войска сдаются в полном составе вместе с оружием, боеприпасами, транспортными средствами и боевой техникой. Все это не должно быть повреждено.

3. Мы с нашей стороны гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим боевые действия, личную безопасность, пищевое довольствие, право сохранить личные вещи и награды, а также возвращение домой после официального окончания войны. Офицерам будет позволено носить револьверы, положенные им по статусу, но только незаряженными.

4. Все раненые и больные получают немедленную медицинскую помощь.

5. Гражданскому населению гарантируется безопасность и нормальные жизненные условия.

6. Вам лично и другим генералам будет позволено иметь личный обслуживающий персонал и соответствующие условия содержания в лагере для военнопленных.

[Подписи:]

*Командующий 6-й русской армией
1-го Украинского фронта генерал Глуздовский
Начальник штаба генерал-майор Панов
06.05.1945».*

Генерал Нихофф поставил свою подпись под данными условиями капитуляции, полагая, что эта договоренность между офицерами высочайшего ранга не будет нарушена. Будучи германским офицером, он не мог сомневаться в этом. Возможно, так и было бы, если бы это зависело только от подписавших документ русских генералов. Однако впоследствии советская сторона не исполнила практически ни одного из взятых на себя обязательств.

Русские не могли скрыть свою радость от долгожданной сдачи Бреслау. Генерал Нихофф и его штаб

были приглашены ими на праздничный ужин. «Победители» и побежденные сидели за одним столом, уставленным самими лучшими блюдами. Изобилие выглядело даже нарочитым. На столе горели свечи и было множество холодных закусок, в том числе икра и слоенные пироги с мясом. Водка текла рекой. Бутылки с нею в изобилии стояли между блюдами. Стакан генерала Нихоффа также постоянно наполнялся водкой, хотя никто и не ждал от него, что он будет наслаждаться этим празднованием. Армейская корректность генерала требовала от него, чтобы он участвовал в роскошном застолье и не омрачал русским их праздника. Но при этом он не мог не думать о колоннах своих бойцов, которые в качестве пленных двигались на восток. Однако генерал Нихофф теперь и сам стал военнопленным. За столом раздавались многочисленные тосты, на каждый из которых нужно было поднимать полный стакан водки. Это были не только тосты за Сталина и Красную Армию, но и за Нихоффа и его отважную оборону Бреслау. Даже противники были вынуждены отдать дань уважения нашему генералу.

Дружеская атмосфера и корректность, которую встретили немецкие офицеры в этот вечер, безусловно, делают честь советским военным. Однако в конце дня свое слово сказали правящие политики, которым не было дела до солдатской чести.

У советских политиков высокого ранга генерала Нихоффа и его офицеров ждал ледяной прием. «Гостям» вполне ясно дали понять, что они стоят у двери в будущее, где у них не будет никаких прав. Советская сторона не намеревалась соблюдать соглашения, подписанные при капитуляции Бреслау. Пленные солдаты не получали еды, а население города превратилось в охотничью дичь, с которой русские солдаты могли развле-

каться по своему усмотрению. Кроме того, бойцы СС систематически отсортировывались от остальных.

Генералу Нихоффу пришлось провести в плену в общей сложности десять с половиной лет. Пять из них он провел в одиночной камере Лубянки, печально известной московской тюрьмы НКВД. А остальной срок отбыл в трудовых лагерях. Тюремные охранники поначалу с уважением относились к выданному генералу документу, который должен был оградить его от унижения, личного обыска и плохого обращения. Документ срабатывал, как волшебная палочка! Но лишь до тех пор, пока начальником лагеря не стал немецкий коммунист. Он порвал этот документ на клочки. Нихофф протестовал, ссылаясь на условия капитуляции Бреслау. Лагерный политработник с сарказмом ответил ему: «Эти так называемые условия ничего не значили, это был лишь успешный военный трюк!» К сожалению, он был прав.

В ночь на 7 мая 1945 года советские войска заняли Бреслау. Первые советские части, среди которых были и штурмовые войска, вошли в город в час ночи и заняли позиции на Одерском мосту и в других стратегически важных пунктах. На улицах города не было ни одного жителя. Все они прятались в подвалах превращенных в руины зданий и в страхе ждали, что произойдет дальше. И уже на улицах раздавался оглушительный рев моторов. Город наполнился русскими танками и другой всевозможной техникой из моторизованных частей. Грохот моторов нарастал по мере того, как город наполнялся все новыми и новыми беспорядочными колоннами русской техники. Раненые в нашем медицинском центре напряженно ждали развития событий. Одни из нас молча сидели, другие лежали, и каждый был погружен в свои собственные мысли и страхи.

Уличный шум заполнил подвалы, и нам стал слышен не только рев моторов, но также ржание лошадей и победные крики пьяных русских. Мне хотелось сохранить в своей памяти картину происходящего на улицах Бреслау, и я поднялся по лестнице на первый этаж отеля «Минополь», в подвал которого мы переместились к этому времени. Неприятное предчувствие говорило мне, что этого не следует делать и нужно скорее вернуться в подвал. Да и как иначе? Я смотрел на врага, с которым сражался так много лет, и впервые я был безоружен перед ним.

Все вокруг было наполнено русской техникой, медленно двигавшейся среди руин города. Грузовики были грязными и покрытыми следами наших снарядов и пуль. Между ними двигались танки с красными флагами, прикрепленными к башням. В опасной близости от машин ехали типичные русские телеги, запряженные крестьянскими лошадьми. Меня крайне поразило количество танков. Неужели нам удавалось удерживать продвижение этой огромной массы техники в течение целых трех месяцев?¹ Однако я не слишком долго смотрел на все это, поскольку услышал женские крики и стрельбу из пистолета. Я решил, что увидел достаточно и мне пора согласиться с призывами внутреннего голоса и поспешить вернуться в подвал к своим товарищам.

Через некоторое время в небе засверкал гигантский фейерверк из трассирующих пуль, сигнальных ракет и снарядов. Благоухающей майской ночью русские праздновали победу, стреляя в воздух не только из ав-

¹ Здесь автор, как всегда, преувеличивает. Основная масса советских танков была переброшена под Бреслау только в последние дни перед сдачей города, когда завершилось участие этих танковых частей в других, более важных операциях. — *Прим. пер.*

томатов, но даже из легких и тяжелых зенитных орудий. Некоторые из снарядов падали на заминированные участки, и до нас доносились взрывы. Раненые, которые могли ходить, смотрели на все это, стоя возле входа в подвал. Даже в охватившем нас крайнем унынии мы могли представить, что подобный фейерверк мог быть в Бреслау в мирное время в новогоднюю ночь, когда люди желают друг другу всего самого лучшего, что бывает в жизни. А эта майская ночь 1945 года стала прелюдией к кошмарным дням, когда жители подвергались произволу и были лишены всех своих прав.

Как выяснилось, сталинский приказ об уничтожении Бреслау подразумевал не только зверства над жителями, но и разрушение значимых зданий, которые чудом уцелели за время трехмесячной осады. Отряды пьяных русских разгуливали по городу и поджигали каждое здание, обратить внимание на которое им подсказывала фантазия.

11 мая была полностью сожжена церковь Барбары, а через шесть дней — церковь Магдалены. Городской дворец Фридриха Великого был уничтожен еще раньше. Как мы и опасались, все это сопровождалось грабежами и изнасилованиями. Во время боев в городе многие жители утешали себя тем, что хуже уже не будет. Но, как выяснилось, они оказались не правы.

Для наших военных и гражданского населения 8 мая не стало днем освобождения. Никто из нас не ощущал себя свободным. Наоборот, с этого дня начался ад. Полухуливая фраза «Наслаждайся войной, потом будет хуже» оказалась пророческой.

Мы старались не думать о судьбе женщин в Бреслау. Все они стали дичью, на которую русские открыли сезон охоты. Женщин и девушек насиловали даже офи-

церы, и их примеру следовали сотни солдат. Женщин Бреслау постигла та же судьба, что и сотни других представительниц слабого пола в Восточной Пруссии и других германских провинциях.

Согласно отчету Немецкой организации беженцев, созданной в 1974 году, «в немецком языке, к сожалению, нет таких слов, чтобы выразить пережитое гражданским населением Бреслау».

Госпожа Хедвига Геринг отмечала: «Сначала русские произвели на нас хорошее впечатление, но они одурачили нас. Моя племянница была изнасилована русскими солдатами на третий день оккупации. Ей было всего одиннадцать лет». Некоторые жительницы города попытались спастись от этого, сбежав на свои дачи под Бреслау, думая, что там они будут в большей безопасности. Госпожа А. Хартман оказалась одной из таких. Она вспоминала: «Мы сделали ошибку, поскольку в сельской местности женщин насиловали снова и снова точно так же, как в городе. Я не выдержала, слыша постоянные крики женщин, и сбежала обратно в город. Я, должно быть, была в состоянии шока, поскольку лишь потом я осознала, что была свидетельницей того, как женщины выпрыгивали из окон, предпочитая умереть, чем быть изнасилованными несколькими солдатами поочередно».

В рассказе госпожи Хартман, помимо приведенного выше описания страданий женщин, отражаются и беды, обрушившиеся на стариков и детей. Каждый русский в то время ощущал себя царем и мог делать с «германцами» все, что ему заблагорассудится, не неся за это никакого наказания. Подписанные генералом Нихоффом условия капитуляции Бреслау совершенно не соблюдались.

8 мая не стало счастливым днем и для антифаши-

стов. Даже громко озвученное членство в КПД (Коммунистической партии Германии) не спасло господина Лангвица из Нойкирхена, что в пригороде Бреслау, и жившую в городе госпожу Захер. Партийные билеты этих людей были изорваны в клочья красноармейцами, а потом сами они были убиты. Бывший мэр Хайнзельман, которому, несмотря на то, что он был евреем по национальности, счастливо удалось избежать депортации, озлобленно признавал: «А что же мы, антифашисты? Мы ощущали себя преданными и обманутыми теми, кто нам всегда обещал, что коммунизм освободит мир от ярма фашизма!»

Музыка из русских громкоговорителей постоянно прерывалась объявлениями на немецком языке, в которых военнопленным приказывалось собираться в определенных местах и ждать дальнейших указаний. Русские смеялись над офицерами, которые, согласно условиям капитуляции Бреслау, требовали освобождения своих бойцов. Подгоняя колонны пленных, постоянно раздавались русские окрики:

— Давай, давай!

Под эти крики бойцы двигались по пути, конечным пунктом которого были русские лагеря. Многие из пленных умерли в них.

Врач, руководивший нашим медицинским центром, решил ждать, поскольку не было особого приказа насчет раненых. Мы использовали последние часы свободы для того, чтобы посидеть или полежать на солнце на заднем дворе отеля «Монополь». Вместе с тремя другими ранеными, которые могли ходить, я взобрался на крышу отеля, чтобы бросить последний взгляд на город. Русские обнаружили нас на следующий день, 9 мая.

Утром нам было приказано выйти наружу. Русские

солдаты опасались сами спускаться в подвал и ждали на входе с автоматами наготове.

— Иди сюда! Руки вверх!

Раненые, которые могли ходить, поднялись по ступеням подвала, щурясь от светившего прямо в глаза солнца. Перед тем, как ступить на эти ступени, я был солдатом регулярной армии, но мне было ясно, что, поднявшись по ним, я стану одним из безымянных военнопленных. Однако этого не случилось, по крайней мере, в тот день. Увидев, что в подвале лишь раненые, русские не погнали нас с собой и даже не посмотрели на наши документы. Мы были неинтересны им, по крайней мере, на тот момент.

Через некоторое время после этого мы снова услышали хриплый русский крик. Русский солдат (на этот раз он был совершенно один) спустился в наш подвал. Подобно русскому медведю, ищущему мед, он обшарил все углы нашего подвала. Неожиданно его взгляд остановился на мне, а точнее, на моей койке. Она была единственной в подвале, на которой лежало хорошее голубое покрывало с белыми полосками и очень теплое одеяло. Бледная окраска покрывала делала особенно заметными на нем вшей, которых, благодаря этому, мне было легче давить. Основываясь на том, что я так хорошо устроился, русский решил, что я некто особенный.

— Иди сюда! — закричал он.

Я видел, что он ищет, кого бы ограбить, и в этой ситуации выглядеть не таким, как все, не могло означать для меня ничего хорошего.

Русский сорвал покрывало с моей кровати и обнаружил мой рюкзак и мои карманные часы. Взяв меня за плечо, он помахал ими перед моим носом, одновременно наставив на меня пистолет. Эти часы мне пода-

рил отец в связи с моим уходом в армию. Они были со мной всю войну, вплоть до этих пор. Из шести сыновей в нашей семье я был единственным, названным в честь моего отца, и на часах было выгравировано мое имя. Теперь они оказались у русского. Точно так же он «освободил» всех моих товарищей от часов, которые были у них, повесив захваченные «трофеи» себе на руки, которые и без того до самых локтей были увешаны часами.

Русский, однако, счел это недостаточным для своего триумфа, и, приставив к моей спине пистолет, заставил меня подняться вверх по ступеням. Я уверенно предположил, что пришел мой конец, и сейчас меня «почтят» выстрелом в затылок прямо у флага Красного Креста, висевшего над нашим медицинским центром. Мы с русским посмотрели друг на друга при дневном свете. Он был невысоким и коренастым. На нем были кожаные сапоги. Серая меховая шапка была надвинута на его рябое лицо, заросшее густой рыжей щетиной. Не самый лицеприятный облик! Однако на его коричневой рубашке было множество наград. Но на погонах русского не было золота, и я решил, что он сержант. Глядя на мои собственные награды, он неожиданно обнял меня, воскликнув: «Хороший солдат!» Отпустив меня, он указал рукой сначала на свои награды, а потом на мои и вдруг расцеловал меня в обе щеки, восклицая: «Война капут! Гитлер капут!»

Русский выглядел довольным и загорелым, а я, скорее всего, в отличие от него, был бледным. Проглотив комок, подступивший у меня к горлу, я попытался улыбнуться. Русский не мог не заметить рун СС на моей униформе и наверняка знал, что они означают, но не придавал этому значения (хотя русские обращались с эсэсовцами особенно жестоко, что ярко проявилось в последующий период). Говоря откровенно, в те дни

меня самого не беспокоило, что я из войск СС, хотя в будущем это могло погубить меня.

Вместе с русским мне пришлось идти дальше по подвалам «Монополя». Подобно лисе в курятнике, он охотился за женщинами, которые с криками спасались бегством. Это позабавило русского, и он даже пару раз выстрелил в потолок на кухне отеля. Раздобыв бутылку водки, он сделал из нее большой глоток, сказав мне:

— Твое здоровье! Война окончилась, можешь идти домой!

Мне не надо было повторять второй раз, и я поспешил вернуться к своим товарищам. Они смотрели на меня в крайнем удивлении, думая, что я пришел «с того света». Когда они услышали выстрелы, то решили, что русский застрелил меня. Да и кто может объяснить происшедшее? Кто поймет русскую душу, в которой сочетаются почти детская инфантильность, жестокость, наивность, добросердечность и непредсказуемое своеволие? Впоследствии у меня было много времени, чтобы познакомиться с непредсказуемым и странным русским характером.

Мы практически не сомневались, что потребление алкоголя играет огромную роль в каждодневной жизни русских. И нам довелось самим убедиться в этом. Видимо, в наказание за грехи наши, нам не повезло оказаться в непосредственной близости к винному погребу отеля «Монополь», который русские обнаружили вскоре после того, как заняли город. В результате мы становились свидетелями того, как люди в униформе, которые называли себя солдатами, напивались до неконтролируемого состояния и начинали во все стороны палить из своих пистолетов. Они вели себя, как животные. Нас самих при этом нередко выгоняли из подвала и заставляли пить с ними. Нам приходилось напивать-

ся до состояния, когда мы уже не держались на ногах. После этого почти все из нас стали убежденными трезвенниками.

Однажды вечером нас заставили стать свидетелями изнасилования одной из наших медсестер. Трое пьяных русских с шапками на затылках спустились в подвал, чтобы найти, как мы думали, еще выпивки. Однако они искали вовсе не это. С криком: «Баба, иди сюда!» — они поймали Ангелу, хорошенькую медсестру с красивой улыбкой, которая прежде так любила смеяться. Услышав ее крики, жених Ангелы, который был сержантом медслужбы, набросился на русских, не посмотрев, что их трое и что они вооружены автоматами. Русские, естественно, сбили его с ног, но, к счастью, не застрелили.

Мы все тут же выбежали из подвала и оказались в передней, но на нас сразу наставили автоматы. Ангелу положили на стол. Она отчаянно пыталась сопротивляться, но что она могла сделать? А мы были вынуждены стоять с поднятыми руками и смотреть на позорную сцену изнасилования. Всего несколько дней назад мы были вооружены и безжалостно расправлялись с подобными животными. Теперь нам не осталось ничего, кроме как смотреть за тем, что делают существа, называющие себя людьми, и у нас не было никакой возможности изменить ситуацию. Агитатор Илья Эренбург мог гордиться последователями своей пропаганды.

Изнасиловав медсестру, русские удалились. Ангела также исчезла в ту ночь. Позор, перенесенный ею при стольких свидетелях, оказался тем, что она не смогла вынести. Мы больше не видели ее.

Мы были проданы и преданы. Наши жизни оказались в полном распоряжении победителей. Мы могли жить сегодня, но умереть завтра или даже в тот же

день по прошествии лишь нескольких минут. Мы проживали каждый день с осознанием этого.

Как-то раз к нам неожиданно забрел очередной русский. Он резко выстрелил, и пуля пролетела у нас над головами. В результате некоторые из нас попадали с кроватей. К счастью, никто не пострадал при этом. А для русских это было всего лишь игрой. Игрой, в которой наши жизни висели на волоске.

К нам заходили и другие гости из русских, визиты которых были относительно безобидными. Так однажды к нам забрел «оратор», желавший попрактиковаться и нуждавшийся в аудитории. Он появился у нас, размахивая пистолетом, но при этом вежливо попросил раненых, которые могут ходить, проследовать за ним в переднюю. Там он встал на стул и начал по-русски произносить свою речь. Для большинства из нас это было все равно, что на японском. Он, должно быть, заметил, что его слова падали на выжженную почву, поскольку из них нам были понятны лишь «коммунизм», «Ленин», «Сталин» и «русская культура». Он спросил, сможет ли кто-нибудь быть переводчиком, и один из наших ребят, который был выходцем из Верхней Силезии, согласился на эту роль. Специально, чтобы он мог переводить, русский делал паузы, во время которых совершал по хорошему глотку из своей бутылки водки.

Надо сказать, что наш друг из Силезии обладал хорошим чувством юмора, благодаря которому он устроил нам незабываемый вечер. Он переводил нам совсем не то, что говорил русский. И мы внимательно слушали, мы аплодировали коммунистическим достижениям в советском раю. Мы были весело настроены, и наш «оратор» думал, что собрал прекрасную аудиторию. И почему нет, если он так вежливо попросил нас послушать его? Мы оказались очень терпеливой ауди-

торией и не мешали ему говорить до тех пор, пока он не упал со стула, переполненный двумя вещами, необходимыми для русской души, — интеллектуальными усилиями и горячительной жидкостью. Он так и остался лежать там до самого утра, пока один из русских офицеров не разбудил его ударом сапога и не погнал на выход, после чего жестоко избил. Мы подумали, что дисциплинарные меры в немецкой армии в подобном случае не были бы столь жестокими, и даже пожалели нашего «оратора».

В течение некоторого времени я игнорировал настоятельные советы моих товарищей, призывавших меня избавиться от моей униформы. Мне не хотелось идти в лагерь для военнопленных в больничной одежде. Однако чем больше вражеских солдат стало приглядываться к моим рунам СС, тем больше я стал задумываться над этим. В конечном итоге мне удалось сменить свою эсэсовскую униформу на униформу сержантского состава вермахта. Одновременно с этим я с тяжелым сердцем сжег свою солдатскую расчетную книжку, в которую были занесены все данные о моей военной карьере и детали моего участия в ближних боях на территории города. Я не только был благодарен судьбе за то, что выжил в этих боях, но и гордился, что принимал участие в них и внес свой вклад в их результат. Тем не менее я решил сохранить свои боевые награды.

Согласно записям в моем дневнике, наш медицинский центр был закрыт 18 мая, и мы были направлены на Херренштрассе, где находился временный лагерь для военнопленных. Оттуда нас должны были распределить в разные лагеря, и, прощаясь друг с другом, мы говорили друг другу, как это было принято в Бреслау, «Будь здоров!» и «Выше нос!» Мы не знали, соберут ли

нас потом вместе и встретимся ли мы когда-нибудь снова. Глаза отважных защитников Бреслау были наполнены горечью и грустью, словно у изнуренных волков.

Мой мозг постоянно будоражили мысли о том, чтобы совершить побег, но моя рука с наложенной на нее шиной препятствовала этому. В этом состоянии у меня не было шансов на успех. Тем не менее мне вовсе не хотелось оказаться в сибирской тайге. У меня не было иллюзий насчет того, в каких условиях нас будут содержать в лагерях для военнопленных. Я знал, что русские отказались подписать Женевскую конвенцию 1929 года, а также о том, что многие немецкие военнослужащие, взятые в плен в 1941—1942 годах, были казнены. И у меня не оставалось выбора, кроме как ждать, когда мое здоровье восстановится и я смогу сбежать при первом удобном случае.

Мое сознание посещали и другие мысли. Благодарный судьбе за то, что я выжил, я спрашивал себя: неужели есть бог войны, который посылает пули именно в того, кого он выбирает? Возможно, оставаясь невидимым, он продолжал следить за нами и за мной.

Небо было голубым, а облака большими и белыми в майский день, когда мы оставили медицинский центр и пошли в лагерь, двигаясь в колонне военнопленных. По пути к нам присоединялись другие части из гарнизона крепости. Раненых, которые не могли передвигаться самостоятельно, везли на санитарных машинах под надзором русских. Те же, кто мог идти, безмолвно маршировали в колонне. Мы не следили за тем, чтобы идти в ногу, не пели привычных строевых песен и даже не разговаривали друг с другом. В нашу колонну постепенно добавлялись бойцы пехоты, воздушных войск, а также члены Фольксштурма и Гитлерюгенда. Мальчиш-

кам из Гитлерюгенда была велика их униформа. Чтобы чувствовать себя увереннее, они старались идти рядом со своими товарищами из Фольксштурма.

Мы несли с собой только самое необходимое или, по крайней мере, то, что осталось у нас из такового. Как правило, это была лишь кружка, тарелка, необходимые бумаги и узел с нижним бельем. Некоторые, несмотря на теплую погоду, тащили с собой покрывала. Они исходили из того, что в Сибири будет холодно. Однако у меня не осталось даже шинели на этот случай.

Наши надсмотрщики были вооружены автоматами «ППШ» с круглыми магазинами. Они вели себя очень нервно, постоянно держали палец на спусковом крючке и время от времени делали по одному-два выстрела в воздух, хотя мы и не подавали для этого повода. Если кто-то отставал от колонны, на него тут же начинали орать и бить прикладами. Несчастливым приходилось собирать последние силы, чтобы продолжить путь.

В этой ситуации животные порою оказывались гораздо человечнее людей. Так, мне запомнилось, как одна из лошадей старалась осторожно обойти упавшего от изнеможения пленного солдата, в то время как ее наездник старался, чтобы она раздавила того человека.

Один из наших надсмотрщиков на ломаном немецком постарался пробудить в нас немного оптимизма, сказав:

— Война — это нехорошо, а вы отправитесь домой — это хорошо.

Но его слова были либо наивными, либо лживыми, и мы хорошо понимали это.

По пути те из нас, кто еще смотрел по сторонам, заметили изорванный плакат, возвещавший о новом немецком фильме с кинозвездой Кристиной Сöderман.

Половина ее смеющегося лица была оборвана с плаката, но название фильма отчетливо читалось. Название пробудило в нас боль и горечь. Кинокартина называлась «Жертва».

К наступлению темноты мы успели достигнуть лишь Стригауэр Плац. Я подумал о том, что именно здесь мой друг умер в бункере, где размещались раненые. К моменту нашего появления здесь уже стояли длинные колонны военнопленных. Остатки полка «Беслейн» должны были первыми покинуть город. Возможно, русские ждали от них какого-то подвоха. Бойцы СС стояли, освещенные фарами танков, и были подобны привидениям, отбрасывая в их свете невероятно длинные тени.

Нас постоянно пересчитывали русские солдаты: «Один, два, три...» Офицер спросил меня, не ранен ли я. «Легко ранен», — ответил я, поскольку не хотел оказаться отделенным от своих друзей. «В госпиталь!» — отрывисто сказал офицер. Вместе с другими ранеными я был отсеян от остальных и направлен в госпиталь для военнопленных, находившийся также на Херренштрассе.

Когда мы стояли на санпропускнике, на нас сердито смотрели иваны, державшие в руках винтовки, к которым были прикреплены штыки. У меня сложилось впечатление, что это были солдаты из тыла, поскольку те, кто сражался на передовой, относились к нам немного дружелюбнее. А эти орали и поторапливали нас. Должно быть, они были разочарованы, что не могут ничем поживиться с голых людей, у которых нет даже карманов. К этому моменту мы были уже «освобождены» от всего, чем мы обладали.

Надо сказать, что русские солдаты имели право каждый месяц отправлять домой посылки весом до вось-

ми килограммов. При этом офицерам дозволялось отправлять посылки в два раза большего веса. Наверное, чтобы они могли собрать обширную коллекцию «военных трофеев», как это называли русские. Это право отправлять посылки являлось явным призывом к тому, чтобы русские грабили местное население. Как иначе, ведь что еще может отправить домой солдат: бинты, снятые у него с ноги, или остатки от своего пайка?

В лагерном госпитале кровать, доставшаяся мне, оказалась еще теплой после человека, занимавшего ее до меня. Покрывало было испачкано кровью. Но это была, наконец, настоящая кровать! В мою первую ночь на Херренштрассе умер парашютист, лежавший на соседней койке. Он умер от столбняка, и я видел все этапы его борьбы со смертью. Трагедия была в том, что из всех нас у него было самое легкое ранение. Он был только слегка задет пролетевшей мимо него пулей. Для спасения ему нужна была всего лишь противостолбнячная инъекция, но он не получил ее. Ему пришлось лежать четыре часа, одеревенев от судороги. При этом двигались только его бледные глаза, которые смотрели на меня. Как и я, он был ходячим раненым, но ему пришлось умереть.

Ночь не выдалась спокойной и для тех, кому суждено было выжить. Тишину постоянно разрывали крики кого-нибудь из раненых, проснувшегося в поту от кошмара. Уже в те дни многим из нас снились кошмары, в которых вновь воскресали картины недавних боев.

На Херренштрассе у меня было достаточно времени, чтобы изучить моих новых соседей по палате. Это были очень молодые ребята. Казалось, они только вчера закончили школу. Но школа не подготовила их к тому, с чем они столкнулись на войне. Сидя за партой, эти ребята наверняка полагали, что учеба подготовит

их к дальнейшей жизни. Но, оказавшись в армии, они очень скоро убедились, что все их школьные знания совершенно бесполезны на войне. Здесь они должны были научиться иному, если хотели остаться в живых. Им просто нужно было уметь стрелять быстрее, чем враг, и вовремя оказываться в укрытии. Глядя на них, я понимал, что они столкнулись с грязью и ужасом войны еще до того, как их жизни успели начаться по-настоящему. Но я верил, что в жизни должны быть и другие цели, кроме тех, вокруг которых моя жизнь вертелась до этих пор. А значит, я думал, у этих парней еще есть шанс найти себя в жизни. Мне хотелось думать, что он будет и у меня.

На войну я ушел мальчишкой и уже там стал мужчиной. Но мои руки остались чисты: я ни разу не сделал ничего, что противоречило бы солдатской чести и долгу. Не запятнать свою совесть за столь долгую войну было очень непросто, и поэтому мне казалось особенно несправедливым, что теперь я был в плену. Я был далеко не единственным, кто так считал. Но немало было и тех, кто смирился со своей судьбой. Они играли в карты и, стараясь поднять настроение себе и другим, рассказывали анекдоты. Большинство из этих анекдотов мы уже слышали раньше, но все равно смеялись. Только теперь наш смех не был веселым и очень быстро умолкал.

Офицеры, чтобы хоть на что-то отвлечься, обсуждали свои тактические ошибки. От них часто можно было услышать: «Если бы мы сделали...» или «Если бы у нас было...» Но кто может точно сказать, что им нужно было делать, чтобы мы выиграли войну?

Некоторые были одержимы едой и рассказывали, как бы они приготовили то или иное блюдо. Надо сказать, что в те дни нас кормили только чечевицей.

В наших ежедневных разговорах неизменно присутствовала и еще одна тема — женщины. Да и как иначе? Мы ведь были как раз в том возрасте, когда наступает пик мужских возможностей! Мы все без исключения восхищались медсестрой Сьюзи из Гамбурга. Она была молоденькой и очень миниатюрной блондинкой, от нее всегда приятно пахло мылом и кремом для лица. Этот запах казался нам божественным. Сьюзи была воплощением женственности для нас всех и меня в том числе. Каждому из нас она напоминала тогда девушку его мечты. Мы все были втайне влюблены в нее, но наша влюбленность носила скорее платонический характер. Однако нам было не суждено долго любоваться красотой Сьюзи. Судьба обрекла нас на скитания, и мы кочевали из одного госпиталя для военнопленных в другой.

Один из этих госпиталей находился в полуразбомбленном здании кинотеатра «Скала». Это было массивное здание на Зальтштрассе, расположенное на берегу Одера. До кинотеатра там размещалась биржа труда. Вплоть до этого периода татуировка с группой крови у меня под мышкой не создавала мне никаких неприятностей. Врачи в госпиталях еще не рассматривали ее как «метку Каина». Но я понимал, что в скором времени русские еще возьмут реванш над теми, кто был в войсках СС. И я должен был любой ценой избавиться от своей татуировки. Некоторые другие пациенты, воевавшие в СС, пытались избавиться от татуировок, выжигая их сигаретами или с помощью долгого трения по коже шероховатым камнем. Мне даже говорили, что это можно сделать с помощью молока. В последнее я не поверил. Да и в любом случае, где я мог тогда взять молоко?

Ассистент доктора Маркварт Михлер захотел по-

мочь мне и предложил сделать небольшую операцию. Осуществить ее он мог только с помощью самых примитивных инструментов, поскольку ее факт должен был держаться в секрете ото всех. В качестве скальпеля Маркварт использовал бритвенное лезвие, а в качестве анестетика — лед. В условленное время мы встретились в одном из больших подвальных помещений. На выходе из него дежурили часовые, и я приготовился к худшему.

Я оголил руку, и она была надлежащим образом обложена льдом. Неожиданно нам пришлось прерваться из-за подозрительного шума. В результате участок вокруг татуировки больше не был замороженным. Но здесь мне приходилось выбирать, как говорится, между десятью минутами боли и двадцатью пятью годами в Сибири. Поэтому при тусклом свете свечи операция началась.

Меня охватила отчаянная боль, несравнимая даже с болью при ранении пулей или осколком. Но я должен был стиснуть зубы и терпеть. У меня не оставалось иного выбора, потому что татуировка СС могла погубить мое будущее и даже жизнь. После операции рана на месте татуировки очень сильно кровоточила. Я попытался остановить кровотечение, отсасывая кровь. Затем Михлер сказал мне помочиться на обрывок армейской рубашки, и наложил его на рану, чтобы предотвратить заражение. Через некоторое время повязка была заменена пластырем. Когда рана зарубцевалась, мои страхи остались позади. На мне больше не было метки СС, и я надеялся, что это позволит мне уцелеть в ситуации, когда была развязана охота на эсэсовцев. На моей руке остались лишь едва заметные шрамы, которые тем не менее можно разглядеть и сегодня.

В своей группе раненых я был старшим по званию.

Следовательно, именно я должен был докладывать врачам о количестве присутствующих пациентов и других вещах, интересовавших русских. Когда я исполнял эту обязанность в самый первый раз, мои действия вызвали улыбки на лицах немецких докторов и медсестер, стоявших позади группы русских врачей. Действуя, как полагалось в немецкой армии в присутствии старших по званию, перед докладом я щелкнул каблуками и салютовал, как это было принято в Германии. После этого я замер в сомнении. Все-таки привычка есть привычка, от нее никуда не деться. Но русские даже бровью не повели, совершенно проигнорировав мои действия, противоречившие установкам нового режима.

Надо признать, что в сравнении с пленными, которых везли на восток в вагонах для перевозки скота, нам, находившимся в госпитале, было грешно жаловаться. Мы могли свободно передвигаться по его территории и даже выходить на берег Одера. Мы целыми днями загорали, лежа там и глядя на солнечные блики, устилавшие водную поверхность. Я, как и многие, был благодарен судьбе даже за это. Но были и те, кто все равно впал в глубокую депрессию. Одни из них целыми днями лежали на своих койках и не хотели даже вставать. Другие, наоборот, расхаживали взад и вперед по палате, подобно запертым в клетке котам, и искали угол, где они могли побыть наедине с охватившим их отчаянием.

Однажды в середине августа 1945 года наш больничный покой был вдруг резко нарушен. Мощные подводные взрывы вызвали возникновение на поверхности Одера огромных фонтанов воды. Дело в том, что из-за жаркого летнего солнца уровень воды в реке к этому времени понизился, и неразорвавшиеся снаря-

ды, другие боеприпасы, точно так же, как и оружие немецких солдат, которое они бросали в воду, оказались над поверхностью воды. Раскалившись на солнце, все это взорвалось. Взрывная волна повалила на землю раненых, гулявших по набережной, и даже разрушила часть слабых стен и мебели нашего госпиталя. Русские пришли в панику, решив, что это мы устроили взрывы, чтобы массово сбежать, воспользовавшись суматохой. Однако мы сами, точно так же, как и они, не могли сразу понять, что произошло.

Советские солдаты с автоматами наготове носились по территории вокруг госпиталя, сгоняя нас всех в одно место. Признаться, происходящее даже доставило мне некоторое удовольствие. Это было хоть каким-то развлечением в нашей однообразной жизни. В те дни я старался смотреть с юмором вообще очень на многое, потому что, думая о несчастьях и копаясь в себе, ничего не стоило впасть в глубокую депрессию.

Стараясь отвлекаться, я также прочитывал почти все книги, которые оказывались в моем распоряжении. Чтение позволяло хоть на какое-то время оградить сознание от реальности и не думать о том, что творилось вокруг. И это было хорошим способом успокоиться и найти в себе мир, который мне был так нужен после нескончаемых боев и напряжения, в котором приходилось жить многие месяцы подряд.

К моему счастью, в передней и подвалах бывшей биржи труда оказалось огромное количество книг. Я очень обрадовался, когда нашел среди них и книги на голландском. Скорее всего, они когда-то хранились в библиотеке биржи, чтобы их могли читать иностранные рабочие. Я читал все интересное, что мне удавалось найти. Книги помогали мне переноситься в чужие страны, где я никогда не был. А еще я прочитал все то, что мне

было интересно раньше, в частности, стихи и другие произведения Шиллера.

В результате мне удалось по-новому посмотреть на мир. Я вновь научился радоваться солнечному теплу, пению птиц и кружащим над травой разноцветным бабочкам. Подобно маленькому ребенку, я мог следить за жуком, который полз по песку. Все это позволяло мне хоть немного отвлечься от терзавших меня тревог за мою семью, оставшуюся в Голландии. Я по-прежнему ничего не знал об их судьбе. Но мне нужно было выработать в себе немного оптимизма и ясность сознания, чтобы не стать жертвой «синдрома узника».

Мои товарищи из других частей, особенно те, кто был постарше, всячески подбадривали и поддерживали меня. Они обсуждали со мной, что довелось пережить им самим. Они делились со мной своей жизненной философией, и это очень помогало мне. Особенное успокоение мне приносили разговоры с Карлом-Хайнцем Корфильдом, который попал в наш госпиталь с раненой ногой, и с помощником хирурга Марквартом Михлером. Как я уже говорил, последний очень много сделал для меня, и у нас установилась близкая дружба, продолжавшаяся долгие годы.

Поскольку война закончилась уже несколько месяцев назад, то иваны перестали быть столь фанатичными и жестокими. Они стали относиться к пленным более мягко, а некоторые из них даже сочувствовали положению, в котором мы оказались. У себя в госпитале мы организовали оркестр. Правда, большинство инструментов у нас были самодельными. Но тем не менее среди нас были профессиональные музыканты, и они играли на них свой личный репертуар. Среди нас оказался и фокусник. Он показывал нам удивительный трюк, когда один из наших товарищей на наших глазах

исчезал из деревянного ящика. Но что бы случилось, если б он исчез на самом деле и не появился на переключке на следующий день? Мы смеялись при этой мысли, представляя негодование русских.

Через некоторое время мы снова были перемещены на новое место. Теперь мы оказались в церковном пансионе Хедвигштифт. И там нас остригли, как овец! К этому моменту все мы уже успели заметить, как были пострижены сами русские военные. Головы рядовых солдат были выбриты, сержанты были очень коротко пострижены, а офицерам дозволялось стричься так, как они захотят. Это было обусловлено медицинскими мерами против вшей. Тем не менее мы протестовали против подобной стрижки нас самих. Но русские лишь ухмылялись в ответ на наши протесты:

— Побреете головы — не будет вшей! Давай, давай!

Тех из нас, кто продолжал протестовать, обривали насильно. Я счел это слишком унижительным, и также отказался стричься. Однако у меня было преимущество: я был голландцем. Благодаря этому, меня не стали стричь принудительно, но я должен был сам доложить об этом их начальнику.

Появились двое русских, которые должны были сопровождать меня к нему. На них были голубые фуражки, и это означало, что они из НКВД. По пути их лица были непроницаемыми. Начальник, оказавшийся в звании капитана, сразу начал допрашивать меня:

— Как тебя зовут? Ты не немец, значит, ты из СС?

Я понял, к чему он клонит, и стал косить под дурачка, повторяя на ломаном русском:

— Я не понимаю. Я не понимаю.

Мои слова привели капитана в ярость. Он приказал мне снять куртку и рубашку, которые мне не разреши-

ли даже положить на стоявшую в комнате койку, чтобы по ней не разбежались вши из моей одежды.

Стараясь быть убедительным, я объяснял капитану, что шрам на моей руке — результат попадания шrapнели. Но он не поверил мне:

— Ты эсэсовец!

При этих его словах меня снова подхватили двое русских с непроницаемыми лицами, и вскоре я был пострижен точно так же, как и мои товарищи.

Я надеялся, что на этом инцидент исчерпан. Но, как выяснилось, я ошибался. Теперь меня считали отмеченным «печатью Каина» и отделили от остальных. Однако я пробыл в одиночестве совсем недолго, поскольку была начата охота и на других солдат СС. Охранники в поисках татуировок заставляли пленных снимать рубашки и показывать им левую руку, чтобы вычленить членов СС. Они прочесывали все здание, чтобы проверить каждого из содержащихся в нем пленных. Тем не менее некоторым все-таки удалось спрятаться от проверки в подвалах. Однако нас все равно собралось достаточное количество (только в одном помещении, где я содержался, было двадцать пять человек), и начальник госпиталя нашел способ использовать нас в своих целях.

Вплоть до этого времени некоторым из пленных удавалось совершать побеги. Теперь же было объявлено, что за каждого сбежавшего один из нас будет расстрелян. Мы надеялись и молились на солидарность наших товарищей. И надо сказать, что, хотя мы находились под особым арестом в течение шести недель, наши товарищи нас не подвели и за это время не произошло ни одного побега.

После этого мы, бывшие под особым арестом, и все остальные пленные, находившиеся в Хедвигштифте,

снова были перемещены на новое место. В связи с хлопотами по организации нашего перемещения русские на короткое время забыли об охоте на эсэсовцев. Нашим местом назначения был монастырь сострадательных братьев. Для меня это место оказалось последним, куда я попал в качестве военнопленного.

В монастыре нас должны были рассортировать для отправки в Сибирь. Судьба каждого военнопленного решалась комиссией из русских врачей, в которой были как мужчины, так и женщины. Монастырь очень хорошо охранялся. Среди монахов, в полном соответствии с названием их монастыря, мы встретили сочувствие к нашим судьбам. Большинство из них говорило по-польски, и на этом языке они пытались разговаривать с нами. Но, к сожалению, они ничем не могли нам помочь.

Через некоторое время нам стало известно, что когда комиссию возглавляет один доктор, а точнее — докторша, то очень немногим удается избежать путешествия в «советский рай». Страх охватывал каждого из наших бойцов, когда его имя оказывалось в списке в тот день, когда эта женщина, которая была в звании майора, возглавляла комиссию. Выглядела она, как типичная русская. Ее огромную грудь обтягивала гимнастерка. Никогда, даже в самые жаркие летние дни, ее нельзя было увидеть без шапки с красной звездой, из-под которой виднелись по-армейски коротко постриженные темные волосы.

Она была крайне суровой. Ни лихорадка, ни болезни желудка не могли спасти пленных от путешествия в Сибирь. Хотя, конечно, у несчастных оставалась возможность попытаться сбежать по пути. В Россию отправляли всех пленных, которых по состоянию здоровья относили к первой группе. У этой женщины-майора был

очень сомнительный метод определения, кто здоров, а кто нет. Не обращая внимания на симптомы той или иной болезни, она резко и сильно ударяла по спине тех, кто попадал к ней на обследование. Многие сомневались, что подобный метод вынесения диагноза имеет хоть какие-то медицинские основания. Но она считала иначе или, по крайней мере, хотела так считать. В результате даже те, кто был ранен в ногу и передвигался на костылях, определялись в первую группу.

Свой двадцать второй день рождения я встретил 4 сентября 1945 года. Однако, согласно записям в моем дневнике, этот праздник вовсе не был радостным для меня, а наоборот, спровоцировал глубокое уныние. Я думал о родном доме. Я спрашивал себя, остался ли в живых хоть кто-то, кто вспоминает обо мне в этот день? Мой дневник также сообщает, что из-за малярии и дизентерии многих моих товарищей уже не было со мной. Их увезли в пересыльный лагерь в Хундсфельде, населенном пункте неподалеку от Бреслау. Оттуда они были направлены на восток, вопреки тому, что условия капитуляции Бреслау, подписанные генералом Нихоффом, гарантировали возвращение домой. Домой? Мы уже мало надеялись вернуться туда.

Так или иначе, некоторое время спустя наступил день, когда мое имя оказалось в списке тех, кому настала пора пройти медицинскую комиссию. Нас собралось около сотни человек. Подобно овцам перед бойней, мы выстроились в темном коридоре монастыря перед помещением, в котором заседали врачи. Среди нас были бойцы с ампутированными конечностями. В тех обстоятельствах мы почти завидовали их крайне высоким шансам избежать отправки в Россию. У нас было мало надежды на это. Помимо безруких и безногих, оптимизма были полны те, у кого было пробито пу-

лей легкое (подобное ранение не хотел бы получить никто из нас). Они с интересом рассматривали великолепные фрески, украшавшие потолки монастыря. А нас, не имевших подобных ранений, фрески волновали очень мало. Мы были погружены в собственные мысли.

Очередь двигалась медленно, крайне медленно. Проходил час за часом. Внутри нас возрастало напряжение: куда нас отправят — домой или в Сибирь? По коридору, проверяя очередь, то и дело проходили русские со списками. Их сопровождали немецкие врачи и очень молодая русская женщина в униформе. Ее появление немного рассеяло наши грустные мысли. А их могло рассеять только появление такой красавицы! Она была блондинкой с длинными волосами, которые были закручены улиткой у нее на затылке. Распустив их, она, должно быть, становилась еще красивее. Каждый раз, когда она проходила мимо нас, мы следили за ней взглядом. У нас у одного за другим отвисали челюсти, когда мы смотрели на ее удивительно стройные ноги в мягких марокканских кожаных сапожках, облегавших ее икры, подобно чулкам. При этом сама она, казалось, хотела произвести совершенно иное впечатление, и даже идти старалась не женственной, а военной походкой. Но, конечно, она заметила, какое впечатление производила на нас, и поджимала губы, словно это могло что-то убавить от ее красоты.

Наконец, мне осталось совсем немного стоять в медленно двигавшейся очереди. Дверь помещения, в котором проходила комиссия и где должна была решиться моя судьба, была уже недалеко от меня. У меня начало сводить живот при мысли о том, что меня ждет. Но я решил, что, если меня определяют в первую группу, я попытаюсь сбежать. Возможно, мне удастся найти надежного товарища, на которого можно будет поло-

житься, и тогда мы попробуем совершить побег по пути. Однако, как оказалось, меня, видимо, не собирались отправлять в Сибирь. Неожиданно пленным, оставшимся в очереди, объявили, что прием комиссии на сегодняшний день закончен и нас осмотрят завтра.

Эта ночь казалась мне невероятно долгой. Я так и не смог заснуть, думая о том, какая судьба ждет меня завтра. На следующий день я оказался перед комиссией даже быстрее, чем я ожидал. Помещение, где проходил осмотр, было наполнено сигаретным дымом. В нем находились русские и немецкие врачи, переводчик, а за столом главы комиссии сидела... та самая русская девушка, на которую мы так засматривались вчера! Это означало, что она была военным врачом, хотя по ее внешности мы могли подумать, что она просто студентка.

Чтобы осмотреть мое ранение, она осторожно сняла повязку с моей руки и столь же осторожно ощупала участок вокруг пулевого отверстия. На тот момент моя рука была почти парализована, но я ощущал мягкие прикосновения ее длинных и тонких пальцев. Тем не менее в нужный момент я вскрикнул, как научил меня Маркварт во время своего «курса симуляции». Он также объяснил мне, что моя рана не заживет быстро, если я не буду носить свою руку на перевязи, и поэтому, чтобы оттянуть свое выздоровление на как можно более поздний срок, я пользовался перевязью очень редко. Результат этого теперь был налицо. Мое состояние действительно было плачевным, хотя и не таким плохим, как у некоторых других.

Врачи начали обсуждать мою судьбу. За время своего общения с иванами я уже научился немного понимать по-русски. В их дискуссии я разобрал слово «хорошо». Неужели оно означало, что я достаточно хорош

для работы? Неужели меня не собираются отпустить? С замиранием сердца я смотрел, как возглавлявшая комиссию красавица несколько минут перешептывалась со своим коллегой в белом халате. Потом она повернулась ко мне и, улыбнувшись, сказала:

— Дуй домой!

Это означало, что меня отпустили из плена!

Смысл ее слов я полностью осознал, только выйдя из комнаты, где проходила комиссия. Меня отпустили! Случилось ли это благодаря советам по симуляции моего друга Маркварта, или я просто оказался симпатичен русской девушке, которая была моей сверстницей? Мне было не суждено узнать это. В любом случае, ее решение спасло меня от Сибири, спасло мою жизнь! Ошеломленный, но счастливый, я поспешил в свою комнату, чтобы поделиться своей радостью с товарищами. Однако большинство из них были отнесены в первую группу. Мне стало ясно, что мои восторги еще сильнее подавят их. И я не мог утешить их, у меня не было слов для этого. Я просто стоял в комнате, а из монастырского сада до нас доносилась меланхоличная игра гармонии. Исполнявшаяся мелодия была известна каждому, кто носил униформу. И эта музыка заменила собой все ненужные слова. Она выражала отчаяние одних и надежду других. Я повторил про себя строчки из этой песни: «Все проходит, все проходит мимо...»¹

¹ Речь идет о песне «Es geht alles vorueber...», исполнявшейся Лале Андерсен, которая воспринималась миллионами солдат как воплощение Лили Марлен. Эта песня была любима всем германским народом, но тем не менее в конце войны была запрещена, поскольку разочаровавшиеся в Гитлере острословы продолжали строки «Es geht alles vorueber, // es geht alles vorbei» таким выводом: «Zuerst fällt der Fyher // and dann die Partei» (Сначала падет фюрер, // потом — партия). — *Прим. пер.*

Глава девятнадцатая

В ПОЛЬШЕ НА НЕЛЕГАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Теперь война для меня закончилась. Потсдамская конференция, проходившая с 17 июля по 2 августа 1945 года, поставила точку в последнем акте силезской драмы. Союзники отняли Бреслау у Германии и отдали Польше. Впрочем, польский флаг начал развеиваться над городской стеной еще в середине мая. Город Бреслау даже перестал называться этим именем, он получил польское имя Вроцлав. Его 700-летняя культура была отдана полякам и польскому правительству, которые могли распоряжаться ею по своему усмотрению. Германия потеряла одну из столиц своей империи.

И это не было неожиданностью. Судьба восточных провинций Германии была решена еще на Ялтинской конференции в феврале 1945-го. Союзники делили их, словно военные трофеи. И хотя Польша потеряла ряд территорий, которые отошли к Советскому Союзу, ее границы расширились на 250 километров за счет передачи полякам немецких земель. Возможность подобного решения обсуждалась еще в ходе Тегеранской конференции в начале 1943 года, где Уинстон Черчилль сухо сказал: «Ничего не поделаешь с тем, что приходится наступать на пальцы немцам».

Происшедшее привело к принудительной конфискации собственности и изгнанию с родных земель 15 миллионов немецких жителей. В результате этого погибло три миллиона людей. «Земля смерти от Одера до Нейссе, где творится беззаконие» — так сказал об отданной Польше территории журналист Роберт Юнг

26 ноября 1945 года на страницах цюрихской газеты «Вельтвохе».

Я был освобожден из плена 20 сентября 1945 года. Мне была выдана справка об освобождении и буханка хлеба. В Бреслау мне разрешалось оставаться в течение всего 24 часов. Но я нелегально пробыл там целый год. Перед освобождением мне сказали: «Дуй домой!» Но где теперь был мой дом? Я не хотел и не мог вернуться в Голландию, какой она стала после войны. Я знал, что официальные власти Голландии во время войны были на стороне Советского Союза. Основываясь на этом, я решил, что вернувшихся на родину добровольцев войск СС в Голландии не может ждать ничего, кроме репрессивных мер. Позднее выяснилось, что я ничуть не ошибся в своем предположении. Однако, даже оставаясь в Бреслау, мне нужно было найти себе новый дом.

Признаюсь, радость буквально переполняла меня, когда я оказался на свободе. Наконец-то свободен! Свободен! Теперь я мог жить без русских надзирателей и запертых дверей неволи. Армейская дисциплина и постоянный страх смерти военных лет также больше не давили на меня. Я был предоставлен самому себе. Впрочем, со мной не было не только русского конвоя, но и моих надежных товарищей, с которыми можно было пережить любые беды. Неожиданно я ощутил страшное одиночество. Но затем ко мне пришло осознание того, что теперь я должен самостоятельно выработать стратегию выживания в эти непростые годы. Она, без сомнения существовала, но мне еще только предстояло ее найти.

Моя униформа к этому времени превратилась в лохмотья. Я был похож на бродягу. Но именно это делало мой вид схожим с обликом разрушенного города. Я за-

шагал к дому молодой военной медсестры, жившей в Бреслау. Она получила освобождение немного раньше меня и теперь жила со своей матерью в пригороде Карловиц. Выйдя на свободу, она смогла отыскать мои личные вещи (это был мой дневник и дорогие для меня старые фотографии), тайно вынести их из госпиталя и спрятать в надежном месте.

Дома у этой медсестры я переоделся в костюм ее брата, которые не жил с ними тогда. Теперь я мог выйти на улицу. Правда, делать это было опасно и в гражданской одежде, поскольку свирепствовал польский террор. Каждого молодого человека моего возраста неизбежно подозревали в том, что он был солдатом. А если ты давал им слабину, то поляки тут же разрывали в клочья твою справку об освобождении.

В конце войны польская милиция, официально именовавшаяся «органом общественной безопасности», согласно задумке коммунистов должна была поддерживать в стране новый социалистический режим. Однако среди новоиспеченных милиционеров оказался довольно высокий процент криминальных элементов, которые нередко занимались откровенным грабежом. Одеты польские милиционеры были в кожаные куртки, хотя порою позволяли себе наглость напяливать на себя немецкую униформу и носить немецкое оружие. Они ощущали свое господство над остальным населением и обворовывали его и днем, и ночью. Многим из милиционеров за время войны не довелось даже понюхать пороха, но они все равно считали себя «победителями», которым все позволено.

Как ни странно, но в этой обстановке польского террора именно представители воцарившейся в стране советской власти становились спасителями немцев, живших в Бреслау. Последние очень быстро нашли

верную систему действий. И теперь, когда поляки пытались ворваться в немецкое жилище, его обитатели тут же предупреждали соседей криками и звоном посуды, те поднимали такой же шум, и сигнал о вторжении польских бандитов, переходя от дома к дому, распространялся по всей улице и в итоге доходил до какого-нибудь командира русской части, находившейся в Польше. Последний тут же высылал на автомобилях солдат, которые были только рады возможности задать трепку полякам. По отношению к ним иваны были безжалостны и часто открывали огонь.

Здесь следует заметить, что русско-польские отношения и прежде не были хорошими, но когда Советский Союз «освободил» Польшу от ярма фашизма, чтобы заменить его ярмом коммунизма, они стали еще хуже. Взаимная ненависть между русскими и поляками выливалась в каждодневные убийства с обеих сторон. Неудивительно, что так называемый мир, наступивший после войны, только усилил психологический кризис, в котором пребывали многие люди. Количество самоубийств превысило даже уровень, наблюдавшийся в Бреслау во время осады.

Общий уровень смертности был катастрофическим, особенно среди детей и стариков. Одной из причин этого стало и отсутствие элементарных гигиенических условий. Люди гибли как мухи от тифа, тифозной лихорадки, дизентерии и дифтерии. Первыми жертвами этих болезней всегда становились младенцы. А дети постарше и взрослые очень часто умирали еще и от недоедания.

При этом поляки очень быстро заполнили до отказа центральную тюрьму на Клечкауэрштрассе людьми, арестованными по ложным обвинениям. Многих из них ждала страшная смерть в застенках. Один из немецких

железнодорожников был помещен туда по сфабрикованному обвинению в том, что он возглавлял гестапо Бреслау. Ему не помогло даже служебное удостоверение железнодорожника. В ответ на протесты несчастного, его очень сильно ударили в область гениталий и стали избивать полицейскими дубинками. Это продолжалось до тех пор, пока он не подписал признательные показания.

В ходе ночных проверок тюремные охранники не только будили заключенных, но и заставляли их, стоя по стойке смирно, говорить: «Наша камера забита немецкими свиньями!» Также именно ночами над людьми, содержащимися в камерах, проводились наиболее жестокие пытки, в ходе которых по радио на полную громкость играла музыка, чтобы заглушить стоны и крики несчастных.

После того, как поляки взяли под свой контроль Силезию, они организовали концентрационные лагеря, где немцев морили голодом, забивали до смерти, а также истребляли другими методами. Один из подобных лагерей находился в Ламсдорфе. Издевательства над пленными, организованные Сталиным, теперь столь же исправно проводились в жизнь поляками. И только в одном этом лагере 6488 немцев были расстреляны, повешены или умерли в стальных бочках, в которые их заталкивали и катали до тех пор, пока пленники не погибали от этой пытки.

В Бреслау и во всей Силезии для немцев наступили трудные времена. В любой момент их могли выдворить из дома и отправить на принудительные работы. Все больше и больше солдат немецких войск, на том или ином основании выпущенных русскими на свободу, вновь арестовывалось поляками. Подобная ситуация

не сулила мне ничего хорошего и вызывала постоянную тревогу.

Что характерно, над многими домами в Бреслау развевались флаги иностранных государств. Это обеспечивало безопасность их обитателям, поскольку к гражданам других государств с уважением относились и русские, и поляки. Я то и дело натыкался на французские, итальянские и другие национальные флаги. Это натолкнуло меня на мысль. Конечно, даже имея статус иностранного рабочего, я не мог обладать стопроцентными гарантиями безопасности, поскольку в этом случае меня могли классифицировать как перемещенное лицо и подвергнуть репатриации. Однако это было лучше, чем ничего. И я задался целью раздобыть фальшивые документы. А пока их у меня не было, я носил нарукавную повязку с цветами национального голландского флага.

Вскоре мне удалось раздобыть и бумаги с печатью, говорившие о том, что во время войны меня насильственно заставили работать в сети немецкого общественного транспорта на территории Бреслау. Их мне сделал один из бывших руководителей этой сети. Возможно, его помощь спасла мне жизнь. Несколько лет спустя я смог отблагодарить его за нее. Когда мой мнимый работодатель проходил в западной зоне Германии проверку на причастность к нацистским преступлениям, я выступал свидетелем и подтвердил, что во время войны он всегда по-человечески относился к своим иностранным подчиненным и никоим образом не унижал их достоинства.

В той сложной ситуации, которая была тогда, немцы и бывшие бойцы немецкой армии всегда помогали друг другу. Лизоблюдов и предателей в наших рядах было ничтожно мало. Поэтому мы могли доверять друг

другу, а ужасы пережитого сближали нас теснее, чем братьев. Таким образом, мы вместе создали как бы островок немецкой земли в центре крайне враждебного к нам мира.

Замечу, что в тот период было практически невозможно сбежать из Бреслау. Поляки организовали вокруг него контрольно-пропускные пункты, на которых дежурили часовые. Уже весной 1945 года их пост появился на переправе через реку Нейссе в Герлице. А ведь многие пользовались прежде именно этой речной переправой, чтобы покинуть город.

Более того, поляки, в соответствии со своей программой этнических чисток, организовывали многочисленные «гетто» для немцев, полагая, что там их будет легче контролировать. Говоря откровенно, данные меры в действительности лишь облегчали грабеж собственности немцев и позволяли унижать их, как заблагорассудится новоявленным хозяевам положения.

Эту программу этнических чисток поляки начали осенью 1945-го. Карловиц, где я жил с первого дня после моего освобождения, попал под нее одним из первых. Местным жителям было предоставлено всего полтора часа на сборы. Они могли взять с собой личное имущество, общий вес которого не должен был превышать 20 килограммов, и покинуть свои жилища, оставив ключи в замках.

Я сбежал из Карловица к жившему в городе моему другу Маркварту. Он работал помощником доктора и был освобожден в одно время со мной. Мы были однолетками, и настолько близко сошлись друг с другом, что не могли наговориться. Мой друг жил вместе с работавшей с ним медсестрой в полуразрушенном доме. Его комната находилась под самой крышей. Ни поляки, ни русские не любили наведываться в этот дом, по-

сколько он мог рухнуть в любой момент. Но это не пугало нас, старых вояк. У нас хватало других забот, тем более что свой хлеб нам приходилось покупать на черном рынке за злотые. Немецкая марка к тому времени уже исчезла из обращения на территории Бреслау. Мой друг зарабатывал некоторые деньги на врачебной помощи русским и полякам.

Многие немцы предпочитали не выходить из своих жилищ. Однако им было необходимо продовольствие, которое они меняли на остававшиеся у них вещи. Я, благодаря своему статусу иностранца, мог выступать в роли посредника. В качестве вознаграждения за труды от подобных операций мне всегда оставалось несколько злотых, и на них я мог приобретать еду для себя самого. Однако ситуация на рынке была нестабильной. И поэтому мы порою ложились спать настолько голодными, что даже не могли из-за этого заснуть. А иногда мы, наоборот, жили, как французские короли, переедая польских сосисок и пирожных с кремом.

Из того времени мне особенно запомнился один случай, который может показаться странным, но в действительности очень точно характеризует взаимоотношения между западными союзниками и коммунистами. Маркварта попытались завербовать в шпионы. Однажды, вернувшись домой, он рассказал мне, что к нему приходило двое незнакомцев. Это были американцы, которые предложили ему значительную сумму за то, что он будет информировать их о политической ситуации в Бреслау после того, как городом стали управлять поляки. Ему предложили шпионить. Шпионить в интересах Америки, которая прежде была нашим врагом. Шпионить против коммунистов, которые также были нашими врагами. Т. е. американцы собирались следить за коммунистами, которые совсем недавно были

их братьями по оружию. Американцы стремились быть вооруженными против всех, кто мог стоять на их пути. И мой друг ответил отрицательно на их предложение, несмотря на то, что с финансовой точки зрения оно было чрезвычайно заманчивым.

Вскоре после этого, в ноябре 1945-го, Маркварт покинул Бреслау, хотя именно здесь он родился и прожил детство и юность. Он не видел перспектив для своей дальнейшей медицинской карьеры в условиях, когда все оказалось в руках славян. Незадолго до своего отъезда он написал стихи, в которых были такие строки:

Мой дорогой город, превращенный в руины,
Прости, что хочу убежать от тебя,
но здесь невозможно жить.

Маркварту было не суждено увидеть Бреслау снова. Однако когда через несколько лет мы опять повстречались с ним, он был уже не только семейным человеком, но и профессором медицинских наук.

После его отъезда мне не пришлось слишком долго страдать от одинокого существования. Многие жители Бреслау были рады приютить меня у себя, поскольку я мог выступить в роли их защитника. Таким образом, мне в течение долгого времени довелось жить на Клостерштрассе в доме одной пожилой леди. Чтобы помешать польским грабителям ворваться в ее жилище ночью, я укрепил все двери с помощью толстых досок. Предпринятые мной меры оказались не напрасными. Бандиты много раз пытались проникнуть в дом, но это им так и не удалось.

Что интересно, моя хозяйка была замужем за бельгийцем. Когда она, наконец, получила разрешение выехать к нему, то оставила свой дом мне и даже дала мне бумагу, скрепленную ее подписью, удостоверяющую мое владение. Это, конечно, не особо понравив-

лось полякам. И они сумели-таки найти лазейку, которая позволила им объявить мои документы на право собственности домом не имеющими законной силы. Поляки придрались к тому, что на бумагах не стояло подписи и печати нотариуса. Из-за этого я не был официально признан владельцем дома. Однако я все равно мог оставаться в нем и даже сдавать часть его комнат студентам, что я и делал.

Надо сказать, что моему дому серьезно досталось во время обороны Бреслау. Половина здания на втором этаже была разрушена артиллерийским огнем. Из-за этого тому, кто решался воспользоваться размещавшимся там туалетом, находясь в нем, приходилось любоваться лежащими вокруг грудami обломков. Подобные условия, тяжелые для жизни человека, оказались идеальными для насекомых. Причем насекомых этих везде сновало так много, что они даже не давали нам спать.

Неподалеку от моего жилища в двенадцатом доме на Лютцовштрассе жила семья по фамилии Ласка. Их дом счастливо избежал сколь-либо серьезных разрушений в ходе боевых действий. И в нем вместе с матерью семейства жили ее дочь с маленьким ребенком, невестка и двое теток. Вскоре муж дочери вернулся из лагеря для военнопленных, и мы с ним объединили усилия по выживанию в подобных условиях. О судьбе главы семейства Ласка и двух его сыновей никому из нас не было ничего известно тогда. Однако я сам стал как бы членом семьи. Я искал дрова для них, а также помогал им, используя открывшийся у меня талант к торговле на черном рынке. У семьи Ласка осталось немало вещей, которые ценились тогда, но не являлись самым необходимым для выживания, и я обменивал их на то, что требовалось семье в данный период.

Центр черного рынка Бреслау находился в те дни между Кайзеровским и Фюрстенским мостами. Именно там жители Бреслау прежде сооружали временную взлетно-посадочную полосу. Теперь эта территория представляла собой огромное открытое пространство, со всех сторон обрамленное разрушенными домами. Атмосфера, царившая там в торговый день, была сравнима с атмосферой азиатского рынка. Со всех сторон галдели поляки, которые воровали продукты у себя на работе и продавали их здесь, и жены фермеров, предлагавшие свои товары с импровизированных торговых рядов, а то и прямо с запряженных лошадьми повозок.

На этом рынке можно было найти все, что было необходимо для поддержания прежнего немецкого уровня жизни. Однако нужно было быть миллионером, чтобы позволить себе все это купить. На прилавках лежало масло, яйца, шоколад, бекон и кофейные зерна. Однако цены на них были запредельными. В толпе польских торгашей можно было заметить и редких немцев, худых и опустошенных. Ожидая своего изгнания из города в любой момент, немецкие женщины продавали или обменивали на продукты все, что у них оставалось в домах, даже костюмы своих погибших мужей и пропавших без вести сыновей. Большинство из них просило за свои товары самую скромную цену. У них не хватало сил торговаться с теми, у кого не было совести.

Будучи мужчиной и иностранцем, я мог позволить себе общаться с польскими торговцами гораздо более напористо. «Бизнес есть бизнес», — говорил я им и торговался до тех пор, пока мне не удавалось сбить цену на их товар до его разумной стоимости. Вскоре я стал своим человеком на рынке. Появляясь там, я обычно приносил довоенные вещи семьи Ласка. Все они были высочайшего качества, а в Бреслау теперь

было практически невозможно достать подобные вещи. Кожаные туфли, шерстяные пальто, костюмы, постельное белье, нижнее белье — все это очень ценилось в то время. И мне удавалось продавать эти вещи по их максимальной цене.

Когда торговый день заканчивался, я позволял себе подойти к торговому лотку под вывеской «Пиво и вино». Там я выпивал стопку-другую водки и съедал сосиску в тесте. Как правило, пока я был там, ко мне вскоре подходила какая-нибудь из многочисленных в те дни проституток. Что примечательно, в ту пору существовал обычай, приветствуя женщину, целовать ей руку. Он, как ни странно, распространялся и на проституток, даже если у них была грязь под ногтями!

Когда продажи были успешными, мы с семьей Ласка могли позволить себе добавить к нашему ежедневному рациону блины и картофельные оладьи. Однако и то, и другое приходилось жарить без масла. Но иногда у нас на столе появлялось даже мясо. К примеру, на Рождество 1946 года у нас на столе были традиционные силезские яблоки, запеченные в тесте, с жареной свиной и маринованной капустой.

За яблоками мы пешком ходили в Гандау, где было много заброшенных яблочных садов. Расстояние до него было огромным, поэтому однажды мы решили немного срезать путь и пошли через кладбище, лежавшее между аэродромом и Пилснитцерштрассе. Увиденное там заставило нас застыть, не веря собственным глазам. Тяжело представить более чудовищную сцену варварства. Могилы и склепы, находившиеся на кладбище, были разграблены. Везде валялись обломки каменных и мраморных надгробий. Грабители разбивали их, чтобы побыстрее добраться до тел покойников, с которых снимали обручальные кольца и другие

драгоценности, а также вырывали из черепов золотые зубы. С непередаваемой болью мы смотрели на разрытые могилы. Вероятнее всего, их осквернили русские солдаты.

Такой была жизнь в Бреслау в те дни. Однако я не спешил регистрировать себя как перемещенное лицо, поскольку это грозило возвращением в Голландию, что не сулило мне тогда ничего хорошего. Тем более что фальшивые документы, которыми я располагал, при некоторой удаче, выдержке и достаточной решительности позволяли мне надеяться, что я смогу пережить то более чем нестабильное время в Бреслау. Но судьба не слишком щадила меня, и я не раз оказывался в очень опасных ситуациях, когда все висело на волоске.

Здесь мне вспоминается устроенный поляками неожиданный обыск дома семьи Ласка. Я как раз находился там, и это могло подставить под удар всех нас. Польские офицеры в роскошной новой униформе с надменным видом осматривали каждый угол жилища Ласка. К моему счастью, они не додумались простукивать стены. А я как раз прятался в очень хорошо замаскированном шкафу внутри стены, который использовался для хранения постельного белья.

Тем не менее как бы тяжела и опасна ни была моя жизнь в те дни, но были в ней и приятные моменты. В том числе и мои прогулки на реку Одер. В начале 1946 года стояла прекрасная погода, которая вполне подходила для того, чтобы загорать. Правда, жители Бреслау отказывали себе в этом удовольствии, поскольку боялись столкнуться у реки с русскими или поляками. Но я, не будучи немцем, мог себе позволить прогулки к Одери и купание в нем. В течение нескольких дней я наслаждался рекой и солнцем в одиночестве. Но одна-

жды ко мне присоединилась молодая девушка, которая, как я сразу понял, не могла быть немкой.

Это была восемнадцатилетняя блондинка, говорившая на ломаном немецком, к которому, к моему удивлению, то и дело примешивались голландские слова. Ее звали Эльжбетой. Как выяснилось, языку ее учил голландский рабочий в Лемберге, где она родилась. Купаясь и загорая вдвоем, мы не заметили, как у нас вскоре завязался роман. Отношения с Эльжбетой спасли меня от одиночества и тоски. Глядя на нее, я вспоминал слова из немецкой песни:

Она была самой красивой малышкой
Из всех, что ты в Польше увидишь, братишка!

Мы регулярно встречались с Эльжбетой вне зависимости от того, какая была погода. Теперь мы ходили купаться к уединенному притоку Одера, который назывался Лоэ. Вскоре Эльжбета пригласила меня на обед к ее родителям, которые жили на Молльвицерштрассе. Я опасался, что этот визит не окончится ничем хорошим. Однако, вопреки моим ожиданиям, семья Эльжбеты встретила меня очень радушно. Обедали мы кукурузой с пирогами. Беседуя с родителями моей возлюбленной, я все больше проникался дружелюбием и сердечностью этой польской семьи, приехавшей с Карпат и носившей фамилию Марковиц. Симпатии не вызвала у меня только бабушка Эльжбеты, сидевшая в белом платке и подозрительно поглядывавшая на меня. Потом она даже заявила внучке, что я наверняка шпион.

Надо сказать, что семья Марковиц, как и многие другие поляки, была насильно переселена властями из Лемберга в Бреслау. Жизнь в новом городе пришлось им не по душе, они не ощущали его своим домом. Более того, родители Эльжбеты очень критиковали не-

достойное поведение своих соотечественников. Они признавали, что в милиции, которая не была регулярной в Бреслау в ту пору, состояли в основном люди с криминальным прошлым, которые пользовались ситуацией в своих целях. Сталкиваясь с немцами, семья Марковиц ни разу не увидела от них ничего плохого. А вот с русскими родители Эльжбеты и она сама предпочли бы не сталкиваться никогда в жизни. Советские солдаты не раз делали моей возлюбленной непристойные предложения. Ее резкие отказы бесили их, и однажды русские попытались изнасиловать ее. Ей только чудом удалось сбежать от них в последнюю минуту.

Каждодневное зрелище разрушенного Бреслау терзало душу и вскоре стало для меня совершенно нестерпимым. Мне хотелось хоть на некоторое время покинуть город, и я, наконец, решился на рискованное путешествие по окрестностям Бреслау. Узнав об этом, Эльжбета сказала, что пойдет со мной, поскольку, будучи полячкой, она может защитить меня от своих соотечественников. Это было очень смелым поступком с ее стороны. Вдвоем мы доходили до Дойч-Лиссы, Лейтена, Саары. Сегодня я уже не помню, как все эти места были по-новому названы поляками. Однако из моей памяти никогда не сотрутся находившиеся там поля сражений, в которых я потерял так много своих товарищей. Но я не мог заговорить об этом с Эльжбетой, ведь для нее я был иностранным рабочим из Голландии, и ей было лучше не знать о моем прошлом.

По пути мы не раз встречали польских поселенцев, которые, как выяснялось, были недовольны новой обстановкой, окружавшей их. Тем более что переселение проходило совершенно без учета их интересов и уклада жизни. Некоторые из горожан оказались в деревне, а некоторые из сельских жителей — в городе. Эльжбе-

та сама заговаривала с поляками, которые смотрели на нас с подозрением. Я при этом молчаливо улыбался, и этого было достаточно, чтобы нас принимали за влюбленную парочку поляков. Но нам все равно приходилось проявлять крайнюю осторожность. На улицах поселений ходило множество преступников, освобожденных из тюрем в связи с окончанием войны, и подавляющее большинство из них не было политическими заключенными. Когда же мы слышали голоса русских, мы старались исчезнуть как можно быстрее, полями уходя в сторону леса. Тем не менее однажды мы все-таки наткнулись на русскую часть, двигавшуюся куда-то на автомобилях, верхом на лошадях и в запряженных лошадьми повозках. На ветру развевались прикрепленные к машинам и повозкам красные флаги. Что удивительно, мы не услышали от русских солдат никаких грязных словечек в наш адрес. Проезжая мимо, они лишь ухмылялись, словно знали, что мы всего лишь хотим побыть наедине, сидя у дороги на краю леса.

На лоне матери-природы я ощущал себя подлинно свободным, и каждый мой час проходил по-настоящему наполненно. Я наслаждался голубым небом над моей головой и пением птиц, отмечая при этом, что окрестности возвращаются к своему первоначальному виду. Многие поля больше не вспахивались, и о них никто не заботился. На местах пшеничных и кукурузных полей теперь росла зеленая трава и дикие цветы. Они были прекрасны, но среди них таилась смертельная угроза для того, кто решится снова возделывать заросшие поля. Дело в том, что на полях по-прежнему оставалось много мин. Кроме них, среди сорняков и диких цветов покоилось немало солдатских костей — как русских, так и немецких. Их омывал дождь, сушило солнце, около них вырастали самые прекрасные цветы.

Странствуя по сельской местности, окружавшей Бреслау, я спрашивал себя: неужели здесь действительно воцарился мир? И все-таки чего-то не хватало для утвердительного ответа. Сельская идиллия была неполной из-за оглушающей тишины. В деревнях не было слышно мычания коров и кудахтанья кур. Война забрала из деревень коров и поросят. Во дворах не осталось важно разгуливавших туда-сюда кур и охранявших сельские дома собак. Нигде не было видно и собранного в стога сена.

Однажды во время очередной долгой прогулки мы с Эльжбетой увидели шедшего в противоположном направлении немецкого солдата. Получил ли он освобождение? Или сумел сбежать? Он шел, опираясь на палку, которая представляла собой не что иное, как ручку метлы. С превратившейся в лохмотья униформы солдата свисала сухарная сумка. Он не хотел привлекать внимания к себе и прошел мимо, даже не посмотрев на нас, без сомнения, посчитав обоих поляками. «Эх, товарищ, если бы ты только знал...» — пронеслось у меня в голове. Между тем он удалялся, сливаясь с окрестностями Бреслау, которые совсем недавно, точно так же, как и он, были полны жизни и выглядели совершенно иначе. Впрочем, я и сам был такой же жертвой изменившегося мира.

К наступлению вечера мы с Эльжбетой всегда возвращались из живописной сельской местности в удушливый город, по-прежнему стоявший в руинах. Я часто не мог заснуть после подобных прогулок, вспоминая о жестоких боях, проходивших в тех местах, и о товарищах, которые остались лежать в земле Дойч-Лиссы, Лойтена, Саары. Но, как бы то ни было, я успешно скрывал свое прошлое и от русских, и от поляков. При этом я был уверен, что если бы кто-то из моих немец-

ких друзей и знакомых, не знавших о моей службе в войсках СС, вдруг узнал о ней, то это также вряд ли могло мне чем-либо грозить. Они сохранили бы мою тайну и не перестали бы общаться со мной. С Эльжбетой же меня устраивало, что она верит или, по крайней мере, делает вид, будто верит в то, что я придумал о своем прошлом.

Однако, в конце концов, нашелся человек, который начал сомневаться в моей истории. Это был молодой польский милиционер, которому нравилась одна из моих знакомых немок. У меня не было даже малейшего интереса к роману с ней. Но милиционер считал иначе, и ему вдруг показалось подозрительным, что я уже давно должен был зарегистрировать себя как перемещенное лицо, но не сделал этого.

Создалась крайне опасная ситуация. Этот ревнивец видел во мне конкурента и хотел убрать со своего пути. Дошло до того, что он начал обвинять меня в службе в войсках СС. Мне не осталось иного выхода, кроме как схватить его за грудки и предложить ему пойти со мной к местному представителю власти и там разобраться, кто из нас преступник. Это был отчаянный блеф с моей стороны. Но тут вмешалась виновница нашей стычки. Она вышвырнула из дома своего незадачливого обожателя. Я также предпочел исчезнуть и не появляться у нее снова.

Надежды на то, что этнические немцы смогут остаться на перешедших под контроль Польши восточных территориях, таяли с каждым днем. Это было отчетливо заметно в Бреслау. Польская программа этнических чисток продолжала свирепствовать. Даже мои друзья на Лютцовштрассе, семья Ласка, были вынуждены с тяжелым сердцем признать это и начать думать об отъезде. А когда их район оказался в списке рай-

онов, чьи жители подлежали депортации, я понял, что без них меня уже ничто не будет держать в Бреслау, городе, который поляки теперь даже называли иначе — Вроцлавом.

Об этом решении мне следовало сказать Эльжбете. И однажды, когда мы купались в Лозе, я сделал это так осторожно, насколько умел. Оказалось, она с ужасом ждала подобного. Эльжбета умоляла меня остаться или, по крайней мере, отложить отъезд. Моих коротких объяснений явно не хватало, чтобы убедить ее, в какой опасности я нахожусь, оставаясь в Бреслау. И я решился рассказать ей всю правду, надеясь, что тогда она поймет. Но Эльжбета не поняла. Я показал ей пряжку от моего кожаного ремня и куртку, которую я сохранил от моей прежней униформы. Но, как выяснилось, Эльжбета уже и раньше предполагала, что я вовсе не тот, за кого себя выдаю. Она не хотела расставаться со мной и заставила меня почувствовать себя виноватым перед ней.

Я рассматривал наши отношения как мимолетную связь между двумя молодыми людьми. Но она, не понимая моего положения, восприняла их совершенно иначе. Я обратил ее внимание, что эмблема с орлом на моей армейской куртке расположена не на груди с левой стороны, а на левом рукаве, что означало принадлежность к войскам СС. Но это не произвело впечатления на Эльжбету. Она хотела, чтобы я остался. Сделав это, я должен был попросить ее, как гражданку Польши, взять меня под свою защиту. В слезах она пообещала мне это. Ее любовь и смелость до глубины души тронули меня, но тем не менее мне казалось, что такого не может быть на самом деле.

Вскоре ситуация разрешилась сама собой. Поль-

ские власти заставили Эльжбету и ее семью вернуться в Лемберг, и это положило конец нашему роману.

Через некоторое время подтвердились и мои худшие опасения, не покидавшие меня после освобождения из плена. Моей свободе пришел конец в одно теплое и солнечное утро, когда на Фельдштрассе ко мне подошли трое одетых в униформу вооруженных милиционеров. Они остановили меня и потребовали предъявить документы, удостоверяющие личность. Один из них, посмотрев на фотографию в паспорте, пристально взгляделся в мое лицо. Через миг мне было приказано идти с ними к их командиру.

Мы шли по Клостерштрассе, и прохожие останавливались, глядя на нас. На плече у одного из поляков висела винтовка, а другой держал наготове русский автомат. Люди были поражены происходящим, было слышно, как они шептались, замечая флаг на моей одежде:

— Голландца арестовали... Теперь и голландцев...

Милиционеры довели меня до дома номер 120 на Клостерштрассе. Это было огромное здание, где располагался польский командный пункт. Там меня, не задав мне ни единого вопроса, без каких-либо объяснений втолкнули в темный подвал. Бетонный пол в нем был затоплен водой высотой в несколько сантиметров. В результате мои туфли и носки промокли насквозь. Вероятно, это было первым из средств, с помощью которых поляки подавляли в арестованных волю к борьбе.

Должно быть, прошло около часа, прежде чем дверь подвала открылась и меня повели на второй этаж. Там я сразу начал протестовать против подобного обращения, стоя в мокрых носках перед поляком, на голове которого красовалась надвинутая на затылок русская фуражка. Он сидел за большим кухонным столом, в

центре которого лежали какие-то документы, газета и... Что бы вы думали? Бутылка водки и большой стеклянный стакан! Этот поляк говорил так неразборчиво, что я не понял ни единого произнесенного им слова. Но при этом он подолгу смотрел то на фото в паспорте, то на меня самого. Поляк на вид был моим сверстником, но, в отличие меня, носил очки. Не знаю, к какому решению он пришел. Но мне вдруг было приказано пройти в следующую комнату. Это была проходная комната, через которую постоянно сновали люди в униформе. Все они куда-то спешили, и никто из них не обращал на меня ни малейшего внимания.

Так или иначе, я был весь на нервах. Больше всего меня беспокоило то, что со мною были оба комплекта документов, удостоверяющих мою личность. То есть при мне была как русская справка об освобождении, так и фальшивые бумаги, говорившие о том, что я был иностранным рабочим. Чудесным образом случилось так, что польские милиционеры не обыскали меня. Мне следовало не искушать судьбу и избавиться от лишних документов, которые могли погубить меня. Сначала я решил съесть их, но тут мне на пути попала уборщица-немка. Я спросил у нее, не может ли она отнести мои бумаги в семью Ласка. Конечно, я очень рисковал при этом, но риск оправдался. Добрая немка не выдавала меня и через некоторое время отнесла мои бумаги точно по месту назначения.

Избавившись от опасных документов, я стал искать пути побега. Через некоторое время удача снова улыбнулась мне. Я просто пошел следом за одним из милиционеров, выходящим из комнаты, стараясь держаться как можно ближе к нему. Никто не обратил на это внимания. И мне удалось даже выйти на улицу сразу за

милиционером. Как я и надеялся, часовой, стоявший на дверях, решил, что я иду куда-то вместе с ним.

Всю последующую неделю я провел в заточении, но уже не тюремном, а монастырском. Находясь там, я положился на милость отца-настоятеля. Дело в том, что поляки крайне редко разыскивали беглецов в подобных местах. Зачастую они просто арестовывали кого-нибудь другого, чтобы он занял место сбежавшего. Трудно поверить, но все было именно настолько просто.

Тем не менее столкновение с произволом польской милиции, пусть оно и длилось всего несколько часов, в сочетании с крайней неуверенностью в будущем, которое могло меня ждать в Бреслау, еще сильнее склонило меня к тому, чтобы покинуть город как можно скорее. Мое нахождение в Бреслау с каждым днем становилось все более рискованным и опасным. Слишком много людей уже успели узнать о моем солдатском прошлом. Стоило кому-то из них даже случайно болтнуть обо мне лишнее, и это могло привести к катастрофическим последствиям, не нужным ни мне, ни им. В войсках СС я сражался против системы, которая теперь обрела еще большую власть. Меня освободили, но оставили без какой-либо защиты. А в то время даже евреи порою страдали от произвола польских властей, хотя последние формально производили совершенно иное впечатление. Здесь уместно будет привести такую цитату: «Когда во время войны в Польше господствовал нацистский режим, число антисемитских откликов на ликвидацию евреев росло в стремительном темпе. Поляки безрассудно одобряли происходящее, и это не было мнением отдельных людей, так считало большинство поляков» («Вертрибенен», 1957).

Как бы то ни было, но вскоре в моей жизни произош-

ло событие, заставившее меня возблагодарить судьбу за то, что она привела меня в Бреслау. Это случилось 12 июня в 11 часов дня на углу Лютцовштрассе и Клостерштрассе. Торгуясь с поляком, я вдруг заметил спадающие на плечи темно-коричневые локоны. Их обладательница оказалась молодой привлекательной девушкой, одетой в голубую куртку с капюшоном. В одно мгновение я был ошеломлен и очарован. Прошедшее мимо меня стройное и прекрасное существо казалось явившимся из другого мира. Я понял, что не прощу себе, если не попытаюсь познакомиться с ней. В тот же миг я перестал торговаться и поспешил за ней.

Попытавшись заговорить с незнакомкой, я, к моему глубокому разочарованию, понял, что весь предыдущий опыт общения с девушками был бесполезен в этой ситуации. Да и стоило ли здесь удивляться? Акцент и кокарда с цветами голландского флага выдавали во мне иностранца, а она определенно была немкой. И откуда ей было знать, что в те времена гонений на немцев подошедший к ней незнакомец был настроен крайне прогермански и страдал от тех же бед.

Поначалу девушка отнеслась ко мне очень настороженно, и ее даже злила моя назойливость. Однако я не отставал от нее, а чтобы доказать мои чистые намерения, когда представилась возможность, начал рассказывать о себе. Я рассказал ей о своем прошлом, военной карьере и о том, как я сражался на стороне немцев. После этого красавица в голубой куртке перестала злиться и смотреть на меня настороженно. А мне сразу стало понятно, что отношения с ней не могут быть мимолетными и ни к чему не обязывающими. Она была совершенно другой, да и стрела купидона слишком глубоко вошла в мое сердце. Даже имя этой двадцатилетней немки казалось мне волшебным: «Бригитта!

Бригитта!» — повторяя его про себя, я безумно радовался, что она перестала смотреть на меня, как на врага. Мне казалось, будто я только что сумел взять штурмом небо. Мне на память даже пришли слова Фридриха Шиллера: «Первая любовь — золотое время, когда твои глаза смотрят в распахнутые небеса».

Мои чувства к Бригитте действительно можно было назвать первой любовью, потому что с ее появлением все девушки, которые у меня были в прошлом, перестали для меня что-либо значить. Бригитта стала для меня частицей дома, частицей Германии, частицей Бреслау, каким этот город был до войны.

С тех пор мы встречались каждый день, когда у Бригитты оставалось время после работы. Как и всем немцам в Бреслау, ей приходилось работать на поляков. Правда, ее работодатели придерживались тех же взглядов, что и родители Эльжбеты. Владея магазином, они ждали, когда им представится возможность уехать в Америку и даже хотели взять с собой Бригитту в качестве приемной дочери.

Именно из магазина на Фельдштрассе я всегда и забирал ее. У меня не было ни малейшего сомнения, что именно вместе с Бригиттой я хочу прожить все свои дни. Мы гуляли часами по ее родному городу и окрестностям. Проведенные с нею теплые июньские дни в Бреслау стали самыми чудесными днями в моей жизни.

Наши встречи сопровождались лишь одним или двумя поцелуями. Тем не менее мы в короткое время стали настолько близки, что порою без слов понимали мысли друг друга. Чувствуя исключительное родство наших душ, я вскоре стал заговаривать о женитьбе. Однако мы оба понимали, что она может быть возможна лишь позднее, когда изменятся обстоятельства нашей жизни.

Кожа Бригитты была такой же коричневой, как и ее глаза. Но это вовсе не было результатом того, что она загорела, нежась на солнышке. Кожа Бригитты стала такой после принудительных работ под контролем русских на полях в окрестностях Лигница. Этот город находился в пятидесяти километрах от Бреслау. Туда Бригитта была эвакуирована вместе с матерью в январе 1945-го. Во время эвакуации она узнала на собственном опыте, что означают долгие переходы по снегу и льду при двадцатиградусном морозе. Она видела бесчисленные человеческие смерти, в том числе и смерть своей матери, которая скончалась от дизентерии вскоре после их прибытия в Лигниц.

В результате Бригитта не только стала круглой сиротой, но и осталась совершенно одна. С нею не было ни родных, ни друзей, а дальнейшая судьба зависела от милости «победителей». Пьяные русские солдаты, взбешенные долгой и упорной обороной Бреслау, как правило, срывали свою злость на беззащитном немецком населении. Многих жителей, как и Бригитту, заставляли работать на полях под старым русским лозунгом: «Кто не работает, тот не ест».

Она не могла забыть, в каком плачевном состоянии была каждая из лошадей, которых запрягали в плуг. Идя за плугом, Бригитта всякий раз видела, что тянувшее его бедное животное было изранено пулями или шрапнелью. Но об этих ранах никто не заботился. Если лошади теряли силы, на их место заставляли вставать самих немцев. Но Бригитте еще везло, что в первые недели оккупации ей удавалось спастись от насильников. Изнасилования стали тогда обычным делом. Однако Бригитта вместе с несколькими молодыми девушками пряталась в хорошо замаскированном убежище под полом в одном из домов. Иногда им приходи-

лось целыми сутками сидеть там тихо, как мышкам, мерзнуть и страдать от голода, дожидаясь, пока ночью кто-нибудь из женщин постарше принесет им еду.

Вернувшись в Бреслау в июле 1945-го, Бригитта обнаружила свой родительский дом в руинах. В октябре она заболела тифом. Но ей удалось выжить, вопреки тому, что внимание польских врачей к немцам было самым минимальным, а поэтому от тифа умирали очень многие из коренных жителей Бреслау. Пережитое Бригиттой очень сближало ее со мной. Кроме того, я так же, как и она, ощущал себя сиротой, поскольку не знал, уцелела или нет моя семья. Последний раз я получил весточку от родителей в конце 1944 года.

Между тем польская программа этнических чисток обрекала Бригитту на изгнание из родного города. Произошло это даже гораздо раньше, чем мы рассчитывали. Депортация немцев, живших в ее районе, была назначена на 22 июня 1946 года. Это разрывало наши сердца и одновременно обнадеживало, поскольку один из нас мог, наконец, распрощаться с произволом поляков. Однако даже к тому, что радовало нас, примешивалась тревога, поскольку высылаемые из Бреслау немцы ничего не могли решать самостоятельно. В том числе и то, в какой зоне Германии они окажутся — в западной или в подчиненной коммунистам восточной.

Не будет преувеличением сказать, что от выбора поляками зоны депортации порою зависела жизнь и смерть изгнанников. Впрочем, немало было и тех, кто погибал в пути. Так, когда в середине декабря из Силезии депортировали 1600 коренных жителей, на дорогу, которая не могла продлиться меньше недели, им выдали лишь по буханке хлеба и по одной селедке. При морозе в 20—25 градусов они ехали в вагонах для перевозки скота, которые не обогревались и не имели туа-

летов. К тому моменту, когда изгнанники прибыли в Потсдам и Брюкенбург, 35 из них были уже мертвы. Еще 141 человек в скором времени умерли в больницах от подхваченной в пути пневмонии, сердечных приступов и последствий обморожения.

Однако мои надежды на лучшее в отношении судьбы Бригитты вполне оправдались. Она прислала мне письмо из Детмольда, который находился в британской зоне Германии. Их поезд, состоявший из товарных вагонов и вагонов для перевозки скота, шел до места назначения восемь дней. Но Бригитта смогла пережить эту трудную поездку. В Герлице, на территории Восточной Германии, их пересадили в другой состав. При этом скудные пожитки изгнанников в который раз подверглись разграблению. Правда, мои военные награды, которые Бригитта спрятала в клубках с шерстяными нитками, по счастью, остались целы.

Оставаясь в Бреслау, мы с семьей Ласка также старались как можно скорее уехать в Германию и зарегистрировались в немецкой благотворительной организации «Каритас». После предъявления русской справки об освобождении я был принят там точно так же, как и любой другой немецкий солдат, несмотря на то, что я был голландцем. А вот фальшивые документы, которые были у меня, я припрятал подальше, поскольку с ними меня, скорее всего, отправили бы не в Германию, а в Голландию.

Так или иначе, наша депортация по какой-то неизвестной причине откладывалась, и я даже стал подумывать о том, чтобы депортироваться из Бреслау самостоятельно и в одиночку предпринять путешествие в западную зону Германии. Друзья постоянно отговаривали меня от такой затеи, убеждая, что это очень опасное предприятие, которое может стоить мне жизни.

Поэтому я ждал. Мы прождали отправки в Германию весь июль, август и сентябрь. Только 30 сентября нам было приказано собираться в дорогу. С собою каждый из нас мог взять имущество общим весом не более 25 килограммов.

Собирая вещи, госпожа Ласка со слезами на глазах хваталась за каждый предмет мебели, ни один из которых нельзя было взять с собой. Полный радости от того, что мы покидаем Бреслау, я тогда не мог понять ее чувств. Лишь позднее мне стало понятно, как тяжело расставаться с домом и с вещами, которые верно служили тебе на протяжении многих лет. Мы вышли из дома, оставив ключи в дверях. Поляки выстроили изгнанников в колонну, и под их надзором мы пошли к Фрайбургскому вокзалу.

Полякам не хватало ума, чтобы понять, что, депортируя коренных жителей Бреслау, они лишаются первоклассных рабочих рук и специалистов, которые знали экономику своего региона гораздо лучше, чем его новые хозяева. Польская милиция, вооруженная немецкими винтовками, выкрикивала приказы, направляя нашу колонну через улицы города к вокзалу. В милиционерах не было ни капли сочувствия. Незадолго до посадки на поезд они отобрали детскую коляску у дочери госпожи Ласка. Столь мелочная и жестокая жадность поразила даже выдавших виды жителей Бреслау.

Между тем поляки загоняли людей в вагоны, устланные соломой, а когда они переполнились — в товарные вагоны и вагоны для перевозки скота. Поляки до нитки обобрали изгнанников. И мне пришел в голову план, который позволял хоть немного отыграться на наших гонителях.

Мой багаж состоял из рюкзака и картонной коробки. Передав эти вещи семье Ласка, я отделился от общей

толпы, не замеченный милицией, и пробрался к одному из выходов с вокзала. Там стояла доверху нагруженная повозка, куда поляки складывали отобранное у изгнанников. Прихватив оттуда несколько вещей, я влился в свежую колонну депортируемых и благополучно преодолел контрольный пункт.

С дополнительным грузом я присоединился к дождавшимся меня друзьям. Они были в восторге от моего трюка над поляками. Это была радость маленького человека от того, что он сумел хоть что-то украсть у самих грабителей.

Перед самой отправкой состава на платформе появилась молодая девушка, выкрикивавшая чье-то имя. К моему величайшему удивлению, это оказалась Эльжбета Марковиц. Она искала меня. Будучи полячкой, она получила разрешение пройти на вокзал. Эльжбета была так счастлива, что нашла меня. Ей как-то удалось вновь оказаться в Бреслау и узнать, что я был в числе тех, кого депортировали в этот день.

— Вот мы и встретились снова, Хендрик, — сказала она, протягивая мне сверток, в котором были сандвичи и сигареты.

Наша встреча была такой скоротечной, что я, удивленный появлением Эльжбеты, только и смог сказать ей:

— Прощай, маленькая Эльжбета!

В тот же миг наш неимоверно длинный состав вздрогнул и начал отъезжать от вокзала.

Начинался вечер. Поезд проезжал через окрестности Бреслау. Мы двигались на запад, а позади нас оставались покрытые зеленью руины. Совсем недавно на этих деревенских улочках наши бойцы так отчаянно сражались, но... Наш состав неслия вперед, оставляя позади церкви и примыкавшие к ним кладбища, в могилах которых под каменными крестами покоились

многие поколения предков людей, вместе со мною уезжавших в изгнание.

Наш вагон был переполнен. Для того чтобы усесться, оставалось совсем немного места. В прошлом, когда наша часть преодолевала какой-то отрезок пути на поезде, мы привычно компенсировали недостаток комфорта фразой: «Поезда должны везти нас к победе!» Но тогда мы могли распахнуть на пути дверь вагона и даже свесить ноги, мы могли свободно передвигаться по составу. Теперь же наш вагон был закрыт снаружи и опечатан поляками, а нам предстояло ехать в таких условиях около недели.

Глава двадцатая

В ВОСТОЧНОЙ ЗОНЕ

Колеса поезда монотонно стучали, унося изгнанников все дальше от их родного города. Через небольшое вентиляционное отверстие под самой крышей вагона я мог разглядеть бескрайние поля, зеленые леса и живописные сельские домики. Я очень хорошо понимал горечь моих спутников, поскольку эта земля навсегда осталась и в моем сердце. Именно силезский город Бреслау стал поворотным пунктом в моей судьбе. Здесь я сражался в своем последнем бою против большевизма, был ранен, попал в плен и вновь стал гражданским жителем. Предписанное мне после освобождения 24-часовое пребывание в городе затянулось на год, за который я столько всего пережил. Но, что самое главное, именно за этот год я встретил молодую женщину, с которой собирался связать свою жизнь.

По пути мы сделали остановку в Сагане, затем в

Форсте, где нас обработали специальным раствором, чтобы мы избавились от вшей. Следующая остановка была в Герлице. А еще через два дня мы достигли саксонского города Циттау. Однако мы оказались вовсе не в западной зоне. Наш поезд пересек мост, соединяющий берега реки Нейссе, и остановился в восточной части города, которая находилась под советским контролем. Нас отвезли на грузовиках в полковые казармы, где теперь размещался транзитный лагерь для беженцев. Не успев даже прийти в себя после тяжелого пути, мы на следующее утро получили приказ выстроиться на площади. Там нам пришлось выслушать приветственную речь представителя Социалистической партии Германии.

На площади нас было около двух тысяч человек. Изможденные, промерзшие и апатичные, мы стояли в плотной толпе, окруженные коммунистическими красными флагами. После всего, через что мы прошли, нас заставляли выслушивать речь о том, что мы должны быть благодарны миролюбивому коммунисту Иосифу Сталину за то, что он освободил нас от ярма фашизма. Выступавший наверняка собирался сказать еще много о чем, но смельчаки обрушили на него вопрос, на который сами же дали ответ:

— Освободил от ЧЕГО? От дома и родины!

На этом оратор был вынужден оборвать свою речь, но перед этим не забыл наплевать нам в душу, сказав, что нас ждет будущая германо-советская дружба. После его исчезновения все мы были помещены в карантин. Нам не позволялось покидать лагерь в течение последующих четырнадцати дней.

На второй день я обнаружил дыру в ограждении и решил разведать происходящее в городе. До этих пор Циттау был прекрасным городом, наполненным зда-

ниями ренессансной и барочной архитектуры. Теперь же он оказался похожим на то, что мы могли видеть в «советском раю». Полки магазинов были пусты. Витрины были уставлены пустыми ящиками, покрытыми толстым слоем пыли. Улицы выглядели настолько грязными, что я невольно пришел к выводу, что в течение многих месяцев в городе не работал ни один дворник. Женщины, которые мне встречались на пути, уже ничем не отличались от русских женщин, разве что были не такими тучными. На каждой из них был платок, взглянув под который, я всякий раз видел пустые и грустные глаза, поджатые губы и впалые щеки.

Увиденное привело меня в уныние. Я поспешил купить открытку, написать на ней несколько строк и отправить Бригитте. После чего я отправился обратно в лагерь, куда проник через ту же дыру в ограждении.

Все депортированные хотели покинуть этот транзитный лагерь как можно скорее. Но никто из нас не мог ничего сделать. За наше распределение отвечали оккупационные власти. И, подобно тому, как рядового солдата никто не информирует об общей стратегии действий на фронте, так и мы не знали, куда нас повезут, когда мы отбудем две недели в карантине.

Чтобы читатель мог лучше представить ситуацию в Германии в те дни, приведу следующую статистику. По данным национальной переписи населения, прошедшей в октябре 1946 года, только в западные зоны Германии переселились 1 622 907 силезцев, из них основная часть оказалась в Нижней Саксонии (626 087 человек) и в Баварии (434 281 человек). В восточных зонах оказалось еще 1,3 миллиона силезцев.

Результаты депортации, эвакуации и незаконного перемещения восточных германцев поражали даже представителей оккупационных властей. Сэр Орм Сард-

гент, госсекретарь Министерства иностранных дел Великобритании, заявил: «Невероятно, чтобы сегодняшняя Германия смогла решить проблемы, возникшие в связи с переселением миллионов немцев. Сегодня в стране 14 миллионов голодных людей, и я не могу представить себе выхода из этой ситуации».

Учрежденная папой римским комиссия по беженцам отмечала: «Немцам требуется решить проблему, подобной которой еще не возникало в мировой истории. Никогда прежде не случалось переселения столь огромной массы людей за такой короткий промежуток времени».

В каждом небольшом немецком городке было около восьми тысяч жителей. И представьте теперь, что в ту же Баварию буквально каждый день начало прибывать по такому городку. В Гессене только за один месяц появилось 67000 новых жителей.

Тем не менее Германии удалось совершить невозможное, благодаря дисциплине, работоспособности и воле военного поколения. Все беженцы с востока нашли свою нишу в жизни страны. Это произошло хоть и не за один день, но всего за несколько лет. В конечном счете немецкая промышленность даже начала переживать свой бум. Это было экономическим и индустриальным чудом!

Впрочем, этому чуду предшествовал очень непростой период. Миллионам переселенцев требовалось хоть какое-то жилье. Особенно эта проблема была актуальна в западных зонах Германии, где было разрушено четыре миллиона домов. Огромную массу беженцев требовалось расселить в уцелевших домах. При этом они, согласно действовавшим первоначально постановлениям, в отсутствие владельца дома не могли досматриваться на наличие свободных комнат и лиш-

него пространства, где можно было поселить беженцев. Как отмечал Зигфрид Когельфранц в своей книге «Изгнанники», в той же Баварии местные жители с появлением первой волны переселенцев начали закладывать кирпичами и заклеивать газетами и обоями проходы в лишние комнаты, чтобы, благодаря этой хитрости, избежать ненужного им соседства.

Однако ситуация требовала решения. Как рассказывала мне Бригитта, в деревне около Детмольда, куда она была эвакуирована, проблема разрешалась силой с вмешательством полиции.

Как ни горько это было признавать, но немцы оказались не рады переселенцам, которые были частью их собственного народа. «Это мое, это мое!» — такова была позиция местных жителей. Люди, у которых всего было в достатке, отвергали несчастных, приехавших ни с чем. Вестфальские фермеры были сытыми и обеспеченными. За время войны их регион не испытал на себе сокрушительных авианалетов противника. Они называли беженцев из восточных районов «вшивыми цыганами с востока», считая их незваными гостями, которые должны были оставаться там, где они были прежде. Подобное отношение, правда, было не повсеместным. В случаях же упорного сопротивления местных жителей в силу вступало 18-е постановление оккупационных властей, позволявшее беженцам занять себе место для проживания при отсутствии домовладельца.

Когда период пребывания в карантине для нас подошел к концу, семья Ласка была немедленно отправлена в город Тауха, что около Лейпцига. Как ни тяжело мне было расставаться с этими людьми, заменившими мне семью, но я решил, что меня не может ждать ниче-

го хорошего там, куда направляют основную массу беженцев.

Надо сказать, что еще в Бреслау Инге Рудольф, жена командира роты, который был у меня в Померании, предложила мне в случае, если мы проиграем войну и я не смогу вернуться в Голландию, пожить в ее родном доме в Финстервальде. Я написал ей, как только прибыл в Циттау, и 13 октября ее муж Герман привез мне необходимое разрешение на жительство в Финстервальде. В то время это разрешение было просто сокровищем, поскольку без него нельзя было получить продуктовую карточку.

Герман и Инге жили, как теперь говорят, в гражданском браке. Более того, Герман жил под другим именем, поскольку он сбежал из лагеря для военнопленных. Однако в округе никто не знал, что его брак с Инге не был зарегистрирован (в те времена это привело бы к скандалу), как и то, что он был в прошлом офицером войск СС. Если бы власти узнали о последнем, это могло привести к самым роковым последствиям. По тем же причинам я сам должен был скрывать свою личность и прошлое, и поэтому жил с документами, согласно которым я был немцем по имени Хайнц.

Инге и Герман поселили меня в теплой и уютной комнате в задней части их дома. Дом отапливался с помощью традиционной немецкой печи. Семья Инге в былые годы занималась текстильным бизнесом и была очень уважаема в городе. Именно благодаря семейным связям ей удалось так быстро получить для меня разрешение на жительство.

На новом месте я очень быстро обрел круг друзей, которые разделяли мои взгляды и убеждения. Все они были представителями молодого военного поколения, выросшего в Третьем рейхе. Они не изменили свои

взгляды после войны и не ощущали себя освобожденными. Откровенно говоря, в этом была немалая заслуга и установившегося в восточных зонах Германии жестокого советского режима.

Эта новая страница моей жизни не оказалась ни легкой, ни скучной. Мы были постоянно голодны. Голодный желудок заставлял меня искать еду, и для этого мне приходилось, взяв с собою ткани для обмена на продукты, объезжать окрестности на велосипеде. Расстояние до многих местных ферм нередко было слишком большим, чтобы его можно было осилить на велосипеде. Кроме того, порою мне приходилось возвращаться с пустыми руками из-за того, что у фермеров самих ничего не было. Для того же, чтобы совершать поездки на поезде, также требовалось специальное разрешение. Правда, благодаря связям семьи Инге, я получил его без проблем. Мне его выдали как торговому представителю фирмы родителей Инге.

Я путешествовал с рюкзаком и картонной коробкой, которые были наполнены тканями. Из еды у меня, как правило, было с собой лишь несколько холодных картофеля и немного соли. Я съедал этот нехитрый обед обычно, как только поезд отходил от станции. При этом я всегда надеялся, что потом смогу восполнить съеденное чем-то более существенным, что я выменяю у фермеров.

В вагонах поезда было холодно, поскольку стекла в большинстве окон были выбиты. Конечно, многие из них были заделаны фанерой или картоном, но ветер все равно гулял по вагонам. Все немецкое население к этому времени превратилось в бесконечный караван торговцев. Все они путешествовали сотни миль, чтобы выменять на то, что у них оставалось, кукурузу, муку, картофель или яблоки. Одним словом, все, чем можно

было наполнить желудок. Самым везучим удавалось раздобыть и немного табака. На обмен люди везли в чемоданах разнообразные инструменты, кастрюли, утюги, пледы, нижнее белье и костюмы.

Поездки в поезде, как правило, ни у кого не вызывали приятных эмоций, поскольку наличие разрешения на проезд зачастую не означало, что ты получишь отдельное удобное место. Вагоны набивались до отказа, и пассажиры занимали буквально каждый квадратный сантиметр пространства. Многие путешествовали, сидя на крышах, на буферах между вагонами и стоя на подножках. Каждый из этих вариантов был одинаково опасен для жизни. Тем, кто сидел на крышах вагонов, приходилось ложиться перед каждым тоннелем и крепко держаться, чтобы их не сдуло встречным потоком воздуха. Для путешествий подобным далеким от комфортного образом я раздобыл мотоциклистские очки. Они защищали мои глаза от копоти и черного дыма из трубы паровоза и, что самое главное, позволяли мне лучше видеть в этом дыму, который был очень густым и едким, поскольку для паровозов в те дни использовался уголь самого низкого качества. Не многим лучше были и поездки на буферах между вагонами, где меня насквозь продувало ветром.

Берлин нередко становился промежуточной станцией на моем пути. Когда я впервые проезжал мимо него в 11 часов вечера, полуразрушенный вокзал напомнил мне солдатский лагерь. Мужчины и женщины лежали вповалку возле платформы и дремали, крепко держа свои вещи, чтобы их никто не украл. Все они ждали следующего поезда, который должен был прийти в 3 часа ночи.

Когда наш поезд остановился возле станции, люди, находившиеся на вокзале, пробудились и поспешили к

вагонам. Они орали, отталкивали друг друга, дрались и вели себя как животные в борьбе за место в поезде. Я увидел, как один мужчина решил попытать свое счастье и полез в окно. Однако он был наказан за свою изобретательность. Он не успел до конца влезть в вагон, как один из людей снаружи сорвал туфли прямо с его ног.

Воровство было крайне распространено в Берлине в те дни. Однажды на обратном пути мне пришлось ехать, стоя на подножке и плотно зажав узелок с продуктами между колен. На подходе к станции, когда поезд замедлил ход, нас атаковали люди, вооруженные палками с крюками на конце. С помощью их они старались вырвать у нас наши узелки, многие из которых в результате действительно сменили владельцев.

Доводилось мне бывать и в Берлине. Одна из подобных поездок привела меня в логово льва, то есть в голландское консульство. Там у меня достало наглости выдать себя за перемещенное лицо и на основании этого просить предоставить мне пакет с гуманитарной помощью. Эта помощь была «щедрым жестом» со стороны Америки. Будучи солдатом, я не имел на нее права. Более того, для меня было крайне опасно находиться на голландской территории, поскольку здесь меня могли арестовать. Тем не менее ничего такого не произошло, и я был вознагражден за то, что рискнул. Из консульства я вышел с пакетом под мышкой. Его содержимое в то время было просто сокровищем!

Некоторое время спустя ко мне пришло уведомление, требующее, чтобы я снова явился в голландское консульство в Берлине. Я обвинялся в том, что проходил военную службу в иностранном государстве без разрешения ее величества. И это при том, что ее величество в годы войны покинуло свою страну и свой на-

род, в то время как я воевал, защищая и Голландию и ее народ от коммунизма. Однако голландский суд наверняка думал иначе. Поэтому я с чистой совестью проигнорировал присланное мне уведомление.

Но вернусь к Берлину. Я был глубоко поражен тем, что увидел в этом древнем городе, столице Третьего рейха. Куда бы ни падал мой взгляд, везде я видел развалины. В Берлинском зоопарке теперь не осталось ни одного дерева. Везде были одни руины. Берлин с его многовековой культурой и историей был безжалостно уничтожен. Бывший американский консул в Германии Вернон Вальтерс, посетив город в октябре 1945-го, отмечал: «Даже разрушения, которые я видел в Италии после войны, не могут сравниться с теми, что я увидел в Берлине. Этот город теперь похож на проломленный череп».

Жизнь в Берлине в те дни была полна контрастов. Нищета большинства жителей соседствовала с полной развлечений жизнью единиц. У стариков зачастую не было сил, чтобы с рюкзаками ездить в сельскую местность и выменивать продукты на оставшиеся у них вещи. Они влачили самое жалкое существование. С другой стороны, для тех, у кого были деньги, в городе насаждался американский стиль жизни с соответствующими развлечениями.

Однажды вечером я решил прогуляться в районе железнодорожной станции «Берлинский зоопарк», чтобы увидеть все своими глазами. Уже в самом начале вечера до меня доносились ритмы свинга и джаза из подвальных баров и клубов. Эти звуки оскорбляли слух каждого нормального немца. В этих барах, которые открылись совсем недавно, бутылка виски стоила баснословную сумму — 800 марок. Однако новоиспеченные короли «черного рынка» вполне могли себе это позво-

лить и с радостью тратили свои деньги, нажитые на всеобщем горе. Вполне естественно, что в этих заведениях проводили время и хорошо устроившиеся дамы, желавшие потанцевать под эти дикие ритмы с гладко выбритыми и чисто вымытыми американскими солдатами, большинство из которых даже не нюхали пороха.

Надо сказать, что «черный рынок» в Бреслау выглядел безобидным в сравнении с берлинским. Нелегальная торговля в Берлине была запрещена, но тем не менее она процветала. В отчаянной нужде люди торговали, стоя в дверях домов, в оставленных автобусах или в подвалах. Как и в Бреслау, простые люди не могли позволить себе делать покупки по ценам, которые запрашивали торговцы. Тех, кого ловили во время торговли, ждало жестокое наказание со стороны властей. Но голод не оставлял людям иного выбора, кроме как торговать. Расплатой за это была тюрьма. Я сам несколько раз оказывался на грани попадания туда, хотя у меня никогда и не было с собой дефицитных в те дни товаров.

Я попадал под полицейские облавы в Берлине, Дрездене и Лейпциге. Раздавались сирены, и полицейские в старой черной униформе вермахта выскакивали из грузовиков, точно так же, как и русские солдаты, подъезжавшие на джипах. Улицы очень быстро оказывались перекрыты, и в полицейское окружение попадали как торговцы, так и невинные люди. Чтобы спастись, требовалось уметь бегать гораздо быстрее преследователей. И я не раз благодарил свою счастливую звезду за то, что у меня за плечами была тяжелая подготовка в учебном лагере СС.

Несмотря на борьбу властей с «черным рынком», он оставался единственным средством выжить для боль-

шинства жителей. На этом рынке можно было купить или обменять на вещи сельскохозяйственные продукты, без которых голодная смерть была практически неминуемой. Правда, даже на «черном рынке» было нельзя купить уголь.

Зима с 1946 на 1947 год выдалась очень суровой. Морозы доходили до 20—25 градусов. Люди не замерзали до смерти, но промерзали настолько, что многие оказывались неспособны позаботиться о себе и в итоге умирали. Склады железнодорожной станции в Берлине охранялись, как форт Нокс, чтобы грабители не разворовали брикеты с углем, которые ценились дороже золота. Профессиональные воры и просто отцы семейств теперь были вынуждены прямо на ходу красть уголь из товарных вагонов. Иногда им удавалось наткнуться на отдельный вагон с углем, стоявший на тупиковой станции. В этом случае за ночь он разграблялся подчистую. Уголь, который перевозили в товарных вагонах, как правило, предназначался для Красной Армии, чтобы обеспечивать тепло ее солдатам. Удовольствие «маленького немца», раздобывшего угля, удваивалось и даже утраивалось от мысли об этом. В конце концов, почему красноармейцы должны были быть единственными, кто мог себе позволить находиться в тепле в ту зиму? Таким образом, нет ничего удивительного в том, что рядовые жители становились ворами и менялами. Лозунгом тех дней было: «Возьми все, что плохо лежит!»

Все простые жители Германии тосковали о своем прежнем образе жизни. Между тем советская пропаганда устроила им настоящий психологический террор. Немцы постоянно слышали лозунги: «Учитесь у Советского Союза быть победителями!», «Сталин — лучший друг немецкого народа» и т.п. В пропаганду

были вовлечены средства массовой информации и кинематограф. В советских фильмах солдаты вермахта всегда показывались подлыми бандитами. Бойцы войск СС возникали на экране только в черной парадной форме даже во время боевых действий. Все они изображались блондинами с животным взглядом и почти в каждом фильме с похотливым садистским удовольствием смотрели на пытки молодой красивой девушки, которая была партизанкой. Это была очень подлая пропаганда. Но чего еще нам было ждать от коммунистов? Впрочем, они были не единственными, кто старался дискредитировать немецкий народ.

В Америке подстрекательство против германской расы началось уже в конце тридцатых годов. Американцы тоже использовали для пропаганды киноиндустрию. В их фильмах на смену образу «ужасных краснокожих» пришел образ «ужасных германцев». После 1945 года бесчисленное множество подобных картин заполнило экраны кинотеатров в западных зонах Германии. В этих фильмах каждый мог увидеть леденящую душу истории о злодеяниях немцев. Так американцы начали промывать всем мозги с помощью кинематографа.

Замечу, что американское Верховное командование, помимо всего прочего, располагало психологическим отделом. Начальник этого отдела с готовностью согласился подтасовывать факты и создавать фальсифицированные версии событий, в которые для правдоподобия даже включались подобранные соответствующим образом отрывки из речей Гитлера.

Но вернусь к своей судьбе. Еще до того, как я сам покинул Бреслау, Бригитта, прибыв в Детмольд, сразу написала письмо к моим родителям. Это была для них первая за долгое время весточка обо мне. Поскольку

даже частная переписка подвергалась цензуре властей, Бригитта не упоминала моего имени, но при этом сообщила, что я жив и здоров и что мы с ней друзья. В сентябре 1946 года она получила ответное письмо от моего младшего брата Корнелиса. Он написал, что все члены моей семьи были интернированы и что я ни при каких обстоятельствах не должен возвращаться в Голландию и даже писать моей семье. Эти несколько слов подтвердили мои опасения и мое мнение о политической ситуации у меня на родине. Второе письмо от моей семьи, пришедшее в Детмольд, было от моей сестры Луизы. В нем были очень тяжелые для меня новости. Оказалось, я потерял отца и старшего брата.

Мой отец умер всего за несколько недель до того, как Бригитта получила первое письмо от Корнелиса. Отец скончался в голландском лагере для интернированных в Амерсфорте 27 августа. Из-за все той же цензуры в письме сестры излагались лишь голые факты. Таким образом, я ничего не узнал об обстоятельствах смерти моего брата Яна, кроме того, что он умер восемнадцатью месяцами раньше, 3 марта, в Ассене. И отца, и брата я видел в последний раз за два с половиной года до этого, а с конца 1944-го, как я уже рассказывал, я ничего не знал о судьбе моей семьи. Полученные известия оказались для меня очень болезненными. Моему брату Яну только исполнилось лишь 27 лет, да и отец не был еще старым: он умер всего в 62 года. День за днем я перечитывал строки, сообщавшие об их смерти. Я приходил в ужас и начинал плакать, думая о том, почему могли умереть мой отец и брат. Неужели это означало, что я никогда не смогу вернуться домой? И я действительно не мог сделать этого тогда, не мог никак поддержать свою семью в то трудное время. Предостережения Корнелиса были бо-

лее чем определенными. Лишь позднее я узнал о масштабах несчастий, обрушившихся без меня на мою семью, моих родителей, пятерых братьев и двух сестер.

Моя тоска по семье вскоре уступила место неудержимому желанию поехать к Бригитте, и это не давало мне покоя. Однако она предостерегала меня против поездки к ней в британскую зону. Это было слишком опасно. Тем не менее к этому времени многим уже удалось сбежать из советской зоны. Эти люди не хотели жить под коммунистическим управлением и бежали в западную часть Германии в таких количествах, что 5 июля 1946 года границы были закрыты. Теперь из одной зоны в другую можно было проехать только на поезде. Но для этого требовалось специальное разрешение, которое было невозможно получить.

Однако несмотря на «железный занавес» (этот термин был впервые использован Йозефом Геббельсом, а затем повторен Уинстоном Черчиллем), по-прежнему сохранялась возможность нелегального перехода границы, нужно было только найти маршрут, позволявший сделать это. Я должен был найти его во что бы то ни стало. Меня ничто не могло остановить от попытки попасть в Детмольд.

Вооружившись картой и советами знающих людей, я решил нелегально перейти границу в районе, который многие называли «зеленой границей». Там находился контрольно-пропускной пункт, однако не было минных полей, колючей проволоки и «мертвой полосы», которая бы полностью просматривалась пограничниками. Тем не менее переходить границу даже в этом районе было довольно опасно, поскольку там беспрестанно сновали русские патрули.

Подобные места были так же хорошо известны немецкой полиции. С другой стороны, их облюбовали и

немецкие бандиты. В частности, зимой 1946/47 года криминальные элементы действовали там столь интенсивно, что нередко были даже случаи убийств. В те годы бандитов массово освобождали из немецких тюрем и концентрационных лагерей. Оказавшись на свободе, они возвращались к своим прежним занятиям. «Зеленые границы» стали одним из излюбленных мест промысла для преступников. Под покровом темноты они грабили беженцев, забирая у тех все, что у них было.

К счастью, мне самому не довелось столкнуться ни с чем таким, и я даже не знал о подобных вещах, пока не прибыл в британскую зону в конце октября. Однако мое путешествие нельзя было назвать легким и безопасным. Сначала мне потребовалось проехать через Берлин, Магдебург и Хальберштадт. Перед Хальберштадтом наш поезд остановился, еще не достигнув станции, поскольку был израсходован весь запас угля, отпущенный на дорогу. Пассажирам пришлось вылезать из вагонов и проходить остальную часть маршрута пешком, двигаясь вдоль железнодорожных путей. Двигаясь через заросшие лесом склоны, я пешком дошел до региона Гарц. Оттуда мне нужно было доехать до города Деделебен. Мне пришлось прождать на вокзале десять часов, прежде чем в два часа ночи я отъехал от станции. В поезде, стараясь сохранить то немногое, что у меня было, я продел ручки сумок в ремень своих брюк и смог заснуть.

Деделебен был конечной станцией, от нее поезд не шел на запад, и поэтому в вагонах было очень мало людей. Эти немногие точно так же, как и я, намеревались пересечь «зеленую границу». Покинув поезд в пять часов утра, я выяснил дорогу к ней, спросив об этом у носильщика на станции.

К «зеленой границе» мы шли группой, в которой было около тридцати человек. Каждый был нагружен, как мул. Люди тащили вещи в огромных рюкзаках, везли в детских колясках и тележках. На фоне их я в своем клетчатом пальто, которым обзавелся еще в Бреслау, выглядел, как нищий. Тем не менее как-то случилось, что именно я возглавил нашу группу. Возможно, благодаря моему таланту к ориентированию на местности. Я предупреждал остальных о возникавших на пути препятствиях и появлявшихся впереди русских патрулей. Тем не менее через некоторое время я уже и сам точно не знал, где именно мы находимся. Наш путь через границу не был легким. Мы двигались в кромешной темноте, и мои спутники постоянно спотыкались о кочки. Наша обувь и носки промокли насквозь. Несмотря на все это, двигаться ночью было гораздо безопаснее, чем днем. В темноте у нас было больше шансов не оказаться замеченными, да и при стрельбе попасть в нас было гораздо сложнее.

Пробираясь через заросли деревьев, мы могли заранее услышать рев моторов приближающихся грузовиков русских патрулей, и у нас оставалось время, чтобы спрятаться. Нам удавалось прятаться достаточно хорошо, и даже с помощью мощных прожекторов, установленных на грузовиках, русским не удавалось нас обнаружить. После того, как грузовики уезжали, я отдавал команду:

— Поднять вещи, шагом марш!

Естественно, мы двигались совсем не парадным строем. Тем не менее моим спутникам потребовалось совсем немного времени, чтобы научиться передвигаться почти так же осторожно и незаметно, как наши разведывательные отряды во время войны. Когда нам однажды пришлось пересекать хорошо освещенную

местность, нас заметил русский солдат. Он закричал по-немецки:

— Стоять! Идите сюда!

Но мы проигнорировали его требование. Группа следовала моему приказу не останавливаться, и столь быстро, насколько это было возможно, мы исчезли в перелеске на другой стороне освещенного участка. Нам вслед раздались два выстрела, но пули не попали ни в кого из нас. После этого наступила тишина. Солдат, стоявший на посту, не попытался преследовать нас. Скорее всего, потому что он был там один.

Вскоре после этого, как я понял позднее, мы сделали круг. Получилось так, что мы уже вошли в британскую зону, но вышли из нее и вернулись на советскую территорию. Там нас заметили двое русских пограничников. Но случилось невероятное: они кивнули нам, чтобы мы продолжали путь, и мы поспешили дальше.

Одна из женщин, входивших в нашу группу, которая была гораздо старше остальных, к этому моменту была в полном изнеможении. Дорога оказалась слишком трудной для нее, и она уже собиралась сдаться. Тогда я взял ее под руку и поддерживал до конца пути. Остальные по очереди везли маленькую деревянную тележку с ее пожитками.

На рассвете мы увидели солнце, поднимавшееся у нас за спиной. Я знал, что нам уже недалеко до места назначения. Вскоре мы увидели фермера, который ехал нам навстречу на велосипеде. Поравнявшись с ним, мы спросили, в британской ли зоне мы находимся. Его ответ был утвердительным!

Через некоторое время, когда было уже около семи часов утра, мы дошли до транзитного лагеря для беженцев в Ерксхайме. Там нас радушно встретила немецкая полиция. Как и в советской зоне, она была оде-

та в черную униформу вермахта. Они обыскивали содержимое наших рюкзаков и сумок, надеясь поживиться дефицитными в те дни сигаретами и алкоголем. Один из мужчин в нашей группе был торговцем. К слову, в пути, уже добежав до перелеска, он сразу поднял руки, когда русский солдат сделал два выстрела нам вслед, и только мой окрик заставил его идти дальше. Теперь же полицейские обнаружили в его вещах изрядный запас водки, который был незамедлительно «конфискован» ими.

Следующую часть пути я преодолел на поезде. Состав постоянно делал очень долгие остановки между станциями. Только в Ерксхайме мы простояли десять часов и еще четыре часа по пути от Брунсвика до Ганновера. На это ушел целый день, и остаток пути мы ехали уже в полной темноте. Дело в том, что в поездах не было ни освещения, ни какого-либо обогрева. Сидевшие и стоявшие пассажиры дрожали от холода и были безмолвны. Правда, те, кто сидел, были в несколько лучшем положении, поскольку сидеть им приходилось довольно плотно друг к другу, и это давало хоть какое-то дополнительное тепло. За окнами было совершенно темно. В сельских домах не было видно огней. В городах, мимо которых мы стали проезжать потом, также стояла кромешная тьма и лишь контуры руин были видны на фоне ночного неба.

Центральный железнодорожный вокзал в Ганновере был освещен очень тускло. Тем не менее, было отчетливо видно, что люди на платформе оказались такими же, как в Берлине, с впалыми щеками и одетыми в лохмотья. Они медленно двигались вдоль платформы. Возможно, многие из них надеялись, что все еще изменится к лучшему. Но в ближайшее время этого ждать явно не приходилось.

В Ганновере я впервые увидел и британских солдат. Вполне довольные собой и откормленные, они шли через серую толпу, жуя жвачки. Я в это время спешил на ночлег. Место для ночлега мне дал Ян Райлинг, брат моего павшего друга Роберта. Ян прежде был студентом в Дрездене, и теперь он сумел устроиться в Ганновере поблизости от британцев. На тот момент он работал в госпитале, и именно там он устроил меня на ночлег. Я провел ночь в бойлерной, которая находилась в подвале госпиталя. Там было не слишком комфортно, но зато тепло! На следующее утро я был снова в пути.

Из Ганновера я отправил телеграмму Бригитте, и она дошла до нее. Бригитта ждала меня на вокзале. К этому моменту прошло уже шесть месяцев с тех пор, как мы виделись в последний раз. Новая встреча вызвала огромную радость у нас обоих. Несмотря на проблемы с продовольствием, Бригитта выглядела точно так же, как и раньше.

Сначала она жила в Хорн-Ольдендорфе в довольно плохих условиях. Затем она пошла на работу, как и все другие, чтобы получить продуктовую карточку. Она работала в Детмольде на заводе, производившем деревянные светильники. Там на нее обратил внимание владелец предприятия и предложил ей работать у него домработницей. Она согласилась. На вилле хозяина завода у нее была отдельная комната. Помимо всего прочего, она выполняла работу кухарки, и это позволяло ей не быть голодной.

Во время своего пребывания в Детмольде я нашел пристанище в гостевой келье монастыря Хайлиген. Мы проводили с Бригиттой очень много времени, гуляя и разговаривая. Когда я провожал ее домой, уже всегда успевало стемнеть. Наши чувства друг к другу не изменились. Они даже стали еще сильнее, и у нас с Бригит-

той не было сомнений в том, как много мы значим друг для друга. Но при этом мы оба понимали, что я не могу остаться.

Мне удалось осуществить опасное путешествие в британскую зону, но здесь я не мог чувствовать себя в безопасности. Если бы меня задержали, то признали бы перемещенным лицом и передали голландским властям. Дело в том, что в западной зоне у меня не было необходимого разрешения на жительство и не было знакомых, которые, подобно Инге, могли бы сделать его для меня. Кроме того, здесь у меня не было ни крыши над головой, ни работы. А отсутствие работы означало отсутствие продуктовой карточки. Бригитта обладала всем этим здесь в Детмольде, в британской зоне. У меня также было все это, но только в Финстервальде, в советской зоне. С тяжелым сердцем мы оба признали, что я должен вернуться. У меня просто не было иного выбора. Наша разлука уже была достаточно долгой, но мы должны были пожить друг без друга еще некоторое время, и не в наших силах было что-либо изменить. После чудесных дней в районе Липпе я был вынужден возвращаться назад тем же маршрутом.

В контролируемой иванами части Германии я вновь оказался 13 ноября. Мой путь назад прошел без проблем и приключений, поскольку я проделывал его в одиночку. Да какие у меня могли быть спутники? Разве кто-нибудь мог захотеть по своей воле вернуться в этот «советский рай» на другой стороне Эльбы?

Однако уже в Финстервальде я пришел к заключению, что жизнь в западных зонах также далека от того, на что рассчитывали немецкие беженцы. Там они не нашли того качества жизни, которое ожидали увидеть по контрасту с советской зоной Германии. Американцы, как и русские, вовсе не оказались освободителя-

ми, ведь освободители не пытаются, не насилуют и не унижают население. А подобные случаи на подконтрольной американцам территории также были нередки.

В Финстервальде между тем для меня развивалась та же ситуация, что и в Бреслау. Чем дольше я там жил, тем больше людей меня знали. Некоторые из них также знали, что я был голландским добровольцем в войсках СС. Стоило кому-нибудь из них проболтаться, и я снова оказался бы в лагере для военнопленных. Этот страх постоянно преследовал меня, и я уехал из Финстервальда, чтобы в который раз поселиться неподалеку от семьи Ласка. Правда, перед этим мне предстояло заехать в Грайфсвальд — город, расположенный в северной части восточной зоны. Там я провел несколько замечательных недель.

Дело в том, что старшая сестра моего павшего товарища Роберта Райлинга была женой немецкого солдата, погибшего в России. Став вдовой, Ева Гахрман жила в Грайфсвальде вместе со свекром и свекровью. Эти замечательные люди встретили меня с распростертыми объятиями. Не менее гостеприимным оказался и сам город. Его здания остались неповрежденными, поскольку Грайфсвальд лежал на побережье и сразу был сдан русским. В этом городе находился старейший в Германии университет, основанный в 1465 году. Грайфсвальд выглядел очень романтично с его старыми домами, увенчанными остроконечными крышами. Здесь не было заметно крайней нужды и бедности. Семья Гахрман владела большим мебельным и текстильным бизнесом. Их уважали в округе. У них были связи среди сельских фермеров, университетских ученых и даже среди фармацевтов, которые поставляли алкоголь на «черный рынок». Естественно, в Грайф-

свальде я также занимался ставшим уже привычным для меня торговым бизнесом.

После войны, как и до войны, меня постоянно поддерживали и помогали мне разные хорошие люди. После моей второй поездки к Бригитте в мае 1947 года, на обратном пути я сделал крюк, чтобы заехать к друзьям семьи Ласка. Однако мой короткий визит затянулся на пять недель, поскольку в пути я подхватил малярию. Во время лечения друзья семьи Ласка заботились обо мне, точно так же, как и семейный врач этих друзей, доктор Шулер.

Летом 1947-го я провел чудесные дни на крупнейшем германском острове Рюген в огромном летнем доме, принадлежавшем семье Гахрман. Вместе с друзьями Гахрманов мы приехали туда на поезде с большим запасом продуктов с «черного рынка». Там был настоящий рай! Рай, состоявший из равнин, крутых утесов, буковых рощ и лабиринтов из густого камыша на прибрежных участках, заросших вереском. Море, простиравшееся вокруг, было то спокойным, то необузданным. На бесконечных песчаных пляжах не было людей. Лишь утесы возвышались над нами, следя за тем, как мы купаемся. Мы не видели ни туристов, ни русских военных. Мне казалось, что Рюген находился под волшебным стеклянным колпаком, закрывшим его от оккупационных властей. Однако даже здесь, на севере, происходили инциденты, вызывавшие досаду и бесильную злобу. Свидетелем одного из них я стал на вокзале в городе Бад-Кляйнен.

На платформе стояла колонна немецких военнопленных. После переклички охранники обнаружили, что одного из них не хватает. Вероятнее всего, он сбежал. Тогда один из охранников схватил случайного прохожего и втолкнул его в колонну пленных. Теперь их

количество стало прежним! Шокированный человек, с которым сделали такое, даже не протестовал, точно так же, как и никто из прохожих. Они все лишь смотрели с изумлением и сохраняли молчание. Я подошел к немецкому полицейскому, дежурившему на станции, и стал требовать, чтобы он принял меры в связи с происшедшим. Но он ничего не хотел знать об этом. Ему были не нужны проблемы с военными. Он заявил мне, что я, как раненный на войне, вообще не имею права путешествовать по железной дороге, и забрал мое разрешение на проезд.

После происшедшего я снова задумался о своих дальнейших перспективах. Я прожил целый год в Силезии под ярмом польского коммунизма и около года под ярмом русского коммунизма в восточной зоне Германии. Но было ли у меня будущее? Нет, его не могло быть у меня в советской части страны. С каждым днем я все больше опасался за свою безопасность здесь. Но интуиция подсказывала мне, что должен быть выход. И вдруг я получил телеграмму, которая однозначно говорила мне, что пора уезжать из мест, где на ветру развеваются красные флаги.

Глава двадцать первая

В ЗАПАДНОЙ ЗОНЕ

Бригитта сообщила мне в телеграмме, что в Детмольде появился мой брат Эверт. Как я узнал впоследствии, ему удалось сбежать из голландского трудового лагеря в Лимбурге, где он работал в угольной шахте. Оказавшись в Германии, Эверт напрямик направился к Бригитте. Он очень вовремя совершил побег, не дожидаясь окончания следствия и

вынесения приговора особым судом, который мог назначить ему, как бывшему офицеру войск СС, даже смертную казнь. Благодаря помощи гражданских рабочих шахты Эверт смог сбежать, даже не перекусывая колючую проволоку и не пользуясь лестницей, чтобы перелезть через нее. Перейти же через границу ему в обмен на сигареты помогли контрабандисты.

Теперь для меня настала пора принять окончательное решение. Бригитта была в западной зоне, Эверт был в западной зоне, а что же я? Мои друзья, находившиеся в восточной зоне, были дороги мне, но Бригитта и Эверт значили для меня гораздо больше. И я принял решение без малейших сомнений. Тем более, инстинкт подсказывал мне, что пора покидать Тауху. И я сбежал из «рабоче-крестьянского рая».

Как выяснилось впоследствии, мое решение было более чем своевременным. К тому моменту власти уже выяснили мою подлинную личность, и я должен был быть арестован со дня на день. Хозяйка квартиры, в которой я снимал комнату, отделалась довольно незначительными проблемами с властями. В наказание за то, что она не поставила в известность полицию о моей личности и о моем отъезде, ей лишь отказали в предоставлении новой угольной печи. А я сумел избежать трудового лагеря. Как видите, мой инстинкт меня не подвел.

Без карты и компаса я смог добраться до западной зоны и доехал до Детмольда. Моя радость при виде Бригитты и Эверта была просто неопишуемой. До этого момента я не виделся с братом несколько лет!

Он поселился вместе с голландской парой по фамилии Снюверинк. Оба их сына, точно так же, как и мы, служили в войсках СС, и оба пропали без вести во время боев в России. Опасаясь репрессий со стороны гол-

ландских властей, супруги Снюверинк, оставив все, что они имели, бежали в Детмольд. Это решение далось им нелегко, поскольку господин Снюверинк был владельцем большой и успешной строительной фирмы. Впрочем, он надеялся, что однажды сможет вернуться к этому бизнесу. Эверт, а затем и я были приняты супругами Снюверинк с распростертыми объятиями. Они воспринимали нас почти как сыновей. Мы оба очень привязались к этим людям.

Для Эверта было крайне важным обзавестись новыми документами, поскольку без них он не мог рассчитывать на получение продуктовой карточки. Будучи более опытным в подобных делах, я сам пошел к властям, чтобы получить документы для Эверта. Он был на три года старше меня, но внешне это не было заметно. Я попытался убедить чиновника, что потерял все документы при бегстве из русской зоны. Но это не принесло результата.

— Нет, господин, мы не можем поверить вам на слово. В действительности вы можете быть сыном Гитлера и кем угодно еще, — вежливо отклонил мою просьбу чиновник.

Однако проблема разрешилась с помощью адвоката. Нам удалось найти такого, который бы поверил в мою историю. И он за сравнительно небольшую плату предоставил мне необходимые документы — по всей форме и со всеми требовавшимися печатями! Эверт и супруги Снюверинк ждали меня с тревогой и нетерпением. До этих пор мой брат опасался даже выходить на улицу. Но теперь он мог делать это свободно. Согласно его новым документам, он был уроженцем Финстервальда, который сбежал в Западную Германию.

Однако что могло ждать нас впереди? Побег Эверта и мое невозвращение в Голландию означали, что нас

приговорят к смертной казни, стоит нам только вернуться на родину, где начались так называемые этнические чистки. На семьи тех, кто сражался против коммунизма, обрушились репрессии. Подобное происходило во многих странах Западной Европы, но мне особенно тяжело писать о том, как это было в Голландии. Мой народ на моей родной земле совершал преступления, не отличавшиеся от тех, которые творили русские в Восточной Германии.

Германский народ в полной мере ощутил на себе месть победителей. Но даже немцы ничего не знали о том, что перенесли у себя на родине те, кто сражался за единую Европу на стороне Германии. Нас объявили изменниками, нас начали судить. В Голландии судьи, не имевшие соответствующей квалификации, получили право приговаривать голландских граждан к десяти годам заключения в трудовом лагере. Профессиональные судьи получили особые полномочия приговаривать воевавших на стороне Германии к смертной казни. Стоит заметить, что прежде эта мера наказания не применялась в Голландии на протяжении нескольких веков. Повседневным явлением стали приговоры, согласно которым люди, родившиеся и выросшие в Голландии, лишались гражданства и все их имущество конфисковывалось.

На повестке дня стояла месть, и бывшие добровольцы, равно как и те, кто работал на немцев или просто симпатизировал им, становились жертвами объявленной в те дни охоты на людей. Жены немецких солдат, девушки, помолвленные с немецкими солдатами, и даже подруги немецких бойцов подвергались изощренным издевательствам. Им брили головы, рисовали свастику у них на лбу и в таком виде гнали по улицам городов. Дома бывших членов НСБ и других связанных с этой

партией организаций разграблялись, и у несчастных не было никакой возможности противостоять этому.

Начиная еще с последних лет войны, на читателей обрушился нескончаемый поток литературы о «подвигах» участников антифашистского Сопротивления, в то время как о последующих преступлениях антифашистов против своего собственного народа никто не писал. Эта тема замалчивалась, и никто не решался ее затронуть. Но тем не менее я все-таки могу назвать одну книгу об этом, вышедшую еще в 1949 году. Написать ее решился голландский исследователь доктор Х.В. ван дер Варт-Смит. Его исследование называется «Время лагерей, 1944—1947»¹ и повествует о зверствах над голландскими политическими заключенными, основываясь на свидетельствах из первых рук. Предисловие к этой книге было написано профессором Г.М. Русселлом, который, в частности, подчеркивал: «Правда об этой черной странице послевоенной истории не должна быть замолчана, не должна быть забыта».

Террор, осуществлявшийся в те дни, нельзя назвать спонтанным. Это была продуманная и безжалостная кровавая месть по отношению к беззащитным людям. Вся «вина» этих людей состояла лишь только в том, что они были членами НСБ или симпатизировали Германии. В обществе, одной из главных черт которого прежде была свобода совести, инакомыслящих записали в преступники! К ним применялись пытки, сходные с теми, к которым прибегала инквизиция, и особенно тяжело приходилось женщинам (см. стр. 22 вышеупомя-

¹ В данном случае мы вынуждены прибегнуть к не совсем точному переводу оригинального названия «Kamp-toestanden» (дословно с нидерландского (голландского) «Kamp» переводится как лагерь, а «toestanden» — состояние, положение), поскольку буквальный перевод является не совсем адекватным русскому языковому восприятию. — *Прим. пер.*

нутой книги). На следующей странице книги мы можем прочитать, что работавшие в тюрьме женщины относились к узницам даже хуже, чем их коллеги-мужчины. Заключенных избивали, по нескольку дней держали их в клетках, в которых они могли находиться только в стоячем положении. Самой «безобидной» пыткой был отъем сигарет у курильщиков (там же, стр. 33).

На странице 34 этой книги мы можем прочитать свидетельство, рассказывающее о транспортировке раненых с ампутированными конечностями в лагерь для интернированных. Охранники выгружали их из машины, словно выбрасывали ненужный балласт. Среди раненых был и восемнадцатилетний парень без обеих ног, которого попросту швырнули на землю. Глядя на это, сопровождавшая раненых медсестра потеряла самообладание и набросилась на охранников. Но ее усмирили, всадив ей пулю в бедро. Многие из тех осужденных в результате получили такую психическую травму, что были отправлены в Институт психиатрии, находившийся в Франакере. Там с ними обращались, как с сумасшедшими, причем они рассматривались не как «сумасшедшие пациенты», а как «сумасшедшие преступники», согласно цитате из записи одного из лечащих врачей.

В те дни работники тюрем ощущали себя членами стрелковых клубов. Их непрекращающийся Шютценфест продолжался с июля по ноябрь 1945 года, пока канадские войска не остановили истребление заключенных. Один из лагерей для интернированных, «прославившийся» пытками над узниками, находился в Шевенингене. Всего же в те годы были осуждены за коллаборационизм 45000 граждан Голландии, 170 000 голландцев были интернированы. И это довольно значительные цифры, поскольку общая численность населе-

ния страны в то время составляла 8,2 миллиона человек.

Трудно поверить, но все это происходило в миролюбивой Голландии. Страна, постоянно сохранявшая нейтралитет, развернула войну против собственного населения! Ее результатом стали тысячи поломанных судеб. Женщин и девушек насиловали в тюрьмах. Но мы никогда не узнаем достоверно об истинном числе подобных случаев. Их жертвы редко рассказывали о происшедшем, в том числе и потому, что боялись новых репрессий со стороны властей.

Более того, у людей, которых интернировали, отнимали их родных детей. Их помещали в детские дома, и родителям было строжайше запрещено видаться с ними. В результате целых 300 000 детей неожиданно оказались в этих домах. Там с ними крайне плохо обращались и постоянно промывали мозги, объясняя им, что они дети преступников. Неудивительно, что в конечном счете многие из них даже стали стыдиться собственных родителей. Психологическое давление и плохое обращение сделало многих из этих людей физически больными и породило у них многочисленные психологические проблемы.

В Голландии в течение последних пятнадцати лет существует ассоциация под названием «Рабочая группа Херкеннинг»¹, которая помогает людям, в детстве которых была подобная черная страница. Эта ассоциация первоначально встретила мощнейшее противодействие со стороны властей, и лишь в последние несколько лет она была официально признана как благотворительная организация и получила некоторую поддержку.

¹ Слово «herkenning» с нидерландского буквально переводится как узнавание, опознавание, опознание. — *Прим. пер.*

У читателя может возникнуть вопрос: если голландское государство так мстило своему собственному народу, то какая же судьба постигла немцев, живших на территории этой страны? Из тех немногих граждан Германии, кто остался в Голландии после 1945 года, 203 человека получили суровые приговоры. 18 из них были приговорены к смертной казни, и шестеро были действительно казнены. Еще 6 человек были приговорены к пожизненному тюремному заключению. Остальные были осуждены на сроки от трех месяцев до двадцати лет. Правда, никто из них не провел в неволе более 13 лет. Огромную роль здесь сыграл экономический бум, впоследствии происшедший в Германии, поскольку Голландия в результате оказалась крайне заинтересованной в восстановлении добрососедских отношений с этой страной. Значительное влияние на это оказали голландские бизнесмены с их легендарным деловым чутьем.

О бедствиях, которые обрушились на мою собственную семью, я узнал от Эверта, только оказавшись в Детмольде. Они, вероятно, избежали бы всего этого, если бы остались в Германии, куда эвакуировались за несколько месяцев до конца войны. Здесь надо сказать, что после отступления войск вермахта в 1944 году войска союзников, двигаясь из Северной Франции, достигли границ Голландии. В европейских странах началась беззаконная расправа над пронемецки настроенным населением. Те же бельгийцы так жаждали крови, что убили по этой причине около 1000 своих граждан.

Во вторник, 5 сентября 1944 года, лондонское радио «Орэндж» передало информацию о том, что Бреда станет первым голландским городом, который в ближайшее время будет освобожден союзниками. В ре-

зультате этот день вошел в историю как «дикий вторник», благодаря тому, что так называемая голландская народная полиция начала массово применять оружие против своих же граждан, которые поддерживали немцев.

В том же месяце 65000 голландцев, в том числе мои родители, оказавшись под угрозой подобного террора, покинули Голландию в дребезжащих железнодорожных вагонах. Далеко не всем из них удалось добраться до Германии невредимыми. По пути пассажирам не раз приходилось выпрыгивать из вагонов и укрываться под ними или в другом подходящем убежище от атак низко летящих самолетов союзников. Они не раз атаковали поезда с беженцами, хотя было ясно видно, что это не военный транспорт.

В Германии большинство голландцев остановились в Люнебурге. Моя семья, однако, направилась в Хильдесхайм, где поселилась на территории бывшего монастыря. Дело в том, что там уже жила моя сестра, вышедшая замуж за офицера дивизии СС «Викинг», который также был голландским добровольцем.

За некоторое время до этого я сам навещал свою сестру в Хильдесхайме. Именно там мне довелось увидеть британских добровольцев войск СС. До этого они были членами экипажа британского бомбардировщика, но он был сбит, и они оказались в немецком плену. Там они заявили о своем желании сражаться против коммунизма в рядах добровольцев и так оказались в войсках СС.

Моя семья прекрасно жила в Хильдесхайме в течение семи месяцев до 22 марта 1945 года. Этот чудесный весенний день был выбран британцами для того, чтобы на этот небольшой город с 80000 населения совершили авианалет 200 четырехмоторных бомбарди-

ровщиков. В результате красивейший город был полностью уничтожен. На него обрушили такую массу зажигательных и осколочных бомб, что облако дыма в форме гриба возвышалось над городом на высоте до 5000 метров и было заметно даже за 300 километров от Хильдесхайма. Здания, находившиеся в городе, и монастырь превратились в руины. При этом бомбардировка Хильдесхайма не имела ни военного, ни стратегического смысла. Моя семья лишилась крыши над головой, и тоска по родине заставила их вернуться домой. Это стало для них началом долгой череды страданий.

В Голландии мою семью почти сразу арестовали. Мой племянник, которому исполнился всего год, был отобран у моей сестры и помещен в особый детский дом для детей членов НСБ. Там к детским кроватям даже были прикреплены листки с надписями: «Ребенок эсэсовца», «Ребенок члена НСБ». Этих детей сделали сиротами при живых родителях. Моей сестре удалось тайком пробраться в детский дом, и она увидела, что детей там содержат в крайне ужасных условиях.

После двух лет в лагере для интернированных ей повезло вернуться себе сына. Ему тогда было уже три года, но он не умел даже ходить. Кроме того, он стал глухим на одно ухо. Можно предположить, что он переболел тяжелым воспалением среднего уха, которое никто не лечил. Тем не менее моей сестре еще повезло, что она смогла забрать своего ребенка из детского дома. Дело в том, что детей оттуда активно предлагали для усыновления, и многие из них к тому времени были уже усыновлены.

Тем не менее даже в то горькое и несправедливое время находились люди, которые отваживались выступить против. Среди них оказывались и те, кто во время

войны был по другую сторону баррикад, но сумел, несмотря на это, не закрыть глаза на несправедливость послевоенных лет. Одним из таких был голландский журналист В.Л.Бругсма. Он сражался в силах Сопротивления и даже провел некоторое время в немецкой тюрьме. Тем не менее именно он написал статью, в которой критиковал нечеловеческое обращение с детьми арестованных и задавал вопрос: «А насколько чисты сами те, кто затеял эту этническую чистку?» Его статьи до сих пор запрещены в Голландии. Но они должны занять достойное место в голландской истории вместе с крайне малочисленными правдивыми книгами о тех днях.

Именно в лагере для интернированных моя семья узнала о смерти моего брата Яна. Причины его смерти не известны и по сей день. Он погиб по дороге на работу. Работал он электриком на немецком аэродроме и каждый день добирался туда на мотоцикле. Убийства тех, кто работал на немцев, участниками Сопротивления были распространены в те дни. Наша семья пришла к выводу, что Ян либо стал жертвой атаки летевшего на малой высоте самолета союзников, либо был убит стрелком из Сопротивления, точно так же, как и отец моего друга Роберта Райлинга.

Известие о смерти Яна стало тяжелым ударом для моей матери. Ей было тогда 55 лет. Все это время она, как могла, пыталась бороться за то, чтобы ее семью освободили. После случившегося она стала еще больше донимать жалобами руководство лагеря. В итоге они не придумали ничего лучше, кроме как поместить ее в психиатрический институт в Ассене. Находясь в одном заведении с психически больными людьми, моя мать также вскоре стала больной, причем как психически, так и физически. На это повлияло и ее новое окру-

жение, и разлука с мужем и детьми. Кроме того, она постоянно страдала от унижений и очень плохого ухода. Больных в институте кормили в основном заплесневелым хлебом и вареными картофельными очистками. Однако беда не ходит одна. Только что пережив смерть своего любимого старшего сына, моя мать узнала о смерти мужа.

Мой отец перенес операцию по удалению грыжи. Вместо послеоперационного ухода он был почти сразу же отправлен на принудительные работы. За короткое время своего нахождения в больнице он написал семье несколько писем. Это были оптимистичные письма с планами на будущее. Отец верил в то, что вся его семья сможет начать новую жизнь после освобождения. Но через несколько дней он умер. Его похороны были самыми простыми, какие только возможны. Но мы были рады и тому, что на них был хоть один из членов нашей семьи, Эверт. В порядке исключения ему под надзором вооруженного конвоя разрешили присутствовать на похоронах нашего отца.

Эверт был взят в плен канадцами в районе Арнема. Они передали его голландцам, и те поместили Эверта в печально известную тюрьму Харскамп. До вынесения приговора он должен был работать в угольной шахте. Лишь благодаря своему побегу ему удалось избежать пыток, которые в те дни были обычным средством дознания.

Члены моей семьи были освобождены из лагеря только в 1947 году. На свободу они вышли один за другим после двух лет заключения. В том же году мою мать отпустили из психиатрического института. К этому моменту на ней была лишь кожа да кости, а также многочисленные вши. Она неохотно рассказывала о днях, проведенных там. Но у нее была очень сильная,

буквально железная воля, и это помогло ей со временем обрести прежнее здоровье и снова стать во главе семьи.

Самому младшему из моих братьев тогда было всего двенадцать лет. Он провел два года, скитаясь по разным детским домам и ничего не зная о том, где теперь его семья. Никто из родственников не мог ни увидеться с ним, ни послать ему письмо. Все это было строжайше запрещено.

Тем не менее следует сказать, что и в ту позорную пору находились люди, которые сохранили свой человеческий облик. Одним из них был врач психиатрического института, который втайне помогал моей матери. Другим оказался надзиратель-еврей, работавший в лагере, где находился один из моих братьев, и обращавшийся с интернированными по-человечески.

Лишившись прежнего дома и имущества, моя семья нашла себе новое пристанище в Воуденберге, что в провинции Утрехт. Там в сельской местности их окружали честные и готовые помочь люди. Их ближайшим соседом оказался очень дружелюбно настроенный к ним фермер, который даже согласился прятать у себя мои письма к родным.

Что интересно, местная полиция очень быстро начала наносить визиты моей семье. Они были уверены, что мы с Эвертом настолько глупы, что станем навещать семью, особенно в какой-нибудь из народных праздников, и поэтому всегда прятались возле дома моих родителей в такие дни. Полиция хотела подловить мою семью хотя бы на чем-то. Когда один из полицейских обнаружил фотографию миниатюрного аэродрома с моделями самолетов, который мы с Эвертом в детстве соорудили в саду, то мою семью чуть не обвинили в шпионаже за военными объектами!

Так или иначе, давление на гражданское население постепенно стало ослабевать. Однако все было совершенно иначе по отношению к бывшим добровольцам. Еще в 1950 году 5000 голландских солдат, вернувшихся на родину после освобождения из русских лагерей для военнопленных, были немедленно арестованы и приговорены. При этом власти оказались настолько циничны, что этих людей, содержащихся в камерах, начали навещать офицеры спецслужб, которые в связи с «холодной» войной собирали информацию о Советском Союзе. Выйдя на свободу через несколько лет, бывшие добровольцы оказались людьми без гражданства. Голландия перестала признавать их своими гражданами!

Столь же драматичная ситуация складывалась и в других европейских государствах. Только в Норвегии 7000 добровольцев были осуждены на срок до четырех лет. В Дании было приговорено 7717 человек. В Бельгии только к смерти приговорили 3193 «коллорабациониста». И даже в тех случаях, когда подобный приговор не приводился в исполнение, добровольцы были обречены на долгие годы заключения. Не осталась в стороне и Швейцария, где перед военным трибуналом предстало 1300 бывших добровольцев.

Еще в 1952 году репрессиям подверглись 5200 французских добровольцев, сражавшихся против большевизма, которые до этого избегли подобной участи, участвуя в боевых действиях в Индокитае или находясь на службе во Французском иностранном легионе.

На Балканах еще задолго до этого, в 1945 году, партизанами Тито было уничтожено 11000 словенских добровольцев. Впоследствии еще 90000 хорватских

солдат движения усташей¹ также получили приговоры разной степени жестокости. Британцы, поправ все международные законы, передали русским 35000 казаков. В результате часть из них была расстреляна, а часть направлена в лагеря. Нейтральные шведы, не так давно процветавшие благодаря контрактам с Германией, выдали русским скрывавшихся у них солдат прибалтийских дивизий.

Во всей Европе шла массовая травля бывших добровольцев. И даже в современных Нидерландах никто не хочет признать неоспоримый факт, что добровольцев, надевших униформу цвета фельдграу, было значительно больше, чем тех, кто добровольно пошел воевать на стороне союзников и надел униформу цвета хаки.

¹ Устбаши (хорв. Ustase, в переводе — восставшие или повстанцы) — хорватское нацистское движение, основанное Анте Павеличем в 1929 г. Движение сформировалось из группировок, составлявших в 20-х годах ультранационалистическое крыло хорватской оппозиции против централизованного общественного устройства королевства Югославии. Первоначально Павелич руководил усташами, находясь в Италии. В отличие от других хорватских оппозиционных движений, усташа использовали для достижения своих целей прежде всего насильственные методы, в том числе терроризм. Убийство в Марселе 9 октября 1934 года короля Югославии Александра I и французского министра иностранных дел Луи Барту стали самыми известными террористическими актами, организованными усташами совместно с македонскими националистами. В 1941 году Павелич возглавил так называемое Независимое государство Хорватия, которое являлось марионеточным государством Третьего рейха. Следуя примеру нацистской Германии, режим усташей издал расовые законы, направленные против евреев и цыган. Кроме них, врагами хорватского народа были объявлены и все сербы. Сербы, евреи, цыгане и хорватские антифашисты заключались в концентрационные лагеря и лагеря уничтожения. Результаты исследований Боголюбa Кочовича и Владимира Жерявича говорят о том, что усташа убили около 290 тыс. из 1,9 млн. живших в стране сербов, почти все 40 тысяч евреев и 30 тысяч цыган. Другие источники называют даже большее число уничтоженных сербов, вплоть до 3/4 миллиона человек (Ladislav Hory and Martin Broszat: *Der Kroatische Ustascha-Staat, 1941—1945* Stuttgart, 1964). — *Прим. пер.*

ЭПИЛОГ

После войны мы с Эвертом долгое время не сознавали, что принадлежим к одному поколению. Поколению, которое понесло самые большие потери в ходе Второй мировой войны. Судьбе тем не менее было угодно, чтобы мы оба выжили и начали заново строить свою жизнь.

Мы оба обзавелись документами, которые хотя и не соответствовали нашим настоящим именам, но тем не менее позволяли жить в британской зоне. Более приемлемой альтернативы у нас в то время попросту не было. Теперь, чтобы не умереть с голоду, мы должны были найти работу и хотя бы временную крышу над головой. Мы не смогли отыскать в Детмольде ни того, ни другого. Значит, нам следовало попытаться найти все это в другом городе.

Мы узнали, что в области Рура требуются шахтеры. Это была крайне сложная физическая работа, но зато каждый шахтер мог быть уверен, что его ежедневный рацион будет содержать не менее 2864 калорий. А это означало, что наш желудок будет полон! Других приемлемых вариантов работы не было ни у меня, ни у Эверта, и мы решили пойти в шахтеры, чтобы использовать эту работу как трамплин для построения дальнейшей жизни. Тем более что вместе с работой нам предоставлялось и жилье. Проблема состояла лишь в том, что в то консервативное время я мог получить жилье на двоих с Бригиттой только при условии официальной реги-

страции наших отношений. Новой разлуки не могли вынести ни я, ни она, поэтому у нас не было иного выхода, кроме как пожениться. Однако это означало трехмесячное ожидание нашей очереди в местном отделе записей актов гражданского состояния. Нам помог господин Снюверинк. Благодаря своим связям в местном городском совете он сумел значительно ускорить регистрацию нашего брака. Помимо всего прочего, это оказалось крайне полезно для меня еще и в том плане, что в результате у проверяющих не осталось времени для того, чтобы выяснять мое прошлое. А ведь это привело бы к трагедии, если б они установили мою настоящую личность и национальность! В моих тогдашних документах подлинной была только фамилия Фертен.

Бракосочетание было назначено на 12 декабря 1947 года. Та зима выдалась очень холодной, и в отделе записей актов гражданского состояния стоял почти такой же ледяной холод, что и снаружи. Но это, конечно, не помешало нам вступить в брак. Нашими свидетелями стали господин и госпожа Снюверинк. Наш роман с Бригиттой начался в разрушенном войной Бреслау летом, за восемнадцать месяцев до этого дня. Мы окончательно связали свои судьбы друг с другом в холодном зимнем Детмольде. С тех пор прошло больше полувека, но мы по-прежнему вместе и точно так же любим друг друга, как и в самом начале наших отношений.

Наша женитьба подстегнула всю мою семью покинуть Голландию и перебраться в Германию. Именно здесь мои братья нашли себе жен, и мы, по сути, основали новую ветвь семейства Фертенов, которое теперь простиралось от Франции до Голландии и от Голландии до Германии.

В скором времени мы втроем, я, Бригитта и Эверт,

уехали в Рур, являвшийся одним из мировых центров угольной промышленности. Мы с Эвертом были приняты на работу в угольную компанию «Эссен», находившуюся в Дортмунд-Дортфельде. Компания «Эссен» владела двумя третями угольных шахт в этом районе. Мы с Бригиттой получили теплую обставленную мебелью комнату на Карл-Функе штрассе. Эверта поселили всего через пару улиц от нас вместе с одним из медиков компании. Дело в том, что в обязанности самого Эверта, помимо всего прочего, входило оказание первой помощи получившим ранение во время работы в шахте. Медик, с которым его поселили, оказался марксистом. И хотя он даже ни разу не был в России, на его всегда начищенной печи, топившейся углем, на почетном месте стоял бюст Ленина. Неудивительно, что большинство вечеров Эверт проводил с нами в нашей единственной комнате, где нам приходилось и готовить, и есть, и спать.

Работа в шахте оказалась даже тяжелее, чем мы думали. Тем не менее и я, и Эверт проработали там достаточное время. Но впоследствии мы еще не раз меняли работы и переезжали в другие города. Это продолжалось до тех пор, пока мы не смогли вместе с одним боевым товарищем основать собственное дело в 1953 году. Наша фирма отпраздновала свой золотой юбилей незадолго до выхода в свет этой книги.

Даже основав фирму, я и Эверт по-прежнему жили, скрывая свои настоящие личности. Но этому должен был прийти конец. И в 1954 году была объявлена амнистия, которая позволила нам предстать перед судом. Решение судьи полностью оправдывало нас. Тем не менее мы оказались лицами без гражданства, поскольку Голландия отказала нам в реабилитации. Так продолжалось еще несколько лет. В течение них даже

лица без национальности и без родины имели право заниматься бизнесом в моей родной стране, но только не я и не Эверт. При этом привилегия вести бизнес в Германии была даже у моих немецких коллег. Прошло еще целых семь лет, прежде чем мы с Эвертом вновь были признаны лицами голландской национальности. Только тогда я смог посетить родную страну после 17 лет разлуки с ней.

Моя молодость прошла в непростое время. Я пошел добровольцем в войска СС, потому что верил в будущее Европы с Германией во главе. Возможно, это было утопией или иллюзией? Судьбе было угодно распорядиться иначе, и Германия проиграла войну. Тем не менее я не жалею о том, как прошла моя молодость. Испытания, обрушившиеся на меня тогда, позволили мне состояться как человеку. А это, наверное, самое главное в жизни каждого.

Содержание

От переводчика	5
Палачи или добровольцы?	5
Пролог	11
Глава 1. Откуда родом?	13
Глава 2. Первая мировая война и мир после нее	18
Глава 3. Политическая революция	27
Глава 4. В Европе запахло порохом	38
Глава 5. Война объявлена	47
Глава 6. Война на Западе	62
Глава 7. Европейские добровольцы	86
Глава 8. Моя подготовка в войсках СС	96
Глава 9. Солнцестояние на востоке	114
Глава 10. Дорога на войну	123
Глава 11. Военная зима	138
Глава 12. В госпитале	194
Глава 13. Снова учеба	202
Глава 14. Восточная Пруссия	209
Глава 15. Силезия	217
Глава 16. Крепость Бреслау	259
Глава 17. Последняя битва	299
Глава 18. Капитуляция и плен	334
Глава 19. В Польше на нелегальном положении	375
Глава 20. В восточной зоне	404
Глава 21. В западной зоне	427
Эпилог	442

Хендрик Фертен
В ОГНЕ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
Воспоминания добровольца войск СС

Ответственный редактор *Г. Пернавский*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Павлова*
Корректор *И. Федорова*

ООО «Яуза-пресс»
109439, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

Подписано в печать 11.12.2008.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 23,52. Доп. тираж 4000 экз.
Зак. № 5174.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат" 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Летом 1941 года в составе Вермахта и войск СС в Советский Союз вторглись так называемые национальные легионы фюрера – десятки тысяч голландских, датских, норвежских, шведских, бельгийских и французских *freiwilligen* (добровольцев), одурманенных нацистской пропагандой, решивших принять участие в «крестовом походе против коммунизма».

Среди них был и автор этой книги, голландец Хендрик Фертен, добровольно вступивший в войска СС и воевавший на Восточном фронте – сначала в 5-й танковой дивизии СС «Викинг», затем в голландском полку СС «Бесслейн» – с 1941 года и до последних дней войны (гарнизон крепости Бреслау, в обороне которой участвовал Фертен, сложил оружие лишь 6 мая 1941 года). Эти мемуары – «окопная правда» по-эсэсовски, жестокий рассказ об ужасах войны и погибших товарищах, о боях и походах, победах и поражениях, о жизни и смерти на Восточном фронте. Особый интерес представляет свидетельство добровольца СС о том, как отбирали и готовили солдат для «карманной армии Гиммлера». Эти «политические солдаты» проявили себя в сражениях с Красной Армией как отчаянные, умелые и абсолютно безжалостные бойцы. В отличие от немцев те из них, кто выжил на войне, не раскаялись до сих пор.

Данная книга неопровержимо доказывает, что наши деды и прадеды воевали не только с Германией и ее официальными союзниками, но фактически со всей Европой – вопреки «западническим» мифам «демократическая Европа» не только покорно сдалась Гитлеру, не только охотно работала на Вермахт, но и активно участвовала в «крестовом походе на Восток»: не секрет, что численность западноевропейских добровольцев, воевавших в Вермахте и Ваффен-СС, превосходила численность бойцов Сопротивления.

ISBN 978-5-9955-0024-7

9 785995 500247 >

